Р.С. - 1902 г.
Сентябрь

№ 2133

ЖС 1/45

MAY 1903

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIII-й. СЕНТЯБРЬ. 1902 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Русская жизнь въ началѣ XIX в. Н. Дубровина. 449—471
II. Французскій іезуитъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи. П. Пирлинга..... 473—483
III. Изъ разсказовъ А. О. Смирновой о Н. В. Гоголѣ. Пав. Висковатова. 485—492
IV. Русская журналистика въ 1849—1874 гг. (Изъ бумагъ М. В. Авдѣева). Сообщила К. Четверикова. 493—512
V. Монастырская реформа въ Царствѣ Польскомъ. Д. Г. Анучина..... 513—532
VI. Великій князь Константинъ Павловичъ и его дворъ. (1810—1833)..... 533—546
VII. Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ и его патріотическія стихотворенія.... 547—548
VIII. Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева. 549—568
IX. Дипломатическіе переговоры передъ Восточною войною 1853 — 1856 гг. В. В. Тимощукъ.... 569—597
X. Фотій и гр. А. Орлова-Чесменская. (По подлиннымъ неиздан. письмамъ). А. Слезскинскаго. 599—613
XI. Изъ переписки М. Н. Загоскина: VIII. Письма разныхъ лицъ. Сообщ. И. А. Бычковъ..... 615—633
XII. 1838 годъ въ Петербургѣ. (По дневнику П. Г. Дивова)..... 635—650
XIII. Къ біографіи Н. В. Гоголя. Сообщ. В. И. Шенрокъ..... 651—652
XIV. Записная книжка „Русской Старины“: Исправленіе коляски гр. Аракчеева (стр. 472).—Письмо А. Тургенева—Павлу Александровичу Галахову объ изданіи книги М. М. Сперанскаго «О подражаніи Христу». 27-го марта 1823 г. (484). — Отказъ императора Александра произвести въ коллежскіе ассесоры безъ экзамена. Сообщилъ Н. Мурзановъ (598). — Камень съ природой начертаннымъ изображеніемъ императрицы Екатерины II. Сообщилъ В. Н. Строевъ (614).—Рескриптъ императора Александра I графу Ростопчину по поводу письма его о слухахъ и безпорядкахъ въ провинціи. 2-го января 1807 года (634).
XV. Библіографич. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ И. А. Бычковъ.
2) Портретъ Михаила Васильевича Авдѣева.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1902 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 39.
1902.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1902 года.

Библіографическій листокъ.

Къ столѣтію Комитета Министровъ (1802—1902). Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ. Томъ второй. Часть 1-я. Комитетъ Министровъ въ царствованіе императора Николая Перваго (1825 г. ноября 20—1855 г. февраля 18). Составилъ С. М. Середонинъ. Изданіе Канцеляріи Комитета Министровъ СПБ. 1902 г.

Второй томъ разсматриваемаго нами труда С. М. Середонина заключаетъ въ себѣ обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ за время царствованія императора Николая Павловича.

Съ самаго начала царствованія дѣла законодательнаго характера изъяты были изъ вѣдѣнія Комитета, но это обстоятельство не умалило значенія Комитета и не уменьшило интереса дѣлъ, разсмотрѣнныхъ и принятыхъ имъ.

Въ глазахъ императора Николая I Комитетъ Министровъ былъ такимъ же совѣщательнымъ при немъ учрежденіемъ, какимъ былъ при императорѣ Александрѣ Павловичѣ, и пользовался особымъ его довѣріемъ; поэтому сначала на меморіяхъ, а съ 1830 г. на журналахъ Комитета находится очень много резолюцій императора Николая I, самая форма которыхъ часто указываетъ на характеръ отношеній императора къ Комитету; резолюціи эти, данныя по всевозможнымъ вопросамъ тогдашней жизни, позволяютъ вполнѣ возстановить нравственный обликъ этого монарха, его понятія, желанія, требованія и надежды.

Мы приведемъ нѣсколько такихъ резолюцій. Напр., по дѣлу объ утвержденіи завѣщанія жены генерала Раевскаго въ журналѣ былъ упомянутъ генералъ-маіоръ М. Ѳ. Орловъ; государь написалъ: «г.-м. Орлова нѣтъ, ибо онъ отставленъ по приговору верховнаго уголовнаго суда; стало, писать его должно отставнымъ». Одинъ журналъ былъ доставленъ государю днемъ раньше, чѣмъ слѣдовало; Николай I написалъ: «Зачѣмъ ко мнѣ присланы въ Четвергъ и прямо въ комнату, тогда какъ должно было прислать въ Пятницу по утру и чрезъ мою канцелярію?» Еще въ 1829 г., когда Николай Павловичъ недоволенъ былъ медленнымъ ходомъ дѣлъ по Комитету, онъ приказалъ на журналѣ 14-го мая этого года: «отнынѣ впредь противъ каждой статьи подъ опредѣленіемъ Комитета отмѣчать, котораго числа дѣло поступило въ Комитетъ». На другомъ журналѣ онъ приказалъ: «богохульныхъ словъ впредь никогда не помѣщать въ меморіи и оговаривать просто, что подсудимый употреблялъ богохульственныя слова».

Помѣты государя очень часто относились и къ содержанію журналовъ; такія помѣты обыкновенно встрѣчаются на отчетахъ сенаторовъ, губернаторовъ и другихъ лицъ; напр., на отчетѣ члена Государственнаго Совѣта Анненкова объ управленіи Сибири, противъ мѣста отчета, гдѣ говорится, что Анненковъ встрѣчалъ въ Сибири женщинъ, сосланныхъ туда за бродяжничество и клейменыхъ,—государь пишетъ: «Какъ это! изслѣдовать!», или объ арестантахъ, ошибочно отправленныхъ въ Сибирь и оттуда отсылаемыхъ на мѣсто назначенія, въ Бобруйскъ,—«повѣрить нельзя!!»; о женщинахъ, осужденныхъ въ каторжную работу въ рудникахъ и крѣпостяхъ,—«неимовѣрно!!!»; объ обращеніи личной повинности въ денежную, — «справедливо». Нѣсколько крестьянъ, прикосновенныхъ къ дѣлу объ убійствѣ и ограбленіи одного крестьянина и его работника, приговорены были Сенатомъ къ тѣлесному наказанію; изъ нихъ четверо оказались виновными въ лиходательствѣ, а одинъ въ лихоимствѣ, и за это были уже наказаны плетьми канцеляріею Колывано-Воскресенскаго завода. Сенатъ положилъ прибавить имъ еще по 20 ударовъ плетей каждому, съ чѣмъ согласился и Комитетъ. Государь написалъ: «Я на это не согласенъ, потому что съ одного вола двухъ шкуръ не деруть, а сдѣлать строгій выговоръ канцеляріи Колывано-Воскресенскаго горнаго начальства за самоуправство». Казачка Куликова, не смотря на свою беременность, бросилась въ Донъ и спасла тонувшаго мальчика. Государь повелѣлъ: «дать золотую медаль и тысячу рублей и сверхъ того похвальный сей поступокъ публиковать во всѣхъ вѣдомостяхъ. Если родитъ сына, воспитать на казенный счетъ, гдѣ мать пожелаетъ; а если родитъ дочь, то дать тысячу рублей въ приданое со дня рожденія. Сверхъ того хочу знать, отчего такъ поздно о томъ доносится» (случилось въ іюлѣ 1826 г., записано въ меморіи 5-го ноября 1827 г.).

Всѣ такія помѣты сообщались лицамъ и учрежденіямъ по принадлежности и служили основаніемъ какъ для новыхъ предложеній, сообразныхъ съ высочайшею волею, выраженною въ помѣтѣ, такъ и для дополнительныхъ донесеній и разслѣдованій.

Эпоха императора Николая I,—говоритъ г. Середонинъ,—тѣмъ существенно отличается отъ эпохъ, какъ предъидущей—императора Александра I, такъ и послѣдующей—императора Александра II, что въ продолженіе ея правительство стремилось улучшить положеніе государства и народа не столько общими реформами, сколько постоянными, но частными мѣрами, вводимыми къ тому же въ жизнь нерѣдко въ видѣ временныхъ правилъ; большая часть такого рода дѣлъ проходила чрезъ Комитетъ Министровъ. Таковы многочисленныя измѣненія въ положеніи сословій, различныя попытки поставить тверже продовольственное дѣло,—организаціей ли общественныхъ работъ, устройствомъ ли общественныхъ запашекъ; таковы разнообразныя измѣненія въ устройствѣ дорожной и почтовой повинностей, равно какъ въ устройствѣ откупной системы, столь сильно вліявшей на всѣ тогдашнія отношенія.

Измѣненія въ устройствѣ Комитета начались тотчасъ по смерти его основателя: уже 10-го декабря 1825 г. графъ Аракчеевъ уво-

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ТВЕРСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ

дозв. ценз. спб., 26 августа 1902 г. тип. тов. „общ. польза", Б. подъяч., д. 39.

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

АВДѢЕВЪ.

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XX [1]).

Дѣятельность Варшавскаго Общества любителей наукъ.—Мѣры, принятыя императоромъ Александромъ I для привлеченія поляковъ на свою сторону.—Инструкція князю Чарторыйскому и переписка съ нимъ.—Предположеніе императора Александра возстановить Польшу и принять титулъ короля Польскаго.—Признаніе княземъ Чарторыйскимъ плана этого неосуществимымъ.—Просьба его о пособіи.—Перемѣна въ его взглядахъ.—Назначеніе барона Биньона французскимъ агентомъ въ Варшаву.—Инструкція, ему данная.—Увѣренія Наполеона, что онъ не желаетъ ни возстановленія Польши, ни войны съ Россіею.

Неустройства въ Литвѣ, о которыхъ писалъ князь Чарторыйскій императору Александру, преувеличиваемыя поляками, и интриги, исходившія изъ герцогства Варшавскаго, возбуждали неудовольствіе и нерасположеніе къ русскому правительству. Варшавское Общество любителей наукъ всѣми силами старалось поддержать такое настроеніе населенія Западныхъ губерній Россіи. Не имѣя теперь нужды скрывать свои политическія цѣли, Общество постановило въ торжественныхъ собраніяхъ произносить и печатать похвальныя рѣчи въ честь своихъ членовъ и вообще соотечественниковъ, отличившихся на разныхъ поприщахъ дѣятельности. Такъ графъ Станиславъ Потоцкій, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, произнесъ рѣчь въ память и прославленіе храбрыхъ поляковъ, убитыхъ въ войну съ Австріею въ 1809 году.

[1]) См. „Русскую Старину“ 1902 г., августъ.

22-го іюня того же 1809 года графъ Феликсъ Лубенскій въ своей рѣчи выразилъ похвалу Обществу любителей наукъ и рядомъ съ этимъ порицаніе прусскому правительству, въ той части Польши, которая находилась подъ его властію.

— Будущіе роды,—сказалъ онъ,—удивятся твердому народному духу поляковъ, когда всѣ старанія были употреблены къ тому, чтобы его уничтожить; чтобы преобразовать насъ въ другой народъ и истребить не только передаваемую наслѣдникамъ нашимъ память объ ихъ предкахъ, но самый нашъ языкъ. Такая жестокость, неслыханная въ лѣтописяхъ міра, противная всѣмъ нравственнымъ чувствамъ, встрѣтила истинныхъ защитниковъ отечества въ васъ, ученые поляки, составляющіе это отечественное сословіе. Нынѣшняя народность наша сохраненіемъ своимъ обязана вамъ столько же, какъ и героямъ, доказавшимъ ее подвигами храбрости. Тогда какъ они въ разныхъ отдаленныхъ краяхъ прославляли имя и заявляли о существованіи поляка, вы, среди роднаго народа, съ мужествомъ, равнымъ ихъ мужеству, охраняли бытіе отчизны. Тогда предсѣдатель Албертранди, Чацкій, Колонтай, Оссолинскій, Пржимовскій, Богушъ, Сѣраковскій, Суровецкій и другіе, отыскиваніемъ въ лѣтописяхъ достопамятныхъ дѣяній поляковъ, утверждали въ сердцѣ поляка чувства народнаго достоинства. Тогда Сташицемъ объяснены свойства отечественной почвы и физическія перемѣны, происшедшія въ продолженіе вѣковъ на семъ великомъ позорищѣ доблестныхъ дѣлъ праотцевъ нашихъ. Тогда Нѣмцевичъ воспѣвалъ плачевныя пѣсни роднаго ему народа надъ гробомъ отечества; тогда Вороничъ почерпалъ изъ минувшихъ вѣковъ вдохновенныя предсказанія, подкрѣплявшія надежды наши. Все это дѣлалось не смотря на строгое за нами наблюденіе враговъ, неблагопріятствующихъ нашей народной славѣ и не безъ явной опасности, которой, однакожъ, не боялась подвергать себя добродѣтель поляковъ.

Высказавъ похвалы и другимъ членамъ Общества наукъ, ученымъ и художникамъ, труды которыхъ служили къ усиленію національнаго чувства, графъ Лубенскій такъ закончилъ свою рѣчь:

— Я не имѣю возможности изобразить всѣхъ совершонныхъ или по крайней мѣрѣ начатыхъ дѣлъ и наименовать какъ всѣхъ членовъ Общества, оказавшихъ наукамъ и отечеству услуги, такъ равно о тѣхъ, которые соревновали имъ въ семъ благородномъ предпріятіи. Духъ нашего Общества сдѣлался, въ короткое время, духомъ всѣхъ людей съ талантами: онъ служитъ выраженіемъ всеобщаго національнаго чувства.

Подобныя рѣчи и вообще дѣятельность Общества любителей наукъ увлекала поляковъ и вызывала ихъ благодарность.

«Отдѣленный дальними предѣлами государства,—писалъ волынскій

помѣщикъ графъ Иванъ Тарновскій предсѣдателю Общества Сташицу [1]),—я съ удовольствіемъ и удивленіемъ смотрѣлъ на усилія монхъ собратьевъ, изъ коихъ одни старались сохранить языкъ и духъ народный, другіе стремились обрѣсти на поприщѣ славы прежнее отечество. Наконецъ, наступило то время, когда на могилахъ Обертина и на поляхъ подъ Тарновомъ воскрешена память вѣка Сигизмундовъ: тогда я не могъ остаться праздным свидѣтелемъ такихъ благородныхъ усилій и прибылъ сюда со множествомъ юношей изъ земли братьевъ, кои стонутъ подъ чужимъ владычествомъ насилія».

Получивъ это письмо и желая имѣть еще одного горячаго дѣятеля въ русскихъ владѣніяхъ, Общество любителей наукъ поторопилось избрать графа Тарновскаго въ свои члены. Благодаря за избраніе, онъ писалъ [2]), что Общество, содѣйствуя сохраненію языка «въ несчастнѣйшую эпоху уничтоженія польскаго имени, приготовило свѣтлые дни возрожденія поляковъ, распространило любовь къ наукамъ и стараніе о сохраненіи отечественной славы и народныхъ памятниковъ».

Вообще Общество имѣло большое вліяніе на поляковъ нашихъ западныхъ губерній [3]).

Впрочемъ, не однѣми рѣчами Общество наукъ стремилось возбудить патріотическое настроеніе. Въ дѣлахъ его сохранились стихи перваго его предсѣдателя епископа Албертранди, въ которыхъ онъ, осмѣивая сперва союзъ Россіи съ Австріею, потомъ Россіи съ Пруссіею, превозноситъ могущество и побѣды Наполеона и называетъ

---

[1]) Отъ 4-го марта 1810 г. Взглядъ на дѣйствія бывшаго Варшавскаго общества любителей наукъ (рукопись).

[2]) Отъ 18-го января 1811 года, тамъ же.

[3]) Въ 1812 году помѣщикъ Кіевской губерніи графъ Венцеславъ Ржевускій издалъ книгу: „Les mines d'Orient“; посылая ее Варшавскому обществу, онъ писалъ 29-го октября 1811 г.: „Вы, которые рѣшились первые сохранить въ языкѣ и наукахъ остатки отечества; вы, которые пеклись о томъ, чтобы во время разрушенія отечества не утратить славы предковъ и распространить просвѣщеніе—будьте судьями моего предпріятія“.

Въ мартѣ 1812 года въ Обществѣ обсуждался присланный Чацкимъ проектъ устава для Кіевской гимназіи. Чацкій находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Обществомъ: присылалъ ему на разсмотрѣніе не только проекты уставовъ для учебныхъ заведеній въ присоединенныхъ отъ Польши губерній, но и всѣ свои предположенія, клонившіяся къ сохраненію польскаго языка и памяти гражданскихъ и семейныхъ добродѣтелей предковъ.—Въ 1814 году, по возвращеніи въ Варшаву графа Викентія Красинскаго, Общество наукъ встрѣтило его, какъ своего члена, привѣтственною похвальною рѣчью. Красинскій отвѣчалъ, что дѣятельность Общества настолько плодотворна, что если бы къ несчастію погибло отечество, то онъ нашелъ бы его въ семъ Обществѣ.

*

Австрію несчастною, Пруссію—хищною, а русскихъ—кровожадными дикарями и отсылаетъ ихъ на холодный Сѣверъ и въ степи.

Членъ Общества Суровецкій пошелъ еще далѣе. Онъ подалъ предсѣдателю Сташицу проектъ выбитія медали въ память паденія и возстановленія Польши. Онъ предлагалъ поражаемую Св. Георгіемъ Побѣдоносцемъ змѣю превратить въ изображеніе Россіи и представить ее гидрою о трехъ головахъ, поражаемыхъ на Дунаѣ, Эльбѣ и Вислѣ громами Французскаго орла. Къ этому орлу, по его призыву, прилетаетъ польскій Бѣлый орелъ съ намѣреніемъ раздавить сію гидру (Россію), уже выпускающую въ судорожныхъ движеніяхъ гербъ Литвы, который она прежде сильно придерживала ногою. Наконецъ, Нѣмцевичъ представилъ Обществу для изданія свои «Литовскія письма», написанныя въ духѣ враждебномъ Россіи.

Все это горячило, живило и возбуждало поляковъ нашихъ Западныхъ губерній. Они, въ особенности привилегированное сословіе, приготовлялись ко всеобщему движенію. Орудіемъ для исполненія своихъ замысловъ польскіе паны употребляли іезуитовъ, ксендзовъ и женщинъ, всегда слѣдовавшихъ во главѣ политическихъ движеній. Подъ вліяніемъ ихъ явились восторженные патріоты, говорившіе пламенныя рѣчи. Общее настроеніе выразилось прежде всего тѣмъ, что многіе надѣли конфедератки и красныя шапки, воздавая тѣмъ честь цвѣту, носимому бывшими польскими королями.

Такое положеніе дѣлъ и полученныя извѣстія, что Наполеонъ въ тайнѣ готовится къ военнымъ дѣйствіямъ, заставили императора Александра сдѣлать новую попытку къ привлеченію поляковъ на свою сторону.

«Настоящія обстоятельства,—писалъ онъ князю Чарторыйскому [1]),—кажутся мнѣ весьма важными. Мнѣ кажется, пришла минута доказать полякамъ, что Россія не есть ихъ врагъ, но скорѣе ихъ истинный, естественный другъ; что не смотря на то, что имъ представляютъ Россію какъ единственное препятствіе, существующее къ возстановленію Польши, нѣтъ напротивъ невѣроятности въ томъ, чтобы именно она-то его не осуществила. То, что я вамъ говорю, быть можетъ, удивитъ васъ; но повторяю, что ничто не можетъ быть вѣроятнѣе, и обстоятельства кажутся мнѣ изъ самыхъ благопріятныхъ для развитія мысли, которая прежде была моею любимою мыслію, которую я два раза долженъ былъ отсрочить подъ давленіемъ обстоятельствъ, но которая, тѣмъ не менѣе, запала мнѣ въ душу. Никогда не представлялось къ тому болѣе удобной минуты».

---

[1]) Въ письмѣ отъ 25-го декабря 1810 г. „Русскій Арх.“ 1871 г., т. I, стр. 792—797.

Но прежде чѣмъ высказываться опредѣленно, Александръ просилъ князя Чарторыйскаго доставить ему самыя подробныя свѣдѣнія: о настроеніи умовъ въ герцогствѣ Варшавскомъ, о томъ, присоединятся ли поляки къ той державѣ, которая пожелала бы войти въ ихъ интересы съ искреннимъ сочувствіемъ и содѣйствовала бы возрожденію ихъ отечества, или же существуетъ въ этомъ отношеніи разномысліе и нельзя разсчитывать на единодушіе и желаніе «поспѣшно схватиться за первый случай, который имъ представится къ возстановленію Польши?»

Александръ желалъ знать, какія партіи существуютъ въ герцогствѣ, кто станетъ во главѣ ихъ? единодушна ли армія и кто именно имѣетъ на нее вліяніе? «Таковы важнѣйшіе изъ вопросовъ,—прибавлялъ императоръ,—которые считаю нужнымъ предложить вамъ въ эту минуту. Какъ только я получу ваши отвѣты, я еще болѣе откроюсь передъ вами.

«Что касается до этого письма, то если вы подумаете, что оно написано для того, чтобы вліять на умы и быть распространеннымъ подъ рукою, то вы совершенно не достигнете цѣли, которую я себѣ поставилъ, и на счетъ его содержанія должна быть соблюдена ненарушимая тайна. Полагаю, что достаточно знаю ваши ко мнѣ чувства, чтобы съ довѣріемъ положиться на вашу осторожность. Впрочемъ предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, слишкомъ долженъ интересовать васъ для того, чтобы я не былъ увѣренъ въ стараніи, которое вы приложите къ тому, чтобы не испортить дѣла, которому ваша родина будетъ обязана своимъ возрожденіемъ, Европа—своимъ избавленіемъ, а вы лично—славою и наслажденіемъ, которыя принесетъ вамъ содѣйствіе оному, чѣмъ вы докажете, что все ваше личное поведеніе было послѣдовательно и что тѣ изъ вашихъ, которые разсчитывали на васъ въ прежнее время, не ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. Если вы мнѣ поможете, и если свѣдѣнія, которыя вы сообщите мнѣ, будутъ такого свойства, что подадутъ мнѣ надежду на единодушное содѣйствіе варшавцевъ, въ особенности въ арміи къ возстановленію ихъ родины, откуда бы ни пришла помощь, такомъ случаѣ успѣхъ, съ Божіею помощью, не подлежитъ сомнѣнію: ибо онъ основанъ не на надеждѣ найти противовѣсъ талантамъ Наполеона, но единственно на недостаткѣ силъ, коимъ онъ будетъ страдать, въ сочетаніи со всеобщимъ ожесточеніемъ умовъ противъ него во всей Германіи.

«Вотъ, что я имѣлъ вамъ сказать. Обдумайте хладнокровно всю важность моихъ сообщеній. Подобная минута не повторяется; всякая другая комбинація приведетъ лишь къ безконечной борьбѣ, на жизнь и смерть, между Россіею и Франціею, борьбѣ, поприщемъ которой будетъ ваша несчастная родина. И такъ какъ поддержка, на которую начнутъ разсчитывать поляки, связана лишь съ личностью Наполеона, который

однако невѣченъ, то въ случаѣ перемѣны личности произошли бы гибельныя для Польши послѣдствія, между тѣмъ какъ существованіе вашей родины будетъ упрочено немедленно, когда сочетаніемъ Россіи съ державами, которыя немедленно къ ней присоединятся, нравственная сила Франціи будетъ опрокинута и Европа освобождена отъ ея ига».

Давая Чарторыйскому указанія, что желаемыя свѣдѣнія могутъ быть собраны путемъ разговоровъ съ вліятельными лицами, истинными патріотами и, наконецъ, какъ предполагалъ и самъ Чарторыйскій поѣздкою, подъ предлогомъ отпуска и лѣченія болѣзни, въ Варшаву, императоръ Александръ набросалъ ему собственноручно инструкцію на этотъ случай,—подъ заглавіемъ: «Мѣры, относящіяся до поляковъ». Въ инструкціи этой было сказано [1]):

«1) Во всю поѣздку стараться привлечь ихъ къ себѣ; для сего

2) Приглашать ихъ къ себѣ на обѣды, входить съ ними въ разговоры о ихъ положеніи, о желаніи правительства (русскаго) всѣми способами оное улучшить. Сравнивать оное съ положеніемъ Варшавскаго герцогства, вселить въ нихъ мечту о присоединеніи онаго нѣкогда къ Россіи. Возбуждать въ нихъ недовѣріе къ Франціи и къ пустымъ ея обольщеніямъ;

3) Посѣщать нѣкоторыхъ изъ болѣе значущихъ;

4) Сыновей помѣщать въ Пажескій корпусъ, взрослыхъ же ко двору, въ войска, къ дѣламъ гражданскимъ и проч.;

5) Найти способъ помѣстить нѣкоторыхъ въ чиновники по россійскимъ губерніямъ;

6) На границѣ приглашать и угощать варшавскихъ генераловъ и офицеровъ, увѣряя ихъ въ добрыхъ расположеніяхъ правительства (русскаго) къ ихъ существованію;

7) Если будетъ способъ увидѣться съ Понятовскимъ, то

8) Попытаться надъ нимъ, взойдя съ нимъ въ разсужденіе о трудности возобновленія Польши посредствомъ Франціи, о жестокой войнѣ, изъ сего имѣющей неминуемо послѣдовать, о разореніи всего края и о жестокихъ способахъ, которые Россія принуждена будетъ принять въ свою защиту; напротивъ того,

9) Если поляки предадутся Россіи, то существованіе ихъ не сумнительно. Силы соединенныя Россіи съ герцогствомъ Варшавскимъ,—и Пруссія, конечно, будетъ содѣйствовать,—достаточны противустать Франціи. Умы же Германіи такъ раздражены противъ Наполеона, что они ожидаютъ единственно удобнаго случая возстать противу его. Тогда

---

[1]) Черновая написана собственноручно Александромъ карандашемъ и хранится въ архивѣ Собственной Его Величества библіотеки, шк. 113, полка 4, въ дѣлѣ подъ заглавіемъ: „Correspondance de S. M. l'Empereur Alexandre I avec le prince Adam Czartoryski“.

картина Европы совсѣмъ перемѣнится: Франція теряетъ ту моральную силу, которой она болѣе владѣла надъ Европою, нежели силою военною.

«Польша возстановляется съ присоединеніемъ ея къ Россіи. Австрія вознаграждается Валахіею, частью Молдавіи и своими старыми владѣніями, какъ-то: Далмаціею, Венеціею, частью Италіи и Тиролемъ.

«Пруссія можетъ получить отъ Вестфальскаго королевства; Баварія въ замѣну Тироля—Кассель.

«Не позволительно ли даже надѣяться, что когда согласіе между Россіею и герцогствомъ Варшавскимъ будетъ тѣсно утверждено, что Австрія, бывъ объ этомъ извѣщена, приступитъ съ своей стороны къ содѣйствію. Можетъ быть, Баварія и Виртембергъ послѣдуютъ сему же примѣру. Но даже если сіи двѣ послѣднія державы согласятся единственно на совершенное бездѣйствіе, то и сего уже довольно, дабы привести Францію въ самое опасное положеніе. Извѣстно, что французскихъ войскъ болѣе 60.000 не имѣется въ Германіи и Голландіи. Бывъ внезапно атакованы, потерявъ своихъ союзниковъ, можно надѣяться, что успѣхъ будетъ совершененъ.

10) Если сіи и подобныя разсужденія потрясутъ мнѣніе князя Понятовскаго и будутъ имъ приняты, то

11) Приготовить бумаги по сему и согласиться съ нимъ о дѣйствіяхъ;

12) Взойти немедленно въ сношеніе съ Австріею и Пруссіею черезъ письма къ государямъ обѣихъ сихъ державъ».

Къ этой соблазнительной инструкціи императоръ Александръ прибавлялъ въ письмѣ князю Чарторыйскому отъ 25-го декабря: «Вотъ минута, въ которую вы въ первый разъ можете сослужить вашей родинѣ дѣйствительную службу. Ожидаю вашего отвѣта съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ. Для того, чтобы не возбудить толковъ, вы можете послать его въ Пулавы, черезъ нарочнаго въ Брестъ, адресуя его гродненскому губернатору Ланскому, который получитъ приказаніе позаботиться о пересылкѣ всего, что отъ васъ прибудетъ; или же всякимъ инымъ путемъ, который вы сочтете наиболѣе вѣрнымъ. Весь вашъ сердцемъ и душою.

«Тысячу привѣтовъ вашимъ родителямъ и сестрамъ, а также вашему брату».

Чарторыйскій отвѣчалъ[1]), что Александръ «въ письмѣ своемъ, столь же хорошо написанномъ, какъ и придуманномъ», уже столь мудро разобралъ общій вопросъ, ихъ занимающій, что ему остается только отвѣчать на заданные вопросы. «Въ обществѣ и арміи,—говорилъ онъ,—господствуетъ единодушіе въ намѣреніяхъ и цѣляхъ, т. е.

---

[1]) Въ письмѣ 18-го (30-го) января 1811 г. „Русскій Архивъ“ 1871 г., т. I, стр. 798.

въ возстановленіи Польши, соединеніи всѣхъ ея частей воедино, подъ національнымъ и конституціоннымъ правительствомъ; что для этой цѣли поляки охотно пойдутъ за тѣмъ, кто дастъ имъ прочную увѣренность и обезпечитъ болѣе въ успѣхѣ, чѣмъ представляется настоящая ихъ связь съ Франціею».

Сдѣлать это, по мнѣнію Чарторыйскаго, было однако же довольно трудно потому, что Наполеонъ успѣлъ увѣрить поляковъ, что только безусловная невозможность, а не недостатокъ доброй воли, помѣшала ему возродить ихъ отечество и что при первой войнѣ съ Россіею Польша будетъ возстановлена.—Къ этой увѣренности присоединялась и благодарность поляковъ Наполеону за то, что онъ уже для нихъ сдѣлалъ; за ту долю самостоятельности, которую онъ создалъ, которая хотя не прочна, если ничѣмъ не будетъ дополнена, однако, считается первымъ и весьма важнымъ шагомъ.

По мнѣнію князя Чарторыйскаго, едва-ли поляки обратятъ оружіе противъ Наполеона еще и потому, что между польскими и французскими войсками возстановилось братство по оружію; что французы всегда считались друзьями поляковъ, а русскіе напротивъ,—злѣйшіе ихъ враги, какъ по политикѣ, такъ и по личной ненависти. Для того, чтобы побѣдить такія трудности, необходимо привести въ дѣйствіе весьма сильныя побужденія и средства.

«Конституція, законы,—писалъ Чарторыйскій,—и правительство независимые, всѣ должностныя лица изъ туземцевъ и національное войско кажутся мнѣ поэтому необходимыми предварительными условіями, ибо все это суть преимущества, коими уже пользуется герцогство, и наиболѣе дорожитъ вся нація. Мысль объ иностранномъ управленіи, которое не имѣетъ ни привязанности, ни доброжелательства къ управляемымъ, всегда обращается съ ними, какъ побѣдитель съ побѣжденными, которое по необходимости надменно и привязчиво,—эта мысль самая несносная для поляковъ, какъ и для всякаго другаго народа».

Характеризуя такъ русское правительство и отношенія поляковъ къ Россіи, князь Чарторыйскій прибавлялъ, что если бы ко всѣмъ его требованіямъ было обѣщано значительное увеличеніе благосостоянія, которое было бы признано варшавскимъ правительствомъ, арміею и всею націею, «то мнѣ кажется, что три слѣдующіе пункта были бы всего способнѣе произвести желаемое дѣйствіе: 1) Конституція 3-го мая 1791 г. запечатлѣна неизгладимыми чертами въ сердцахъ всѣхъ поляковъ. Провозгласивъ ее, можно было бы ожидать объединенія всѣхъ желаній. 2) Соединеніе всего, что есть Польша, подъ однимъ скипетромъ, для того чтобы положить конецъ тому печальному положенію вещей, при которомъ родственники, братья, люди, которые не могутъ не считать себя согражданами, одно и то же лицо, когда оно имѣетъ

помѣстья въ разныхъ владѣніяхъ, отчуждаются другъ отъ друга и отъ самихъ себя, будучи вынуждены повиноваться разнымъ государямъ, исполнять противорѣчивыя обязанности и, принадлежа къ одному народу, къ одному семейству, однако, разлучены болѣе чѣмъ жестоко, чѣмъ если бы ихъ раздѣляли моря или горы. Повѣрьте, государь, что подать полякамъ другихъ странъ надежду на возсоединеніе и на общее обезпеченіе ихъ участи есть средство наиболѣе способное подѣйствовать на настроеніе поляковъ въ герцогствѣ. 3) Открыть и обезпечить пути для торговли, безъ которой эта страна, при теперешнемъ ея истощеніи, никогда не можетъ подняться.

«Когда хочешь результатовъ,—прибавляетъ наставительно князь Чарторыйскій,—надо хотѣть и средствъ, и эти средства могутъ быть дѣйствительны лишь тогда, когда они указаны знаніемъ цѣли, къ коей должны они вести. Тѣ, которые хотятъ извлечь изъ поляковъ возможную пользу, должны удовлетворить единодушному желанію, которое не перестаетъ одушевлять эту націю и сдѣлалось еще пламеннѣе отъ ея прошлыхъ несчастій и нѣкоторыхъ недавнихъ успѣховъ. Съ этою націею слѣдуетъ обращаться великодушно и честно, ибо поляки, при несомнѣнныхъ недостаткахъ, одарены всѣми великими качествами, зависящими отъ сердца и воображенія. Они способны цѣнить и заслуживать самый великодушный образъ дѣйствій. Чѣмъ больше имъ будетъ оказано довѣрія, тѣмъ болѣе можно будетъ на нихъ положиться. Чѣмъ болѣе имъ сдѣлано будетъ добра, тѣмъ способнѣе будутъ они на самопожертвованіе въ пользу своего благодѣтеля. Для того, чтобы привязать къ себѣ поляковъ, слѣдовало бы обращаться съ ними, какъ съ націею, отъ которой ожидаешь великихъ, немедленныхъ услугъ и которой въ будущемъ имѣетъ быть ввѣрена защита передовой пограничной линіи Имперіи.

«Однимъ словомъ, это дѣло не легкое. Не полумѣрами, не полупризнаніями можно надѣяться превратить вдругъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, недовѣріе и ненависть въ энтузіазмъ и привязанность».

Пользуясь заявленіемъ императора Александра открыться еще болѣе въ будущемъ, князь Чарторыйскій настаивалъ, чтобы государь сдѣлалъ это теперь.

— Мнѣ необходимо,—говорилъ онъ,—прерывать молчаніе, ибо если я буду все держать про себя, мнѣ нельзя будетъ присовокупить ничего къ гадательнымъ разсужденіямъ моего нынѣшняго письма. Мнѣ очень жаль, что ваше величество не сообщили мнѣ съ бо́льшею полностью подробности вашего плана, хочу сказать тѣхъ выгодъ, на которыя могутъ разсчитывать поляки, того способа, которымъ осуществится дѣло; ибо въ виду болѣе положительныхъ данныхъ я могъ бы

и отвѣтить вамъ съ бо́льшею увѣренностію. Быть можетъ, эти подробности могли бы снабдить меня непобѣдимыми доводами для убѣжденія тѣхъ, которымъ придется выбирать между согласіемъ и отказомъ. Во всякомъ случаѣ, лишь ясно выраженныя и обезпеченныя условія могли бы разсѣять сомнѣнія и быстро привести къ окончательному отвѣту.

«Соблаговолите, государь, вспомнить,—прибавляетъ онъ,—что соединеніе всѣхъ частей Польши есть одно изъ необходимѣйшихъ условій для покоренія общественнаго мнѣнія въ герцогствѣ, и въ этомъ отношеніи слѣдуетъ, въ свое время, вспомнить и объ остальной Галиціи. Чтобы это дѣло пришло къ счастливому концу, желательно, чтобы все было предвидѣно заранѣе, условлено и обезпечено, чтобы Польша знала положительно, чего можетъ она ожидать отъ вашего величества и чтобы ваше величество, съ вашей стороны, знали, чего можете вы требовать отъ поляковъ, такъ, чтобы во всемъ этомъ не было ни обмана, ни разочарованія съ той или другой стороны. Вообще, для того, чтобы привлечь умы, слѣдовало бы придать дѣлу форму самую искреннюю. Что касается меня лично, то, если благодѣтельныя намѣренія вашего величества относительно Польши не смогутъ осуществиться, и если ваша политика потребуетъ, чтобы вы отнеслись къ этой странѣ съ суровостію врага, то вы легко поймете, сколь мало, при этомъ жестокомъ предположеніи, я могу быть вамъ полезнымъ, и какъ долженъ я буду желать удаленія отъ службы странѣ, даже невольно довершающей гибель моей родины. Съ другой стороны, если планъ вашего величества удастся, то мнѣ кажется, что я сослужу лучшую службу общему дѣлу, въ качествѣ поляка, чѣмъ въ качествѣ лица, состоящаго на русской службѣ».

На это рѣзкое письмо Александръ отвѣчалъ Чарторыйскому [1]):

«Трудности, представляемыя вами, весьма значительны, сознаюсь въ томъ; но такъ какъ я ихъ по большей части предвидѣлъ, и имѣются въ виду столь важные результаты, то остановиться на полъ-пути было бы всего хуже. Вдумываясь старательно въ ваши письма, я счелъ себя въ правѣ вывести изъ сего относительно вашихъ воззрѣній слѣдующія главныя заключенія:

«1) Неувѣренность съ вашей стороны насчетъ той державы, которою должно совершиться возстановленіе Польши.

«2) Такая же неувѣренность въ самомъ свойствѣ этого возрожденія и боязнь, чтобы не воспротивились сліянію воедино всего того, что́ прежде составляло Польшу.

---

[1]) Въ письмѣ отъ 31-го января 1811 г. „Русскій Архивъ“ 1871 г., т. I, стр. 815.

«3) Необходимость предложить полякамъ, чтобы привлечь ихъ на свою сторону, увѣренность въ положеніи вещей лучшемъ, чѣмъ настоящее.

«Все это пункты, на которые считаю нужнымъ отвѣчать прежде всего, предоставляя себѣ коснуться остальныхъ въ продолженіе этого письма.

«1) Держава, о которой я говорилъ, которая хочетъ взять на себя возрожденіе Польши, есть Россія.

«2) Подъ этимъ возрожденіемъ разумѣю соединеніе всего того, что прежде составляло Польшу со включеніемъ русскихъ областей, за изъятіемъ Бѣлоруссіи, такъ чтобы границами были Двина, Березина и Днѣпръ.

«3) Чиновники правительства, власти гражданскія, такъ же, какъ и армія, должны быть національно-польскія.

«4) Не помню хорошо конституціи 3-го мая, не могу рѣшить ничего, не видавши ея и прошу васъ ее мнѣ прислать. Во всякомъ случаѣ предполагается конституція либеральная, которая могла бы удовлетворить желаніямъ жителей.

«5) Чтобы доказать искренность моихъ предложеній, всему должно предшествовать провозглашеніе возстановленія Польши, и этимъ дѣломъ должно начаться осуществленіе плана.

«6) Но эти результаты я предлагаю подъ слѣдующими условіями sine qua non:

«а) чтобы Польское королевство навсегда было присоединено къ Россіи, императоръ коей впредь будетъ носить титулъ императора Россіи и короля Польши.

«б) Формальное и положительное удостовѣреніе въ единодушіи жителей герцогства относительно достиженія этого результата, которое должно быть скрѣплено подписью лицъ наиболѣе вліятельныхъ».

Александръ говорилъ, что для него одно затрудненіе представляетъ Галиція, принадлежащая Австріи, которую необходимо щадить и ни въ чемъ съ нею не сталкиваться. «Въ этихъ видахъ я рѣшился предложить ей Валахію и Молдавію до Серета, въ обмѣнъ Галиціи. Но необходимо было бы отсрочить присоединеніе Галиціи до полученія согласія отъ Австріи, чтобы доказать ей, что противъ нея не имѣется враждебныхъ видовъ. Слѣдовательно, Польское королевство будетъ составлено въ началѣ изъ герцогства Варшавскаго и изъ русскихъ областей».

Разбирая вопросъ: что выгоднѣе для поляковъ, присоединиться ли къ Россіи или перейти на сторону Наполеона, Александръ I, конечно, отдавалъ предпочтеніе первому событію. Въ случаѣ если Наполеонъ не объявитъ войны Россіи, то возрожденіе Польши будетъ отсрочено

на отдаленное и весьма неопредѣленное время. «Если онъ нападетъ на Россію и провозгласитъ возрожденіе Польши, то она обниметъ лишь герцогство Варшавское, ибо для увеличенія ея предѣловъ ему нужно будетъ силою оторвать польскія области, принадлежащія Россіи. Между тѣмъ эти послѣднія и герцогство, сдѣлавшись театромъ военныхъ дѣйствій, будутъ обращены въ обширную пустыню, и жители будутъ несчастными жертвами войны».

По словамъ Александра, совсѣмъ иное произойдетъ, если поляки присоединятся къ Россіи.

«Неминуемыя послѣдствія того, — писалъ онъ, — были бы слѣдующія:

«1) Возрожденіе Польши, вмѣсто того, чтобы быть отсроченнымъ, будетъ предшествовать всякому другому событію.

«2) Возрожденіе это распространится и на Варшавское герцогство и на присоединенныя къ нему русскія области, при надеждѣ, довольно положительной, на присоединеніе къ нимъ и Галиціи.

«3) Театръ войны, вмѣсто того, чтобы находиться въ сердцѣ Польши, будетъ перенесенъ на Одеръ [1]).

«Таковы послѣдствія неминуемыя, а вотъ послѣдствія вѣроятныя:

«1) Совершенный переворотъ въ общественномъ мнѣніи Европы.

«2) Весьма замѣтное уменьшеніе въ силахъ Наполеона и черезъ то вѣроятность успѣха.

«3) Избавленіе отъ ига, подъ которымъ томится Европа.

«4) Польша, сдѣлавшаяся вновь королевствомъ, государствомъ, связаннымъ съ сильною имперіею, силы коей, въ собственномъ ея интересѣ, всегда будутъ готовы къ защитѣ Польши.

«5) Возстановленіе торговли, уничтоженіе нищеты, либеральная конституція, налоги, сообразные съ нуждами страны, а не такъ, какъ теперь, вымучиваемые единственно для содержанія слишкомъ многочисленнаго войска, вынужденнаго служить честолюбивымъ планамъ Наполеона...

«Такова картина нашего положенія, въ томъ видѣ, какъ она мнѣ представляется. Вотъ, вкратцѣ главныя ея черты:

«1) Пока я не буду увѣренъ въ содѣйствіи поляковъ, я рѣшился не начинать войны съ Франціею.

«2) Если этому содѣйствію поляковъ Россіи суждено осуществиться, нужно, чтобы я получилъ тому несомнѣнныя удостовѣренія

---

[1]) Въ случаѣ присоединенія къ Россіи войскъ герцогства Варшавскаго и Пруссіи, предполагалось дѣйствовать наступательно и достигнуть Одера, „не обнаживъ меча“.

доказательства: лишь тогда могу я дѣйствовать вышеизложеннымъ способомъ. И, въ этомъ случаѣ, нужно, чтобы вы прислали мнѣ всѣ бумаги, для этой цѣли нужныя, каковы прокламаціи, конституція и прочіе необходимые акты. Они могутъ быть изготовлены лишь въ герцогствѣ Варшавскомъ, ибо должны заключать въ себѣ множество подробностей здѣсь неизвѣстныхъ...

«Мнѣніе, что мнѣ слѣдовало бы принять титулъ короля Польскаго, распространяется въ Петербургѣ. Если, съ одной стороны, это даетъ мнѣ увѣренность, что эта мѣра будетъ принята съ одобреніемъ, то, съ другой, въ настоящую минуту, эти толки болѣе вредны, чѣмъ полезны, и я стараюсь, по возможности, положить имъ конецъ, утверждая, что дѣло это невозможно и несбыточно [1]).

«Я долженъ предупредить васъ, что мнѣ извѣстно изъ достовѣрнаго источника, что за вами надзираетъ парижскій министръ полиціи; итакъ удвойте осторожность и бдительность».

Письмо это было получено княземъ Чарторыйскимъ въ то время, когда онъ былъ уже въ Варшавѣ и имѣлъ возможность близко познакомиться съ положеніемъ дѣлъ и общественнымъ мнѣніемъ. Это знакомство привело его къ убѣжденію, что едва-ли можно считать осуществимыми предположенія императора Александра.

«Возстановленіе Польши,—писалъ Чарторыйскій [2]),—въ ея прежнихъ границахъ, подъ властію національнаго и конституціоннаго правительства составляетъ до сихъ поръ единодушное желаніе и единственную цѣль, къ которой стремится каждый полякъ герцогства. Но въ настоящее время еще невозможно вызвать внезапно убѣжденіе, въ особенности въ арміи, что эти желанія могли бы осуществиться, что эта цѣль могла бы быть достигнута, если бы мы (поляки) оставили Францію и присоединились къ Россіи. Такая полная перемѣна во мнѣніяхъ, взглядахъ, чувствахъ, во всѣхъ существующихъ отношеніяхъ не можетъ произойти внезапно; для того, чтобы произвести ее, необходимо время и извѣстное стеченіе обстоятельствъ, которыя подготовляютъ пути и облегчаютъ исполненіе.

«Такъ какъ Россія и Франція единственныя державы, которыя могутъ имѣть благое или пагубное вліяніе на судьбу Польши, то мнѣ было не трудно навести разговоръ на эту щекотливую тему и услышать, какъ сравнивали выгоды и невыгоды, какія можно было ожидать съ той и съ другой стороны».

---

[1]) Въ этихъ послѣднихъ словахъ виденъ тонкій дипломатъ, заметающій слѣдъ истинныхъ своихъ намѣреній и оставляющій себѣ путь отступленія.

[2]) Въ письмѣ изъ Пулавъ отъ 28-го февраля (12-го марта) 1811 г. Арх. Собственной Его Величества библіотеки, шкафъ 113, полка 4.

Эти доводы клонились на сторону Наполеона. Вѣра въ его геній, ловкость и счастіе не допускали въ полякахъ мысли, что онъ можетъ быть побѣжденъ, и въ то же время имъ трудно было освоиться съ мыслію, что Россія можетъ когда-либо желать добра Польшѣ и искренно предлагать возстановить ее. Признавая личныя качества императора Александра и его благія намѣренія, поляки говорили, что надо отличать личность русскаго государя отъ политики его правительства и отъ духа, господствовавшаго въ русской арміи. Послѣдняя всегда будетъ враждебна полякамъ, и вступленіе русскихъ войскъ въ Польшу будетъ равносильно ея разоренію; кампанія 1809 года доказала это.

— Если образуется новая коалиція противъ Франціи,—говорили поляки,—то какова бы ни была опасность, которой мы могли бы подвергнуться, во время этого страшнаго столкновенія, все же лучше быть на сторонѣ наиболѣе искуснаго полководца и того, кто доказалъ уже на дѣлѣ участіе, принимаемое имъ въ дѣлахъ Польши. Опытъ прошлаго долженъ наставить насъ относительно будущаго.

Были, конечно, и сторонники Россіи, понимавшіе всю выгоду присоединенія къ ней; но, касаясь этого вопроса, выражали сожалѣніе, что Александръ не воспользовался ранѣе представлявшимися ему случаями возстановить Польшу и привязать ее къ себѣ. Всѣ соглашались съ доказательствами о выгодахъ присоединенія къ Россіи только «до тѣхъ поръ,—писалъ Чарторыйскій,—пока вопросъ этотъ не выходитъ изъ области разсужденій и пожеланій относительно будущаго; но какъ только разговоръ коснется дѣйствій, какъ только является необходимость принять немедленное рѣшеніе, то превосходство Наполеона, не поколебленное до сихъ поръ никакимъ событіемъ, никакими стараніями одерживаетъ, само собою разумѣется, верхъ».

Чтобы уничтожить такое мнѣніе и привязанность поляковъ къ Наполеону, по мнѣнію князя Чарторыйскаго, необходима была совершенно иная система дѣйствій по сравненію съ той, которой слѣдовала Россія до сихъ поръ. Ей необходимо доказать свое доброжелательство не только къ подвластнымъ ей полякамъ, но и жителямъ Варшавскаго герцогства, доказать наглядно, что истинныя намѣренія Наполеона гораздо менѣе великодушны и менѣе доброжелательны, чѣмъ императора Александра. «Или же надобно,—говорилъ князь,—чтобы блистательныя побѣды сокрушили обаяніе, коимъ всѣхъ обворожилъ Наполеонъ, и чтобы поведеніе вашихъ войскъ при вступленіи въ страну и другіе тому подобные факты вызвали довѣріе къ образу дѣйствій и намѣреніямъ Россіи. Тогда прокламаціи вашего величества несомнѣнно были бы приняты съ радостію и восторгомъ и произвели бы то впечатлѣніе, какое ваше величество въ правѣ ожидать отъ нихъ».

На заявленіе императора Александра, что Наполеонъ не вѣченъ и что тогда будутъ дѣлать поляки, они отвѣчали:

— Тогда мы обсудили бы положеніе страны спокойно, не поддаваясь заблужденію и обратились бы въ ту сторону, гдѣ намъ предвидѣлись бы болѣе существенныя выгоды.

«Таковы наблюденія, сдѣланныя мною на мѣстѣ,—писалъ князь Чарторыйскій.—Я счелъ долгомъ повергнуть ихъ на благоусмотрѣніе вашего величества со всею возможною правдивостью и откровенностью. Они сводятся къ слѣдующему:

«Существовали неоднократно обстоятельства, когда отъ Россіи зависѣло возстановить Польшу и навсегда привязать ее къ себѣ; но такъ какъ эти случаи были упущены и ваше величество не могли, или не пожелали воспользоваться ими, то въ настоящее время положеніе дѣлъ таково, что оно не можетъ отвѣчать видамъ вашего величества въ особенности такимъ образомъ, какъ ваше величество высказываете въ вашемъ послѣднемъ письмѣ. Но случай, котораго нынѣ не существуетъ, легко можетъ представиться вновь и повести къ желаемымъ результатамъ. Въ переживаемое нами время событія слѣдуютъ одно за другимъ столь быстро и общественное мнѣніе подъ вліяніемъ этихъ событій такъ скоро измѣняется, что эта перемѣна можетъ произойти гораздо скорѣе, чѣмъ мы думаемъ».

Отказываясь доставить императору письменное удостовѣреніе въ томъ, что герцогство Варшавское будетъ содѣйствовать Россіи въ борьбѣ съ Наполеономъ, князь Чарторыйскій прибавлялъ:

«Если бы мнѣ пришлось сдѣлать выводъ изъ вышеприведенныхъ наблюденій, то, ограничиваясь въ своихъ разсужденіяхъ тѣмъ, что касается Польши, я могъ бы сказать, что этотъ выводъ сводится къ слѣдующимъ пунктамъ:

«Въ случаѣ, если бы ваше императорское величество признали нужнымъ не предпринимать никакихъ непріязненныхъ дѣйствій (противъ Наполеона), вамъ слѣдовало бы воспользоваться этимъ временемъ, чтобы, такъ сказать, пококетничать (se mettre en coquétterie) не только съ поляками присоединенныхъ губерній, но въ особенности съ герцогствомъ. Уже разнесся слухъ о благосклонномъ пріемѣ, оказанномъ вами недавно первымъ [1]), и это не пропадетъ даромъ. Но особенно сильное впечатлѣніе произвело бы все то, что касается благосостоянія губерній и ихъ національной самостоятельности.

«Съ другой стороны по распоряженію правительства ввозъ товаровъ въ Россію разрѣшается только черезъ таможни Полангена и Радзивилова. Распоряженіе это приводится какъ доказательство особаго

[1]) Пріемъ депутатовъ съ графомъ Огинскимъ во главѣ.

предпочтенія къ Пруссіи и Австріи и рѣшительнаго желанія разорить герцогство».

Посылая это письмо, князь Чарторыйскій вновь просилъ объ увольненіи его въ отставку, чтобы, не навлекая на себя подозрѣніе, имѣть возможность оказать бо́льшую услугу родинѣ и содѣйствовать въ исполненіи видовъ императора Александра.

«Высказывая въ своемъ предъидущемъ письмѣ свое сомнѣніе,—писалъ онъ императору Александру [1]),—въ томъ, что Наполеону могутъ быть неизвѣстны перемѣны, происшедшія во взглядахъ петербургскаго кабинета, единственною моею цѣлью при этомъ было убѣдить ваше величество, что нельзя основывать своихъ разсчетовъ на этомъ обстоятельствѣ, которое кажется мнѣ весьма сомнительнымъ. Я подозрѣваю даже, что Наполеону извѣстны планы вашего величества относительно Польши, чему, разумѣется, не мало способствуютъ толки петербургскаго общества.

«Еще до прочтенія тѣхъ свѣдѣній о парижской полиціи, которыя вашему величеству благоугодно было сообщить, мнѣ было уже извѣстно, что въ Варшаву прибылъ агентъ Савари, съ спеціальнымъ порученіемъ слѣдить за тѣмъ, не возникнетъ ли въ герцогствѣ русская партія, и присматривать за моею семьею и за мною въ особенности.

«Не говорили ли ваше величество что-либо откровенно г. Огинскому? ибо вслѣдствіе нѣсколькихъ вырвавшихся у него фразъ, онъ былъ въ большомъ подозрѣніи въ Парижѣ. Извѣстно также, что г. Рачинскій, проживающій въ Бреславлѣ, человѣкъ, никѣмъ не уважаемый и запятнанный во мнѣніи общества, котораго считаютъ какъ бы посредникомъ между Россіей и Пруссіей, намекалъ на какіе-то планы союзниковъ относительно Польши.

«Все это убѣдило меня въ томъ, что здѣсь находятся насторожѣ и что я легко могу быть скомпрометтированъ. Это заставило меня удвоить осторожность и поспѣшить отъѣздомъ изъ Варшавы, тѣмъ болѣе, что, проведя уже въ этомъ городѣ около мѣсяца, мнѣ было бы безполезно оставаться тамъ долѣе, и я не могъ бы узнать ничего, кромѣ того, что я уже повергнулъ на благоусмотрѣніе вашего величества...

«Позвольте мнѣ вновь обратиться къ вамъ съ просьбою объ увольненіи меня окончательно въ отставку. Эта формальность ни въ чемъ не измѣнитъ моихъ отношеній и моей преданности къ вашему величеству и избавитъ меня только отъ большихъ затрудненій, либо дастъ мнѣ возможность быть полезнѣе для вашего дѣла.

---

[1]) Въ письмѣ отъ 28-го февраля (12-го марта) 1811 года.

«Я всегда пламенно желалъ связать славу и интересы вашего величества и моей родины, и всегда былъ бы готовъ трудиться со всевозможнымъ рвеніемъ для достиженія этой двоякой цѣли. Такъ какъ за послѣднія пятнадцать лѣтъ у меня не было ни одного чувства, сокрытаго отъ вашего величества, то вамъ извѣстно, что все мое вниманіе, всѣ мои пожеланія должны быть обращены прежде всего на мое отечество. По странной случайности вашему величеству извѣстна въ этомъ отношеніи искренность моихъ чувствъ гораздо лучше, нежели нѣкоторымъ изъ моихъ соотечественниковъ, кои полагаютъ, что взглядами, высказанными мною, относительно польскихъ дѣлъ, руководятъ виды личнаго интереса и честолюбія, которые, по ихъ мнѣнію, будутъ лучше удовлетворены, если мы будемъ обязаны возрожденіемъ нашего отечества вашему величеству. Вотъ почему, если обстоятельства позволятъ и Польша будетъ возстановлена Россіей, было бы весьма кстати, чтобы я находился въ отставкѣ, такъ какъ это дало бы мнѣ несравненно болѣе возможности дѣйствовать и принести пользу общему дѣлу».

Отправляя это письмо, князь А. Чарторыйскій вложилъ въ конвертъ и другое отъ того же 28-го февраля (12-го марта), въ которомъ просилъ у императора ссуду въ 250.000 рублей.

«Первый разъ въ жизни,—писалъ онъ,—обращаюсь къ вашему величеству по денежному дѣлу и льщу себя надеждою, что ваше величество признаете побуждающій меня къ тому поводъ законнымъ.

«Мой братъ взялъ въ банкѣ на восемь лѣтъ ссуду въ 250.000 рублей. Когда насталъ срокъ платежа, мы разсчитывали отсрочить эту ссуду еще на восемь лѣтъ, но нашъ разсчетъ не оправдался, вслѣдствіе новыхъ мѣръ, принятыхъ во всѣхъ общественныхъ банкахъ, для остановки паденія ассигнацій. Меня уже не было въ то время въ Петербургѣ. Г. Ралль оказалъ намъ огромную услугу, уплативъ банку нашъ долгъ, ибо иначе заложенная земля была бы, какъ водится, секвестрована. Соблаговолите ли ваше величество устроить дѣло такъ, чтобы мнѣ не пришлось упрекать себя въ томъ, что я былъ хотя невольною причиною разоренія семьи, и чтобы Ралль не погибъ за оказанную мнѣ услугу».

Просьба эта была конечно не во-время, тогда, когда среди приготовленій къ военнымъ дѣйствіямъ, финансы наши были истощены, и требовались новые значительные расходы. Что отвѣчалъ на эту просьбу императоръ Александръ, мы не знаемъ, но знаемъ, что онъ прекратилъ переписку со своимъ другомъ, и князю Чарторыйскому пришлось самому возобновлять ее.

«Не получая давно уже никакихъ приказаній отъ вашего величества,—писалъ онъ [1]),—и видя, что личность, посланная мною въ Петер-

[1]) Отъ 12-го (24-го) іюля 1811 г. Арх. Собственной Его Величества библіотеки, шк. 113, полка 4.

Государственный фонд
Московской обл. библиотеки

бургъ, не возвращается, я рѣшился ѣхать немедленно на воды въ Силезію... Не получая никакихъ извѣстій отъ вашего величества, я полагаю, что ничего не упущу этой поѣздкой и не нанесу никакого ущерба вашимъ намѣреніямъ.

«Я могу прибавить къ моимъ послѣднимъ письмамъ не многое. Въ обществѣ начинаетъ распространяться убѣжденіе, что Польшѣ нечего ожидать отъ обѣщаній, сдѣланныхъ Наполеономъ, и что онъ не помышляетъ о возстановленіи ея въ томъ видѣ, какъ это могло бы удовлетворить поляковъ. Это убѣжденіе проникаетъ даже въ армію, дѣлаетъ видимые успѣхи, хотя и развивается медленно и съ опаской, ибо доходившіе изъ Литвы слухи о вашихъ доброжелательныхъ намѣреніяхъ также прекратились. Поэтому трудно на чемъ-либо остановиться окончательно, и никто не знаетъ, на что можно надѣяться. Всѣ пріуныли, обременены налогами и не имѣютъ средствъ заплатить ихъ. Привычка къ существующему порядку вещей, боязнь перемѣны къ худшему, скорѣе нежели искреннее убѣжденіе удерживаютъ пока поляковъ герцогства на томъ пути, на который они были вынуждены вступить силою обстоятельствъ. Но это положеніе дѣлъ не можетъ долго продолжаться; ни нравственно, ни физически нѣтъ возможности выносить его долгое время. Ощущаемая уже нынѣ перемѣна во взглядахъ, которая совершается въ арміи, можетъ сдѣлаться очень замѣтной, если существующее нынѣ тягостное положеніе продлится долѣе и если ваше величество останетесь при своихъ прежнихъ намѣреніяхъ.

«Франція, упорствующая въ своемъ желаніи завоевать Испанію, придаетъ, повидимому, большое значеніе сохраненію мира съ Россіей. Тѣмъ не менѣе въ герцогствѣ дѣятельно идутъ приготовленія къ войнѣ. Я знаю изъ вѣрнаго источника, что Наполеонъ сказалъ недавно:—«Пусть хоть одинъ казакъ проникнетъ за границу Варшавскаго герцогства, и я провозглашу независимость Польши. Говорятъ, будто императоръ Александръ намѣревается сдѣлать то же и хочетъ быть королемъ польскимъ. Если это будетъ сдѣлано съ общаго согласія, то я этому не буду препятствовать; напротивъ, я даже самъ охотно присоединюсь къ этому. Я и самъ предлагалъ ему это, но въ то время онъ не принялъ моего предложенія. Я согласился бы даже, чтобы его братъ сталъ королемъ польскимъ».

Такъ говорилъ Наполеонъ, но не такъ онъ поступалъ.

Въ февралѣ 1811 года былъ отправленъ въ Дрезденъ и въ Варшаву баронъ Биньонъ,—сторонникъ Наполеона, по мнѣнію самого императора, лучшій исполнитель его воли, впослѣдствіи оффиціальный историкъ его жизни, а тогда политическій дѣятель и посланникъ при тѣхъ дворахъ, на которыхъ преимущественно сосредоточивалось вниманіе Наполеона. Биньонъ долженъ былъ закончить то дѣло, которое давно

подготовлялось тайными агентами французскаго императора, т. е. поднять всю Польшу. При этомъ Наполеонъ желалъ оставаться въ сторонѣ, предоставить починъ полякамъ, а за собою сохранить право и возможность воспользоваться патріотическимъ ихъ движеніемъ въ свою пользу.

Императоръ,—сказано было въ инструкціи, данной министерствомъ Биньону,—полагаясь на его преданность и готовность къ услугамъ, повѣряетъ ему порученіе «высшей политической важности». Порученіе это требуетъ опытности, расторопности и умѣнья сохранять тайну.

«Въ началѣ вы отправитесь въ Дрезденъ. Явною цѣлію этого путешествія будетъ вручепіе саксонскому королю письма, которое вы завтра получите отъ императора. Его величество уже сообщилъ вамъ свои виды въ этомъ дѣлѣ; завтра же онъ дастъ послѣднія инструкціи относительно того, что вы имѣете сообщить саксонскому королю. Императоръ желаетъ, чтобы монарху этому оказано было то почтеніе, которое должно свидѣтельствовать о личномъ расположеніи къ нему императора. Въ разговорахъ своихъ какъ съ королемъ, такъ и съ министрами его, вы будете вполнѣ откровенны и дадите вѣру всѣмъ сообщеніямъ, какія послѣдуютъ со стороны графа Зенфта Пильзака [1]). Каждая жертва, принесенная Саксоніей, будетъ вознаграждена. Для Саксоніи нѣтъ выгоды владѣть Варшавскимъ герцогствомъ въ томъ положеніи, въ какомъ оно теперь находится: это владѣніе непрочное и обременительное. Владѣніе этимъ обломкомъ Польши ставитъ Саксонію въ ложныя отношенія къ Пруссіи, Австріи и Россіи [2]). Вы найдете Дрезденскій кабинетъ мало наклоннымъ къ сопротивленію противъ такого взгляда на вещи: дипломатія его заявляла намъ нѣсколько разъ тотъ же самый образъ мыслей. Здѣсь вопросъ не идетъ о раздѣлѣ наслѣдственныхъ земель саксонскаго короля. Послѣ краткаго пребыванія въ Дрезденѣ вы объявите о своемъ выѣздѣ въ Варшаву, гдѣ будете ожидать новыхъ предписаній отъ императора. Его величество будетъ просить саксонскаго короля, чтобы онъ акредитовалъ васъ у своихъ польскихъ министровъ.

«Въ Варшавѣ вы войдете въ сношеніе съ княземъ X., императорскимъ камергеромъ (Александромъ Сапѣгою) и съ генераломъ Z. Оба эти лица происходятъ изъ знатнѣйшихъ польскихъ фамилій. Они обѣщали употребить все свое вліяніе, какое имѣютъ надъ своими соотечественниками, чтобы склонить ихъ къ дѣятельности во имя счастія и независимости ихъ родины. Вы приготовите правительство герцогства къ тѣмъ великимъ перемѣнамъ, которыя императоръ

[1]) Министра иностранныхъ дѣлъ Фридриха-Августа саксонскаго.

[2]) Наполеонъ не находилъ, однако, этого, когда образовывалъ герцогство Варшавское.

хочетъ совершить въ пользу польскаго народа. Необходимо, чтобы поляки поддерживали виды императора и сами содѣйствовали бы своему возрожденію. Они должны смотрѣть на Францію, какъ на единственное имъ пріязненное государство. Императоръ не скрываетъ отъ себя трудностей, какія долженъ будетъ встрѣтить при возстановленіи Польши. Это великое политическое дѣло противно всѣмъ очевиднымъ и существеннымъ интересамъ его союзниковъ. Возстановленіе Польши силою оружія Французской имперіи суть предпріятіе не вполнѣ прочное и вмѣстѣ съ тѣмъ опасное, ибо тогда Франціи пришлось бы воевать не только съ врагами, но и съ своими союзниками.

«Цѣль, которую предположилъ себѣ императоръ, есть организація Польши въ части или въ цѣломъ объемѣ прежней ея территоріи, и при томъ избѣгая войны, если только это возможно. Съ этою цѣлью его величество сообщилъ чрезвычайно широкое полномочіе своему послу въ С.-Петербургѣ и выслалъ въ Вѣну повѣреннаго, которому поручено входить въ переговоры съ главными державами и обѣщать даже значительныя уступки изъ земель Французской имперіи, въ видѣ вознагражденія за земли, необходимыя для возстановленія Польскаго королевства» [1]).

При этомъ Наполеонъ находилъ, что Польша должна полагаться на собственныя силы болѣе, чѣмъ на помощь французскаго императора, и что помощь эта можетъ быть только въ видѣ усиленія средствъ, какими располагаютъ сами поляки. «Населеніе Варшавскаго герцогства желаетъ возстановленія Польши,—сказано было въ той же инструкціи.—Оно обязано подготовить для этого всѣ средства, которыя дали бы возможность каждой изъ провинцій, находящихся подъ общимъ управленіемъ, свидѣтельствовать о такомъ желаніи своемъ. Правительство Варшавскаго герцогства обязано, лишь только позволятъ обстоятельства, сконфедеровать разрозненныя части своей родины во имя національной независимости. Ежели въ Россіи или въ Австріи найдутся такіе поляки, которые не захотятъ возвратиться въ свое отечество, не слѣдуетъ ихъ принуждать къ тому. Польша должна черпать свои силы изъ народнаго духа, изъ патріотизма, изъ учрежденій, которыя лягутъ въ основу ея новаго политическаго бытія. Главная цѣль вашего посольства будетъ состоять въ томъ, чтобы наставлять, возбуждать и руководить польскихъ патріотовъ».

Эта инструкція совершенно противоположна тому, что говорили многіе историки Наполеона и въ томъ числѣ самъ Биньонъ. Послѣдній

---

[1]) Н. Поповъ. „Варшавское герцогство“ „Русскій Вѣстн.“ 1866 г. № 3, стр. 73 и 74. Даже и въ этой инструкціи Наполеонъ не былъ чистосердеченъ и скрывалъ свои виды.

увѣряетъ, что, посылая его, императоръ Франціи хотѣлъ скорѣе ослабить, чѣмъ возбудить надежды поляковъ.

— Не надобно,—говорилъ Наполеонъ, по словамъ Биньона,—чтобы они (поляки) предавались вреднымъ мечтаніямъ. Въ настоящее время они составляютъ государство болѣе, чѣмъ въ четыре милліона населенія. Гораздо будетъ лучше, если они займутся своими внутренними улучшеніями и преобразованіями, чѣмъ преслѣдовать химерическія идеи, которыя могутъ быть для нихъ не безопасны.

Трудно объяснить, съ какою цѣлью Биньонъ искажаетъ факты, тогда какъ въ инструкціи, ему данной, говорилось совсѣмъ другое.

«Несчастія и слабость польской Рѣчи Посполитой были дѣломъ аристократіи,—продолжаетъ та же инструкція,—которая ни въ чемъ не знала мѣры и границъ. Въ то время какъ шляхта была могущественна, горожане находились въ зависимости, народная масса была безправною; но и среди такого разлада въ этомъ народѣ жила любовь къ свободѣ и независимости: она долго поддерживала его непрочное существованіе. Это чувство выросло теперь отъ множества тяжелыхъ испытаній. Императоръ исполнитъ съ своей стороны данное въ 25-й статьѣ трактата 9-го іюля 1807 года обѣщаніе, что населеніе Варшавскаго герцогства будетъ пользоваться конституціей, вполнѣ обезпечивающею вольности и привилегіи народа. Польша будетъ имѣть независимость и свободу. Что касается избранія государя, то оно будетъ ясно изъ договора, который его величество заключитъ съ другими державами. Императоръ не ищетъ права на польскій престолъ ни для себя, ни для членовъ своего семейства. Въ великомъ дѣлѣ возстановленія Польши онъ имѣетъ въ виду единственно счастіе поляковъ и спокойствіе Европы. Его величество уполномочиваетъ васъ обнародовать оффиціальнымъ образомъ это заявленіе его, когда вы признаете то полезнымъ для выгодъ Франціи и Польши».

Биньону поручено было обѣщать, что Наполеонъ вознаградитъ Австрію въ случаѣ отдѣленія отъ нея Галиціи, дастъ Польшѣ другаго короля вмѣсто мало способнаго Фридриха-Августа саксонскаго, но что для всего этого поляки должны сами начать дѣло возстановленія Польши.

Отправляя въ Варшаву барона Биньона и желая скрыть истинную цѣль его посылки, Наполеонъ старался увѣрить императора Александра въ томъ, что не желаетъ войны съ Россіею и не имѣетъ въ виду возстановленія Польши.

— Все мое вниманіе—говорилъ онъ князю Куракину 7-го (19-го) августа 1810 г.,—поглощено отношеніями къ Англіи, Голландіи, Испаніи и Италіи. Я не хочу возстановленія Польши; кажется, я это довольно доказалъ, потому что я могъ бы возстановить ее и во время Тиль-

зитскаго мира и послѣ мира Вѣнскаго. Послѣдніе переговоры съ Австріею потому такъ долго и тянулись, что Австрія хотѣла уступить всѣ свои польскія владѣнія, чтобы только сохранить германскія. Если бы у меня была мысль о возстановленіи Польши, то я отдалъ бы герцогство Варшавское не саксонскому королю, человѣку слабому, апатичному, который никогда не пошевелится [1]). Вы сами виноваты въ томъ, что теперь это герцогство получило приращеніе. Если бы въ началѣ кампаніи (1809 г.) вы дѣйствовали энергически и заняли Галицію, то она была бы ваша; а то вы дали время инсургентамъ овладѣть ею, и я, при заключеніи мира, не могъ отдать ее вамъ, не могъ возвратить и Австріи, потому что не могъ пожертвовать страною, оказавшею мнѣ преданность [2]).

На одномъ изъ оффиціальныхъ пріемовъ Наполеонъ преднамѣренно обратился къ князю Понятовскому и сказалъ ему:

— Наше дѣло впрокъ не пойдетъ. Я радъ всѣми силами поддержать васъ, но вы отъ меня слишкомъ далеки, а отъ Россіи слишкомъ близки. Что ни дѣлай, а кончится тѣмъ, что она васъ завоюетъ, мало того завоюетъ и всю Европу [3]).

Посылая такія льстивыя слова по адресу Россіи, Наполеонъ при каждомъ отдѣльномъ случаѣ старался высказать, что онъ не начнетъ войны, если къ тому его не принудятъ.

— Я не хочу воевать съ Россіею,—говорилъ онъ графу Шувалову,—это было бы преступленіемъ съ моей стороны, потому, что я буду воевать безъ цѣли, а я, слава Богу, еще не потерялъ разсудка, я не сошелъ съ ума. Не думаютъ ли, что я захочу пожертвовать 200.000 французовъ для возстановленія Польши.

— Я не хочу войны,—говорилъ онъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ князю Куракину,—я не хочу возстановлять Польшу. Я это объявилъ положительно въ моихъ публичныхъ рѣчахъ законодательному корпусу, я это сказалъ князю Понятовскому—поляки это знаютъ.

Не народъ польскій, конечно, а лица, близко стоявшія къ Наполеону, знали и другое, знали, что онъ считалъ войну съ Россіей неизбѣжною.

— Мнѣ хотѣлось только начать ее,—говорилъ Наполеонъ откровенно впослѣдствіи,—въ надлежащій часъ. Россія была слишкомъ сильна, чтобы составлять часть той политической системы Европы, которой я былъ творцомъ и которой средоточіе находилось во Франціи. Зданіе, мною

---

[1]) Такой и былъ ему нуженъ, чтобы распоряжаться въ Варшавскомъ герцогствѣ по своему произволу.

[2]) С. Соловьевъ. „Еще замѣтка о Наполеонѣ и Польшѣ“, „Московс. Вѣдомос.“ 1863 г. № 39.

[3]) Полн. собраніе сочин. кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 50.

воздвигнутое, отстояло слишкомъ далеко отъ его основанія. Россія тяготѣла всею своею тяжестію на верхнюю часть этого зданія. Александръ I, будучи моложе меня, вѣроятно пережилъ бы меня, и тогда моя имперія распалась бы непремѣнно на части. Слѣдовательно, нужно было отбросить Россію за предѣлы Европы, дабы она не вредила единству моей имперіи. Нужно было дать этому новому политическому распредѣленію довольно твердые предѣлы, чтобы сообщить ему силу бороться успѣшно съ могуществомъ царей. Для осуществленія моего плана слѣдовало возсоздать Польшу на крѣпкомъ основаніи, и въ то же время нужно было побѣдить русскихъ на полѣ брани, дабы принудить ихъ къ принятію тѣхъ границъ, которыя я хотѣлъ начертать мечемъ. Вытѣсненная такимъ образомъ изъ политической системы Европы, Россія нашлась бы отдѣленной отъ нея двумя стами тысячъ стражи, которыхъ бы я готовъ былъ поддерживать при всякомъ случаѣ [1]).

Хотя возстановленіе Польши и связывалось съ уничтоженіемъ Россіи, но поляки вѣрили въ геній Наполеона и считали это дѣло не только возможнымъ, но и несомнѣннымъ. Вотъ почему они приняли Биньона съ восторгомъ, слѣдовали всѣмъ его внушеніямъ и стали вооружаться. Сторонники Наполеона пробрались въ наши западныя губерніи и распространяли слухъ о благихъ намѣреніяхъ французскаго императора относительно поляковъ и о возстановленіи ихъ отечества. Положеніе Александра было довольно трудное, и ему оставалось послѣдовать совѣту князя Чарторыйскаго «пококетничать съ поляками»,—что онъ и сдѣлалъ, воспользовавшись прибытіемъ въ Петербургъ графа Михаила Огинскаго.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Napoléon au tribunal de César. „Чтенія общества Исторіи и древностей“, 1864 г. кн. I, смѣсь, стр. 133.

Исправленіе коляски графа Аракчеева.

Письмо князя Василія Долгорукаго — графу Аракчееву.

16-го іюня 1825 г.

На отношеніе вашего сіятельства пріемлю смѣлость представить мое увѣреніе, что по ввѣренной мнѣ части я, не обезпеча спокойствіе вашего сіятельства, собственнаго себѣ не позволю, съ тѣмъ вмѣстѣ и въ томъ, что сбъ осмотрѣ на дѣловомъ дворѣ вашему сіятельству доложено не справедливо, ибо въ колескѣ ничего къ исправленію не оказалось, колеса совершенно невредимы; но по волѣ вашего сіятельства, вчера объявленной служителемъ, теперь подставили новый станъ колесъ для легкости гораздо выше прежнихъ.

Коляску, всякій разъ по прибытіи вашего сіятельства въ столицу, установленнымъ мною порядкомъ, принимаютъ на дѣловой дворъ для разборки, осмотра, подвинтить станокъ, смазать во всѣхъ частяхъ и собрать, какъ поступаютъ и съ прибывающими экипажами ихъ императорскихъ величествъ.

Удостойте меня ваше сіятельство довѣренностью, что по части экипажей, исполненіемъ всякаго вашего приказанія, я почту себя счастливымъ и, что я, конечно, не выпущу экипажа, который бы могъ навлечь безпокойства въ разъѣздахъ вашего сіятельства, какъ бы они сильны ни были.

Французскій іезуитъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи.

Въ концѣ XVII-го вѣка, Общество Іисуса задалось мыслью отыскать сухопутное сообщеніе между Франціею и Китаемъ. Цѣль была при этомъ практическая. Христіанская вѣра вмѣстѣ съ европейскою наукою проникла въ Небесную имперію и распространялась въ ней, а добраться до нея, при тогдашнихъ условіяхъ океанскаго плаванія, было весьма затруднительно, и многіе миссіонеры погибали, не достигнувъ своего назначенія. Можно было надѣяться, что на сушѣ путешествіе подвергалось бы менѣе опасностямъ, чѣмъ на морѣ. Вотъ почему орденское начальство поручило Филиппу Аврилю заняться этимъ вопросомъ и попытаться найти желаемый путь. Для разрѣшенія данной задачи Авриль два раза являлся въ Москвѣ. Вынесенныя оттуда впечатлѣнія онъ откровенно изложилъ въ своемъ «Путешествіи» [1]). Эта книга взволновала Гордона и обидѣла Петра Алексѣевича. Такимъ образомъ розысканія китайскаго пути кончаются довольно неожиданно царскимъ гнѣвомъ. Это можно прослѣдить документально.

Прежде всего, Аврилю предстояло соединиться съ назначеннымъ къ нему товарищемъ, который пребывалъ на Востокѣ. Онъ выѣхалъ изъ Ливорно 13-го января 1685 года и высадился въ Александреттѣ, гдѣ, мимоходомъ сказать, существовала превосходная голубиная почта. Отправившись оттуда въ Діарбекиръ, онъ нашелъ тамъ своего собрата Луи Бернабе, которому и объявилъ о данномъ имъ обоимъ порученіи. Трудно себѣ представить, какъ возликовалъ при этомъ отецъ Барнабе!

[1]) Voyage en divers Etats d'Europe et d'Asie, entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine. Paris, 1692.—Другія изданія перечислены у Аделунга, K. L. Uebersicht der Reisenden in Russland, т. II, стр. 376.

Онъ когда-то представлялъ власть имущимъ записку о сухопутномъ сообщеніи съ Китаемъ и, послѣ Вербиста, едва-ли не первый между іезуитами не только мечталъ о немъ, но и серьезно его обдумывалъ. Теперь же ему приходилось приступить вмѣстѣ съ Аврилемъ къ практическому исполненію любимаго плана. Оба взялись за дѣло съ восторгомъ. Ихъ одушевляла и поддерживала мысль, что они будутъ какъ бы проводниками всѣхъ послѣдующихъ за ними миссіонеровъ и ученыхъ.

Само по себѣ предпріятіе было не легкое, особенно въ виду недостатка необходимыхъ свѣдѣній. Наши путешественники рѣшились ѣхать прямо въ Астрахань и тамъ добывать языка. Это имъ удалось какъ нельзя лучше. Присоединившись къ армянскимъ купцамъ, они проникли въ Персію, поплыли по Каспійскому морю и благополучно достигли намѣченнаго порта. При въѣздѣ особыхъ препятствій не было: оба носили восточную одежду и не выдавали своего званія; къ тому же отецъ Барнабе слылъ за медика, ибо, имѣя кое-какія медицинскія познанія, пользовалъ при случаѣ больныхъ.

Расчетъ ихъ оказался вѣрнымъ. Въ Астрахани велась бойкая торговля; со всѣхъ сторонъ стекались иноземные купцы, которымъ всевозможныя дороги были хорошо знакомы. Что на Западѣ только подозрѣвали, то знали здѣсь навѣрное и по опыту—именно, что сухопутная дорога въ Китай несравненно короче и удобнѣе морской. Надо вспомнить, что тогда изъ Тулона или Марсели въ Пекинъ плаваніе длилось около двухъ полныхъ лѣтъ. Между тѣмъ, бухарскій купецъ, посѣтившій четыре раза Китай, увѣрялъ, что для поѣздки изъ Бухары въ Пекинъ не требуется болѣе двухъ мѣсяцевъ, а какой-то монахъ, имя котораго не приводится, сообщилъ Аврилю дневникъ трехъ купцовъ, дошедшихъ изъ Астрахани въ Пекинъ, чрезъ Бухару и Самаркандъ, въ сто одиннадцать дней. Эти письменныя данныя совпадали съ изустнымъ показаніемъ выше упомянутаго бухарскаго купца; они взаимно провѣрялись, и потому на нихъ можно было до нѣкоторой степени полагаться.

Руководствуясь такими соображеніями, оба іезуита постановили ѣхать въ Пекинъ чрезъ Бухару и Самаркандъ, вмѣстѣ съ русскими купцами, которые довели бы ихъ до Самарканда, а тамъ нашлись бы другіе проводники. Ближайшія приготовленія уже были сдѣланы, когда пришлось отказаться отъ этого маршрута, вслѣдствіе возникшихъ мѣстныхъ усобицъ, не дозволявшихъ и думать о безопасномъ проходѣ въ Бухару.

Такимъ образомъ рушился первый планъ; предстояло искать другой исходъ. Очень кстати пришло извѣстіе, что китайскіе купцы находятся въ Москвѣ и что въ концѣ зимы они пускаются въ обратный путь, въ свое отечество. Казалось, лучшаго случая и желать было невозможно. Стоило

только пробраться въ Москву, а тамъ ужъ можно было бы устроиться съ китайскимъ караваномъ. Рѣшено такъ и сдѣлать. О бюрократическихъ формальностяхъ вовсе не заботились, только бы получить «паспортъ», какъ выражался Авриль, отъ астраханскаго воеводы.

Но здѣсь-то и начинаются мытарства. Въ Астрахани воеводствовалъ тогда окольничій, князь Борисъ Васильевичъ Горчаковъ [1]), человѣкъ не злой, подъ часъ сговорчивый, но привыкшій къ крѣпкимъ напиткамъ и очень дорожившій сохраненіемъ своего здоровья. Армянскіе купцы, которые сами отправлялись въ Москву, согласились посредничать у него въ пользу своихъ бывшихъ спутниковъ. Они расхвалили французовъ, ѣхавшихъ въ Китай для Божія дѣла, упомянувъ, между прочимъ, о врачебномъ искусствѣ отца Барнабе. Это пришлось воеводѣ какъ разъ на - руку. Тайное его намѣреніе скоро выяснилось. Дѣло стояло такъ: іезуиты просили «паспортъ» и спѣшили уѣхать, а князь Горчаковъ хотѣлъ ихъ задержать на вѣчныя времена въ качествѣ своихъ лейбъ-медиковъ. Открыто онъ этого не высказывалъ; онъ просто морочилъ своихъ гостей—прибѣгалъ къ разнымъ уловкамъ, толковалъ объ обращеніи язычниковъ и даже о взаимныхъ отношеніяхъ римской и греческой церкви, а желаемаго позволенія не выдавалъ.

Потерявъ, наконецъ, терпѣніе, іезуиты смѣло и грозно объяснились съ воеводою. Онъ умилостивился, пошелъ на уступки, потомъ прислалъ даже «паспортъ», но при самомъ отъѣздѣ, когда Авриль и Барнабе уже были на палубѣ судна, велѣлъ имъ возвратиться въ городъ и запретилъ кому-либо ихъ вывозить.

Положеніе становилось критическое. Тщетно хлопотали армянскіе купцы; и надо было искать другихъ посредниковъ. Наши путешественники были дружны съ мѣстнымъ архіереемъ Савватіемъ, часто приглашавшимъ ихъ для присутствія на службѣ, и съ какимъ-то игуменомъ, котораго они избавили отъ несноснаго глиста длиною въ полтора аршина. Возложивъ свою надежду на этихъ лицъ, они слезно умоляли ихъ о ходатайствѣ. Противъ такихъ заступниковъ воевода не устоялъ и, скрѣпя сердце, далъ требуемое разрѣшеніе. 19-го октября іезуиты отплыли вверхъ по Волгѣ, послѣ почти четырехмѣсячной задержки въ Астрахани, гдѣ они много претерпѣли всякаго рода лишеній и невзгодъ.

Таковъ разсказъ Авриля. Онъ сваливаетъ всю вину на воеводу, но врядъ ли ближайшая обстановка была ему знакома. Въѣздъ въ Москву былъ всегда затрудненъ для духовныхъ лицъ; необходимое позволеніе предоставлялось только высшей власти. Можно лишь удивляться, что князь Горчаковъ не уклонился отъ такой отвѣтственности, зная очень хорошо, что его гости не были обыкновенными путешественниками.

---

[1]) Александръ Барсуковъ, Списки городовыхъ воеводъ, стр. 12.

Плаваніе по Волгѣ не обошлось безъ приключеній. Безпечные моряки такъ усердно разводили огонь для варки пищи, что самое судно, нагруженное рыбою, загорѣлось. Пассажиры едва спаслись; они высадились на берегъ, гдѣ и просидѣли двое сутокъ, пока другое проходящее судно не выручило ихъ изъ бѣды. Вслѣдъ за опасностью отъ огня настала опасность отъ воды или вѣрнѣе отъ льда. Задулъ холодный сѣверный вѣтеръ, рѣка стала замерзать, и недалеко отъ Саратова движеніе впередъ оказалось невозможнымъ. Что было дѣлать? Неустрашимый Барнабе отправился съ проводниками пѣшкомъ по льду въ Саратовъ, откуда вернулся съ припасами и съ санями, такъ что оставшіеся на мѣстѣ получили возможность, подкрѣпившись, перебраться въ Саратовъ. Потребовалось еще пять недѣль для проѣзда до Москвы. Полузамерзшіе и усталые іезуиты вступили въ столицу только около половины января 1687 года.

Новый и для нихъ незнакомый міръ открылся передъ ними. Хотя въ Москвѣ и находились уже два-три іезуита, но положеніе ихъ было не совсѣмъ прочное. Они были допущены въ Москву по просьбѣ императора Леопольда I-го, въ качествѣ цесарскихъ капелановъ, но ихъ пребываніе въ Россіи зависѣло отъ произвола правительства. Предупрежденные заранѣе о пріѣздѣ своихъ собратьевъ, они ихъ приняли радушно; но, какъ австрійскіе подданные, не могли оффиціально вступаться за французовъ. Новопроѣзжимъ пришлось дѣйствовать на свой страхъ. Дѣло имъ казалось очень просто, а въ глазахъ московскихъ властей оно было крайне сложно, даже таинственно и, въ полномъ смыслѣ слова, дѣло государственное. Съ давнихъ временъ папа и цесарь требовали свободнаго прохода для миссіонеровъ на Востокъ; еще въ минувшемъ году, при заключеніи мира, король польскій, Янъ Собѣскій, домогался того же — русскіе дипломаты дорожились этой статьею, чтобы выманивать соотвѣтствующія выгоды.

Наши французы не подозрѣвали этого, когда имъ посовѣтовали, какъ и слѣдовало, обратиться къ князю Василію Васильевичу Голицыну. Немедленно послѣ пріѣзда, въ дорожномъ, восточномъ платьѣ, они отправились къ боярину, который стоялъ тогда на верху своего могущества. Несчастные крымскіе походы были еще впереди; Кіевъ съ Приднѣпровьемъ уже достались Россіи, ничего не препятствовало сердечнымъ отношеніямъ Голицына къ Софьѣ Алексѣевнѣ. Онъ принялъ французовъ благосклонно, выказалъ участіе и обѣщалъ содѣйствіе. Однако жъ, ради установленнаго обычая, требовалъ, чтобы пріѣзжіе представились въ посольскій приказъ.

Было уже поздно. Не смотря на свое утомленіе, іезуиты подчинились предписанію. Въ приказѣ ихъ окружили три, четыре дьяка и, усадивъ, стали разспрашивать и записывать отвѣты. Четыре битыхъ

часа, отъ семи до одиннадцати, длилось «это мученіе». Не иначе обошлись бы съ опасными преступниками, только въ добавокъ дѣлались еще многіе пустые вопросы. Рѣшеніе не могло сейчасъ послѣдовать, для чего собирались предварительныя свѣдѣнія.

Между тѣмъ, не теряя времени, іезуиты отыскали упомянутыхъ выше китайскихъ купцовъ, которые оказались пограничными съ китайцами татарами. Хорошо зная дорогу въ Москву и Пекинъ, куда поперемѣнно хаживали, они сообщили цѣнныя показанія, подтвержденныя потомъ русскими купцами и склоняющіяся къ тому, что сибирскій путь въ Китай самый краткій и самый удобный.

Еще важнѣе и гораздо обстоятельнѣе были свѣдѣнія, добытыя, неизвѣстно какимъ образомъ, изъ посольскаго или другаго какого-либо приказа: Авриль глухо ссылается на «канцелярію». Оффиціальныя сношенія съ правительствомъ оставались на строго законной почвѣ; но тайкомъ дѣлались послабленія, ибо Аврилю доставили изъ этой «канцеляріи» записки Николая Спаѳарія, умнаго и смѣтливаго валаха, переводчика посольскаго приказа, котораго правительство посылало въ Китай въ 1675—1677 годахъ [1]). Эти записки содержали свѣдѣнія двоякаго рода. Первыя касались смежныхъ съ китайцами народовъ, за которыми русскіе зорко слѣдили. Эта часть поразила Аврилл своимъ сходствомъ съ китайскими, недавно изданными во Франціи источниками, и вообще съ отзывами путешественниковъ. Онъ не усумнился назвать ее достовѣрною. Другія свѣдѣнія относились къ дорогамъ изъ Москвы въ Пекинъ. Такихъ дорогъ оказалось шесть, нѣкоторыя изъ нихъ пролегали чрезъ Сибирь. Все это, по московскимъ понятіямъ, должно было бы оставаться государственною тайною. Самъ Спаѳарій, когда его назначили приставомъ къ де ла-Невиллю, въ 1689 году, охотно разсказывалъ про Китай; но точныхъ указаній не давалъ, якобы изъ опасенія батоговъ [2]).

Въ этихъ розысканіяхъ и въ ожиданіи отвѣта изъ посольскаго приказа прошло болѣе мѣсяца. Можно себѣ представить, какъ сильно іезуиты желали пуститься въ Китай по сибирской дорогѣ и оцѣнить на опытѣ ея выгоды. Но ихъ желанію не суждено было осуществиться. Въ концѣ февраля 1687 года, имъ объявили отвѣтъ въ отрицательномъ смыслѣ. Ѣхать въ Китай имъ не дозволялось подъ тѣмъ предлогомъ, что они не предъявили никакихъ писемъ или свидѣтельствъ отъ своего короля, а незнакомымъ лицамъ такое дозволеніе не выдавалось. Чтобы

---

[1]) Пекарскій, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ т. I, стр. 341.

[2]) Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, Paris, MDCXCVIII, введеніе, стр. 206, 225 и слѣд.

нѣсколько смягчить само по себѣ крутое рѣшеніе, іезуитамъ предложили ѣхать вмѣстѣ съ княземъ Я. Ѳ. Долгорукимъ, который отправлялся посломъ въ Парижъ, а потомъ вернуться съ надлежащими документами. Такой отвѣтъ сокрушалъ всѣ надежды и разстраивалъ всѣ разсчеты нашихъ путешественниковъ. Они умоляли, чтобы ихъ пощадили ради короля Людовика XIV, но все было тщетно. Самъ Голицынъ объявилъ имъ непреклонную царскую волю: на оффиціальномъ языкѣ, ихъ просто высылали изъ Москвы [1]).

Не получивъ желаемаго разрѣшенія, іезуиты, съ своей стороны, отказались отъ сопутствованія князю Долгорукому, предугадывая, что положеніе его при французскомъ дворѣ будетъ неловкое. Онъ ѣхалъ съ предложеніями о турецкой войнѣ, а про Францію говорили тогда, что она носитъ тюрбанъ. Австрійскія побѣды надъ полумѣсяцомъ были для нея пораженіями, и вступленіе ея въ христіанскую лигу признавалось немыслимымъ. Кромѣ того, вопреки предупрежденіямъ Авриля, Долгорукій взялъ съ собою значительное количество пуховаго товара, хотя и могъ собразить, что безпошлинная торговля не будетъ допущена. На дѣлѣ, все такъ и сбылось. Людовикъ XIV уклонился отъ союза противъ Порты, а русскій посолъ надѣлалъ себѣ непріятностей въ таможняхъ.

Не смотря на вѣрную оцѣнку тогдашнихъ обстоятельствъ, французскіе іезуиты рѣшились подчиниться предложеннымъ условіямъ: снабдиться королевскими письмами въ Парижѣ и вернуться съ ними въ Москву. Они отправились въ Варшаву, куда пріѣхали 12-го марта 1687 года, и тамъ разстались. Барнабе поѣхалъ въ Парижъ; Авриль, оставшись на мѣстѣ, заручился покровительствомъ французскаго посла Бетюна и былъ удостоенъ королевской аудіенціи въ Яворово. Янъ Собѣскій совершенно обворожилъ іезуита. Увѣнчанный боевыми лаврами, вѣнскій герой выказалъ себя отличнымъ географомъ. Предупрежденный Бетюномъ, онъ первый заговорилъ о Китаѣ и сообщилъ все слышанное отъ думнаго дьяка Протасія Никифорова, бывшаго недавно въ Польшѣ, а передъ тѣмъ посѣщавшаго Китай. Мало того, онъ дозволилъ Аврилю снять копію съ карты китайскихъ дорогъ, составленной д'Абланкуромъ по указаніямъ Никифорова. Эту карту Авриль напечаталъ впослѣдствіи въ своей книгѣ, сознаваясь, однако жъ, что она не точна, и жалѣя, что не могъ ее провѣрить.

Между тѣмъ его постигло внезапное несчастіе: онъ потерялъ своего товарища. Успѣшно выполнивъ данныя ему порученія, Барнабе возвра-

[1]) Въ „Реэстрѣ дѣламъ духовнымъ иностранныхъ исповѣданій“ Московскаго Главнаго Архива упоминается подъ 4-мъ числомъ января 1687 года „Дѣло о высылкѣ изъ Россіи пріѣхавшихъ изъ Персіи двухъ іезуитовъ Барнабасова и Филиппа Авриля, просившихъ пропустить ихъ чрезъ Сибирь въ Китай“, но самое дѣло, кажется, затерялось.

щался моремъ въ Польшу и, не доѣхавъ до Данцига, погибъ во время бури. Съ нимъ погибли и королевскія письма, и математическіе приборы, и всякое добро, предназначенное для китайской миссіи.

Сознавая всю тяжесть этого удара, Авриль, однако же, не палъ духомъ и снова занялся своимъ Китаемъ. Онъ отправился на сеймъ въ Гродно, чтобы тамъ удобнѣе устроить свои дѣла, которыя сложились такъ: онъ былъ назначенъ королевскимъ математикомъ въ Пекинѣ, ему вручили письмо Людовика XIV для русскихъ царей, Бетюнъ рекомендовалъ его князю Голицыну, вмѣсто Барнабе къ нему присоединился Антоній Боволье, наконецъ, графъ Сири взялся проводить его до Пекина.

Для уясненія этого послѣдняго обстоятельства, надо познакомиться съ личностью графа Сири. Онъ былъ своего рода проходимецъ, но умный, дѣятельный и честный. Не забывая своихъ личныхъ выгодъ, онъ заботился также о высшихъ народныхъ интересахъ. Родомъ армянинъ или маронитъ, происходившій изъ опальнаго семейства, воспитанный при португальскомъ дворѣ, онъ, усвоивъ себѣ нѣсколько восточныхъ и европейскихъ языковъ, пристрастился къ путешествіямъ. Побывавъ во Франціи, Италіи, Германіи, ему захотѣлось взглянуть и на Польшу. Тамъ его приняли на посольскую службу въ Турціи и Персіи, что дало ему возможность посѣтить Москву. Теперь Янъ Собѣскій посылалъ его вторично въ Персію, а Сири очень желалъ сблизиться какъ-нибудь съ Людовикомъ XIV. И вотъ, по настоянію Авриля, ему выдали оффиціальное письмо съ порученіемъ довезти до Пекина королевскаго математика изъ іезуитскаго ордена.

Всѣ эти предосторожности были не лишни въ виду неизбѣжныхъ препятствій. Неудача Долгорукаго въ Парижѣ была уже совершившимся фактомъ. И не смотря на его увѣренія, самъ Авриль сомнѣвался въ успѣхѣ своего предпріятія, но хотѣлъ все-таки попытать счастія. Не упоминая изъ осторожности о Сибири, онъ намѣревался ѣхать въ Астрахань, а оттуда чрезъ Тибетъ въ Пекинъ.

Одновременно съ Аврилемъ отправлялись въ Персію и Иверію, но также чрезъ Москву, нѣкоторые другіе польскіе іезуиты. Ихъ положеніе было надежнѣе, ибо въ силу договора 1686 года съ Собѣскимъ, они могли требовать свободный пропускъ на Востокъ, что французамъ никакъ не предоставлялось.

Въ такихъ условіяхъ Авриль покинулъ Польшу въ сентябрѣ 1688 года. Ему не удалось сопровождать графа Сири, что повлекло за собою рядъ непріятностей. На русской границѣ его не пропустили, и онъ прожилъ три, четыре недѣли въ Кадзинѣ, переписываясь съ смоленскимъ воеводою, ожидая курьера отъ Голицына чрезъ посредство графа Сири. Къ счастію, проѣздомъ въ Москву явился въ Кадзинъ польскій посла-

нецъ Іосифъ Лядинскій. Онъ охотно пришелъ Аврилю на помощь, взялъ его къ себѣ въ качествѣ каплана и благополучно доставилъ въ столицу [1]). Это неожиданное появленіе Авриля возмутило правительство, и немедленно приняты были рѣшительныя мѣры. Графу Сири предложили удалиться и продолжать свой путь, а іезуитамъ Аврилю и Боволье отдали приказъ выѣхать изъ Москвы, безъ всякаго замедленія.

Тяжело было примириться съ такимъ рѣшеніемъ и повиноваться ему безпрекословно. Авриль обратился къ польскому резиденту Довмонту и, по его совѣту, заявилъ, что онъ привезъ письмо на царское имя отъ Людовика XIV. Это произвело впечатлѣніе, и правительство какъ будто призадумалось. Высылка іезуитовъ была пріостановлена; князь Голицынъ пригласилъ ихъ къ себѣ на аудіенцію.

Довмонтъ присутствовалъ при ней. Королевское письмо было принято съ благоговѣніемъ, по крайней мѣрѣ, наружнымъ. Голицынъ одобрилъ поѣздку въ Китай и, какъ и въ первый разъ, обѣщалъ свое содѣйствіе. Іезуиты вынесли такое убѣжденіе, что онъ лично хорошо къ нимъ расположенъ. Спрашивалось только, хватитъ ли у него силы, чтобъ провести на дѣлѣ свое собственное мнѣніе?

Двѣ недѣли приготовлялся отвѣтъ, и отвѣтъ былъ опять-таки отрицательный. Такой печальный исходъ Авриль приписываетъ происканъ голландскаго и особенно бранденбургскаго резидента, которые повліяли на бояръ. Самъ же Голицынъ, хотя и старался отмѣнить ихъ рѣшеніе, но не имѣлъ уже прежняго своего авторитета. Первый крымскій походъ ему не удался, надо было готовиться ко второму. Какъ разъ въ то время князю подбросили подметное письмо съ угрозами, и даже, по словамъ Авриля, покушались на его жизнь. Понятно, что Голицынъ не смѣлъ выступать рѣшительно. При всемъ этомъ не слѣдуетъ забывать, что были и другія крайне неблагопріятныя обстоятельства. Между Москвою и Китаемъ происходили тогда непріязненныя столкновенія, которыя уладились въ 1689 году при заключеніи Нерчинскаго договора. Такъ какъ онъ оказался невыгоднымъ для русскихъ, что̀ заранѣе предвидѣлось, то неловко было посвящать французовъ въ эти тайны, тѣмъ болѣе, что при китайскомъ дворѣ находились тогда другіе французскіе іезуиты, а Людовикъ XIV не внушалъ къ себѣ особаго расположенія съ русской стороны. Московское правительство согласилось лишь на одну уступку: на отстрочку отъѣзда до конца масляницы, во время которой путешествіе не считалось безопаснымъ.

Авриль воспользовался этимъ временемъ, чтобы собрать матеріалы для намѣченнаго имъ особаго сочиненія о Россіи. А потомъ съ несо-

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, ч. III, стр. 159.

крушимою энергіею вернулся къ отысканію дороги въ Китай. Не имѣя доступа въ Астрахань, онъ рѣшился направиться въ Константинополь и для этого поѣхалъ въ Варшаву. Тамъ находился, въ качествѣ цесарскаго резидента, тотъ самый Зіеровскій, который такъ усердно хлопоталъ объ іезуитахъ въ Москвѣ. Отъ него онъ надѣялся получить паспортъ для проѣзда въ Константинополь чрезъ Молдавію. Но къ немалому своему удивленію потерпѣлъ отказъ. Впослѣдствіи выяснилось, что Австрія вела глухую борьбу съ Польшей на Дунаѣ и не желала ее оглашать.

Находчивый Авриль не растерялся и обратился съ тою же просьбою къ гетману и русскому воеводѣ Яблоновскому. Лучшаго посредника и покровителя нельзя было найти. Сыновья Яблоновскаго воспитывались у іезуитовъ въ Парижѣ, онъ самъ былъ человѣкъ образованный и религіозный, восточныя дѣла сильно интересовали его. Онъ повезъ Авриля и Боволье во Львовъ, продержалъ ихъ у себя два мѣсяца, а между тѣмъ снесся съ молдавскимъ господаремъ и надѣлилъ обоихъ путешественниковъ такими письмами, что ихъ повсюду встрѣчали съ большимъ почетомъ. Они доѣхали до Константинополя вполнѣ благополучно.

Здѣсь Авриль задался новыми соображеніями, но его преслѣдовалъ злой рокъ. Вслѣдствіе трудовъ и лишеній, здоровье его пошатнулось, онъ жестоко захворалъ и долженъ былъ вернуться во Францію: 30-го ноября 1689 года, онъ высадился въ Тулонѣ. Онъ такъ и не доѣхалъ до Китая, но узналъ очень многое о китайскихъ дорогахъ.

Приговоренный на нѣкоторое время къ покою, Авриль взялся за перо и составилъ описаніе своего путешествія, которое надѣлало не мало бѣдъ. О Россіи онъ говоритъ относительно мало, ибо намѣревался, какъ уже сказано, написать о ней особое сочиненіе. То, что онъ говоритъ о лживости, грубости, пьянствѣ русскихъ, встрѣчается и у другихъ писателей. Выдается только его отзывъ о Петрѣ. По случаю брака съ Евдокіей Лопухиной, Авриль утверждаетъ, что нѣсколько дней послѣ свадьбы молодой государь заболѣлъ падучею болѣзнью, которая будто бы наслѣдственна въ его семействѣ [1]).

Изданная въ 1692 году [2]) книга Авриля пріобрѣла нѣкоторую извѣстность. Ее перевели на голландскій языкъ, и она попала въ Москву. Кто-то поднесъ ее Петру Алексѣевичу съ указаніемъ на несчастныя слова о падучей болѣзни. Молодой царь такъ вознегодовалъ и такъ оскорбился, что генералъ Гордонъ не на шутку перепугался. Этотъ

---

[1]) Voyage en divers Etats, стр. 321.

[2]) Упоминаемое Аделунгомъ изданіе 1691 года врядъ-ли когда-либо существовало.

шотландскій выходецъ былъ, можно сказать, другомъ Петра и вмѣстѣ съ тѣмъ усерднымъ католикомъ. Сгоряча онъ сталъ увѣрять, что книга, пожалуй, подложная, цѣликомъ или въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Въ то же время, онъ обратился для объясненія къ своему старому знакомому, отцу Шмидту.

Первый учредитель іезуитскихъ школъ въ Москвѣ пребывалъ тогда въ Браунсбергѣ и переписывался съ Гордономъ, сынъ котораго, Ѳедоръ, воспитывался въ тамошней коллегіи. И вотъ, 6-го апрѣля 1694 года, генералъ Гордонъ пишетъ Шмидту о своихъ семейныхъ дѣлахъ и влагаетъ въ письмо особую записку приблизительно такого содержанія: два года тому назадъ вышла въ Парижѣ книга іезуита Филиппа Авриля, бывшаго проѣздомъ въ Москвѣ, въ которой есть много обиднаго для русскихъ. Всего хуже, да и ложно, то, что авторъ пишетъ о младшемъ государѣ и о его якобы наслѣдственной болѣзни. Царь Петръ изъ-за этого сильно разгнѣвался не только на іезуитовъ, но и на всѣхъ католиковъ, такъ что полагаться на его благосклонность уже нельзя. Упомянувъ потомъ о возможности подлога, Гордонъ сознается, что это только предположеніе съ его стороны, а что доказательствъ у него нѣтъ [1]).

Эта замѣтка взволновала и опечалила отца Шмидта. По правдѣ сказать, Гордонъ слегка преувеличивалъ опасность; ему лично, по крайней мѣрѣ, не угрожала немилость, ибо въ то самое время онъ пировалъ съ Лефортомъ и сопровождалъ царя въ Архангельскъ, но въ сущности было чего бояться. Отецъ Шмидтъ, хотя и не знакомый съ книгою Авриля, однако не пренебрегъ замѣткою Гордона и довелъ ее, 8-го мая 1694 года, до свѣдѣнія орденскаго начальства. По этому поводу завязалась интересная переписка между Римомъ и Парижемъ.

Авторство Авриля было несомнѣнно, отрицать его даже и не думали. Обсуждать дѣло по существу было также немыслимо въ Римѣ. Орденскій генералъ Гонзалезъ повѣрилъ Гордону на слово и поручилъ руководителю восточныхъ миссій въ Парижѣ, въ вѣдомствѣ котораго находился Авриль, позаботиться объ улаженіи этого дѣла. Ему самому казалось, что Авриль могъ бы напечатать опроверженіе и объяснить, что посторонніе разсказы ввели его въ заблужденіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ требовалось, чтобы намѣченное Аврилемъ особое сочиненіе о Московіи было прислано въ Римъ для пересмотра, и заранѣе воспрещались неумѣстныя выходки противъ русскихъ [2]).

---

[1]) Posselt, Tagebuch des Generals Patrick Gordon, т. II, стр. 443.

[2]) Письмо Гонзалеза къ Антонію Вержюсъ, отъ 6-го іюля 1694 года, напечатано въ Études de théologie, de philosophie et d'historie, 1857, т. II, стр. 510.

Это особое сочиненіе о Москвѣ, вѣроятно, такъ и не появлялось; слѣдовъ его, по крайней мѣрѣ, нигдѣ ни находится. Напечаталъ ли Авриль свое опроверженіе, намъ также не извѣстно; а если напечаталъ, то едва-ли оно дошло до Москвы, ибо въ 1698 и 99 годахъ тамъ снова заговорили о злополучной книгѣ. Непримиримые враги іезуитовъ, кальвинисты, при содѣйствіи Лефорта, перевели ее на русскій языкъ и пользовались ею для притѣсненія католиковъ. Въ Москвѣ проживали тогда два іезуита, но тайкомъ, въ качествѣ цесарскихъ каплановъ, а посломъ Леопольда I былъ Игнатій де-Гваріентъ, ихъ усердный покровитель. Ихъ попрекали книгою Авриля. Гваріентъ, какъ нѣкогда Гордонъ, предполагалъ подлогъ, а іезуиты отмалчивались. На ихъ бѣду пріѣхалъ доминиканецъ изъ Персіи, вздумалъ самъ писать противъ Авриля и обратился за совѣтомъ къ іезуитамъ, не подозрѣвая ихъ принадлежности къ ордену. Но задуманное сочиненіе не появилось, и мало-по-малу эта литературная невзгода миновала и пришла въ забвеніе [1]).

Между тѣмъ самъ Авриль пустился моремъ въ Китай и, не доѣхавъ до своей обѣтованной земли, скончался въ виду острова Формозы, въ октябрѣ 1698 года. Ему было отъ роду сорокъ три года. Краткая, но не безцѣльная жизнь.

П. Пирлингъ.

[1]) Брюннъ, Городскій архивъ, Missio Mosquensis, письма 23-го сентября 1698 и 23-го іюня 1699 года.—Вѣна, государственный архивъ, Russica, 1698.

Письмо А. Тургенева — Павлу Александровичу Галахову объ изданіи книги М. М. Сперанскаго «О подражаніи Христу».

27-го марта 1828 г. № 359.

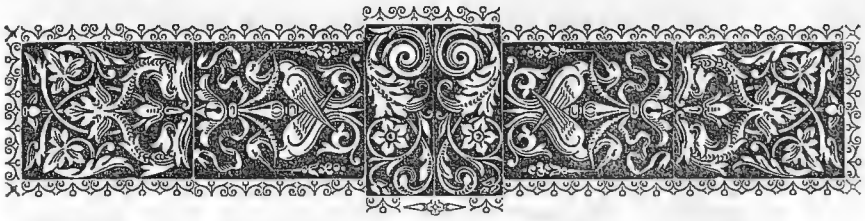
Имѣя въ виду, что второе изданіе книги «О подражаніи Христу», обращенное въ пользу заведеній Императорскаго человѣколюбиваго общества, все разошлось, я долгомъ поставилъ увѣдомить о семъ Михаила Михаиловича Сперанскаго и, получивъ его отзывъ, докладывалъ его сіятельству князю Александру Николаевичу [1]), который и поручилъ мнѣ отнестись къ вашему превосходительству о предпринятіи третьяго изданія сей книги, которое переводчикъ предоставляетъ такъ, какъ и всѣ имѣющія быть впредь изданія, въ пользу бѣдныхъ, на томъ же самомъ основаніи, какъ и первыя два изданія, почему и не угодно ли будетъ приступить къ надлежащимъ для сего распоряженіямъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть и проч. [2]).

---

[1]) Голицину.

[2]) О предъидущихъ изданіяхъ этой книги см. у Корфа „Жизнь графа Сперанскаго“ т. II, стр. 90 и 91.



Изъ разсказовъ А. О. Смирновой о Н. В. Гоголѣ.

Въ 1867 году на берегу Женевскаго озера жила А. О. Смирнова, рожденная Розетти, вмѣстѣ съ дочерью своею Ольгою Николаевной. Я близко познакомился съ нею черезъ князя Б. и часами просиживалъ у нея по большей части дома или въ саду и на прогулкахъ. Самымъ дружескимъ отношеніямъ положенъ былъ конецъ ссорою изъ-за Лермонтова. Я тогда уже собиралъ матеріалъ для его біографіи. Князь Б. не любилъ его памяти, въ спорахъ о немъ Александра Осиповна становилась всегда на сторону Б... Ей, кажется, доставляло удовольствіе дразнить меня, тогда еще юношу, только-что окончившаго университетскій курсъ. Но о г-жѣ Смирновой и ея дочери въ другой разъ. (Я подробнѣе говорю о нихъ въ запискахъ своихъ). Теперь хочется подѣлиться нѣсколькими воспоминаніями Александры Осиповны о Гоголѣ, какъ тогда были они записаны со словъ ея. Она передала мнѣ въ оригиналѣ 26 его писемъ 1844 и 1845 годовъ. Эти письма въ копіяхъ были переданы мною проф. Оресту Ѳедоровичу Миллеру въ 1871 году въ Петербургѣ, когда я пріѣхалъ на короткое время, приглашенный профессорами С.-Петербургскаго университета читать вмѣстѣ съ ними рядъ публичныхъ лекцій въ пользу недостаточныхъ студентовъ. О. Ѳ. Миллеру отдалъ я и оригиналы Гоголевскихъ писемъ для сравненія съ ними копій, какъ онъ этого желалъ, а затѣмъ выслалъ драгоцѣнныя рукописи Александрѣ Осиповнѣ. По какимъ причинамъ проф. Миллеръ не исполнилъ своего намѣренія и не напечаталъ писемъ, не помню хорошенько. Знаю только, что въ рѣдкіе мои пріѣзды Орестъ Ѳедоровичъ мнѣ копій съ писемъ не возвращалъ—не могъ розыскать ихъ (теперь читатель найдетъ ихъ въ собраніи писемъ, изд. подъ ред. г. Шенрока). У меня сохранились только

довольно подробныя извлеченія изъ нихъ, собственно мѣстъ, касавшихся нѣкоторыхъ интересовавшихъ меня вопросовъ въ исторіи развитія Гоголя. Да и эти наброски и выписки сильно потерпѣли отъ бывшаго у меня пожара. Я тогда собирался писать объ отношеніяхъ писателя нашего къ поэмѣ его «Мертвыя души». Намѣреніе это такъ и осталось намѣреніемъ, хотя на лекціяхъ своихъ я студентамъ университета не разъ читалъ о «Мертвыхъ душахъ», пополняя свои сообщенія тѣмъ, что̀ слышалъ отъ А. О. Смирновой, Авдотьи Петровны Елагиной (Кирѣевской), Ивана Сергѣевича Аксакова, Софьи Михайловны Соллогубъ (рожд. Вьельгорской) и другихъ [1]). Въ настоящее время я подѣлюсь тѣмъ, что̀ сообщила мнѣ Александра Осиповна Смирнова. Читателю эти разсказы будутъ можетъ быть частью извѣстны, но, записанные прямо со словъ Александры Осиповны, они имѣютъ интересъ.

---

1) «Познакомилась я съ Гоголемъ еще въ дѣтствѣ... Меня рано увезли изъ Малороссіи, и воспоминанія о ней и дѣтствѣ какъ-то сплетались съ образомъ ребенка Гоголя, игравшаго со мной. Вотъ почему, встрѣтившись позднѣе въ Петербургѣ въ домѣ, гдѣ Гоголь давалъ уроки, я заинтересовалась «хохломъ», который былъ неловокъ и застѣнчивъ и совсѣмъ не интересенъ при первомъ знакомствѣ. Но меня влекла къ нему память о дѣтствѣ и дорогой Малороссіи, представлявшейся мнѣ въ какомъ-то таинственномъ полусвѣтѣ, какъ это говоритъ вашъ Лермонтовъ:

. . . . вечеръ ясный
Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ.

И въ этомъ таинственномъ полумракѣ рисовался мнѣ неясный образъ мальчика, разсказывавшаго мнѣ что-то, мастерившаго какую-то игрушку, а на синемъ небѣ съ алою полосою солнечнаго заката, причудливо обозначались узоры вишневыхъ деревьевъ, тянувшихся

---

[1]) Между прочимъ не безъинтересны были краткія сообщенія Эммануила Александровича Дмитріева-Мамонова, который часто видался съ Гоголемъ передъ смертью его и еще 5-го февраля (слѣд. за двѣ недѣли до смерти) снялъ съ писателя карандашемъ извѣстный профильный портретъ, приложенный къ запискамъ о жизни Гоголя Кулиша (тоже къ 4 тому Тихонравовскаго изд. сочиненій Гоголя и пр.). Мнѣ въ Дерптѣ Мамоновъ подарилъ карандашный набросокъ, сдѣланный съ Гоголя (и еще портреты нѣкоторыхъ славянофиловъ). Это только голова—и художникъ объяснилъ, что галстукъ и часть тѣла, вырисованные больше на печатныхъ экземплярахъ, были сдѣлана позднѣе. Подарилъ онъ мнѣ и литографію своего портрета, сдѣланную тоже въ 1852 г. На ней дата: 5 марта 1852 г. Когда я спросилъ, что̀ же это значитъ? Гоголь-то умеръ 21-го февраля, то Мамоновъ объяснилъ это просто ошибкой: „надо бы помѣтить 5-го февраля“. Находящійся у меня карандашный портретъ типичнѣе, жизненнѣе извѣстнаго всѣмъ печатнаго экземпляра. П. В.

вдоль плетня. Какъ и когда мы увидали другъ друга въ первый разъ, я никогда не могла вспомнить. Не разъ я задавала о томъ вопросъ Гоголю, но онъ всегда отвѣчалъ мнѣ:

— Никогда не было этого перваго раза. Мы всегда были съ вами знакомы.

А между тѣмъ онъ хорошо помнилъ свое дѣтство и любилъ порою возвращаться къ нему и разсказывать о немъ. Жаль, что я не записывала, а теперь всего въ памяти не возстановить. Въ памяти сохранился у меня разсказъ Гоголя о себѣ еще мальчикомъ:

— Было мнѣ лѣтъ пять. Я сидѣлъ одинъ въ Васильевкѣ. Отецъ и мать ушли. Оставалась со мною одна старуха няня, да и она куда-то отлучилась. Спускались сумерки. Я прижался къ уголку дивана и среди полной тишины прислушивался къ стуку длиннаго маятника старинныхъ стѣнныхъ часовъ. Въ ушахъ шумѣло, что-то надвигалось и уходило куда-то. Вѣрите ли — мнѣ тогда уже казалось, что стукъ маятника былъ стукомъ времени, уходящаго въ вѣчность. Вдругъ слабое мяуканье кошки нарушило тяготившій меня покой. Я видѣлъ, какъ она, мяукая, осторожно кралась ко мнѣ. Я никогда не забуду, какъ она шла, потягиваясь, а мягкія лапы слабо постукивали о половицы когтями, и зеленые глаза искрились недобрымъ свѣтомъ [1])... Мнѣ стало жутко! Я вскарабкался на диванъ и прижался къ стѣнѣ... Киса, Киса! пробормоталъ я и, желая ободрить себя, соскочилъ и, схвативъ кошку, легко отдавшуюся мнѣ въ руки, побѣжалъ въ садъ, гдѣ бросилъ ее въ прудъ и нѣсколько разъ, когда она старалась выплыть и выйти на берегъ, отталкивалъ ее шестомъ. Мнѣ было страшно, я дрожалъ, а въ то же время чувствовалъ какое-то удовлетвореніе, можетъ быть, месть за то, что она меня испугала. Но когда она утонула и послѣдніе круги на водѣ разбѣжались—водворились полный покой и тишина—мнѣ вдругъ стало ужасно жалко «кисы». Я почувствовалъ угрызенія совѣсти. Мнѣ казалось, что я утопилъ человѣка. Я страшно плакалъ и успокоился только тогда, когда отецъ, которому я признался въ поступкѣ своемъ, меня высѣкъ.

«Этотъ разсказъ, говорила Александра Осиповна, остался у меня особенно въ памяти изъ-за выраженія: «Стукъ времени, уходя-

---

[1]) Не вспомнилась ли Гоголю эта сцена изъ его дѣтства, когда онъ въ „Майской ночи“ описываетъ кошку, крадущуюся къ одиноко тоскующей дочкѣ сотника: „Глядитъ: страшная черная кошка крадется къ ней; шерсть на ней горитъ, и желѣзные когти стучатъ по полу“... Вѣдь извѣстно, что Гоголь каждую черту въ разсказахъ своихъ списывалъ съ натуры. Г. Свирбѣевъ въ шипѣвшихъ часахъ Коробочки, столь удивившихъ Павла Ивановича Чичикова, узналъ старинные часы въ столовой своего помѣстья, потерявшіе бой и хрипѣвшіе.

щаго въ вѣчность». И теперь еще, когда я одна въ комнатѣ, и при полной тишинѣ раздается щелканье маятника стѣнныхъ часовъ, мнѣ сдается, что густая, страшная, подавляющая густота какого-то тока проходитъ мимо меня, уходя въ пучину темнаго прошлаго, и «топить въ пропасти забвенья народы, царства и царей», а ужъ обо мнѣ и подобныхъ мнѣ смертныхъ—говорить нечего».

2) «Гоголь любилъ лакомиться, и у него въ карманахъ, особенно въ дѣтствѣ, всегда были какіе-либо пряники, леденцы и т. п. Живя въ гостиницѣ, онъ никогда не позволялъ уносить прислугѣ поданный къ чаю сахаръ, а собиралъ его, пряталъ гдѣ-нибудь въ ящикѣ и порою грызъ куски за работою или разговоромъ.

— Вотъ посмотрите,—сказала мнѣ Александра Осиповна, лежавшая на кушеткѣ, указывая на комодъ—выдвиньте ящикъ.

Я выдвинулъ. Онъ почти весь былъ полонъ кусками сахара.

— Этому научилъ меня Гоголь. Зачѣмъ—говоритъ онъ—оставлять его хозяину гостиницы, вѣдь мы за него уплатили...

Происходило это, конечно, не отъ скупости. Гоголь никогда не былъ скупымъ.

— Ну а вы,—спросилъ я, что́ станете дѣлать съ этимъ количествомъ сахара?

— Ужь, конечно, не возьму съ собою, а оставлю здѣсь, ну хоть въ пользу горничной. Пусть угощаетъ, кого знаетъ.

3) «У Гоголя всегда въ карманѣ была записная книжка, или просто клочки бумаги. Онъ заносилъ сюда все, что́ въ теченіе дня его поражало или занимало: собственныя мысли, наблюденія, уловленныя оригинальныя, или почему-либо поразившія его, выраженія и пр. Онъ говорилъ, что если имъ ничего не записано, то это потерянный день; что писатель, какъ художникъ, всегда долженъ имѣть при себѣ карандашъ и бумагу, чтобы наносить поражающія его сцены, картины, какія-либо замѣчательныя, даже самыя мелкія детали. Изъ этихъ набросковъ для живописца создаются картины, а для писателя—сцены и описанія въ его твореніяхъ. «Все должно быть взято изъ жизни, а не придумано досужей фантазіей» [1]).

4) «Гоголь, при всей своей застѣнчивости и нелюдимости, охотно вступалъ въ разговоры съ самыми разнообразными людьми.

— Мнѣ это вовсе не интересно,—говорилъ онъ, какъ бы оправдываясь,—но мнѣ необходимо это для моихъ сочиненій.

Въ Калугѣ онъ какъ-то перезнакомился въ Гостиномъ дворѣ со всѣми купцами и лавочниками. У нѣкоторыхъ засиживался и игралъ подолгу

---

[1]) Ср. Матеріалы для біогр. Гоголя, изд. Шенрокомъ, т. IV, стр. 941.

въ шашки. Его знали, не только какъ гостя, проживавшаго у губернатора, но и какъ автора «Ревизора», столь знакомой комедіи.

Братъ мой засталъ разъ цѣлую толпу купцовъ и приказчиковъ, разсматривавшихъ и примѣрявшихъ шляпу съ головы Гоголя, оставившаго ее въ лавкѣ, гдѣ купилъ новую. Шляпа была старая и грязная, всѣмъ велика, но ее надѣвали другъ другу на голову и острили по поводу «головнаго убора» писателя.

Но вообще Гоголь былъ тугъ на новое знакомство. Онъ утверждалъ, что вести знакомство можно только съ тѣми, у кого чему-либо можно научиться, или кого можно научить чему-либо. Познакомившись и заинтересовавшись человѣкомъ, Гоголь или внимательно слушалъ его, или обучалъ иногда самымъ элементарнымъ истинамъ, или просто вопросамъ практической жизни. Толкуя ихъ по-своему и придавая имъ особое значеніе, онъ смущалъ этимъ людей, а натуры обыденныя, любящія говорить свысока самыя банальныя истины, приводилъ въ негодованіе. Онѣ не на шутку сердились на расточавшаго непрошенныя поученія».

5) «Гоголь былъ доброжелателенъ къ людямъ, но требовалъ, чтобы непремѣнно входили въ его интересы. Придавая, особенно въ послѣдніе годы дѣятельности своей, большое значеніе своимъ сочиненіямъ, въ особенности «Мертвымъ душамъ», онъ и отъ другихъ требовалъ почтенія, и страннымъ образомъ не къ написанному—это можно было разбирать и бранить—но къ тому, что роилось у него въ мысляхъ, надъ чѣмъ онъ думалъ и день и ночь, но чего не говорилъ другимъ и не объяснялъ.

Тутъ Александра Осиповна изъ пачки Гоголевскихъ писемъ вынула письмо его къ ней отъ 25-го іюня 1845 года изъ Карлсбада и продиктовала мнѣ слѣдующій отрывокъ:

«Вы коснулись «Мертвыхъ душъ» и просите меня не сердиться на правду, говоря, что вы исполнились сожалѣнія къ тому, надъ чѣмъ прежде смѣялись. Другъ мой, я не люблю моихъ сочиненій, доселѣ бывшихъ и напечатанныхъ, и особенно «Мертвыхъ душъ», но вы будете несправедливы, когда будете осуждать за нихъ автора, принимая за карикатуру, насмѣшку надъ губерніями, такъ же, какъ были прежде несправедливы, хваливши. Вовсе не губернія и не нѣсколько уродливыхъ помѣщиковъ, и не то, что имъ приписываютъ, есть предметъ «Мертвыхъ душъ». Это пока еще тайна, которая должна вдругъ къ изумленію всѣхъ (ибо ни одна душа изъ читателей не догадалась) раскрыться въ послѣдующихъ томахъ, если бы Богу угодно было продлить жизнь мою и благословить будущій трудъ. Повторяю вамъ вновь, «что это еще тайна, и ключъ отъ нея покамѣстъ въ душѣ у одного только автора» [1])...

[1]) Интересно сравнить съ этимъ и письмо отъ 27-го января 1846 года у Шенрока. Т. III, стр. 141 внизу.

— Вотъ видите ли,—продолжала Александра Осиповна,—какъ Гоголь тщательно скрывалъ отъ другихъ значеніе своей безсмертной поэмы и въ то же время негодовалъ, что никто изъ читателей, и особенно друзей, не догадался, что онъ замышлялъ сдѣлать изъ своихъ «Мертвыхъ душъ», какое должно было быть вліяніе ихъ на Россію. Онъ такъ и говорилъ: на Россію, на судьбу Россіи, на развитіе русскаго общества или на развитіе русскаго человѣка. Онъ дѣйствительно сердился на меня и друзей, что мы не умѣли проникнуть въ его душу. Онъ говорилъ: «Отъ друзей не можешь требовать всегда сочувствія къ своимъ дѣламъ, но пониманія тебя должно требовать. Ибо что ты мнѣ за другъ, когда ты меня не понимаешь. Чѣмъ же ты будешь мнѣ полезенъ? Какъ ты меня убѣдишь и наставишь на путь истинный, когда и я, и мысли мои тебѣ непонятны?»

Гоголя сердило, что конецъ первой части «Мертвыхъ душъ», да еще два, три мѣста въ поэмѣ (очевидно, рѣчь шла о такъ называемыхъ лирическихъ мѣстахъ) остались непонятыми даже близкими ему.

— И Аксаковы, и друзья его, и мои могли думать, что восторгъ свой къ Россіи я выражаю по поводу Собакевичей и Ноздревыхъ!

— Такъ зачѣмъ же вы не объясняете друзьямъ своихъ плановъ?— спрашивала его Александра Осиповна.

— Довольно сказано,—возражалъ, раздражаясь, Гоголь. Вѣдь напечатано, что такое Чичиковъ, указано, что въ слѣдующихъ частяхъ должны появиться люди, передъ которыми всѣ мы преклонимся. Не виноватъ я, или нѣтъ, извините, виноватъ, что такъ выставилъ Ноздревыхъ, что всѣ въ нихъ увидали идеалъ русскаго человѣка, да и сами захотѣли стать ими.

Тутъ Гоголь разразился страшною бранью, не хуже своего Костанжоглы».

6) «Гоголь былъ очень нервенъ и боялся грозы. Разъ какъ-то въ Ниццѣ, кажется, онъ читалъ мнѣ отрывки изъ второй или третьей части «Мертвыхъ душъ», а это было не легко упросить его сдѣлать. Онъ упирался, какъ хохолъ (А. О. и называла его «хохликъ»), и чѣмъ больше просишь, тѣмъ сильнѣе онъ упирается. Но тутъ какъ-то онъ растаялъ, сидѣлъ у меня и вдругъ вынулъ изъ-за пазухи толстую тетрадь и, ничего не говоря, откашлялся и началъ читать. Я вся обратилась въ слухъ. Дѣло шло объ Улинькѣ, бывшей уже замужемъ за Тентетниковымъ. Удивительно было описано ихъ счастіе, взаимное отношеніе и воздѣйствіе одного на другаго.... Тогда былъ жаркій день, становилось душно. Гоголь дѣлался безпокоенъ и вдругъ захлопнулъ тетрадь. Почти одновременно съ этимъ послышался первый ударъ грома, и разразилась страшная гроза. Нельзя себѣ представить, что стало съ Гого-

лемъ: онъ трясся всѣмъ тѣломъ и весь потупился. Послѣ грозы онъ боялся одинъ идти домой. Віельгорскій взялъ его подъ руку и отвелъ.

Когда послѣ я приставала къ нему, чтобы онъ вновь прочелъ и дочиталъ начатое, онъ отговаривался и замѣчалъ:

— Самъ Богъ не хотѣлъ, чтобы я читалъ, что̀ еще не окончено и не получило внутренняго моего одобренія... Признайтесь, вы тогда очень испугались?

— Нѣтъ, хохликъ! это вы испугались,—сказала я.

— Я-то не грозы испугался, а того, что читалъ вамъ, чего не надо еще никому читать, и Богъ въ гнѣвѣ своемъ погрозилъ мнѣ» [1]).

7) «Гоголь смотрѣлъ на „Мертвыя души“ какъ на что-то, что̀ лежало внѣ его, гдѣ̀ долженъ былъ раскрыть тайны, ему заповѣданныя.

— Когда я пишу, очи мои раскрываются неестественною ясностью. А если я прочитаю написанное, еще неоконченнымъ, кому бы то ни было, ясность уходила съ глазъ моихъ. Я это испытывалъ много разъ. Я увѣренъ, когда сослужу свою службу и окончу, на что̀ я призванъ, то умру. А если выпущу на свѣтъ не созрѣвшее или подѣлюсь малымъ, мною совершаемымъ, то умру раньше, нежели выполню, на что̀ я призванъ въ свѣтъ.....

Своею службою царю и отечеству Гоголь называлъ свою писательскую дѣятельность, но не ту, что была за нимъ, а ту, что была впереди.

— Богъ вразумилъ государя, и онъ даетъ мнѣ возможность работать, онъ даетъ мнѣ средства — это мое жалованье за мою службу.... Неужели вы думаете, что онъ далъ бы мнѣ деньги за ту дрянь, что я написалъ? Да и эта дрянь полезна только тѣмъ, развѣ, что тоже дала мнѣ нѣкоторыя средства.... Да, это навозъ, но безъ него не вырости розанамъ».

8) «Гоголь любилъ со всѣми жить въ мирѣ. Онъ боялся кого-либо огорчить и искренно сѣтовалъ на то, что его не понимаютъ, какъ и на Бѣлинскаго, которому не отвѣчалъ.

Я принесъ Смирновой «Полярную Звѣзду» Герцена, гдѣ напечатано было извѣстное письмо Бѣлинскаго къ Гоголю въ отвѣтъ на его письмо, и затѣмъ опять отвѣтъ Гоголя на письмо Бѣлинскаго. («Полярная Звѣзда» 1855 г., стр. 62—77).

Александра Осиповна сказала, что отвѣта Гоголя не знала, но что въ немъ видна прекрасная душа Николая Васильевича, и что онъ только служитъ подтвержденіемъ всего того, что̀ она говорила о Гоголѣ.

Гоголь стремился къ тому, чтобы не только перезнакомить всѣхъ своихъ знакомыхъ, но постояннымъ его желаніемъ было сблизить друзей

---

[1]) Подобный же разсказъ изъ записокъ о жизни Гоголя воспроизведенъ Шенрокомъ (Мат. для біогр. Гоголя, т. III, стр. 194).

своихъ, чтобы всѣ были связаны однѣми общими узами дружбы и «жили между собою въ мирѣ и согласіи».

9) «Нѣмцевъ онъ не любилъ, но хранилъ благодарную память и любовь къ нѣкоторымъ изъ нѣмецкихъ писателей. Особенно благоволилъ къ Шиллеру и Гофману. Послѣдняго называлъ даже своимъ наставникомъ «при созданіи моихъ первыхъ юродивыхъ твореній». Но долго Гофманъ не могъ ужиться на малороссійскомъ хуторѣ. Хохолъ пересталъ понимать нѣмца, нѣмецъ—хохла и убѣжалъ, и мы послѣ не встрѣчались.

— Вы браните нѣмцевъ,—какъ-то сказала я ему,—ну, а Шиллера все-таки любите; а Шиллеръ тоже нѣмецъ.

— Шиллеръ!—отвѣчалъ Гоголь. Да когда онъ догадался, что былъ нѣмцемъ, такъ съ горя умеръ. А вы думали, отчего онъ умеръ?»

10) «Изъ разсказовъ Гоголя, которыми онъ любилъ занимать своихъ слушателей, Александра Осиповна передавала мнѣ довольно много. Но разсказы эти въ мастерской передачѣ Николая Васильевича и даже А. О. Смирновой, владѣвшей малороссійской рѣчью, имѣли свою прелесть, (тутъ было много малороссійскихъ анекдотовъ), а въ простой безыскусной передачѣ они теряютъ и смыслъ, и значеніе.

Таковъ, напр., разсказъ о маіорѣ, прибывшемъ въ селеніе на отведенную ему квартиру на краю города. Тщетно онъ спрашиваетъ у хохладенщика спичекъ и затѣмъ посылаетъ его раздобыть ихъ, строго наказывая хорошенько испытать, горятъ ли онѣ. Денщикъ возвращается не скоро. Маіоръ его ругаетъ, чиркаетъ спички объ стѣну, объ обшлагъ рукава, онѣ не вспыхиваютъ. Денщикъ объясняетъ, что, исполняя приказъ барина, перечиркалъ ихъ всѣ, и у него онѣ горѣли».

Пав. Висковатовъ-Висковатый.

Русская журналистика въ 1849—1874 гг.

(Изъ бумагъ М. В. Авдѣева).

19.

И. С. Тургеневъ—М. В. Авдѣеву.

18-го (30-го) апрѣля 1868 г.
Баденъ-Баденъ. Thirgartenstrasse, 3.

Сейчасъ получилъ ваше письмо, любезнѣйшій Авдѣевъ, и отвѣчаю немедленно, такъ какъ, повидимому, дѣло къ спѣху. Прежде всего о вашихъ переводахъ.

Переводы съ иностранныхъ языковъ печатаются въ Парижѣ туго и неохотно, потому что плохо идутъ съ рукъ. Диккенсъ не намъ чета, а ни одинъ изъ его романовъ не вышелъ вторымъ изданіемъ, между тѣмъ какъ какое-нибудь: Monsieur, Madame et Bébé—Г. Дроза уже 20-мъ изданіемъ вышло. Мои книги переводились, но собственно я ни копѣйки за это не получалъ никогда,—а переводчику въ видѣ великой милости платилось и то не всегда—франковъ 300, 400—аффера, какъ вы видите, не блестящая. Нечего и говорить, что ни одной моей книги не разошлось и перваго изданія, т. е. 2.400 экз. Меня просили уговорить издателя Гетцеля напечатать Дироня отличный переводъ «Князь Серебряный», а онъ едва-ли согласится. Сверхъ того есть еще затрудненіе: переводъ вашъ сдѣланъ русскимъ и вѣроятно написанъ тѣмъ московско-французскимъ языкомъ, который французамъ просто ужасенъ: приходится рѣшительно все передѣлывать, ибо мы русскіе и не подозрѣваемъ, какіе они пуристы. Двѣ мои книги были такъ переведены—и

---

[1]) См. „Русскую Старину“ августъ 1902 г.

переводчикамъ было объявлено, что впредь такой работы не примутъ. Со всѣмъ тѣмъ, если вы хотите попытаться и прислать мнѣ манускриптъ, я сдѣлаю все отъ меня зависящее, но предваряю васъ—великое уже будетъ со стороны издателя снисхожденіе, если онъ напечатаетъ даромъ (За «Fumée» безъ сравненія самый удачный мой романъ съ точки зрѣнія продажи въ Парижѣ я такъ же ничего не получилъ);— если же дадутъ 300 фр.—ce sera le bout du monde. Русскія дамы, желающія зарабатывать деньгу, должны придумывать нѣчто другое. Повторяю, пришлите рукопись: сдѣлаю все возможное.

Моей «Исторіей» [1]) въ Россіи всѣ рѣшительно недовольны, да всѣ, безъ исключенія. Я въ такихъ случаяхъ всегда охотно соглашаюсь съ критикой, но на этотъ разъ мнѣ кажется, что эта небольшая штучка не стоила такого негодованія. Еще бы я сталъ вкладывать мысль въ нее! Но я воображаю, что помимо мысли въ ней есть нѣчто: видно, я ошибся.

Я черезъ мѣсяцъ отправляюсь въ Россію, но въ Петербургѣ останусь всего два или три дня: я долженъ провести недѣль 6-ть въ Москвѣ и въ деревнѣ. Хорошо бы, если бы пришлось увидѣться. Потомъ я опять сюда возвращаюсь и живу до зимы здѣсь.

Вашъ романъ мнѣ понравился менѣе предыдущихъ вашихъ работъ. Умно и хорошо написано, но растянуто и чувствуется какое-то постоянное напряженіе—да и любовныхъ сценъ немножко много.

Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе: на счетъ «Войны и мира»—но есть красоты первоклассныя.

И такъ присылайте вашу рукопись, не мѣшкая, а я вамъ дружески жму руку. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

20.

И. С. Тургеневъ—М. В. Авдѣеву.

8-го (20-го) октября 1868 г.
Баденъ-Баденъ. Thirgartenstrasse, 3.

Очень радъ, что вы дали о себѣ вѣсточку, любезнѣйшій Михаилъ Васильевичъ, и спѣшу откликнуться съ своей стороны. Не знаю, извѣстно ли вамъ, что я нынѣшнимъ лѣтомъ ѣздилъ въ Россію, на возвратномъ пути изъ деревни схватилъ въ Москвѣ новый припадокъ подагры, съ трудомъ сюда дотащился и два мѣсяца не могъ надѣть сапога, а потому и не охотился; но вотъ уже 6-ть недѣль, какъ все пришло въ порядокъ, и я имѣлъ уже нѣсколько удачныхъ охотъ. Такъ же, какъ вы,

[1]) Повѣсть Тургенева „Странная исторія".

я написалъ повѣсть и такъ же, какъ вы, я не совсѣмъ доволенъ ею: больно мрачная она уже вышла. Поправлю и отошлю въ «Русскій Вѣстникъ» Каткову, если онъ возьметъ. Теперь началъ возиться съ литературными воспоминаніями, которыя должны составить нѣчто въ родѣ предисловія къ новому изданію моихъ сочиненій.

Вы, я вижу, были дѣятельнѣе меня... Похвально! Особенно любопытно было бы мнѣ послушать вашу комедію.

О «переводящихъ» дамахъ ни слуху, ни духу; когда вашъ романъ выйдетъ отдѣльнымъ изданіемъ, пришлите его; быть можетъ, откроется возможность его пристроить.

Жемчужниковъ писалъ мнѣ недѣли три тому назадъ изъ Швейцаріи, что онъ на зиму поселяется въ Штутгардѣ. Онъ очень огорченъ потерею своей младшей дочки.

Зиму провожу по обыкновенію здѣсь, а быть можетъ и въ Карлсруэ, во всякомъ случаѣ думаю въ февралѣ побывать въ Петербургѣ и остаться тамъ около мѣсяца. Тогда увидимся.

Въ домѣ своемъ я живу уже съ 15-го апрѣля, и очень онъ удобенъ.

Странное же вамъ попалось ружье! Здѣсь другихъ ружей и не видно—старыя съ шомполами всѣ исчезли—но никто и не слыхивалъ о томъ, чтобы оба ствола стрѣляли разомъ.

Будьте здоровы, дружески жму вашу руку. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

21.

И. С. Тургеневъ—М. В. Авдѣеву.

21-го сентября (3-го октября),
воскресенье, 1869 г. Баденъ-Баденъ.

Я очень обрадовался, любезнѣйшій Авдѣевъ, получивъ наконецъ вѣсточку отъ васъ; мнѣ такъ же очень пріятно было узнать, что вы намѣрены издавать журналъ. Я всегда думалъ, что вы вполнѣ способны на подобное дѣло, и съ нетерпѣніемъ ожидаю васъ à l'oeuvre. Что же касается до моего сотрудничества, то позвольте объясниться съ вами со всею откровенностью старинной пріязни. То, что вы мнѣ предлагаете и ожидаете отъ меня, совершенно несвойственно моей натурѣ. Не говоря уже объ обуявшей меня лѣни, но я не умѣю писать подобнаго рода статьи. Лучшее доказательство тому — слѣдующій фактъ. Два года тому назадъ я обѣщалъ одному московскому издателю Салаеву доставить ему нѣсколько отрывковъ изъ литературныхъ моихъ воспоминаній, которыя онъ напечатаетъ въ видѣ предисловія къ новому изданію; и только вчера послалъ ему послѣдній отрывокъ. И какъ это все куцо, неловко, неразвито! А главное—какъ этотъ вздоръ утомилъ меня!

Какъ неохотно я приплеталъ строку къ строкѣ! Рѣшительно я такихъ вещей больше писать не буду. Живя за границей въ отдаленіи отъ русской почвы, я точно также большихъ повѣстей сочинять уже не въ силахъ; одинъ небольшой разсказецъ—много два—во весь годъ я могу еще высидѣть и только! Если бы у меня было теперь что-нибудь готовое, я бы съ охотой предложилъ вамъ; но единственный разсказъ (въ 16-ть страничекъ), находящійся въ моемъ портфелѣ, запроданъ «Вѣстнику Европы». Вы видите сами, что сотрудникомъ въ вашемъ смыслѣ я вамъ быть не могу; я знаю, что вы повѣрите мнѣ. Браните меня за мою лѣнь, за мой абсентэизмъ, но не сомнѣвайтесь въ моей искренной готовности быть вамъ полезнымъ. Если я въ теченіе зимы напишу что-нибудь путное, то я конечно не обойду васъ.

За симъ желаю вамъ всего хорошаго, здоровья, терпѣнія, успѣха. Я «Дѣло» не получилъ и потому не имѣю о немъ много понятія; но я знаю, что въ немъ сосредоточились молодыя, нѣсколько еще не перебродившія силы, которыя вамъ предстоитъ направить по настоящей дорогѣ.

Зиму я провожу здѣсь, быть можетъ, въ Веймарѣ; но раньше декабря отсюда не выѣду. Дружески жму вамъ руку. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

22.

И. С. Тургеневъ—М. В. Авдѣеву.

25-го января 1870 г. Вторникъ.
Баденъ-Баденъ. Thirgartenstrasse, 3.

Небольшое путешествіе въ Парижъ помѣшало мнѣ тотчасъ отвѣчать на ваше письмо, любезнѣйшій Авдѣевъ, при'томъ же и дѣла накопилось довольно: теперь вышла минута свободная, и я берусь за перо.

Сперва о васъ. Мнѣ жаль, что вамъ не удалось попасть въ дѣятельную текучую журналистику, къ которой вы очевидно имѣете и склонность и расположеніе. Письмо ваше въ «Вѣстникѣ Европы» интересно и дѣльно; позволяю себѣ замѣтить, что въ немъ еще чуется нѣкоторый литературный запахъ, который слѣдуетъ вывести: я хочу сказать, что читателю не слѣдуетъ замѣчать литературнаго пошиба своего корреспондента. Повѣсть вашу я не прочелъ за неимѣніемъ здѣсь «Дѣла» (на будущій годъ я подписался); что же касается до переведеннаго на французскій языкъ романа, то повторяю: не выправивши его окончательно, нечего и представлять его на судъ издателямъ въ Парижѣ: они безусловно и немедленно его отвергнутъ. Французская рѣчь, такъ какъ она живетъ въ русскихъ устахъ—имъ особенно противна, а потому пришлите

рукопись: я постараюсь найти француза, который приведетъ ее въ порядокъ, и тогда я все сдѣлаю, чтобы исполнить ваше желаніе.

А теперь скажу два слова и о самомъ себѣ. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что русскій писатель, поселившійся въ Баденѣ, тѣмъ самымъ осуждаетъ свое писательство на скорый конецъ. Я на этотъ счетъ не обманываюсь, но такъ какъ этого передѣлать нельзя, то и толковать объ этомъ нечего. «Странная исторія», о которой вы говорите—бездѣлка,—да я и не способенъ теперь на большее, но неужели вы до того потонули въ современности, что не допускаете никакихъ не современныхъ типовъ?—Я «отсталъ»—съ своей Софи—еще бы!—да я, пожалуй, еще дальше назадъ хвачу; — Софи не возбуждаетъ ничего кромѣ презрительнаго сожалѣнія, и этого, по-моему, еще много. Неужели каждый характеръ долженъ непремѣнно быть чѣмъ-то въ родѣ прописи: вотъ, молъ, какъ надо, или не надо, поступать? Подобныя лица жили, стало быть, имѣютъ право на воспроизведеніе искусствомъ. Другаго, безсмертія, я не допускаю; а это безсмертіе, безсмертіе человѣческой жизни—въ глазахъ искусства и исторіи—лежитъ въ основаніи всей нашей дѣятельности. Вы находите, что я увлекаюсь мистицизмомъ, и приводите въ примѣръ эту «Исторію», «Призраки» и Ергунова (хотя что собственно мистическаго въ Ергуновѣ, я понять не могу, ибо хотѣлъ только представить незамѣтность перехода изъ дѣйствительности въ сонъ, что всякій на себѣ испыталъ); но могу васъ увѣрить, что меня исключительно интересуетъ одно: физіономія жизни и правдивая ея передача, а къ мистицизму во всѣхъ его формахъ я совершенно равнодушенъ и въ фабулѣ «Призраковъ» видѣлъ только возможность провести рядъ картинъ. Вы указываете на неизбѣжность недоразумѣній; но, душа моя, мы съ вами перешагнули за 5-й десятокъ и должны знать, что избѣгнуть этой бѣды совершенно невозможно, да и какая въ этомъ бѣда?—Перемелется — мука будетъ; а не окажется муки, шелухѣ туда и дорога.

Вашъ упрекъ на счетъ рекомендаціи молодымъ литераторамъ русскаго языка я, признаюсь, не могъ постигнуть: и такъ я его вертѣлъ и инако—ничего не выходило. Я просто, какъ нѣкій ветеранъ, позволилъ себѣ обратить вниманіе моихъ молодыхъ сверстниковъ на распущенность и вялость нынѣшняго слога. Никакой тутъ подколодной змѣи въ видѣ темнаго намека не было.

Вотъ сколько я наговорилъ! остается сказать вамъ, что съ 1-го февраля н. ст. я переселяюсь на $2^1/_2$ мѣсяца въ Веймаръ; что въ апрѣлѣ я отправляюсь въ Россію и останусь тамъ до іюля. Надѣюсь свидѣться съ вами въ Петербургѣ, а до тѣхъ поръ будьте здоровы и веселы. Дружески жму вамъ руку. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

23.

Алексѣй Ник. Веселовскій [1])—М. В. Авдѣеву.

27-го февраля 1870 г. Москва.

Давно собирался я представить вамъ отчетъ объ исполненіи «Мѣщанской семьи», уважаемый Михаилъ Васильевичъ, и только теперь могу исполнить мое намѣреніе. Не говоря уже о первомъ представленіи, куда грѣхи не пускали, но и на второе и на третье я не могъ достать билета, такъ какъ занятія не позволяли съ ранняго утра находиться уже у кассы; когда же продѣлалъ это и, на масляницѣ, добылъ намъ билеты, уже было четвертое представленіе пьесы. Результатъ всѣхъ наблюденій тотъ, что она имѣетъ положительный успѣхъ и идетъ прекрасно. Имѣя случай сталкиваться съ личностями изъ разнороднѣйшихъ сферъ, я убѣдился, что «Мѣщанская семья» возбуждаетъ всюду интересъ, ее спѣшатъ смотрѣть и даютъ чаще многихъ пьесъ, имѣвшихъ успѣхъ въ теченіе сезона. Перейду къ игрѣ актеровъ. Всѣ они исполнили, какъ я уже сказалъ, свое дѣло добросовѣстно. Въ этомъ случаѣ первенство безспорно принадлежитъ Шумскому, который изъ небольшой роли князя Темникова сдѣлалъ одно изъ характернѣйшихъ лицъ пьесы; костюмъ, гримировка, поступь, отрывистыя фразы, оттѣненныя съ мастерствомъ, важная осанка съ легкой краской бури,—все это невольно поражало въ Шумскомъ; живыя рукоплесканья встрѣчали и провожали его. Самаринъ, какъ вы и ожидали, былъ вполнѣ у мѣста въ роли Кубарева; Акимова и Васильева сдѣлали каждая свое дѣло безукоризненно. Ихъ костюмы на балу были придуманы съ рѣдкимъ умѣньемъ; Васильева была настоящей старой дѣвой, что̀ рѣдко удается изобразить нашимъ актрисамъ. Когда же, придя въ гостиную Кубаревыхъ, Анфиса видитъ деревенскихъ гостей и кидается на шею своей старой пріятельницѣ, Васильева такъ наивно порхнула, а Акимова нашла въ груди своей такой неподдѣльный радостный писк, что минута заключенія въ объятія вышла дотого уморительна и въ то же время далеко не похожа на фарсъ, что не только вся публика, но и актеры не могли удержаться отъ смѣха, невольно прервали дѣйствіе на нѣсколько минутъ. Садовскій роль свою игралъ спустя рукава и вполнѣ безцвѣтно, но, разумѣется, не портилъ; Вильде, не смотря на нѣсколько рутинные пріемы, правдиво передалъ колебанія молодаго Пѣнкина и хорошо ушелъ отъ отдающейся ему дѣвушки. Ѳедотова на этотъ разъ была не слезлива и мелодраматична, но вполнѣ естественна, въ особенности въ словахъ, произносимыхъ ею послѣ ухода Пѣнкина въ концѣ пьесы. Объ остальныхъ, болѣе второстепенныхъ ли-

[1]) За разрѣшеніе напечатать какъ это, такъ и нижеслѣдующія письма, редакція приноситъ А. Н. Веселовскому искреннюю благодарность.

цахъ говорить не буду. Ваша нижегородская знакомка Таланова заслуживаетъ въ числѣ ихъ особаго упоминанія; она держалась съ особымъ тактомъ, свойственнымъ многопожившей на свѣтѣ и скептически относящейся къ новой средѣ, старой женщинѣ. Только чуланъ, куда ее запрятали на время бала, былъ черезчуръ уродливъ и къ тому же темный. Итакъ ансамбль былъ хоть куда.

Позвольте сказать нѣсколько словъ о пьесѣ. Помнится, вы говорили, что прологъ (или, лучше сказать, первое дѣйствіе) не исполняется въ Петербургѣ; не сердитесь, если я пожелаю того же и для Москвы. Органической связи съ цѣлымъ пьесы онъ не имѣетъ, вводитъ лица, которыя за тѣмъ болѣе не встрѣчаются (мать Пѣнкина), и въ заключеніе нѣсколько обрывисто порывается. Начавъ пьесу прямо со втораго дѣйствія, откуда начинается живое и безостановочное развитіе интриги, вы нисколько не подорвете ея впечатлѣнія. Я не скажу, чтобы вы были правы, находя, что въ пьесѣ мало дѣйствія, что оно недостаточно быстро движется впередъ. Мнѣ кинулось въ глаза лишь нѣсколько бѣглыхъ, собственно сценическихъ недосмотровъ, вполнѣ естественныхъ въ первомъ произведеніи, назначенномъ вами для сцены. Такова, напр., нѣкоторая суетливость входовъ и выходовъ въ первомъ дѣйствіи, когда зритель постоянно видитъ передъ собой новыя лица, но подъ часъ и просто опустѣвшую сцену. Такова нѣкоторая неожиданность въ завершеніи актовъ, на что я указывалъ сейчасъ; зрителя нѣсколько поражаетъ эта внезапность паденія занавѣса въ тотъ моментъ, когда по общему ходу дѣйствія онъ не могъ ожидать этого,—но повторяю, все это мелочи, которыя сами исчезнутъ при ближайшемъ ознакомленіи съ сценическими условіями. Теперь же начало уже сдѣлано, и сдѣлано съ успѣхомъ, нечего говорить, что я ни въ одной чертѣ пьесы не могъ найти объясненія, почему Любимовъ такъ открещивался отъ нея. Видно, у этихъ господъ своя логика!

Вотъ нѣсколько бѣглыхъ словъ о «Мѣщанской семьѣ». Надѣюсь, что для васъ они будутъ имѣть нѣкоторый интересъ: сообщая ихъ вамъ, я «выковалъ новое звено» въ той связи, которая сблизила насъ когда-то столь случайно на чужбинѣ [1]) и снова не менѣе случайно свела въ Москвѣ. Желалъ бы я, чтобъ эта связь не порывалась и вы не забыли уважающаго васъ А. Веселовскаго.

---

[1]) Я встрѣтился съ М. В. Авдѣевымъ зимою 1865—66 г. въ Монтрэ, гдѣ провелъ съ нимъ нѣсколько недѣль въ Pension Anglaise; мы были неразлучны и дома, и на прогулкахъ, и онъ былъ неистощимъ въ воспоминаніяхъ и разсказахъ о своихъ родныхъ стерлитамацкихъ краяхъ, о Петербургѣ въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ, о кружкѣ „Современника“, о Тургеневѣ и о Герценѣ, съ которымъ онъ только-что передъ тѣмъ свидѣлся въ Женевѣ. Съ нами одно время жилъ знакомый всѣмъ заграничнымъ русскимъ той поры

24.

Алексѣй Никол. Веселовскій—М. В. Авдѣеву.

1870 г., начало ноября. Москва.

Милостивый государь Михаилъ Васильевичъ!

Радуюсь, что добрый случай даетъ мнѣ возможность напомнить вамъ о себѣ и немногихъ дняхъ, когда-то проведенныхъ нами вмѣстѣ. Я имѣю къ вамъ просьбу, которую вы, можетъ быть, найдете возможнымъ исполнить. Въ Москвѣ будетъ выходить съ новаго года журналъ «Бесѣда», основываемый на деньги извѣстнаго Кошелева и имѣющій цѣлью, между прочимъ, отвоевать поле у Каткова и К° [1]). Редакторъ новаго журнала, Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ, проситъ меня передать вамъ приглашеніе сотрудничать въ его изданіи и, въ случаѣ, если у васъ есть въ-готовѣ хоть небольшая вещица, прислать ее такъ, чтобы она могла быть помѣщена въ первой же книгѣ. Отъ себя я уже намекнулъ, что менѣе 200 рублей вы не возьмете. Журналъ же будетъ на расплату скоръ, такъ какъ фондъ, назначенный на его поддержку, весьма великъ. Программа журнала и его направленіе такого рода, что вы съ нимъ почти во всемъ сойдетесь. Кажется, впрочемъ, что, сочувствуя женскому вопросу, редакція не желала бы видѣть на страницахъ журнала требованіе полной отмѣны брака и т. д. И тутъ, стало быть, дѣло въ формѣ; то же высказанное такъ, чтобы читателю было предоставлено дѣлать свой выводъ, будетъ вполнѣ допущено,—это я говорю, конечно между нами и отъ себя, для вашего свѣдѣнія. Итакъ, если вы найдете что-либо прислать въ «Бесѣду», то благоволите адресовать посылку Сергѣю Андреевичу Юрьеву, на углу 4-й Мѣщанской и Садовой, въ д. Пятницкихъ. Повторяю, что присылкой въ возможно скорѣйшемъ времени вы въ особенности обязали бы насъ.

д-ръ Бакстъ (братъ извѣстнаго издателя), появлялся изрѣдка землякъ Авдѣева Жуковскій, умный собесѣдникъ, прекрасный піанистъ-импровизаторъ, эмигрировавшій во время первыхъ студенческихъ волненій начала шестидесятыхъ годовъ, впослѣдствіи весьма популярный въ рабочей партіи Швейцаріи публицистъ. А. В.

[1]) Просуществовавшій лишь два года, 1871 и 1872, московскій журналъ „Бесѣда“ останется навсегда въ исторіи новой нашей журналистики любопытнымъ примѣромъ компромисса между славянофилами и западниками. Задуманный даровитымъ и независимо мыслившимъ Юрьевымъ, онъ привлекъ на свою сторону многихъ въ западническомъ лагерѣ, раздражилъ славянофиловъ и изнемогъ отъ каръ тогдашней администраціи, которая конфисковала и уничтожала одну книгу за другой. Подробнѣе объ этомъ въ моей статьѣ „Воспоминанія о старомъ другѣ“ въ кн. „Этюды и характеристики“. М. 1894. А. В.

25.

М. В. Авдѣевъ—Алексѣю Ник. Веселовскому.

6-го ноября 1870 г. Петербургъ.

Очень, очень вамъ благодаренъ, любезнѣйшій Алексей Николаевичъ за вашу память и любезное приглашеніе, хотя долженъ сказать, что послѣднее меня нѣсколько удивило. «Бесѣда», какъ я слышалъ, будетъ органъ славянофиловъ, которые всегда выказывали нѣкоторую враждебность и нетерпимость къ людямъ моихъ убѣжденій: очень радъ, если «Бесѣда» измѣнится въ этомъ отношеніи къ лучшему. Что касается до меня—то я съ удовольствіемъ готовъ принять приглашеніе: «Бесѣда» будетъ безъ сомнѣнія органъ честный, съ которымъ дѣло имѣть пріятно; найдутся стороны и сходственныхъ убѣжденій; участвуя въ немъ, себѣ я не измѣню, а въ какой мѣрѣ буду подходить подъ тонъ редакціи—это уже ея дѣло. Но... первое «но» состоитъ въ томъ, что у меня въ настоящее время,—да и врядъ ли скоро будетъ и впредь, нѣтъ никакой повѣсти. Была «Сухая любовь», да отдалъ въ «Дѣло», и вообще повѣсти врядъ ли буду писать: высказывать въ нихъ свои воззрѣнія—вещь очень неудобная и неблагодарная, и я отъ нея откажусь, да кажется и старъ становлюсь для повѣстей. Можетъ, напишу еще на досугѣ романъ безъ сложныхъ тенденцій—но и это въ будущемъ. Теперь я кончаю и могу предложить большую критическую статью «Герои и героини русской литературы» (я не окрестилъ еще хорошенько). Я въ ней перебираю героевъ, начиная съ Чацкаго, Онѣгина, Софьи, Татьяны и пр., всѣхъ представителей общественной мысли (Чичиковъ и подобные—не входятъ), и въ мужской половинѣ разбираю ходъ и развитіе «гражданской» мысли и въ обществѣ, а въ женской взгляды и отношенія этой половины къ вопросамъ любви, брака и пр. Отрицанія брака нѣтъ (да я вообще и не отрицаю его,—что пользы отрицать стѣну (?), но не знаю, сойдемся ли съ редакціей въ другихъ взглядахъ, хотя крайностей въ моихъ нѣтъ)[1]. Если редакція захочетъ, то я пришлю ей половину 1-й ч. (во всей статьѣ листовъ 10), другая готова, но въ перепискѣ. Если это предложеніе не по желаніямъ редакціи, то не сойдемся ли на слѣдующемъ: я готовъ ежемѣсячно писать ей «Петерб. письма». Образецъ можетъ она видѣть въ 1-й книжкѣ «В. Евр.» за нынѣшній годъ. Я съ Стасюлевичемъ разошелся потому, что онъ нашелъ слѣдующее письмо неудобнымъ въ печати, но можно будетъ ихъ изла-

[1]) Очерки, о которыхъ идетъ рѣчь, вышли потомъ отдѣльной книгой въ Петербургѣ, въ 1874 году.

гать легче (хотя то было очень пусто) и въ другомъ тонѣ потому, что тутъ главное тонъ, а смыслъ можетъ быть только жидкій при нынѣшнихъ условіяхъ печати. Въ письмахъ и статьяхъ моихъ можно оговориться, что если редакція не раздѣляетъ всѣхъ моихъ воззрѣній, то оставляетъ ихъ какъ мои. Письма могу подписывать или писать подъ псевдонимомъ.

26.

М. В. Авдѣевъ—Алексѣю Никол. Веселовскому.

31-го января 1871 г. Петербургъ, Невскій 54, кв. 57.

Я виноватъ передъ вами, уважаемый Алексѣй Николаевичъ, что до сихъ поръ не отвѣчалъ на ваше послѣднее письмо (была спѣшная работа). По дѣлу о «Бесѣдѣ» и отвѣчать собственно нечего: не сошлись въ условіяхъ, и баста. Но мнѣ хотѣлось сказать вамъ, что вы сильно ошибаетесь, если полагаете, что неудавшіеся переговоры могли повліять на наши отношенія. Они, пожалуй, и повліяли, но тѣмъ, что доставили мнѣ случай убѣдиться въ вашемъ добромъ расположеніи и памяти обо мнѣ, потому что я едва-ли ошибусь, полагая, что мысль о приглашеніи меня въ сотрудники «Бесѣды» подана ея редакціи вами. Если же переговоры не привели къ удачѣ, то чѣмъ же вы-то виноваты? Да и изъяну отъ этого я ни малѣйшаго не получилъ. Кстати! Если хотите имѣть о статьяхъ понятіе, то прочтите въ газетѣ «Недѣля» отрывокъ изъ нихъ подъ заглавіемъ «Рудинъ» (въ 1 №), и «Наташа» и «Елена» въ сегодняшнемъ (кажется 5). Самыя статьи я еще додѣлываю (о женщинахъ) и сбытомъ ихъ нисколько не озабоченъ.

А теперь въ свою очередь есть у меня къ вамъ небольшая просьба. Мнѣ изъ московской театральной дирекціи приходится что-то еще за одно или два представленія моей комедіи. Такъ какъ комедія похоронена, вѣроятно, навсегда (почему это случилось въ Москвѣ, гдѣ она имѣла успѣхъ, я право не понимаю), то надо бы закончить счеты, а такъ какъ на это требуется нѣсколько дней, а я обыкновенно останавливаюсь на нѣсколько часовъ, то будьте добры справьтесь, что̀ нужно сдѣлать, чтобъ получить эти деньги заочно, т. е. просить ли о присылкѣ сюда или прислать кому довѣренность (если только не нужно гербовой). Много меня обяжете, увѣдомивъ объ этомъ, а если встрѣтите Самарина (актера), то передайте ему мой поклонъ.

P. S. Что же однако не появляется ваша «Бесѣда»? Я думаю, у нея съ такими пріемами окажется всего 400 подписчиковъ. Въ Калугу поѣхала Люд. П. Шелгунова. Она взяла у меня вашъ адресъ, чтобъ по-

бывать у васъ. Вотъ если вы ей дадите работу для «Бесѣды», то удружите и ей, и журналу: она переводчица отличная, а я, судя по православной программѣ, врядъ ли бы пришелся по шерсти журналу.

27.

И. С. Тургеневъ—М. В. Авдѣеву.

10-го (22-го) мая 1871 г. Лондонъ.

Любезнѣйшій Авдѣевъ. Отъ Анненкова узналъ, что вы снова вернулись къ себѣ въ деревню, а также, что вы прислали оттуда весьма теплое и сочувственное письмо по поводу ложнаго слуха о кончинѣ г-жи Віардо. Слава Богу, она жива и здорова; а то безъ сомнѣнія, мнѣ было бы очень плохо: эта привязанность срослась съ моею жизнью, и безъ нея я былъ бы какъ безъ воздуха; искренно благодарю васъ за сочувствіе и жму вамъ руку.

Я остаюсь здѣсь до августа, потомъ отправляюсь въ Баденъ, а въ ноябрѣ вѣроятно буду опять въ Петербургѣ. Но все это во власти судебъ.

Работа моя совсѣмъ замерла; да и не хочется писать. Я наблюдаю, сколько могу, англійскую жизнь: она суховата, но интересна.

Вчера вечеромъ пришло извѣстіе, что правительственныя войска наконецъ вошли въ Парижъ; но это еще не конецъ, да и не начало: каша была, каша и будетъ. Finis Franciae!

Черкните мнѣ два слова изъ своего «далека»,—не знаю «прекрасно» ли оно. Мнѣ очень будетъ пріятно услыхать вѣсточку о васъ отъ васъ самихъ.

Будьте здоровы и работайте, коли вамъ это еще по вкусу. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

P. S. Посылаю вамъ новую мою карточку, которую считаютъ удачной.

28.

Алексѣй Ник. Веселовскій—М. В. Авдѣеву.

Москва, іюль 1872 г.

Многоуважаемый Михаилъ Васильевичъ.

Вы имѣли полное основаніе сердиться на «Бесѣду», какъ имѣю основаніе сердиться на нее за васъ и я. Послѣ долгой проволочки, я увидалъ, что вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ вашей статьѣ не бывать въ этомъ журналѣ. Обстоятельства эти вотъ какія: въ одномъ

изъ недавнихъ № № была помѣщена примѣчательная статья Евг. Маркова, протестовавшая противъ ханжескаго направленія школы у насъ. Статья была горячая и, охватывая въ своемъ обзорѣ развитіе общественной мысли, съ большимъ сочувствіемъ упоминала о Бѣлинскомъ. Что же вы думаете? Остатки славянофильскаго кружка (потому что онъ вымираетъ) сочли себя оскорбленными этою статьей. При посредствѣ Погодина они возстановили Кошелева противъ статьи и противъ Юрьева, говоря, что статья есть крайнее проявленіе нигилизма, что она возстаетъ не противъ ханжества и лживой религіозности, а противъ преподаванія закона Божія вообще и т. д. Что же касается Бѣлинскаго, который, какъ извѣстно, много насолилъ Погодину, то совѣтчики Кошелева увѣрили его, что хвалы Бѣлинскому въ славянофильскомъ журналѣ составляютъ измѣну направленію; они сказали ему, что патріархи славянофильства перевернулись бы въ гробахъ своихъ, еслибъ могли увидѣть это. Заметался нашъ Кошелевъ и несмотря на отговоры Юрьева и другихъ помѣстилъ, скрывъ имя, недоумѣніе въ слѣдующемъ же № «Бесѣды». Юрьева страшно взбѣсила вся эта глупая исторія, и онъ въ той же книжкѣ помѣстилъ свой довольно рѣзкій, хотя и многословный отвѣтъ, гдѣ заступался за Маркова, отстаивалъ Бѣлинскаго и т. д. Кошелевъ наконецъ сдался и увидѣлъ, что его морочили. Тѣмъ не менѣе сношенія съ нимъ по журналу заставили Юрьева быть осторожнѣе и выжидать. Поэтому-то онъ убоялся и вашей статьи, гдѣ столько разъ вы касаетесь оцѣнки Бѣлинскимъ различныхъ героевъ... Печально писать это, а между тѣмъ это правда. Я долженъ только еще разъ извиниться передъ вами, умывая руки въ этомъ дѣлѣ. Мое желаніе было по крайней мѣрѣ добросовѣстно.

Я хочу въ завершеніе немножко васъ пожурить. Романъ Андре Лео, котораго вы побранили въ письмѣ, вовсе не такъ слабъ, какъ вамъ кажется; въ немъ есть главы горячо и искусно написанныя. Это одно, а второе,—причина его помѣщенія,—желаніе доставить работу Жуковскому и его знакомымъ; это ихъ переводъ, помѣщаемый вслѣдствіе хлопотъ моихъ и маленькаго-горбатенькаго [1]), вамъ вѣрно памятнаго.

Если будете въ Москвѣ, загляните къ намъ на старую квартиру. Быть можетъ, вы меня не застанете, такъ какъ черезъ недѣлю я поѣду на мѣсяцъ въ Остенде. Въ такомъ случаѣ жена будетъ очень рада васъ видѣть и разскажетъ вамъ о нашихъ литературныхъ дѣлахъ.

---

[1]) О Жуковскомъ и Бакстѣ („маленькомъ-горбатенькомъ“) см. выше примѣчаніе стр. 499.

29.

М. В. Авдѣевъ—Алексѣю Ник. Веселовскому.

Петербургъ, 22 ген. 73.

Прежде всего позвольте пожурить васъ, любезнѣйшій Алексѣй Николаевичъ. Какъ вамъ не грѣхъ, доставляя хоть разъ мнѣ случай въ свою очередь быть вамъ полезнымъ и отплатить хоть немного своей услугой за многія докуки и просьбы, начинать съ извиненій. Но къ дѣлу. Получивъ ваше письмо, я немедленно вмѣстѣ съ своимъ разъясненіемъ отправилъ его Гайдебурову [1]), но вотъ уже, кажется, больше недѣли не получаю отъ него ни слова и вчера опять писалъ къ нему, но посланный его не засталъ, и я отвѣта до сихъ поръ не имѣю. Впрочемъ, зная бѣдность газетки, бѣдность, объясняющуюся ея скукой, я не думаю, чтобъ сотрудничество въ ней было бы сколько-нибудь выгодно въ денежномъ отношеніи, и потому искалъ для васъ другой работы и, составивъ записочку, передалъ ее сотрудникамъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» Скальковскому и де-Роберти, чтобъ они передали ваше желаніе работы въ редакцію. Это я сдѣлалъ самовольно, потому что «Петербургскія Вѣдомости» однородны съ «Недѣлей», и участвовать въ нихъ не зазорно. Сотрудники мнѣ сказали, что редакціи это весьма на руку, потому что она ищетъ корреспондента изъ Москвы и что, если не ошибаемся, братъ вашъ въ «Петербургскія Вѣдомости» пишетъ письма изъ Италіи. Но вотъ и съ этой стороны прошло болѣе недѣли и не смотря на то, что я почти ежедневно вижу этихъ господъ въ клубѣ (гдѣ мы обѣдаемъ) и напоминаю каждый разъ—записка о васъ еще и не дошла до редакціи, ибо то тотъ забудетъ, то другой, то Скальковскій передаетъ ее де-Роберти, то де-Роберти Скальковскому. Вотъ мой неутѣшительный отвѣтъ [2]). Пишу его, чтобъ вы только не бранили меня за бездѣйствіе. Буду понукать и добиваться отвѣта и, получивъ его, немедленно вамъ сообщу,—а болѣе сдѣлать не могу ничего! Жаль мнѣ очень «Бесѣды» и сожалѣю не я одинъ. Какъ это Юрьевъ не протянулъ еще съ годъ—а тамъ дѣло бы окупилось. А я, представьте—только-что хотѣлъ посылать ей мою комедію, которую театр. ценз. запретила, а подцензурное Дѣло печатать не осмѣливается. Впрочемъ, при томъ гоненіи, которое преслѣдуетъ

[1]) Горячо отнесясь къ участи сотрудника закрытой „Бесѣды“, Авдѣевъ прежде всего свелъ меня на многіе годы съ „Недѣлей“, въ лучшее время ея существованія.

[2]) Авдѣеву удался и этотъ планъ. Съ 1873 года до перехода „Спб. Вѣдомостей“ отъ Валентина Корша въ другія руки я велъ въ нихъ московскія письма и фельетоны за подписью Х. и Л. А. В.

«Бесѣду», я думаю, ей и при деньгахъ продолжать было бы трудно. Будьте здоровы, поклонитесь вашей женѣ и уповайте. Если что нужно, то обращайтесь и, пожалуйста, безъ оговорокъ: неужели вы сомнѣваетесь въ моей готовности услужить вамъ!—и особенно вамъ! М. Авдѣевъ.

30.

Алексѣй Николаевичъ Веселовскій—М. В. Авдѣеву.

Москва, январь 1873 г.

Многоуважаемый Михаилъ Васильевичъ.

Въ воскресенье, проѣздомъ черезъ Москву, у меня былъ Гайдебуровъ. Онъ мнѣ очень понравился, и мы долго прокалякали; онъ мнѣ предложилъ политическое обозрѣніе, и мы условились. Завтра посылаю первую статью. Такимъ образомъ съ этой стороны дѣло улажено, въ чемъ опять таки честь вамъ. Когда я началъ это письмо, мнѣ приносятъ ваше, гдѣ вы извѣщаете меня о новомъ планѣ, задуманномъ относительно меня, грѣшнаго, именно о «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»; спѣшу поблагодарить васъ за это многостороннее участіе. Такъ какъ 1) у меня времени останется и для московской корреспонденціи, и 2) «Недѣля» будетъ все-таки болѣе непрочнымъ изданіемъ, чѣмъ «Вѣдомости», такъ какъ она столько разъ была пріостанавливаема, то уже благоразуміе указываетъ не основывать всѣхъ надеждъ на ней одной, съ тѣмъ, чтобъ, въ случаѣ возможной катастрофы, не остаться опять внезапно à s e c, какъ это случилось послѣ крушенія «Бесѣды». Поэтому я очень буду радъ, если вашъ планъ удастся. Буду ждать вашего отвѣта. — Вы не ошиблись, братъ мой дѣйствительно пишетъ изъ Италіи въ «Петербургскія Вѣдомости» и давно знаетъ Корша.

Какъ жаль, что и вашу комедію постигла та же участь, которая выпала на долю Писемскаго. Неужели нѣтъ никакой возможности, немного поизмѣнивъ, поставить ее на сцену? а что дѣлаетъ вашъ романъ, о которомъ вы писали еще съ годъ тому назадъ? Быть не можетъ, чтобъ вы дали себя обезкуражить неудачей и наложили на себя воздержаніе.

О возрожденіи «Бесѣды», кажется, нечего и думать. Послѣдняя книжка опять задержана, а въ виду этого не скоро найдешь человѣка, который бы захотѣлъ рисковать деньгами. По окончаніи изданія, всплыло много неряшества и непрактичности главныхъ руководителей, такъ что расхлебывать кашу будетъ не такъ легко. Во всякомъ случаѣ, однако, «Бесѣда» останется любопытнымъ въ своемъ родѣ образчикомъ компро-

мисса между старымъ и молодымъ поколѣніемъ, компромисса, недурно затѣяннаго, но далеко не вполнѣ удававшагося.

Въ лагерѣ славянофиловъ стараго закала ликованіе большое. Тотъ расколъ въ ихъ ученіи, который заставлялъ ихъ волосы на себѣ рвать съ досады, приказалъ долго жить! имъ ли не радоваться!

Но нечего возвращаться къ предмету недавнихъ волненій. Буду надѣяться, что начинающіяся мои петербургскія литературныя связи, во всякомъ случаѣ болѣе соотвѣтствующія моимъ взглядамъ и направленію, чѣмъ всѣ прежнія, будутъ прочны и успѣшны. Прощайте, многоуважаемый Михаилъ Васильевичъ. Жму вашу руку. Спасибо за память. Жена моя посылаетъ вамъ поклонъ. Преданный вамъ А. Веселовскій.

31.

И. С. Тургеневъ—М. В. Авдѣеву.

26-го апрѣля (8-го мая) 1873 г. Парижъ.

Я много виноватъ передъ вами, любезнѣйшій Авдѣевъ; мнѣ бы давно слѣдовало отвѣчать на ваше дружелюбное письмо. Извините великодушно мою, меня самаго ужасающую лѣность.

Сожалѣю, что ваше литературно-публицистическое предпріятіе не удалось, и надѣюсь, что, рано или поздно, журналъ попадетъ вамъ въ руки. — Не сомнѣваюсь въ томъ, что и на этомъ поприщѣ вы окажетесь умнымъ и полезнымъ дѣятелемъ.

Послѣ бывшихъ колебаній и замедленій отъ «Revue des deux Mondes» пришелъ, наконецъ, отвѣтъ: романъ вашъ, по мнѣнію редакціи, не можетъ быть помѣщенъ, развѣ сократить его на цѣлыя двѣ трети... да и то! Полагаю, что переводъ ихъ запугалъ.

Здѣшніе издатели при одномъ упоминовеніи «русской» дамы-переводчицы приходятъ въ ярость до пѣны у рта! Что прикажете сдѣлать съ рукописью? Не попытать ли счастья въ какомъ-нибудь журнальномъ фельетонѣ?

Душевно благодарю васъ за пріятельскій совѣтъ насчетъ заглавія моей будущей повѣсти.

Вы совершенно правы: если ей суждено явиться, въ чемъ я начинаю сильно сомнѣваться, то не подъ прежде придуманнымъ мною заглавіемъ, которое въ сущности есть не что иное, какъ претензія. Вотъ ужь точно можно сказать, пародируя Лермонтова:

«Какое дѣло намъ!»... въ послѣдній разъ или не въ послѣдній ты пишешь?

Спасибо за отличную фотографію; я бы вамъ охотно выслалъ мою въ обмѣнъ, да у меня нѣтъ ни одной сносной.

Я здѣсь остаюсь еще двѣ недѣли, а тамъ ѣду черезъ Баденъ-Баденъ, Цюрихъ и Вѣну въ Карлсбадъ. Не знаю еще навѣрное, когда я попаду въ Россію, но въ сентябрѣ я опять здѣсь.

Желаю вамъ всего хорошаго, начиная съ здоровья, и крѣпко жму вашу руку. Преданный вамъ И. Тургеневъ.

31.

И. С. Тургеневъ—М. В. Авдѣеву.

21-го августа (2-го сентября) 1873 г. Буживаль.

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я нахожусь здѣсь, любезнѣйшій Авдѣевъ, послѣ возвращенія изъ Карлсбада, гдѣ я пилъ воды, дабы, по мѣрѣ возможности, избавиться отъ подагры. Буживаль, какъ вамъ вѣроятно извѣстно, небольшое мѣстечко около Парижа съ красивымъ положеніемъ и хорошимъ воздухомъ. Здѣсь я нашелъ накопившіеся въ моемъ отсутствіи «русскіе журналы» и между прочимъ «Биржевыя Вѣдомости», въ которыхъ я только на-дняхъ прочелъ ваши этюды о «Геояхъ и героиняхъ» русской литературы. Вы отвели мнѣ въ нихъ такое почетное мѣсто, что я почти не могу рѣшиться сказать вамъ, до какой степени эти этюды показались мнѣ умны, тонки и дѣльны; впрочемъ вы довольно меня знаете, чтобы не искать въ моихъ словахъ выраженія благодарности. Этюды эти несомнѣнно мастерскіе; въ нихъ резюмируются главныя черты русской жизни за послѣднія 40—50 лѣтъ, спокойно и свободно sine ira et studio. Но могу сказать, мое удивленіе возбудилъ этюдъ базаровскаго типа. Точно вы мнѣ въ душу забрались и все подмѣтили, на все указали, что̀ я думалъ тогда, что̀ старался выразить. Все это такъ вѣрно до послѣднихъ мелочей, а автору, которому вы воздали высшую похвалу, назвавъ его правдивымъ, остается только снять шапку и склониться передъ проницательностью критика, а пріятель крѣпко жметъ пріятелю руку.

Надѣюсь, что вы не оставите издать эти этюды особой книжкою.

Пишу вамъ черезъ магазинъ Черкесова, такъ какъ я навѣрное не знаю, гдѣ вы, а магазинъ вамъ вышлетъ мое письмо. Я остаюсь здѣсь и въ Парижѣ до конца ноября, а тамъ отправляюсь въ Петербургъ, гдѣ проведу мѣсяца два и гдѣ надѣюсь встрѣтиться съ вами. Черкните мнѣ два слова въ отвѣтъ. Что̀ тогдашній планъ журнала такъ окончательно и канулъ въ воду..? Правда, время теперь не такое, чтобъ затѣвать новые журналы.

Здоровье мое недурно, воды мнѣ помогли, но работа совсѣмъ остановилась и едва ли возобновится.

Желаю вамъ отъ души всего хорошаго и остаюсь преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

32.

И. С. Тургеневъ—М. В. Авдѣеву.

Суббота 19-го (31-го) января 1874 г. Парижъ.

Давно я передъ вами въ долгу, любезнѣйшій Авдѣевъ, но у меня было въ это время, какъ говорится, хлопотъ полонъ ротъ. Старшая дочь г-жи Віардо выходитъ замужъ, и я принималъ дѣятельное участіе въ этомъ радостномъ событіи. Но вотъ выдался свободный денекъ, и я берусь за перо. Если бы не эта свадьба, я о сю пору былъ бы уже въ Петербургѣ; теперь же я надѣюсь попасть туда въ мартѣ или въ апрѣлѣ самое позднее и конечно васъ застану тамъ. На этотъ разъ я думаю довольно долго тамъ остаться; но съютить нашу разрозненную литературу, какъ вы пишете, это ни мнѣ, ни кому другому не по силамъ, особенно теперь. Все пошло въ разбродъ и въ раздробь, и мы туда же.

На-дняхъ я посылаю въ «Складчину» небольшой разсказецъ, отысканный мною въ старыхъ моихъ бумагахъ, весьма, признаться, незначительный. Да другаго ничего нѣтъ. Начатая большая вещь не подвигается вовсе; за границей положительно нельзя писать русскихъ вещей! Затѣянный литературный альманахъ по всей вѣроятности потерпитъ фіаско; развѣ изъ состраданія къ самарцамъ будутъ покупать читатели.

Я съ новаго года пересталъ получать «Биржевыя Вѣдомости»: больно мало въ нихъ было толку. Ваши фельетоны я, разумѣется, читалъ съ удовольствіемъ: они уступаютъ прочимъ этюдамъ, но все-таки въ нихъ виденъ умный, опытный и гуманный человѣкъ. Примѣненіе послѣдняго эпитета не часто бываетъ возможно въ наше время. Темное и не совсѣмъ даже понятное время наступаетъ на Руси!

Жалко мнѣ очень васъ и вашихъ славныхъ ружей! Фирма Гастинь Генетта все еще держится; но изъ парижскихъ оружейниковъ безспорно первое мѣсто принадлежитъ Ульэ-Бланшару; новое ружье Бланшара стоитъ 1000 фр. Такъ какъ я въ апрѣлѣ прибуду въ Петербургъ, то я бы могъ привезти вамъ ружье, еслибъ вы вздумали воспользоваться этимъ. Можно найти здѣсь ружье хорошее, но не меньше 600 франковъ.

За симъ дружески жму вашу руку, и говорю: до свиданія. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

33.

И. С. Тургеневъ—М. В. Авдѣеву.

1-го (13-го) августа 1874 г. Карлсбадъ.

Любезнѣйшій Авдѣевъ. Отвѣчаю изъ Карлсбада на ваше Стерлитамацкое письмо. Вскорѣ послѣ того какъ я вамъ писалъ изъ деревни, со мной сдѣлался очень сильный припадокъ подагры и, нѣсколько разъ возобновляясь, до сихъ поръ меня мучитъ, такъ что я пишу вамъ изъ постели, въ которой я нахожусь болѣе недѣли. Лѣченіе, разумѣется, долженъ былъ бросить и жду только хоть слабаго облегченія, чтобы уѣхать въ Парижъ. Вотъ третій разъ, какъ я пріѣзжаю въ Россію, и третій разъ сряду, какъ она даритъ меня такимъ пріятельскимъ гостинцемъ. Результатомъ послѣдняго знака ея вниманія мое твердое рѣшеніе больше не подвергаться ему, и потому я говорю и ей и, разумѣется, моей литературной дѣятельности окончательное прости. И никакой сентиментальности при этомъ не ощущаю. Жалѣю, что не успѣлъ окончить своего большаго труда; въ немъ было, сколько мнѣ кажется, кое-что дѣльное. Но впрочемъ бѣда небольшая: другіе скажутъ, что я хотѣлъ сказать; а не скажутъ, Россія отъ этого не провалится.

Вы очень меня продергиваете на счетъ моей напускной или прививной галлереемаиіи. Во-первыхъ, коли строго разобрать, въ любомъ изъ нашихъ чувствъ, занятій и т. д. отыщется много и напускнаго и прививнаго; а во 2-хъ, вы знаете поговорку: «чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало». А что эта манія меня тѣшитъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Замѣчаніе ваше, что странно заводить галлерейку въ Парижѣ, гдѣ есть Лувръ и т. д., это замѣчаніе не совсѣмъ вѣрно: любителю пріятно обладать картинами. И позвольте также спросить: какія бы я могъ картины завести, живя въ деревнѣ въ Спасскомъ!! — Посмотрѣлъ бы я для куріоза на эти картины!!. При томъ моя галлерейка состоитъ преимущественно изъ произведеній новѣйшихъ французскихъ пейзажистовъ, безспорно первыхъ въ мірѣ, а сего-то и нѣтъ въ Луврѣ.

NB. Замѣчу кстати, что люди, увѣряющіе, что они любятъ одну серьезную и классическую музыку, по большей части не любятъ никакой; такъ же, какъ исключительные охотники до классической старой живописи никакого влеченія къ картинамъ не чувствуютъ. Я же съ своей стороны очень радъ, что нажилъ себѣ новую забаву, новую страсть, такъ какъ прежняя ружейная охота мнѣ уже не по ногамъ.

Радуюсь тому, что у васъ въ нынѣшнемъ году дичи много: я вмѣстѣ съ вами никогда не стрѣливалъ, но убѣжденъ, что это въ васъ сидитъ очень крѣпко.

Вполнѣ сочувствую также вашей литературной работѣ: пока пишется, пишите. Оно и пріятно и полезно, не въ одномъ меркантильномъ смыслѣ. Пока молодые не смѣнили совсѣмъ стариковъ, старикамъ не слѣдуетъ класть оружія. У меня оно вырвано изъ рукъ, а вы молодецъ.

Не знаю, право, когда и гдѣ мы свидимся. Я имѣлъ было намѣреніе пріѣхать зимой въ Петербургъ, но теперь... Altro! какъ говорятъ итальянцы. Развѣ вы пріѣдете въ Парижъ. На всякій случай вотъ мой адресъ въ Парижѣ: 50. Rue de Douai.

Желаю вамъ всего хорошаго и крѣпко жму вамъ руку. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

34.

И. С. Тургеневъ—М. В. Авдѣеву.

30-го декабря 1874 г. (11-го января 1875 г.) Парижъ.

Давно и очень давно слѣдовало мнѣ отвѣчать на ваше дружеское письмо, любезный Авдѣевъ, да вы знаете, какъ это дѣлается: день за день, разныя дрязги, время уходитъ, но въ умѣ я все держалъ и васъ и ваше письмо, и вотъ наконецъ берусь за перо и принимаюсь бесѣдовать съ вами. Слова ваши насчетъ необходимости работы для нашего брата золотыя, и я глубоко чувствую ихъ справедливость, тѣмъ болѣе, что у меня въ эту минуту даже предлога нѣтъ (подагра меня оставила). Отговариваться отъ работы по той-де причинѣ, что не на родной почвѣ стоишь, тоже не дѣло; да лѣнь проклятая одолѣла, удобства жизни слишкомъ велики, день тратится на мелочи, всякое разсѣяніе такъ само и лѣзетъ въ ротъ... что будешь дѣлать? Однако, я все еще не теряю надежды, что кончу когда-нибудь давно мною начатый трудъ: мнѣ почему-то кажется, что было бы жаль бросить это «послѣднее сказаніе».

Въ изданіи моихъ сочиненій 1849 годъ ошибочно поставленъ вмѣсто 1843, какъ тотъ годъ, съ котораго началась моя литературная дѣятельность. Что же касается до моихъ стиховъ, то я имѣю къ нимъ чуть не физическое отвращеніе, какъ къ клопамъ или тараканамъ; послѣ моей смерти пусть дѣлаютъ, что̀ хотятъ, а ужъ, конечно, при жизни моей ни одна изъ этихъ мерзостей не появится въ печати. Ужъ и то большая уступка, что я напечаталъ свои плохія драматическія попытки.

Это вы хорошо дѣлаете, что живете зиму въ провинціи; дайте намъ картину правдивую и вѣрную провинціальной зимней жизни; до сихъ поръ она еще не довольно извѣстна въ литературѣ.

А показать вамъ мои картины я не теряю надежды; когда же нибудь вы проберетесь въ мѣстечко Парижъ! У насъ на Руси народился

наконецъ крупный живописецъ Харламовъ! Онъ написалъ такой портретъ г-жи Віардо, что приводитъ въ изумленіе всѣхъ здѣшнихъ артистовъ. Это Русскій Веласкэзъ.

А изъ Россіи все идутъ скверныя вѣсти. По милости и стараніямъ Каткова придушили единственную чуть-чуть либеральную газетку, «С.-Петербургскія Вѣдомости», которая съ новаго года переходитъ въ вѣдомство молодаго Саліаса.

Во Франціи продолжается тотъ же кавардакъ (gâchis), но замѣчательно, что дѣла вообще идутъ недурно, даже хорошо.... Одна бѣда—сосѣди; особенно германскій сосѣдъ. Онъ не дастъ установиться Франціи. Впрочемъ, qui vivra—verra.

Я въ маѣ ѣду пить воды въ Карлсбадъ, а оттуда, можетъ быть, опять съѣзжу въ Россію.

Пока, желаю вамъ всего хорошаго и дружески жму вамъ руку. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

Сообщ. **К. Четверикова.**

Монастырская реформа въ Царствѣ Польскомъ.

I.

Участіе римско-католическаго духовенства и монастырей въ мятежѣ 1863—1864 г. — Слухи о предположеніяхъ правительства закрыть монастыри и сомнѣнія мѣстной интеллигенціи въ возможности осуществленія такой мѣры.—Въ чемъ дѣйствительно были затрудненія. — Собраніе предварительныхъ свѣдѣній въ Варшавѣ и Петербургѣ.—Число монастырей и монаховъ, ихъ доходы съ имуществъ и отъ исполненія требъ. — Выработка основаній для монастырской реформы. — Уничтоженіе монастырей и разные способы осуществленія этой мѣры. — Буллы папъ Григорія XV, Климента XIV и Пія V.—Уменьшеніе числа монастырей въ Имперіи въ 1832 г. — Необходимость охраненія интересовъ мѣстнаго населенія. — Утвержденіе записки статсъ-секретаря Милютина государемъ.—Разсмотрѣніе ея въ соединенныхъ комитетахъ западномъ и Царства Польскаго.—Основанія монастырской реформы, высочайше утвержденныя 11-го (23-го) іюня 1864 года.—Особая забота о скорѣйшемъ окончаніи предварительныхъ работъ въ Варшавѣ—какъ знакъ недовѣрія къ графу Бергу.—Полная неосновательность подобныхъ опасеній.

Участіе польскаго римско-католическаго духовенства и особенно монастырей въ мятежѣ 1863—1864 г. и предшествовавшемъ ему политическомъ заговорѣ было настолько смѣло, многообразно и явно, что не представляется никакой нужды доказывать его. Правительство имѣло въ своихъ рукахъ такое обиліе фактическихъ доказательствъ преступной дѣятельности духовенства, что въ нихъ было даже не легко разобраться. Польское общество знало это и само было отлично ознакомлено со всѣмъ тѣмъ, что̀ духовенство сдѣлало во время манифестаціоннаго періода и самаго мятежа. Ни отъ кого изъ интеллигентныхъ жителей края не было тайной,

что мѣстное духовенство разжигало страсти и подстрекало толпу къ манифестаціямъ, дѣятельно въ нихъ участвовало и потомъ благословляло убійцъ на преступленія, а повстанцевъ на вступленіе въ банды, куда и само отпустило не малое число ксендзовъ, проявившихъ участіе въ возстаніи съ оружіемъ въ рукахъ; наконецъ, многіе члены духовенства были дѣятельными участниками различныхъ народно-революціонныхъ учрежденій и обществъ.

Въ началѣ 1864 г., при измѣнившихся политическихъ обстоятельствахъ, при общемъ подъемѣ духа въ русскомъ обществѣ и усиленныхъ дружныхъ дѣйствіяхъ войска и мѣстныхъ правительственныхъ органовъ, мятежъ затихалъ. Съ каждымъ днемъ приближался моментъ, въ который правительство должно было на дѣлѣ показать, что оно думаетъ сдѣлать:—оставить ли почти все по-старому, какъ было сдѣлано послѣ мятежа 1831 года, когда Царство Польское потеряло свое самостоятельное войско, но сохранило неприкосновеннымъ политическій и общественный строй, или прибѣгнуть къ мѣрамъ органическимъ, съ цѣлью сдѣлать невозможнымъ повтореніе въ будущемъ.

Мѣстная интеллигенція, извѣрясь въ успѣхѣ возстанія, давно уже стала интересоваться не столько революціею и ходомъ мятежа, сколько приготовленіями правительства къ дѣйствію. По разнымъ начинаніямъ властей, она смутно понимала, что «москали» что-то замышляютъ, но тутъ же по неисправимой своей легковѣрности и самообольщенію утѣшала себя мыслью, что ничего особеннаго не произойдетъ, такъ какъ русскіе ничего не умѣютъ выдержать до конца и, горячо принимаясь за дѣло, скоро къ нему охладѣваютъ. Никто не разсчитывалъ, что на этотъ разъ правительство развернетъ всю свою энергію, а русскій геній покажетъ всю свою мощь и силу, подъ знаменемъ тѣхъ истинно русскихъ людей, которымъ Царь-Освободитель ввѣрилъ главное направленіе дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ.

Введенное съ 1-го января 1864 года военно-полицейское управленіе покрыло всю страну сѣтью людей, вполнѣ преданныхъ правительству и опиравшихся въ своихъ дѣйствіяхъ не только на матеріальную силу войскъ, но и на свою энергію, при помощи которой въ самомъ краѣ найдены были точки опоры и даже прочные устои въ низшихъ слояхъ общества, въ простомъ народѣ, радостно привѣтствовавшемъ крестьянскую реформу. Покоясь на такихъ незыблемыхъ основаніяхъ, военно-полицейскія власти смѣло гарантировали правительству скорое, точное и безповоротное осуществленіе всѣхъ мѣръ, какія предположено будетъ принять.

Законы 19-го февраля 1864 года о крестьянахъ были опубликованы съ большою торжественностью и всюду произвели сильное впечатлѣніе. Вслѣдъ за тѣмъ организовался Учредительный комитетъ и

сотни коммиссаровъ во всѣхъ мѣстахъ Царства рѣшительно взялись за радикальное разрѣшеніе отношеній между помѣщиками и крестьянами и устройство быта сельскаго населенія на новыхъ началахъ.

Появились слухи и о предполагаемыхъ реформахъ по духовной части. Объ этомъ говорили въ обществѣ и много писали въ иностранныхъ газетахъ, выставляя намѣренія правительства закрыть монастыри. Иностранная клерикальная пресса ополчилась за это на русское правительство и выказала много злобы тогда еще, когда никакихъ по сему предмету намѣреній нашего правительства не обнаруживалось. Въ этомъ была впрочемъ и хорошая сторона—скорѣе потомъ примирились съ совершившимся фактомъ и перестали говорить о томъ, о чемъ такъ много разсуждали преждевременно и что безповоротно осуществилось потомъ прежде, чѣмъ о томъ узнали.

Польская пресса въ самомъ Царствѣ была безсильна и очевидно не могла говорить ни слова о такомъ вопросѣ, но радѣтели народной справы успѣли проникнуть въ редакцію издававшагося тогда въ Варшавѣ оффиціальнаго органа «Dziennik Warszawsky», и въ немъ появилась замѣтка, что заграничные слухи о предстоящей реформѣ монастырей—дѣло несбыточное, и правительство не предприметъ его въ собственныхъ своихъ интересахъ. Замѣтка эта явилась въ видѣ письма какого-то ксендза, а редакція нашей оффиціальной газеты помѣстила ее по своему добродушію, граничившему въ этомъ случаѣ съ чѣмъ-то болѣе худшимъ.

Итакъ польское общество приготовлялось къ монастырскому вопросу, но не вѣрило ему, потому, что видѣло въ этомъ дѣлѣ много серьезныхъ затрудненій и полагало, что русскимъ властямъ, только-что возникшимъ послѣ мятежа, трудно было даже узнать, въ чемъ суть и что дѣйствительно возможно было сдѣлать. Поэтому думали, что правительство просто не справится съ задачей и все оставитъ по-старому, такъ какъ водворявшееся спокойствіе въ краѣ не давало уже ближайшихъ поводовъ къ закрытію монастырей, которые не закрывались тогда, когда вся ихъ братія почти поголовно участвовала въ мятежныхъ дѣйствіяхъ. Во всякомъ же случаѣ вожаки мѣстнаго польскаго общества скорѣе были бы удивлены непринятіемъ правительствомъ мѣръ противу монастырей, чѣмъ закрытіемъ нѣкоторыхъ и даже многихъ изъ нихъ. Многіе еще помнили, что участіе, напримѣръ, французскихъ монастырей не только въ мятежныхъ дѣйствіяхъ, но просто въ производствѣ волненій въ народѣ вызвало рѣшительныя мѣры правительства, закрывшаго въ 1808 г. (декретъ 20-го іюля 1808 г.) монастыри. Тѣмъ не менѣе поляки съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе надѣялись, что гроза не разразится надъ монастырями.

Подобныя сообщенія мѣстныхъ политикановъ были небезъоснова-

тельны, и трудность нашего положенія отлично понималась Н. А. Милютинымъ. Вотъ что говоритъ онъ по этому поводу во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 21-го мая 1864 года. «Дѣло это затрудняется главнѣйше тѣмъ, что при настоящемъ составѣ правительственной коммиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія [1]), не только нельзя разсчитывать на содѣйствіе ея въ изученіи вопроса о монастыряхъ, но надлежитъ, напротивъ, ожидать неминуемаго отъ нея противодѣйствія. Уже прошлою осенью при изслѣдованіи крестьянскаго вопроса въ Царствѣ Польскомъ принужденный работать, такъ сказать, скрытно отъ мѣстной администраціи, я имѣлъ случай убѣдиться въ безчисленныхъ затрудненіяхъ и неудобствахъ подобныхъ ненормальныхъ отношеній. Но по крайней мѣрѣ въ крестьянскомъ дѣлѣ важнѣйшіе матеріалы были болѣе или менѣе извѣстны и опредѣлительны. Въ настоящемъ же случаѣ, безъ прямаго и искренняго содѣйствія лицъ мѣстнаго гражданскаго управленія, трудно даже отыскать источники, которые могли бы послужить къ полному изученію предмета».

Монастырскій вопросъ усложнялся еще финансовою его стороною. При упраздненіи монастырей имущество ихъ подлежало секуляризаціи, т. е. поступленію въ вѣдѣніе казны, и эта послѣдняя обязывалась изъ собственныхъ своихъ средствъ отпускать содержаніе монастырямъ и монахамъ. Принимая на себя новыя обязательства, слѣдовало сообразить, достанетъ ли доходовъ на покрытіе предстоящихъ расходовъ или придется часть послѣднихъ отнести на средства государственнаго казначейства, или наконецъ отъ доходовъ образуется нѣкоторый остатокъ. Безъ приведенія всего этого въ достаточную извѣстность нельзя было сдѣлать никакихъ основательныхъ предположеній. Однако слѣдуетъ замѣтить, что финансовыя соображенія играли роль второстепенную; политическія выгоды, ожидавшіяся отъ уменьшенія числа монастырей, были столь существенны, что для ихъ достиженія правительство не остановилось бы предъ новыми расходами.

Вообще по этому предмету необходимо было: во-первыхъ, на мѣстѣ, въ Царствѣ Польскомъ, собрать точнѣйшія, по возможности, свѣдѣнія о числѣ монастырей, монашествующихъ, ихъ имуществахъ, состоящихъ при монастыряхъ, школахъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ; о доходахъ и расходахъ чернаго духовенства; во-вторыхъ, въ Петербургѣ собрать свѣдѣнія о прежнихъ примѣрахъ упраздненія монастырей, какъ у насъ, такъ и за границей; объ условіяхъ дѣйствовавшаго тогда съ римскою куріею конкордата и выяснить тѣ права, опираясь на которыя, можно бы было дѣйствовать прямо и рѣшительно,

[1]) Главнымъ директоромъ былъ Леонъ Дембовскій. Леонъ Дембовскій былъ престарѣлый, но извѣстный патріотъ и дѣятель революціи 1830 г.

какъ то подобаетъ великой державѣ, стремящейся къ упорядоченію, правда, своихъ собственныхъ внутреннихъ дѣлъ, но которыя однако очень близко задѣвали самые существенные интересы папства и всего католическаго міра.

Собраніе предварительныхъ свѣдѣній въ Петербургѣ Н. А. Милютинъ взялъ на себя и на статсъ-секретаріатъ по дѣламъ Царства Польскаго, а въ Варшавѣ подобный трудъ возложенъ на управленіе генералъ-полицеймейстера, которое должно было собрать всѣ данныя объ участіи монастырей и отдѣльныхъ монашествующихъ лицъ въ революціонномъ движеніи. По своему характеру, эти данныя должны были сосредоточиваться въ управляемомъ мною 2-мъ департаментѣ, и я взялъ работу лично на себя, такъ какъ дѣло это требовало не только секрета, но и полнаго единства въ порядкѣ собранія и оцѣнки свѣдѣній. Кромѣ того, частнымъ образомъ я, совмѣстно съ товарищами моими по генеральному штабу полковникомъ М. Н. Анненковымъ и капитаномъ барономъ Н. Н. Медемомъ [1]), приняли порученіе Н. А. Милютина собрать свѣдѣнія о числѣ монастырей и раздѣленіи ихъ на ордена; о числѣ монашествующихъ лицъ и объ имущественномъ положеніи монастырей.

Работа закипѣла. М. Н. Анненковъ и баронъ Медемъ ежедневно по утрамъ приходили ко мнѣ,—я жилъ тогда въ Замкѣ—и мы занимались вмѣстѣ. Особую услугу оказалъ намъ нѣкто С***, находившійся тогда въ отставкѣ, но по прежней службѣ въ духовномъ отдѣленіи, отлично знавшій какъ положеніе римско-католическаго духовенства, такъ и подлинные источники, могущіе дать намъ желаемыя свѣдѣнія. Отъ него мы узнали, что капиталы и все недвижимое имущество каждаго монастыря въ отдѣльности были подробно описаны и зарегистрованы въ особыхъ таблицахъ, подъ названіемъ: «Spis taƀellariczny». Экземпляры этихъ spis'овъ имѣлись въ коммиссіи народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, хранясь тамъ въ общихъ связкахъ съ такими же spis'ами свѣтскихъ римско-католическихъ приходовъ отдѣльно по каждой епархіи. Оставалось получить эти spis'ы. Вытребовать ихъ оффиціально въ управленіе генералъ-полицеймейстера признавалось неудобнымъ. При первой попыткѣ получить ихъ они могли исчезнуть изъ коммиссіи, и потому рѣшено было потребовать ихъ прямо въ Замокъ къ графу-намѣстнику для справокъ совершенно чуждыхъ монастырскому дѣлу; для большаго замаскированія дѣла предполагалось вытребовать не исключительно монастырскіе, а spis'ы всѣхъ вообще римско-католическихъ

[1]) М. Н. Анненковъ занималъ тогда должность помощника генералъ-полицеймейстера, а баронъ Медемъ въ 1864 г. состоялъ для порученій при штабѣ Варшавскаго округа.

приходовъ, вмѣстѣ съ которыми въ однѣхъ связкахъ, какъ мы знали, были и нужныя намъ свѣдѣнія о монастырскомъ имуществѣ.

Въ то время только-что вводилась въ краѣ новая система всесословныхъ гминъ (волостей). Каждое имѣніе помѣщика переставало быть гминой; каждый помѣщикъ или его повѣренный лишались права, въ качествѣ войта гмины, управлять общиной. Власть самая ближайшая къ сельскому люду, къ землѣ, ускользала изъ рукъ мѣстныхъ пановъ. Оставалась еще у нихъ надежда на пріуроченіе границъ гминъ къ границамъ римско-католическихъ приходовъ; при чемъ поддерживалась власть духовенства, всегда стоящаго на сторонѣ крупнаго землевладѣнія. Разсужденія о подобныхъ гминахъ-приходахъ ходили въ польскомъ обществѣ,—ими и рѣшено было воспользоваться. Положено было потребовать въ Замокъ всѣ эти spis'ы будто бы для составленія предварительныхъ соображеній о слитіи границъ гминъ и приходовъ, для чего, подъ моимъ руководствомъ, должна была составиться особая карта Царства Польскаго.

Приводя этотъ планъ въ исполненіе, я въ одно утро явился въ правительственную коммиссію народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ и, по докладу, введенъ былъ въ кабинетъ главнаго директора или, быть можетъ, въ залу засѣданій коммиссіи—точно не помню. Главнаго директора Дембовскаго я засталъ вмѣстѣ съ начальниками отдѣленій, т. е. съ графомъ Велiопольскимъ и Кржижановскимъ. Только послѣдній изъ трехъ былъ незнакомъ мнѣ. Объявивъ повелѣніе графа-намѣстника насчетъ немедленнаго доставленія въ Замокъ всѣхъ spis'овъ, я тогда же объяснилъ о составляемой мною картѣ, на которой изображаются границы существующихъ приходовъ и предполагаемыхъ гминъ, съ цѣлью попытки слить ихъ на практикѣ. Мысль эта была знакома моимъ собесѣдникамъ, и разговоръ принялъ желаемое направленіе,—объ устройствѣ гминъ. Они также находили полезнымъ такое соединеніе, при чемъ Дембовскій и Кржижановскій сообщили мнѣ, что въ требуемыхъ мною документахъ дѣйствительно можно почерпнуть необходимыя свѣдѣнія о составѣ приходовъ. Ну, а spis'ы монастырей тамъ же?—Тамъ же, отвѣтили мнѣ, такъ какъ многіе монастырскіе костелы замѣняютъ приходскіе. Оказалось, что документовъ этихъ хватитъ на нѣсколько добрыхъ возовъ, и мы порѣшили отправлять ихъ въ Замокъ по частямъ, забирая матеріалы по одной или двумъ епархіямъ. Для ускоренія дѣла я предложилъ первую посылку отправить немедленно и для отвозки ея оставилъ экипажъ графа Берга, въ которомъ я пріѣхалъ, и двухъ линейцевъ изъ конвоя намѣстника, меня сопровождавшихъ. Черезъ какіе-нибудь полчаса времени, первая пачка документовъ была въ моемъ распоряженіи. Масса пыли, вырвавшаяся при распаковкѣ

связки документовъ, показала, что ихъ выдали прямо съ архивныхъ полокъ безъ предварительнаго пересмотра.

Справедливость требуетъ сказать, что едва-ли бы встрѣтилось затрудненіе въ полученіи этихъ документовъ по прямому оффиціальному требованію. Но дѣло уже было сдѣлано и при томъ такимъ способомъ, при коемъ всего менѣе можно было предполагать, что документы были вытребованы для извлеченія изъ нихъ статистическихъ свѣдѣній о монастыряхъ.

Во всякомъ случаѣ, эпизодъ этотъ показываетъ, въ какомъ изолированномъ положеніи находились — и считали себя — высшія русскія власти въ Царствѣ Польскомъ. Я не счелъ нужнымъ умолчать о немъ, напротивъ разсказалъ подробно для еще бо́льшаго иллюстрированія вышеприведенныхъ словъ Н. А. Милютина.

По мѣрѣ полученія связокъ spis'овъ мы, т. е. я, Анненковъ и баронъ Медемъ разсматривали монастырскіе документы и дѣлали изъ нихъ выписки, которыя ежедневно посылали въ Петербургъ на имя Н. А. Милютина. Первое время совершенно новая для насъ работа шла туго, а потомъ хотя и пошла довольно быстро, но все-таки отняла у насъ не мало времени.

Свѣдѣнія, какъ добытыя нами, такъ и извлеченныя изъ ежегодныхъ отчетовъ коммиссіи духовныхъ дѣлъ и ежегодныхъ росписей, дали возможность составить слѣдующую картину положенія монастырей въ Царствѣ Польскомъ въ первую половину 1864 года.

На 3.800.000 католиковъ состояло:

Монастырей мужскихъ	155
„ женскихъ	42 [1]
Итого	197
Монашествующихъ: мужчинъ	1.631
„ женщинъ	548
Итого	2.180

Слѣдовательно, было: по одному монастырю на 19.289 жителей и по 11 монашествующихъ на каждый монастырь.

Монастыри принадлежали 17 различнымъ орденамъ, распадавшимся на три отдѣльныя группы.

Въ первой группѣ—монастырей древнѣйшихъ, ведущихъ созерцательную жизнь и ближе подходящихъ къ характеру православныхъ—относилось 18 монастырей съ 250 монашествующими обоего пола, т. е. 11%.

Ко второй группѣ — орденовъ проповѣдниковъ или нищенствующихъ—принадлежало до 130 монастырей съ 1.507 монашествующими, или 60%, и

[1]) Въ томъ числѣ 21 домъ сестеръ милосердія.

Къ третьей группѣ относились остальные ордена, прототипомъ коихъ былъ орденъ іезуитовъ. Въ этихъ орденахъ монашескій принципъ почти упраздняется, а главною цѣлью поставлено воздѣйствіе на окружающее общество. Ордена эти не имѣютъ монастырей въ собственномъ смыслѣ слова, а составляютъ конгрегаціи или коллегіи клириковъ, связанныхъ общею цѣлью и общими правилами. Такихъ монашествующихъ обществъ въ Царствѣ Польскомъ было 40 съ 519 монашествующими обоего пола или 23% [1]).

Любопытно сравненіе этихъ данныхъ съ однородными же, относящимися до Имперіи. Здѣсь на 2.800.000 католиковъ находилось:

Монастырей мужскихъ	38
„ женскихъ	22
Итого	60
Монашествующихъ мужчинъ	624
„ женщинъ	370
Итого	994

Вообще по одному монастырю считалось на 46.666 жителей и по $16^1/_2$ иноковъ на каждый монастырь. Такимъ образомъ сравнительно съ населеніемъ, въ Царствѣ было въ 1864 году въ $2^1/_2$ раза болѣе латинскихъ монастырей, чѣмъ въ западныхъ областяхъ Имперіи. Это объясняется тѣмъ, что съ 1830 г. въ Имперіи закрыто болѣе 300 монастырей, а въ Царствѣ все оставалось по-прежнему. Нельзя также не замѣтить, что въ Имперіи всѣ монастыри давно уже были подчинены епархіальному начальству, а въ Царствѣ — управлялись своими генералами и провинціалами вовсе независимыми отъ правительства и проживавшими за границей. Наконецъ, ордена бонифраторовъ, піаровъ и миссіонеровъ, уничтоженные въ Имперіи, какъ вредные въ политическомъ отношеніи, спокойно существовали въ Царствѣ.

Разсмотрѣніе духовныхъ описей показало, что въ началѣ 1854 года, мужскимъ монастырямъ приблизительно принадлежало слѣдующее имущество съ прописаніемъ противу него и ежегоднаго дохода.

Фольварковой земли 37.145 мор. 66 пр. приносившихъ		24.135 р. 27 к.
Крестьянской земли 7.051 моргъ 258 пр. приносившихъ		21.679 „ 82 „
Капиталовъ ипотекованныхъ	176.689 р. 37 к.	14.282 „ 29 „
Капиталовъ хранящ. въ Польск. банкѣ	150.305 „ 70 „	
Суммъ пожертвованныхъ на духовныя потребности ипотекованныхъ	271.065 „ 26 „	33.846 „ $97^1/_2$ „
Хранящихся въ Польск. банкѣ	487.408 „ $71^1/_2$	
Доходовъ съ домовъ		43.205 „ $45^1/_2$ „
Компетенціи изъ казны по разнымъ случаямъ		18.438 „ 87 к.
Итого		155.588 р. 68 к.

[1]) Эти цифры монашествующихъ по группамъ нѣсколько разнятся отъ общей цифры, приведенной выше потому, что взяты изъ разныхъ источниковъ; при томъ же число монашествующихъ постоянно колеблется.

Кромѣ того всѣ вообще монастыри получали ежегодно до 215.818 р. $60^3/_4$ коп. сборовъ за совершеніе требъ и вообще такъ называемыхъ jur astolae.

Женскіе монастыри [1]) имѣли доходовъ до 53.999 р. $4^1/_2$ к.

Такъ что всѣ доходы латинскихъ монастырей достигали до 209.581 р. $72^1/_2$ к., а считая съ jur astolae—до 425.400 р. $33^1/_4$ к.

Утвердившись окончательно въ мысли о неотложной необходимости возможнаго сокращенія числа римско-католическихъ монастырей въ Царствѣ Польскомъ, съ цѣлью прекращенія вреднаго ихъ вліянія на умы мѣстнаго общества, оставалось сообразить самый способъ этого уменьшенія. Историческіе примѣры, касавшіеся иностранныхъ государствъ, показывали, что иногда уничтожались всѣ монастыри сразу, въ большинствѣ же случаевъ закрывались лишь нѣкоторые.

Примѣры упраздненія всѣхъ безъ исключенія монастырей повторились три раза. Англія закрыла ихъ въ XVI вѣкѣ, во время реформаціи; Франція—въ 1790 году и Португалія въ 1834 г.

Очевидно, что таковое огульное упраздненіе монастырей разрубало узелъ сразу и окончательно, и было даже удобнѣе въ отношеніи къ римскому двору. Протесты римской куріи неизмѣнно являются по каждому случаю упраздненія монастырей и одновременное ихъ уничтоженіе могло дать всего лишь поводъ къ одному протесту, а не къ безпрерывному ихъ появленію, такъ какъ римская курія должна была бы, какъ всегда, подчиниться совершившемуся факту. Но однако такой способъ дѣйствій не былъ удобенъ для Россіи. Англія и Франція измѣняли весь строй своей общественной жизни; существованіе монастырей сдѣлалось у нихъ несогласнымъ съ новыми учрежденіями. У насъ опереться на этотъ принципъ было тѣмъ болѣе невозможно, что въ Россіи существуютъ монастыри православные. Отказать католической церкви въ Царствѣ Польскомъ въ юридической возможности имѣть монастыри, когда церковь православная пользуется этимъ правомъ, было бы явнымъ нарушеніемъ религіозной равноправности. Кромѣ того подобная мѣра могла бы повлечь за собою учрежденіе частныхъ общежитій, а они, оставаясь уже внѣ всякаго за ними контроля и наблюденія, могли сдѣлаться гораздо болѣе вредными въ политическомъ смыслѣ, чѣмъ явно существующіе латинскіе монастыри. Такимъ образомъ одновременное упраздненіе всѣхъ монастырей безъ исключенія было признано неудобнымъ.

Переходя къ вопросу объ упраздненіи лишь нѣкоторыхъ монасты-

---

[1]) Женскимъ монастырямъ принадлежало 4.264 морговъ 76 прентовъ земли фольварковой, а сколько крестьянской — не извѣстно. Земли обоихъ родовъ давали доходу 12.237 р. $17^1/_2$ к.

рей, прежде всего обратились къ существованію такихъ въ католической церкви постановленій, которыя весьма облегчаютъ подобную мѣру, узаконяя ее буквальнымъ примѣненіемъ папскихъ буллъ. Еще въ 1622 году (17-го августа) папа Григорій XV издалъ буллу, которою запрещалось учреждать новые монастыри, не могущіе помѣстить въ себѣ и содержать, по крайней мѣрѣ, двѣнадцати монаховъ. Если бы эту буллу примѣнить къ мужскимъ римско-католическимъ монастырямъ въ Царствѣ Польскомъ, то изъ общаго ихъ числа (155) можно было закрыть 121. Но булла Григорія XV, подтвержденная буллою папы Урбана VIII отъ 21-го іюня 1625 г., относится исключительно ко вновь учреждаемымъ монастырямъ, а потому воспользоваться ею, было не вполнѣ удобно. Тѣмъ болѣе не встрѣчалось основаній примѣнять эту буллу, что была въ виду другая, непосредственно относящаяся до Польши. Это булла папы Бенедикта XIV отъ 2-го мая 1744 г. Этою буллою папа Бенедиктъ, во исполненіе каноническихъ правилъ, установлялъ закрытіе тѣхъ польскихъ монастырей, которые не имѣли восьми монаховъ. Примѣняя эту буллу, можно было закрыть въ Царствѣ Польскомъ до 87 мужскихъ римско-католическихъ монастырей (изъ 155).

Кромѣ принятія мѣръ къ частному закрытію отдѣльныхъ монастырей римская курія давала примѣры закрытія ея властью цѣлыхъ монашескихъ орденовъ. Папа Климентъ XIV въ 1772 году уничтожилъ орденъ іезуитовъ по вредности его направленія, а въ 1818 году тоже папскою буллою закрыты всѣ монастыри ордена цистерсовъ, который тѣмъ и упразднился. Наконецъ, были примѣры закрытія папами монастырей за явное участіе ихъ въ мятежѣ. Папа Пій V (1566—1572) закрылъ монастырь такъ-называемыхъ смиренныхъ братій (fratres humiliatis) за участіе нѣкоторыхъ членовъ этого ордена въ заговорѣ противъ жизни кардинала Карла Борромео.

Что касается до мѣръ, принимавшихся различными правительствами къ закрытію тѣхъ или другихъ латинскихъ монастырей, то имѣлось въ виду множество примѣровъ какъ закрытія нѣкоторыхъ только монастырей, такъ и цѣлыхъ орденовъ, по вредности направленія, малому числу монаховъ и явному участію монастырей въ мятежѣ. Наиболѣе поучительнымъ примѣромъ для насъ было уменьшеніе числа монастырей въ нашемъ Западномъ краѣ, послѣ мятежа 1830 г.

По высочайше утвержденному 19-го іюня 1832 года докладу министра внутреннихъ дѣлъ постановлено было упразднить въ Имперіи во-первыхъ—монастыри, принимавшіе участіе въ мятежѣ; во-вторыхъ—тѣ обители, въ которыхъ не было опредѣленнаго каноническими правилами числа монашествующихъ, и въ-третьихъ — тѣ римско-католическіе монастыри, которые находились посреди православнаго или греко-уніатскаго исповѣданія. На этихъ основаніяхъ, изъ

общаго числа 304 находившихся въ то время въ Имперіи римско-католическихъ монастырей упразднено—191.

По соображеніи этихъ обстоятельствъ и устраняя возможность поголовнаго уничтоженія всѣхъ монастырей, предполагалось монастырскую реформу въ Привислинскомъ краѣ произвести путемъ: а) упраздненія тѣхъ римско-католическихъ монастырей, которые не имѣли достаточнаго числа монаховъ (булла папы Бенедикта XIV) и б) з а к р ы т і я — принимавшихъ участіе въ мятежѣ. Уничтоженіе цѣлыхъ орденовъ, требовавшее особой для сего регламентаціи, не предполагалось въ виду также и того обстоятельства, что путемъ закрытія и упраздненія монастырей можно было достичь на практикѣ совершеннаго упраздненія нѣкоторыхъ наиболѣе вредныхъ монашескихъ орденовъ.

Монастырская реформа отнюдь не должна была въ чемъ-нибудь вредно повліять на интересы мѣстнаго населенія. Съиздавна многіе монастырскіе костелы служили приходскими, а другіе обладали чудотворными иконами, привлекавшими массы богомольцевъ преимущественно изъ простаго народа. Наконецъ, нѣкоторые,—хотя и не многіе—монастыри имѣли при себѣ училища и разныя благотворительныя заведенія. Упраздняя вредныя общества монаховъ, слѣдовало сохранить во всей, по возможности, неприкосновенности все то, что приносило въ монастыряхъ пользу населенію. Поэтому предполагалось сохранить всѣ монастырскіе костелы, школы и благотворительныя заведенія, монастырями содержимыя.

Такимъ образомъ мѣропріятія государствъ Западной Европы и въ томъ числѣ наиболѣе католическихъ, какъ Франція, Испанія и Португалія, и примѣръ упраздненія многихъ монастырей въ нашемъ Западномъ краѣ давали правительству полную возможность снова обратиться къ этой мѣрѣ и на этотъ разъ примѣнить ее къ монастырямъ Царства Польскаго, забывшимъ, въ разгарѣ политическихъ страстей, объ обязанностяхъ къ своему государю. Никакое международное обязательство не связывало насъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ конкордатъ съ Римомъ, заключенный 22-го іюля 1847 г., ни однимъ словомъ не упоминалъ о монастыряхъ [1]).

[1]) Въ конкордатѣ дѣйствительно ничего о монастыряхъ не упомянуто, но римскій дворъ, тѣмъ не менѣе, сдѣлалъ попытку къ пріобрѣтенію въ этомъ отношеніи нѣкоторыхъ правъ. Поручая епископу Головинскому привести конкордатъ въ исполненіе, папа Пій IX въ буллѣ 5-го іюля 1848 года помѣстилъ, между прочимъ, слѣдующее: „имѣя въ виду, что существующіе нынѣ въ Россійской Имперіи обители и монастыри, какъ мужскіе, такъ и женскіе (которыхъ обрѣтается болѣе ста), постановлено вполнѣ сохранить и впредь вовсе не уменьшать ихъ числа безъ предварительнаго и точнаго на сіе уполномочія святѣйшаго престола, то повелѣваемъ и предписываемъ исполнителю сей грамоты точнѣйшимъ образомъ показать число существующихъ

Что касается до нашихъ отношеній къ куріи, то они, въ то время, были самыя неудовлетворительныя. Всѣ дѣйствія куріи были явно намъ не дружелюбны, и глава католической церкви много разъ позволялъ себѣ самыя неумѣстныя и оскорбительныя выходки противъ Россіи. Никакихъ основаній бояться ухудшенія этихъ отношеній не существовало; въ интересахъ Россіи было, напротивъ, полное ихъ прекращеніе съ объявленіемъ конкордата 1847 г. потерявшимъ свою силу.

Записка статсъ-секретаря Милютина отъ 21-го мая 1864 г., въ которой весьма подробно изложены были всѣ соображенія о монастырской реформѣ, сущность коихъ приведена мною выше,—въ тотъ же день была поднесена государю императору, а 25-го мая на ней уже послѣдовала слѣдующая высочайшая резолюція: «Обсудить въ совмѣстномъ засѣданіи Западнаго и Польскаго комитетовъ». Государемъ сдѣланы три слѣдующія собственноручныя отмѣтки: слово «Да» поставлено противу того мѣста, которымъ предполагалось отвергнуть общее и безусловное упраздненіе всѣхъ римско-католическихъ монастырей. «Я вполнѣ раздѣляю это мнѣніе» — было написано сбоку заключенія о возможности достигнуть значительнаго сокращенія монастырей, примѣняя буллу папы Бенедикта XIV и закрывая ихъ, сверхъ того, за явное участіе въ мятежѣ, и, наконецъ, слово «Согласенъ» — стояло противу предположенія объ учрежденіи въ Царствѣ Польскомъ особой о монастыряхъ коммиссіи.

Нельзя не остановиться на быстротѣ, съ которою въ эту знаменательную эпоху принимались тѣ или другія мѣропріятія правительства. 21-го мая статсъ-секретарь Милютинъ подалъ свою записку о мо-

---

тамъ обителей и монастырей и подробно разъяснить, въ какихъ именно городахъ и въ какой епархіи состоятъ, какого они ордена, наименованія и правила и сколько въ каждой обители и монастырѣ находится лицъ, посвятившихъ себя монашескимъ обѣтамъ".

Помѣщеніе подобнаго требованія папа основалъ не на конкордатѣ, а на протоколѣ, подписанномъ 22-го іюля (3-го августа) 1847 года, въ коемъ наши уполномоченные въ статьѣ, отнесенной къ числу вопросовъ, которые предположено передать на усмотрѣніе правительства, сказали, что правительство не имѣетъ въ виду уменьшать число монастырей и если найдетъ эту мѣру нужною, то приступитъ къ ней не иначе, какъ по предварительному соглашенію съ римскимъ простоломъ.

Не смотря на это, правительство наше никогда не считало себя связаннымъ въ этомъ отношеніи и въ періодъ времени съ 1847 по 1864 г. уничтожило въ Западномъ краѣ 46 монастырей. На требованіе кардиналомъ Антонелли въ 1856 году объясненій, положено было отвѣчать, что мѣра эта не имѣетъ политическаго и религіознаго характера, а принята вслѣдствіе ограниченности поступающихъ въ казну доходовъ съ монастырей и имѣній и что римскій дворъ можетъ быть удостовѣренъ въ совершенной неприкосновенности 50 штатныхъ монастырей въ Имперіи.

настыряхъ; 25-го на ней положена резолюція государя; 26-го мая и 2-го іюня записка разсмотрѣна въ соединенныхъ комитетахъ Западномъ и Польскомъ, а 11-го іюня соображенія комитетовъ окончательно утверждены государемъ въ Киссингенѣ.

Соединенные комитеты по дѣламъ Царства Польскаго и Западный въ два засѣданія разсмотрѣли записку статсъ-секретаря Милютина и большинствомъ девяти голосовъ противу одного [1]) постановили:

I. Въ отношеніи римско-католическихъ монастырей въ Царствѣ Польскомъ принять слѣдующія мѣры:

1) Приступить немедленно къ упраздненію въ Царствѣ Польскомъ тѣхъ римско-католическихъ монастырей и вообще монашескихъ обителей (мужскихъ и женскихъ), въ коихъ состоитъ нынѣ на-лицо менѣе восьми монаховъ или монахинь.

2) Равнымъ образомъ приступить немедленно къ закрытію, указаннымъ ниже порядкомъ, тѣхъ монастырей и обителей римско-католическаго исповѣданія, которые принимали явное участіе въ мятежныхъ противъ правительства дѣйствіяхъ.

3) При упраздненіи и закрытіи на семъ основаніи монастырей и обителей, находящіяся въ нихъ церкви, если онѣ замѣняли приходскія или вообще если онѣ посѣщались жителями, оставить, по-прежнему, открытыми для прихожанъ и принять мѣры къ охраненію неприкосновенными всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые въ упраздняемыхъ и закрываемыхъ монастыряхъ и обителяхъ были чтимы народомъ, какъ святыня.

4) Училища, больницы, богадѣльни и вообще благотворительныя учрежденія, находящіяся при упраздняемыхъ и закрываемыхъ монастыряхъ и обителяхъ, должны быть на будущее время устроены и обезпечены въ средствахъ содержанія, а впредь до окончательнаго о семъ распоряженія, оставлены, по возможности, въ прежнемъ видѣ.

5) Для разбора всѣхъ предстоящихъ по случаю упраздненія или закрытія монастырей распоряженій, учредить въ Варшавѣ нынѣ же особую коммиссію изъ генералъ-полицеймейстера, главнаго директора коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, трехъ членовъ военно-судныхъ коммиссій и нѣсколькихъ лицъ военнаго и гражданскаго управленій, совершенно благонадежныхъ, по назначенію намѣстника.

---

[1]) Членами комитетовъ тогда были: князь Павелъ Гагаринъ, графъ Панинъ, Константинъ Чевкинъ, Дмитрій Милютинъ, Александръ Зеленый, Петръ Валуевъ, Валеріанъ Платоновъ, Николай Милютинъ, Дмитрій Замятинъ, Александръ Потаповъ. Графъ Панинъ возражалъ только противу одновременности упраздненія монастырей, склоняясь къ постепенному ихъ закрытію за некомплектъ.

6) Означенной выше коммиссіи вмѣнить въ обязанность, подъ ближайшимъ руководствомъ намѣстника: а) опредѣлить, какіе именно монастыри и обители должны подлежать или упраздненію по малому числу монашествующихъ или закрытію за явное участіе въ мятежныхъ противъ правительства дѣйствіяхъ; б) опредѣлить самый порядокъ закрытія монастырей и обителей, т. е. какими правительственными мѣстами или лицами, при посредствѣ какихъ властей и съ соблюденіемъ какихъ формальностей, должно быть приведено въ исполненіе распоряженіе объ упраздненіи или закрытіи монастырей и обителей; в) указать, какія надлежитъ принять мѣры для того, чтобы согласно пунктамъ 3-му и 4-му богослуженіе въ церквахъ упраздняемыхъ и закрываемыхъ монастырей и обителей не прекращалось, чтобы находящіяся въ нихъ святыни сохранены были неприкосновенными и чтобъ состоящія при сихъ монастыряхъ училища и благотворительныя заведенія были обезпечены въ средствахъ содержанія; г) указать, какія должны быть приняты мѣры для устройства монаховъ, монахинь, клириковъ, новиціевъ и другихъ лицъ, принадлежащихъ къ составу упраздняемыхъ и закрываемыхъ монастырей и обителей; д) составить правила о немедленномъ принятіи въ казну имуществъ и капиталовъ упраздняемыхъ и закрываемыхъ монастырей и обителей, съ обращеніемъ доходовъ отъ сихъ имуществъ и капиталовъ на исполненіе тѣхъ обязательствъ, которыя лежатъ на означенныхъ имуществахъ и капиталахъ, на выдачу пособій монахамъ и монахинямъ упраздняемыхъ монастырей, на содержаніе училищъ и благотворительныхъ заведеній, состоящихъ при тѣхъ монастыряхъ, на содержаніе духовенства при церквахъ упраздняемыхъ монастырей и на удовлетвореніе другихъ надобностей духовнаго вѣдомства.

7) Предоставить намѣстнику въ царствѣ наблюсти, чтобы коммиссія всѣ означенныя выше работы окончила въ мѣсячный срокъ и предположенія коммиссіи, съ своимъ заключеніемъ, представить на высочайшее благоусмотрѣніе съ тѣмъ, чтобы, по воспослѣдованіи высочайшаго указа объ упраздненіи и закрытіи монастырей, можно было немедленно и сколь можно одновременно привести эту мѣру въ исполненіе.

8) Предоставить намѣстнику, если онъ признаетъ нужнымъ, приступить къ закрытію монастырей, на изложенныхъ выше основаніяхъ и не ожидая окончанія работъ коммиссіи и обнародованія высочайшаго указа по сему предмету.

9) Принять въ завѣдываніе казны имущества и капиталы не только упраздняемыхъ монастырей, но и тѣхъ, которые будутъ сохранены, съ назначеніемъ симъ послѣднимъ штатнаго содержанія и съ тѣмъ, чтобы доходы съ ихъ имуществъ и капиталовъ были обращаемы на содержаніе католическихъ монастырей, католическаго духовенства вообще и

находящихся нынѣ при сихъ монастыряхъ училищъ, богадѣленъ и больницъ съ принятіемъ всѣхъ сихъ заведеній, не исключая и принадлежащихъ сестрамъ милосердія, въ вѣдѣніе подлежащихъ гражданскихъ управленій и вообще на удовлетвореніе потребностей духовнаго вѣдомства. Составленіе проекта правилъ по сему предмету возложить на означенную коммиссію, при участіи нѣсколькихъ лицъ изъ правительственной коммиссіи финансовъ по назначенію намѣстника, съ тѣмъ, чтобы правила сіи были составлены въ самомъ непродолжительномъ времени и представлены намѣстникомъ, съ его заключеніемъ, на высочайшее благоусмотрѣніе.

10) Возложить на ту же коммиссію составленіе подробныхъ наставленій для гражданскаго начальства относительно разрѣшенія пріема новыхъ иноковъ, инокинь, клириковъ, новиціевъ и проч., относительно монастырскихъ семинарій и студій, относительно полицейскаго наблюденія за монашествующими и т. п.

11) Сообщить намѣстнику въ царствѣ какъ о принятыхъ въ Имперіи мѣрахъ для упраздненія монашескихъ орденовъ и конгрегацій, признанныхъ особенно вредными, такъ и о составленныхъ по сему предмету нѣкоторыхъ предварительныхъ соображеніяхъ статсъ-секретаря Милютина, предоставивъ ему, намѣстнику, по собраніи надлежащихъ мѣстныхъ свѣдѣній, представить въ самомъ непродолжительномъ времени окончательныя предположенія: по какимъ именно орденамъ и конгрегаціямъ, не исключая сестеръ милосердія, отличающимся особою религіозною или политическою нетерпимостью и наиболѣе враждебными противу правительства дѣйствіями, надлежитъ прекратить пріемъ новыхъ членовъ, и кромѣ того принять другія мѣры къ постепенному или даже немедленному упраздненію въ царствѣ означенныхъ монашескихъ учрежденій. Вмѣстѣ съ тѣмъ предоставить намѣстнику обратить особое вниманіе на существующія въ царствѣ различныя общины, братства, архибратства и т. п. учрежденія и принять мѣры къ недопущенію существованія подобныхъ учрежденій (фелиціанокъ и другія) безъ надлежащаго разрѣшенія правительства.

12) Предоставить также намѣстнику составить и представить, въ возможно непродолжительномъ времени на высочайшее утвержденіе, предположенія о подчиненіи монастырей въ царствѣ епархіальному управленію и особымъ визитаторамъ, съ устраненіемъ отъ сего орденскихъ начальниковъ (особенно тѣхъ, кои пребываютъ за границею), подобно тому, какъ сіе существуетъ въ Имперіи.

13) Предоставить намѣстнику въ царствѣ нынѣ же воспретить, циркулярнымъ предписаніемъ, какъ по военному, такъ и по гражданскому вѣдомству, употребленіе военныхъ командъ и другихъ правительственныхъ экзекуціонныхъ мѣръ для взысканія десятины.

«Постановивъ означенныя заключенія по представленнымъ статсъ-секретаремъ Милютинымъ предположеніямъ, соединенные комитеты не могли не обратить вниманія на способы, коими успѣшное приведеніе постановляемыхъ мѣръ въ исполненіе можетъ быть обезпечено. Во всѣхъ этихъ мѣрахъ необходимо ближайшее участіе высшаго въ царствѣ управленія по духовной части, т. е. коммиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Статсъ-секретарь Милютинъ во всеподданнѣйшей запискѣ, представленной вашему императорскому величеству, и въ засѣданіи коммиссіи, объяснилъ, что, при стоящихъ нынѣ во главѣ этой коммиссіи лицахъ, нельзя ни въ какомъ случаѣ надѣяться на успѣшное исполненіе означенныхъ мѣръ и что по глубокому убѣжденію его необходимо сколь можно скорѣе назначить главнымъ директоромъ духовныхъ дѣлъ человѣка, вполнѣ благонадежнаго, вполнѣ преданнаго правительству и сочувствующаго его видамъ и намѣреніямъ, такъ чтобы вновь назначенный директоръ имѣлъ возможность ознакомиться со всѣми подробностями дѣла, прежде чѣмъ послѣдуетъ разрѣшеніе приступить къ закрытію монастырей въ царствѣ. Статсъ-секретарь Платоновъ съ своей стороны пояснилъ, что нынѣшній директоръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія былъ членомъ революціоннаго правительства въ 1831 году и послѣ того до назначенія его, въ 1861 году, постояннымъ членомъ государственнаго совѣта царства не состоялъ на службѣ русскаго правительства.

«Соединенные комитеты, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла, пришли къ убѣжденію, что упраздненіе и закрытіе монастырей, обращеніе ихъ имущества въ завѣдываніе казны и другія необходимыя преобразованія по устройству католическаго духовенства въ царствѣ принадлежатъ къ такимъ мѣрамъ, исполненіе коихъ невозможно, съ какою-либо надеждою на успѣхъ, поставить въ зависимость отъ лица, принадлежащаго къ римско-католическому исповѣданію. Съ другой стороны, такъ какъ коммиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, составляя отдѣльное управленіе, въ числѣ обязанностей коего первое мѣсто занимаетъ завѣдываніе духовною частью, то удобнымъ средствомъ выйти изъ этого затрудненія было бы, по мнѣнію соединенныхъ комитетовъ, возстановленіе того порядка, который былъ установленъ послѣ усмиренія мятежа въ 1831 году и существовалъ до 1861 года; въ теченіе сего 30-ти лѣтняго періода, духовныя дѣла въ царствѣ состояли въ завѣдываніи коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, коею управляли постоянно и безъ всякаго неудобства русскіе и при томъ православнаго исповѣданія.

«Соединенные комитеты, считая это обстоятельство чрезвычайно важнымъ для обезпеченія успѣха предположенныхъ мѣръ относительно римско-католическихъ монастырей и духовенства, полагаютъ, въ случаѣ,

если вашему императорскому величеству благоугодно будетъ утвердить означенное коренное начало о присоединеніи управленія духовныхъ дѣлъ къ коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, предоставить намѣстнику войти немедленно съ представленіемъ о способахъ приведенія сей мѣры въ дѣйствіе.

II. Относительно римско-католическихъ монастырей въ Имперіи.

1) Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ наблюдать за точнымъ исполненіемъ существующаго постановленія о немедленномъ упраздненіи тѣхъ римско-католическихъ монастырей, въ коихъ окажется менѣе восьми монашествующихъ.

2) Предоставить генералъ-губернаторамъ западныхъ губерній закрыть неотложно тѣ монастыри и другія монашескія обители, которые принимали участіе въ мятежныхъ противъ правительства дѣйствіяхъ, съ тѣмъ, чтобы тѣ монастырскія церкви, которыя посѣщались мѣстными жителями, оставались, и по закрытіи монастырей, открытыми для богослуженія.

и 3) Зданія тѣхъ монастырей, которые будутъ упразднены, принять въ распоряженіе правительства для обращенія ихъ подъ богоугодныя заведенія».

На журналѣ этомъ, государь, въ Киссингенѣ 11-го (23-го) іюня 1864 г., положилъ резолюцію: «исполнить по мнѣнію большинства».

22-го іюня это высочайшее повелѣніе и всѣ необходимыя данныя по этому предмету переданы были намѣстнику въ царствѣ для исполненія, а имъ 28-го іюня образована особая коммиссія, и работа закипѣла.

При самомъ даже бѣгломъ чтеніи резолюціи соединенныхъ комитетовъ видно, что они были особенно озабочены скорѣйшимъ окончаніемъ всѣхъ предварительныхъ для закрытія монастырей распоряженій. Учреждаемая въ Варшавѣ коммиссія должна была окончить свои главнѣйшія работы въ мѣсячный срокъ; затѣмъ, намѣстнику неоднократно указывалось, что его представленія должны послѣдовать въ самомъ непродолжительномъ, по возможности, времени. Указаніе на эту скорость особенно бросается въ глаза и оправдывается, кажется, боязнью, чтобы намѣстникъ не затянулъ этого дѣла. Графъ Бергъ былъ лютеранинъ, а жена его и пріемная дочь, жившія съ нимъ въ Варшавѣ и имѣвшія на него несомнѣнное вліяніе,—католички. Общество польское имѣло въ нихъ своихъ убѣжденныхъ союзницъ въ дѣлахъ религіи, усердно посѣщало ихъ и черезъ пріемную дочь доводило до графа Берга всѣ свои жалобы и сѣтованія. Зная эту закулисную сторону, въ Петербургѣ боялись домашняго вліянія на намѣстника и потому, во что бы то ни стало, желали сократить срокъ подготовительныхъ къ реформѣ дѣйствій.

Однако опасенія эти были напрасны и вытекали изъ совершенно

ложныхъ предположеній. Графъ Бергъ, женившійся въ 1830 году на итальянской графинѣ Сигонья, старшей его лѣтами, заключилъ бракъ не по любви, а по разсчету. Жена его, по своему характеру и возрасту, не могла блистать въ свѣтѣ, но была богата, и онъ обезпечивалъ себѣ возможность занимать—не стушевываясь за женою — видное мѣсто въ высшемъ обществѣ, куда его влекло честолюбіе. Въ семьѣ никогда не было любви, но сразу отношенія установились самыя приличныя, дружественныя. Живя въ замкѣ на разныхъ половинахъ, графъ дѣлалъ визиты женѣ утромъ и вечеромъ, а къ обѣду — когда она была здорова — принималъ ее у себя, при чемъ она всегда приходила въ его кабинетъ за нѣсколько времени до появленія первыхъ приглашенныхъ въ числѣ шести — семи человѣкъ, ежедневно обѣдавшихъ у графа. Этихъ свиданій было достаточно, чтобы успѣть выслушать все то, что̀ обѣ дамы имѣли сказать ему. Выслушивалъ онъ терпѣливо, быть можетъ, обѣщалъ что-нибудь сдѣлать, но едва-ли когда прямо подчинялся ихъ вліянію и удовлетворялъ какое-либо не свойственное ихъ требованіе. Я, по крайней мѣрѣ, рѣшительно не могу привести ни одного примѣра тому, чтобы онъ, подъ вліяніемъ своей семьи, сдѣлалъ что-либо противное своимъ оффиціальнымъ обязанностямъ и положенію. Спѣшу оговориться; здѣсь я разумѣю не частные какіе-либо случаи, а принципіальное направленіе дѣла. Графъ Бергъ былъ человѣкомъ въ высшей степени правительственнымъ и преданнымъ престолу.

— Прикажетъ государь,—нерѣдко говорилъ онъ мнѣ лично,—лягу у дверей его кабинета, какъ вѣрная собака, и умру, исполняя его приказанія.

И, говоря это, онъ нисколько не преувеличивалъ и не рисовался. Имѣя свои взгляды и убѣжденія и по своему воспитанію и прошедшей дѣятельности не соглашаясь со многимъ изъ того, что̀ дѣлалось вокругъ него и что̀ предпринималось самимъ правительствомъ, графъ Бергъ высказывалъ свое мнѣніе и дѣлалъ все, чтобы заставить отказаться отъ мѣры, казавшейся ему несвоевременной, вредной или опасной. Взгляды свои въ подобныхъ случаяхъ онъ рѣдко излагалъ въ оффиціальныхъ бумагахъ и запискахъ потому, думается мнѣ, что самъ не владѣлъ русскою рѣчью въ письменномъ изложеніи, а всегда писалъ собственноручныя письма къ государю, письма весьма откровенныя, но черезъ-чуръ уже частыя. Рѣдкій день онъ не писалъ письма, а иногда посылалъ два и болѣе по разнымъ предметамъ. Это не мало затрудняло государя, но никогда онъ не выказалъ своего неудовольствія и всегда аккуратно отвѣчалъ графу Бергу на отдѣльныя серіи его писемъ. Письма свои графъ Бергъ писалъ по-французски, и мнѣ множество разъ приходилось снимать съ нихъ копіи для его архива, такъ что я положительно могу засвидѣтельствовать, что онъ смѣло и ясно высказывалъ свои мысли государю, а до отъѣзда изъ Варшавы великаго князя Констан-

тина Николаевича—нерѣдко писалъ и къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, принимавшей сердечное участіе во всемъ, что дѣлалось тогда въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Подобныя возраженія въ собственноручныхъ письмахъ графъ Бергъ посылалъ какъ во время соображеній той или другой мѣры, такъ и тогда, когда соображенія оканчивались и выражались въ посылкѣ въ Петербургъ того или другаго проекта. По той же причинѣ графъ никогда не писалъ оффиціальныхъ контрпроектовъ, а протестовалъ въ излюбленной формѣ письма. Какъ только проектъ получалъ высшую санкцію и дѣлался закономъ, все измѣнялось, и графъ Бергъ, вѣрный своимъ принципамъ преданнаго служенія государю, становился самымъ точнымъ исполнителемъ новаго узаконенія. Никогда тайно, подъ рукою, онъ не разрушалъ того, что дѣлалъ явно, а это было такъ легко во многихъ случаяхъ и такъ часто практикуется въ жизни. Н. А. Милютинъ говаривалъ, что «лучшаго исполнителя, какъ графъ Бергъ, трудно и желать». Эту фразу я самъ много разъ слышалъ отъ Милютина, и она была дѣйствительно самой справедливой оцѣнкой безупречной исполнительной дѣятельности графа Берга.

Въ послѣднее время, занятый множествомъ лежавшихъ на мнѣ обязанностей, я пересталъ переписывать копіи графскихъ писемъ; это сталъ дѣлать чиновникъ дипломатической канцеляріи Шлёцеръ, а потому я не могу сказать, что собственно графъ Бергъ писалъ о монастырской реформѣ. Онъ во всякомъ случаѣ былъ противъ нея, но не въ принципѣ, а потому, что видѣлъ въ ней возможность: во-первыхъ, сильнаго возбужденія общественнаго мнѣнія и, во-вторыхъ, не по разуму рьянаго исполненія, могущаго повести къ такимъ дѣйствіямъ исполнительныхъ чиновъ, которыя легко могли быть истолкованы какъ оскорбленіе и преслѣдованіе римско-католическаго исповѣданія. Словомъ, онъ предполагалъ, что приведеніе этой реформы въ исполненіе поведетъ ко многимъ недоразумѣніямъ и снова поставитъ правительство въ затруднительное положеніе. Собственно же въ мѣрѣ уменьшенія числа монастырей онъ не могъ не видѣть благоразумной стороны, тѣмъ болѣе, что тунеядство монаховъ, независимо отъ ихъ участія въ революціонныхъ дѣйствіяхъ, было ему хорошо извѣстно.

Приданіе всѣмъ подготовительнымъ работамъ по монастырской реформѣ особой экстренности и умышленнаго выставленія на видъ необходимости окончить все это въ самое кратчайшее время не ускользнуло, разумѣется, отъ вниманія графа Берга, было понято имъ и оцѣнено по достоинству. Чтеніе отзыва статсъ-секретаря Платонова вызвало у графа саркастическую улыбку, ясно показавшую мнѣ, что онъ догадался, въ чей огородъ летятъ камни. Указаніе окончить всѣ работы коммиссіи въ мѣсячный срокъ показалось ему совершенно невыполни-

мымъ, что̀ раздѣлилъ и генералъ Треповъ, въ качествѣ генералъ-полицеймейстера имѣвшій кромѣ утренняго и вечерній докладъ у графа-намѣстника и нерѣдко остававшійся и послѣ доклада при разборѣ и чтеніи вечерней почты, съ которою приходили всѣ бумаги изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ. Это чтеніе съ августа 1863 года до половины іюня 1865 г., т. е. до назначенія моего радомскимъ губернаторомъ,—всегда дѣлалъ я.

Мѣсячный срокъ дѣйствительно казался невозможнымъ, но, какъ увидимъ, коммиссія съ честью вышла изъ затруднительнаго, даже просто невозможнаго положенія и если затянула работы на нѣсколько дней сверхъ мѣсячнаго срока, зато исполнила не только то, что̀ отъ нея требовалось окончить въ теченіе мѣсяца, но и многое другое, подлежавшее исполненію послѣ. Впослѣдствіи я объясню, почему вообще всѣ серьезныя административныя работы дѣлались тогда въ Царствѣ Польскомъ быстро и основательно.

Д. Г. Анучинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Великій князь Константинъ Павловичъ и его дворъ.

(1810—1833).

III [1]).

Поѣздка великаго князя Константина Павловича въ Петербургъ.—Жизнь въ Бельведерѣ въ его отсутствіи.—Возвращеніе въ Варшаву.—Отъѣздъ императора Александра на конгрессъ въ Верону.—Прибытіе въ Варшаву великаго князя Михаила Павловича.—Возвращеніе Александра изъ Вероны.—Смотръ войскамъ въ Брестѣ.—Вечеръ въ Бельведерѣ.—Кончина императора Александра I.—Положеніе великаго князя.—14-е декабря 1825 г. въ Петербургѣ и его отраженіе въ Варшавѣ.—Слухи по поводу вступленія на престолъ императора Николая.—Мнѣнія великаго князя о политическихъ дѣлахъ.—Жизнь въ Варшавѣ.

Въ исходѣ 1821 года, великій князь Константинъ Павловичъ уѣхалъ въ Петербургъ, хотя ему было весьма тяжело разстаться со своей съ женою, съ своими привычками и съ Бельведеромъ. Онъ долженъ былъ совершить эту поѣздку, такъ какъ не видалъ матери со времени своей женитьбы и цѣлыхъ два года не появлялся въ столицѣ. Великій князь нѣсколько замедлилъ отъѣздомъ, чтобы не быть при дворѣ въ новый годъ и избѣгнуть обычныхъ церемоній и этикета, которыя отъ души ненавидѣлъ, но ему хотѣлось быть въ Петербургѣ въ Крещенье и присутствовать на Іордани. Его высочество обѣщалъ намъ возвратиться какъ можно скорѣе.

Итакъ, мы остались въ Бельведерѣ одни, въ самое дурное время года. Княгиня Ловичъ должна была жить вмѣстѣ съ нами, не бывая

[1]) См. „Русскую Старину“ августъ 1902 г.

вовсе въ Варшавѣ; ей даже не было разрѣшено посѣщать свою семью. Его высочество хотѣлъ отдалить княгиню отъ ея родныхъ и отъ тѣхъ лицъ варшавскаго общества, коихъ онъ не терпѣлъ, критикуя ихъ политическое поведеніе, нравы и нѣкоторыя смѣшныя стороны. Онъ не желалъ, чтобы его супруга была довѣренной ихъ жалобъ и орудіемъ ихъ патріотизма. Великому князю было извѣстно, какія надежды поляки возлагали на его бракъ, и онъ хотѣлъ разрушить ихъ намѣренія даже въ мелочахъ. Княгинѣ приходилось подчиниться его волѣ, хотя неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого была для нея смертельная скука.

Занимаясь животнымъ магнитизмомъ, Фавицкій заставилъ княгиню заинтересоваться всѣми нелѣпостями, которыя продѣлывали фокусники-магнетизеры; она увѣровала въ чудесныя излѣченія, совершаемыя ясновидящими, въ предсказанія, словомъ, во всѣ сверхъестественныя явленія, коими шарлатаны поражаютъ людей съ слабымъ и разстроеннымъ воображеніемъ. Его высочество, съ свойственнымъ ему здравымъ смысломъ, нападалъ, при всякомъ удобномъ случаѣ на эти мнимыя чудеса и высказывалъ величайшее презрѣніе къ этимъ явленіямъ и къ людямъ, кои ими занимались; отъ хотѣлъ этимъ отвлечь отъ нихъ жену, но Фавицкій, не обращая вниманія на здравыя сужденія великаго князя, старался, во время своихъ бесѣдъ наединѣ съ княгиней, упрочить въ ней вѣру во все чудесное, чему онъ самъ подавалъ примѣръ. Когда мы сходились всѣ вмѣстѣ въ нашемъ уединеніи, то разговоръ то и дѣло касался метафизики, отвлеченнаго анализа, вопросовъ мистическихъ; въ такихъ случаяхъ Фавицкій выказывалъ всю свою несносную глупость, свое чванство и вредъ, который можетъ принести полузнаніе неуравновѣшенному уму. Это было просто невыносимо. Я не говорилъ ни слова, старался думать о другомъ, но мое лицо, выражавшее скуку и нетерпѣніе, должно было чрезвычайно не нравиться княгинѣ. Такъ проводили мы время въ отсутствіе великаго князя.

Великій князь вернулся изъ Петербурга черезъ мѣсяцъ. Императоръ даровалъ ему гораздо болѣе обширныя полномочія по сравненію съ тѣми, коими онъ пользовался прежде. Это было, какъ онъ самъ выражался, нѣчто въ родѣ диктатуры, которая была, повидимому, необходима вслѣдствіе революціоннаго движенія, которое начало обнаруживаться повсюду.

Между тѣмъ въ Варшавѣ, по-прежнему, все было спокойно; за исключеніемъ нѣсколькихъ студентовъ, подражавшихъ нѣмецкой молодежи, съ коей они поддерживали переписку, всѣ остальные не уклонялись отъ порядка и мирной жизни; многіе изъ этихъ сорванцовъ были арестованы, высланы изъ Варшавы, а иные довольно долго содержались подъ арестомъ. Эти мѣры вызвали ропотъ среди польскихъ либераловъ, которые ссылались на гарантіи, обѣщанныя конституціей. Но на ихъ крики

не обращали вниманія, предоставляя имъ цѣпляться за политическій призракъ, который все болѣе и болѣе обращался въ ничто и который имъ посулили Богъ вѣсть зачѣмъ.

Императоръ Александръ все болѣе и болѣе охладѣвалъ къ либеральнымъ идеямъ, которыми онъ нѣкогда увлекался. Онъ не скрывалъ этой перемѣны, происшедшей въ немъ подъ вліяніемъ опыта, при видѣ того, что происходило въ Европѣ и что старались насадить и въ его Имперіи. Онъ удалилъ изъ столицы нѣсколько профессоровъ Петербургскаго университета, распространявшихъ современныя ученія, и за эти дѣйствія ему пришлось выслушать строгую отповѣдь отъ своего бывшаго воспитателя. Лагарпъ написалъ ему письмо, въ которомъ высказалъ, что онъ много потерялъ во мнѣніи Европы, и что такая перемѣна въ принципахъ человѣка, имъ воспитаннаго, заставляетъ его сожалѣть о томъ, что онъ принималъ участіе въ его воспитаніи.

Нѣсколько времени спустя послѣ возвращенія его высочества, произошла совершенно неожиданная сцена. Однажды, за обѣдомъ, великій князь спросилъ меня, требуется ли правилами приличія, чтобы въ отвѣтѣ было упомянуто о полученіи письма, на которое отвѣчаешь. Я сказалъ, что здравый смыслъ и обычай требуютъ упомянуть о письмѣ, при чемъ это упоминаніе дѣлается въ церемонномъ, серьезномъ или шутливомъ тонѣ, смотря по положенію лица, коему отвѣчаютъ, и по существующимъ между пишущими отношеніямъ, или сообразно съ тѣмъ предметомъ, о которомъ идетъ рѣчь; но что упоминаніе дѣлается всегда. Тогда великій князь, обратясь къ княгинѣ, сказалъ: «Вы видите, я былъ правъ». Я понялъ, что княгиня писала какой-либо особѣ царской фамиліи, не упомянувъ о письмѣ, на которое она отвѣчала, и что великій князь сдѣлалъ ей по этому поводу замѣчаніе; этимъ, очевидно, и былъ вызванъ его вопросъ. Княгиня возразила обиженнымъ тономъ, настаивая на своемъ мнѣніи, а великій князь съ горячностью отстаивалъ свои слова. Всѣмъ сдѣлалось неловко, всѣ смолкли, и мнѣ было очень непріятно, что я подалъ поводъ къ спору. Тогда Фавицкій, открывъ ротъ, какъ ворона, потерявшая кусокъ сыра, началъ длинную рѣчь, стараясь поддержать мнѣніе княгини; великій князь, выведенный изъ себя этимъ неприличнымъ поступкомъ, сказалъ, покраснѣвъ отъ гнѣва: «Замолчите, милостивый государь, вы все говорите глупости и только для того, чтобы угодить женѣ».

Императоръ, отправляясь на конгрессъ въ Верону, былъ проѣздомъ въ Варшавѣ и провелъ нѣсколько дней съ братомъ; въ это время были произведены маневры; по окончаніи ихъ, его величество отправился далѣе на Вѣну.

Нѣсколько времени спустя къ намъ пріѣхалъ изъ Штутгардта великій князь Михаилъ Павловичъ, куда онъ ѣздилъ повидаться со своей

будущей супругою, племянницею короля Виртембергскаго. Онъ провелъ въ Бельведерѣ болѣе мѣсяца и уѣхалъ съ сожалѣніемъ, будучи вызванъ своей матерью. Младшій братъ нѣжно любилъ великаго князя Константина Павловича. Уединенная, чисто военная жизнь цесаревича пришлась ему какъ нельзя болѣе по вкусу; у него былъ веселый, открытый характеръ; онъ былъ утонченно вѣжливъ, и его общество придало намъ нѣкоторое оживленіе. Его сопровождалъ его бывшій воспитатель, генералъ Алединскій, и два адъютанта, весьма пріятные собесѣдники.

Мы провели осень такъ же, какъ и остальныя времена года. Мы собирались всѣ вмѣстѣ каждый вечеръ въ восемь часовъ. Постороннихъ лицъ на этихъ собраніяхъ никогда не бывало кромѣ дежурнаго адъютанта. Газеты тщательно прочитывались нами и истолковывались, такъ какъ великій князь живо интересовался политикой. Конгрессъ, происходившій въ Веронѣ, предвѣщалъ, повидимому, важныя событія, но было извѣстно одно, что всѣ искренно желали обуздать всѣми возможными средствами революціонное чудовище, которое уже пожало жатву въ Греціи, намѣревалось пробраться въ Испанію и могло возжечь въ Европѣ всеобщій пожаръ. Греція была окончательно предоставлена своимъ силамъ, и великія державы жестоко обманули этимъ надежды либеральной партіи. Этотъ разъ монархи были послѣдовательны въ своихъ принципахъ. Болѣе всѣхъ пришлось бороться противъ искушенія императору Александру. Онъ сознался брату, что никогда еще ему не были болѣе искусно разставлены сѣти и что ему пришлось употребить всю свою энергію, чтобы не попасть въ нихъ. Каподистрія поплатился своимъ мѣстомъ за соблазнительную картину, которую онъ осмѣлился представить монарху.

Графъ Каподистрія, по отзыву всѣхъ лицъ, его знающихъ, былъ человѣкъ выдающихся способностей, одаренный большимъ умомъ. Овладѣвъ полнымъ довѣріемъ императора, онъ какъ бы исполнялъ обязанности его перваго министра и, зная тайныя склонности монарха, льстилъ себя надеждою, что ему удастся восторжествовать надъ ними. Императоръ былъ проникнутъ идеями Екатерины Великой о возстановленіи греческой монархіи.

Министръ надѣялся, что обстоятельства придадутъ этимъ идеямъ новую силу, и подалъ сигналъ къ революціи, обѣщавъ грекамъ поддержку въ которой онъ не сомнѣвался. Но Александръ съумѣлъ дать ему отпоръ, понявъ, что онъ былъ орудіемъ революціонной партіи.

Союзъ Россіи, Австріи и Пруссіи обязанъ своимъ возникновеніемъ Наполеону. Послѣ его паденія, этотъ союзъ, возникшій для взаимной защиты, поставилъ себѣ благородной цѣлью возстановленіе порядка. Можетъ ли онъ существовать долго? Конечно, нѣтъ. Созданный въ силу необходимости, поддерживаемый дружбою и уваженіемъ, которыя мо-

нархи питаютъ другъ къ другу, онъ можетъ существовать только до тѣхъ поръ, пока живы тѣ, по мысли коихъ онъ возникъ. Послѣ нихъ проявится вновь соперничество народовъ, и священный союзъ, не скрѣпленный болѣе взаимною дружбою, рушится, подобно тому, какъ рушились всѣ союзы, возникшіе по волѣ одного лица или подъ вліяніемъ какихъ-либо особенныхъ обстоятельствъ, и которые поэтому не могли быть долговѣчны.

Императоръ возвратился изъ Вероны въ первыхъ числахъ января и провелъ десять дней въ Варшавѣ. Я узналъ изъ бесѣдъ съ великимъ княземъ, что однимъ изъ главныхъ вопросовъ, обсуждавшихся на конгресѣ, была война съ Испаніей. Великій князь говорилъ, что императоръ очень желалъ этой войны. Испанія сдѣлалась убѣжищемъ революціонеровъ и ихъ послѣдней надеждою. Если они будутъ побѣждены въ Испаніи, то революціонной партіи будетъ нанесенъ этимъ смертельный ударъ, и отдѣльныя ея вспышки легко будутъ подавлены.

Во время пребыванія императора въ Варшавѣ, его высочество призвалъ меня однажды вечеромъ къ себѣ. Когда я явился, великій князь вручилъ мнѣ коробочку, сказавъ, что это подарокъ его величества въ знакъ его признательности за мои заботы о Павлѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сказалъ мнѣ, что на слѣдующій день, передъ обѣдомъ, онъ представитъ меня императору, который хотѣлъ видѣть меня, и что я могу поблагодарить его величество. Я видѣлъ по футляру, что это былъ перстень, и, дѣйствительно, вернувшись домой, я увидѣлъ великолѣпный солитеръ, осыпанный шестнадцатью алмазами.

На слѣдующій день, передъ обѣдомъ, я отправился въ покои великаго князя, вскорѣ вышелъ ко мнѣ его величество. Великій князь представилъ меня, и императоръ обошелся со мною съ тою очаровательною любезностью, которая составляетъ ею отличительную черту. Выраженіе лица Александра благородное и привлекательное, его царственный видъ смягчается выраженіемъ доброты и кротости, которыя дѣйствуютъ ободряюще. Императоръ много разспрашивалъ меня о моей предъидущей службѣ; мои отвѣты дали ему поводъ заговорить о нашей революціи и о либеральной партіи. Я замѣтилъ, что онъ отзывался о ней чрезвычайно враждебно, и что перемѣна во взглядахъ императора, о которой говорилъ его высочество, была полная. Императоръ соблаговолилъ бесѣдовать со мною болѣе получаса и отпустилъ, сказавъ мнѣ много любезнаго. Признаюсь, хотя я зналъ этого монарха по всему, что было сдѣлано имъ великаго, великодушнаго, и хотя я зналъ его еще лучше по всему слышанному мною въ бесѣдахъ отъ великаго князя, но я все-таки былъ пораженъ его манерой говорить, ясностью его сужденія и изысканностью его выраженій. Онъ говорилъ самымъ безукоризненнымъ, изящнымъ, выразительнымъ французскимъ языкомъ. Онъ не произнесъ

ни одного слова, которое было бы не кстати и изобличило бы иностранца; вдобавокъ, произношеніе его было вполнѣ академическое. Я былъ до крайности изумленъ и въ восторгѣ отъ этого свиданія. Нѣсколько дней спустя императоръ уѣхалъ обратно въ столицу, откуда онъ отсутствовалъ довольно долго; наградъ было роздано весьма немного, и такъ какъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ былъ назначенъ большой смотръ войскамъ, то всѣ полагали, что награды будутъ пріурочены къ этому времени. Поэтому, честолюбцы, съ ихъ ненасытимыми желаніями, жили надеждою.

Между тѣмъ начались дѣятельныя приготовленія къ большому смотру войскъ въ Брестѣ, гдѣ должны были сосредоточиться всѣ войска, бывшія подъ начальствомъ его высочества, всего на всего 80 тысячъ человѣкъ. Отдѣльнымъ частямъ, расположеннымъ въ Литвѣ и на Волыни, пришлось совершить большіе переходы, чтобы прибыть къ назначенному мѣсту. Привыкнувъ къ шумнымъ походамъ нашихъ французскихъ войскъ, къ пѣснямъ и грубой веселости нашихъ солдатъ, я былъ чрезвычайно пораженъ спокойствіемъ и молчаливостью русскихъ кирасиръ: если бы не военные мундиры, то можно было бы подумать, что это шествіе монаховъ; впрочемъ, то же самое наблюдалось и въ прочихъ частяхъ войскъ. Для того, чтобы дать понятіе о безупречной дисциплинѣ, царствовавшей въ арміи его высочества, достаточно сказать, что на всемъ пути, по которому слѣдовали въ Брестъ разные корпуса, не было ни несчастныхъ случаевъ, ни жалобъ, ни безпорядка. Когда это огромное войско сосредоточилось на пространствѣ нѣсколькихъ миль и было скучено въ крестьянскихъ сараяхъ, то нигдѣ не случилось ни пожара, ни дракъ, словомъ, ни одного изъ тѣхъ прискорбныхъ случаевъ, которые почти неизбѣжны при скопленіи такой массы людей. Это дѣлало честь энергіи и предусмотрительности великаго князя. Онъ былъ по истинѣ неутомимъ въ исполненіи порученій, возлагаемыхъ на него братомъ, и ни одинъ подданный не выказывалъ столько усердія, рвенія и точной исполнительности. Ему предстояло теперь пожать плоды своихъ трудовъ и показать императору великолѣпную, прекрасно обученную и обмундированную армію, словомъ, самую блестящую армію въ Европѣ. По его прекрасному настроенію было видно, что онъ былъ доволенъ благопріятнымъ результатомъ своихъ неусыпныхъ стараній. Его высочество поселился въ Брестѣ у еврея въ такой тѣсной квартирѣ, что намъ приходилось до и послѣ обѣда проводить время на дворѣ. Въ домѣ была всего одна маленькая комнатка; императоръ, которому, разумѣется, было предназначено самое лучшее помѣщеніе, жилъ въ плохенькомъ домѣ, который былъ однако наилучшимъ въ городѣ.

Великіе князья Николай и Михаилъ помѣстились какъ попало;

мы жили какъ бы въ лагерѣ, среди жалкихъ развалинъ, именуемыхъ Брестомъ, которыя обозначены на картѣ, какъ довольно значительный городъ.

Намъ пришлось ожидать двѣнадцать дней пріѣзда императора; въ это время самыя отдаленныя части войскъ успѣли подойти къ мѣсту назначенія. Великій князь выѣзжалъ имъ навстрѣчу и наблюдалъ лично за ихъ размѣщеніемъ по квартирамъ. Его братья прибыли за нѣсколько дней до императора и предались своимъ любимымъ военнымъ занятіямъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ долженъ былъ поѣхать на границу для встрѣчи своей невѣсты и только ожидалъ извѣстія о ея приближеніи, чтобы уѣхать изъ Бреста.

Я уже говорилъ, что великій князь Михаилъ рабски подражалъ цесаревичу во всемъ, что было возможно, и съ восторгомъ перенималъ малѣйшія его привычки.

Что касается княгини, то ея желаніе сопровождать своего супруга въ Брестъ, на смотръ войскъ, вызвало не мало толковъ; всѣ находили страннымъ, что она покажется войскамъ, и полагали, что это вызоветъ много разговоровъ въ Петербургѣ. Нѣкоторые думали, что эта поѣздка была только предвѣстникомъ болѣе далекаго путешествія и что княгиня имѣла при этомъ цѣлью добиться отъ императора, чтобы онъ далъ ей званіе, которое дозволило бы ей появиться при дворѣ и занять подобающее мѣсто, во время бракосочетанія великаго князя Михаила Павловича.

Поговаривали о велико-княжескомъ титулѣ; это было весьма возможно, такъ какъ при всей скромности, простотѣ и отсутствіи притязаній, коими гордилась княгиня, есть основаніе предполагать, что она была бы не прочь воспользоваться милостью, коей императоръ всенародно призналъ бы ее членомъ царской фамиліи. Но противъ этого были весьма вѣскія соображенія, такъ какъ она сдѣлалась бы старшей великой княгиней и имѣла бы первенство надъ дочерью короля прусскаго (супругою великаго князя Николая Павловича), что, разумѣется, не было бы одобрено вдовствующей императрицей, которая дорожила преимуществами сана и требованіями этикета. Такимъ образомъ, хотя бы императоръ и захотѣлъ исполнить желаніе княгини, но глубокое уваженіе, какое онъ питалъ къ своей матери, должно было удержать его отъ поступка, который не былъ бы ею одобренъ.

Сосредоточеніе войскъ, не имѣвшее никакой политической цѣли, доставило газетамъ обильную пищу для толковъ. Они видѣли въ этомъ какія-то тайныя цѣли, которыя каждый толковалъ по-своему. Въ сущности, это былъ только большой смотръ, на которомъ его высочество хотѣлъ впервые показать своему брату всю армію, бывшую подъ его начальствомъ.

За нѣсколько дней до императора, прибылъ въ Брестъ второй сынъ короля прусскаго; его присутствіе довершило это блестящее собраніе.

Наканунѣ дня, назначеннаго для большаго смотра, пошелъ дождь. Его высочество былъ въ отчаяніи, такъ какъ день смотра былъ назначенъ самимъ императоромъ и отложить его не было возможности. Было бы, разумѣется, весьма прискорбно, если бы столько приготовленій и заботъ пропало даромъ или если бы войска появились вымокшія отъ дождя, перепачканныя въ грязи. Войско было одѣто съ иголочки; было приложено всевозможное стараніе къ тому, чтобы все было роскошно и изящно, начиная съ генерала и кончая солдатомъ, и всѣ были воодушевлены желаніемъ пожать плоды столькихъ трудовъ, показать себя императору достойнымъ образомъ и заслужить его одобреніе. Между тѣмъ набѣжавшія тучи могли испортить все дѣло и лишить императора зрѣлища, ради котораго онъ пріѣхалъ издалека, а великаго князя—удовольствія похвастать своими трудами

Но на этотъ разъ небо услышало мольбы смертныхъ, солнце взошло, и день былъ восхитительный. Погода была какъ на заказъ для дѣйствующихъ лицъ и для многочисленныхъ зрителей, съѣхавшихся со всѣхъ сторонъ полюбоваться великолѣпнымъ зрѣлищемъ.

Во время смотра случилось происшествіе, жертвою котораго былъ, къ несчастію, самъ императоръ: онъ подозвалъ къ себѣ одного полковника, который, поспѣшивъ исполнить его приказаніе, не могъ сдержать свою лошадь, и она сильно ударила стременами императора въ ногу; императоръ даже не моргнулъ глазами, и полученную имъ рану увидѣли только тогда, когда онъ возвратился къ себѣ и снялъ сапоги.

Послѣ смотра мы возвратились въ Варшаву, и все пошло по-старому.

Въ монотонной жизни Бельведерскаго двора особенно тягостны были вечера; къ 8-ми часамъ всѣ собирались въ гостиной. Это была длинная, глубокая комната, съ полукруглой нишей, въ которой стоялъ такой же полукруглый диванъ и круглый столъ, на которомъ горѣли четыре свѣчи.

Налѣво отъ дивана была печка, направо вѣчно пылавшій каминъ; посреди висѣла люстра. За этимъ столомъ пили чай; сюда же подсаживалась съ работой княгиня, а великій князь развертывалъ польскія газеты и читалъ вслухъ заглавія статей, напирая на самыя трудно произносимыя слова; онъ никогда не могъ примириться съ шипящими польскими согласными, хотя прекрасно говорилъ по-польски.

Это было непріятно княгинѣ, которая спѣшила завести разговоръ и приказывала подать чай. Отставной кирасиръ громаднаго роста вносилъ подносъ съ чайными принадлежностями; за нимъ шелъ маленькій шустрый греченокъ съ пирожками.

Княгиня заваривала чай; его высочество продолжалъ читать. Она подавала ему чашку, онъ молча, не отрываясь отъ газеты, бралъ ее и мало-по-малу выпивалъ. Когда чай былъ выпитъ, газеты прочитаны, начинали разговаривать; говорилъ больше великій князь, интересно, остроумно, разсказывая анекдоты, разные случаи изъ своей жизни, пересыпая все это каламбурами. Княгиня въ это время работала или перелистывала книгу. Но если она хотѣла что-нибудь сказать, то мужъ сердился.

— Да дай же мнѣ договорить, подожди, когда я кончу.

Иногда княгиня предлагала чтеніе вслухъ. Она любила обсуждать прочитанное.

Наконецъ около десяти часовъ всѣ расходились очень довольные, что можно было лечь въ постель и закрыть глаза, которые давно уже слипались.

Послѣ неожиданной кончины Александра I, въ то время когда всѣ присягали императору Константину и молились за него въ церквахъ, когда день и ночь скакали въ Варшаву фельдъегери съ пакетами, а приближенные говорили великому князю «ваше величество», что̀ сердило великаго князя.

— Моя скорбь по поводу потери брата,—говорилъ онъ,—усугубляется заботами, которыя мнѣ предстоятъ, а я чувствую себя почти больнымъ. Я послалъ свою присягу брату Николаю, но мнѣ до сихъ поръ присылаютъ донесенія изъ разныхъ концовъ Имперіи, гдѣ знаютъ только о моихъ правахъ. Нѣкоторые упорно называютъ меня «ваше величество», не смотря на сдѣланное мною, по этому поводу, заявленіе. Я желаю быть только первымъ вѣрно подданнымъ его величества, всѣ должны это знать.

Когда графъ Моріоль выразилъ Константину Павловичу свое удивленіе по поводу того, что онъ не поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ его присутствіе было необходимо, то великій князь замѣтилъ съ живостью:

— Нѣтъ, я не выѣду изъ Бельведера; покойный императоръ довѣрилъ мнѣ этотъ постъ, который я не могу и не хочу оставить. Если я останусь тутъ, то не будетъ предлога ложно истолковать мои поступки; на меня устремлены глаза всей Европы, поэтому мое поведеніе должно быть ясно и открыто.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней великій князь выходилъ изъ своихъ покоевъ только къ княгинѣ, съ которой онъ обѣдалъ съ глаза на глазъ. Все остальное время онъ былъ занятъ отправкою фельдъегерей, которые ежеминутно являлись съ пакетами.

Упорствуя въ своемъ намѣреніи не выѣзжать изъ Варшавы, Константинъ Павловичъ хотѣлъ этимъ подчеркнуть искренность своего отреченія; быть можетъ, имъ руководило въ этомъ случаѣ слишкомъ узко

понятое представленіе объ его обязанностяхъ, но отнюдь не страхъ за себя, за свою личность, какъ утверждали иные, такъ какъ онъ всегда былъ храбръ и впослѣдствіи, не смотря на произведенныя на него покушенія, не принималъ никогда никакихъ предосторожностей, выѣзжалъ одинъ въ открытой коляскѣ, безъ конвоя, безъ лакея и только изрѣдка бралъ съ собою адъютанта.

Чтобы положить конецъ неопредѣленному положенію, которое чрезвычайно тяготило его, великій князь собралъ гвардію и варшавскій гарнизонъ и прочиталъ имъ свой актъ отреченія, въ которомъ говорилъ, что, не чувствуя въ себѣ ни силъ, ни дарованій, нужныхъ для управленія государствомъ, онъ отказывается отъ престола... и, тотчасъ присягнувъ императору Николаю, приказалъ сдѣлать то же и, войскамъ. Вернувшись домой съ этой церемоніи, онъ былъ какъ-то особенно, возбужденно веселъ.

— Ну, дѣло сдѣлано,—сказалъ онъ, потирая руки,—я надѣюсь, что теперь меня оставятъ въ покоѣ.

И онъ сѣлъ за столъ и хотя старался казаться веселымъ, однако видно было, что онъ сильно взволнованъ. Этотъ грустный обѣдъ продолжался не долго; по окончаніи его великій князь, по обыкновенію, пошелъ отдохнуть.

Когда въ Петербургѣ вспыхнуло возмущеніе, то великій князь сознавалъ, вѣроятно, что его присутствіе въ Петербургѣ быть необходимо; но онъ не говорилъ объ этомъ ни слова съ окружающими, а когда графъ Моріоль упрашивалъ его принять какія-либо мѣры предосторожности для своей личной безопасности, то Константинъ Павловичъ отвѣчалъ, что онъ считаетъ эти предосторожности безполезными, могущими вызвать только толки.

— Все предначертано свыше,—сказалъ онъ,—я всегда предоставлялъ себя волѣ Провидѣнія и никогда въ этомъ не раскаивался.

«Мелочныя заботы военнаго дѣла и производство слѣдственныхъ дѣлъ, вызванныхъ подозрѣніемъ въ соучастіи поляковъ въ заговорѣ 14-го декабря, поглощали великаго князя всецѣло, такъ что я видѣлъ его высочество,—пишетъ графъ Моріоль—только за столомъ и во время нашихъ маленькихъ вечернихъ собраній. Впрочемъ, онъ призывалъ меня иногда въ кабинетъ, чтобы присутствовать при секретныхъ допросахъ, которые онъ производилъ лично разнымъ лицамъ, арестованнымъ на границѣ Царства Польскаго, отъ которыхъ онъ надѣялся получить интересовавшія его свѣдѣнія. Всѣ лица, переступавшія границу Польши, препровождались въ Бельведеръ, гдѣ великій князь разсматривалъ ихъ паспорты; если среди пріѣхавшихъ оказывались лица подозрительныя, о пріѣздѣ которыхъ полиція была предупреждена, то ихъ тотчасъ задерживали и жандармы доставляли ихъ немедленно къ ве-

ликому князю, который никому не довѣрялъ произвести допросъ, и они отпускались на свободу лишь въ томъ случаѣ, когда ихъ невинность была вполнѣ доказана».

Весною (1826 г.) случился одинъ фактъ, свидѣтельствовавшій о томъ, до чего доходили происки заговорщиковъ. Крестьянинъ, пришедшій изъ отдаленнѣйшей губерніи, явился въ Бельведеръ и настоятельно просилъ позволенія видѣть великаго князя и говорить съ нимъ. Допущенный къ нему, этотъ человѣкъ заявилъ, что онъ уполномоченъ своими односельчанами узнать о судьбѣ великаго князя. Въ той мѣстности полагали, что онъ заключенъ въ тюрьму и что Николай Павловичъ похитилъ у него престолъ. Его высочество разсмѣялся, увѣрилъ посланнаго, что онъ пользуется полной свободой и что императоръ царствуетъ законно вслѣдствіе его добровольнаго отреченія. Онъ оставилъ крестьянина у себя нѣсколько дней, чтобы тотъ вполнѣ повѣрилъ справедливости его словъ, а затѣмъ отпустилъ его, щедро наградивъ.

Со вступленіемъ на престолъ императора Николая I положеніе великаго князя не измѣнилось, онъ остался по-прежнему полновластнымъ хозяиномъ въ Польшѣ, но утратилъ свое прежнее вліяніе.

Между великимъ княземъ и новымъ монархомъ не было тѣхъ, основанныхъ на взаимномъ довѣріи, отношеній, какія существовали между нимъ и Александромъ I. Хотя молодой императоръ и относился къ нему почтительно, но Константинъ Павловичъ не имѣлъ на него вліянія, на которое онъ, быть можетъ, разсчитывалъ, какъ старшій братъ, что̀ не могло не отразиться на его настроеніи. Это было особенно замѣтно въ то время, когда вспыхнула война съ Персіей. Онъ сказалъ мнѣ по этому поводу, что его братъ еще слишкомъ молодъ, чтобы рѣшиться самостоятельно на большое предпріятіе; что совѣтники императора будутъ руководствоваться его желаніями и взглядами, желая снискать его благоволеніе, что онъ боится, что его братъ увлечется войною и что, поддавшись жаждѣ славы, онъ захочетъ ознаменовать начало своего царствованія какими-либо громкими предпріятіями, что императоръ Александръ отрезвился отъ обманчиваго блеска, который набросила на него вначалѣ великая роль, которую онъ захотѣлъ играть, и если бы онъ прожилъ долѣе, то онъ заботился бы только о внутреннемъ благѣ Имперіи, которое требовало еще много работы.

Когда вспыхнуло возстаніе въ Греціи и Россія сочла долгомъ вступиться за грековъ, чтобы прекратить кровопролитіе, то великій князь громко выражалъ свое неодобреніе.

— Греки,—говорилъ онъ,—въ сущности не что иное, какъ мятежники, и я не вижу никакой надобности вступаться за нихъ, въ особенности въ нашъ вѣкъ, когда всѣ усилія направлены къ тому, чтобы порвать узы, связывающія народы съ ихъ монархами. Мы не имѣемъ

повода желать ослабленія Оттоманской Порты; прошло время, когда воинственные турки внушали вполнѣ понятный страхъ Европѣ и когда ихъ могуществу угрожала опасность. Они отстали въ отношеніи цивилизаціи, военнаго искусства, политики и всего, что̀ составляетъ силу народа; они представляютъ собою самыхъ драгоцѣнныхъ сосѣдей. Они не только не могутъ напасть, но они даже не въ состояніи защититься и предоставляютъ это другимъ державамъ, заинтересованнымъ въ сохраненіи ихъ. Всѣ державы полагаютъ, что уничтоженіе Оттоманской имперіи повлечетъ за собою низверженіе существующаго въ Европѣ порядка и вызоветъ всеобщую войну. Эти соображенія заставили мою бабку, Екатерину, отказаться отъ мысли воскресить Восточную имперію и если бы ей удалось посадить меня на этотъ престолъ, вопреки всей Европы, то усилія, которыя пришлось бы сдѣлать для этого, истощили бы ея собственную имперію. Ради чего? Чтобы расширить безъ того слишкомъ обширную имперію и придти въ соприкосновеніе съ сильными и завистливыми державами, которыя сдѣлали бы обладаніе этой имперіей для насъ весьма затруднительнымъ; русскіе поспѣшили бы покинуть наши холодныя страны и переселиться на благодатные берега Босфора, а это повело бы къ утратѣ нашего народнаго духа, который составляетъ нашу силу. Вотъ соображенія, заставившія императрицу отказаться отъ своихъ плановъ. Турки должны быть нашими друзьями, отъ насъ зависимыми. Истинная цѣль нашей политики должна заключаться въ поддержкѣ турокъ, а не въ союзѣ съ греками; по крайней мѣрѣ намъ слѣдовало бы довольствоваться ролью наблюдателя, каковой держался покойный императоръ.

Таковы были мысли, вызванныя въ умѣ великаго князя участіемъ, которое императоръ Николай принялъ въ судьбѣ грековъ. Его неудовольствіе еще увеличилось при полученіи извѣстія о Наваринской битвѣ.

— Какое счастье для англичанъ,—воскликнулъ онъ. Сожженіе флота равносильно для нихъ сожженію фейерверка. Сожжемъ его, а тамъ будетъ видно, что̀ дѣлать далѣе,—вотъ ихъ правило. Это повтореніе исторіи съ датскимъ флотомъ въ Копенгагенѣ. Мы, русскіе, повинуясь только своей совѣсти и забывая требованія здравой политики, были вынуждены идти на буксирѣ у этихъ морскихъ разбойниковъ, которые никогда не пропустятъ случая пустить ко дну барку, если онъ представится имъ. При первомъ удобномъ случаѣ придетъ и нашъ чередъ, и я такъ вѣрю въ прочность ихъ союза и дружбы, что я не поручусь за благополучное возвращеніе нашихъ судовъ въ Кронштадтъ.

Начальствуя польскими войсками, великій князь хотѣлъ, чтобы у Польши была первая армія въ Европѣ. Онъ проводилъ цѣлые дни на смотрахъ, въ казармахъ, въ конюшняхъ, училъ, распекалъ, награждалъ.

Эту, черезчуръ большую армію пришлось вооружить и обмундировать. Были открыты царскіе арсеналы, и въ Польшу была препровождена многочисленная и великолѣпная артиллерія, оружіе всѣхъ родовъ и вся матеріальная часть, и, благодаря заботамъ великаго князя, польская армія была быстро организована, снабжена всѣмъ необходимымъ, обмундирована, обучена съ неимовѣрною быстротою и сдѣлалась образцовою по дисциплинѣ.

Столица новаго королевства быстро украсилась роскошными зданіями, въ ней появились: казармы, походившія на дворцы, дома различныхъ министерствъ, великолѣпныя биржи, роскошный театръ—все это сдѣлало Варшаву однимъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ Европы. Стоявшій въ ней многочисленный гарнизонъ, множество служащихъ военнаго и гражданскаго вѣдомства, дворъ великаго князя вносили въ нее жизнь, дѣятельность и привлекали денежныя средства. Сами поляки не узнавали своей столицы; ни одна страна не сдѣлала въ пятнадцать лѣтъ столь быстрыхъ успѣховъ и не подавала такихъ блестящихъ надеждъ въ будущемъ.

Таково было положеніе Польши въ то время, когда революція все смела и уничтожила.

Первое время, послѣ возстановленія королевства Польскаго, Варшава усердно веселилась, и ея красавицы кружили всѣмъ голову. Но мало-по-малу стали проявляться первые признаки неудовольствія. Великій князь не поладилъ съ мѣстной аристократіей. Онъ жилъ замкнуто, не дѣлалъ ни пріемовъ, ни баловъ для польской знати, и магнаты стали разъѣзжаться изъ Варшавы.

Были и болѣе существенные поводы неудовольствія, начались сѣтованія о томъ, что королевство Польское не возстановлено въ предѣлахъ 1772 года.

Константинъ Павловичъ придавалъ огромное значеніе тайной полиціи и считалъ ее самой надежной опорой своей власти. У него были тайные агенты почти во всѣхъ мѣстечкахъ королевства. Ему доставляло истинное удовольствіе самому допрашивать людей, возбудившихъ подозрѣнія полиціи, и онъ обладалъ изумительнымъ даромъ вынудить сознаніе.

Но тайная полиція не открывала заговоровъ, а доносила только объ офицерахъ, одѣтыхъ не по формѣ.

О настроеніи Варшавы великій князь ничего не зналъ.

Неудовольствіе польскаго общества было возбуждено стѣсненіями со стороны цензуры, запрещеніемъ иностранныхъ сочиненій и газетъ, которыя читались всѣми въ Петербургѣ.

Недовольство, возникшее благодаря всему этому въ обществѣ, пере-

шло на армію, которая, будучи по составу чисто національною, естественно должна была послѣдовать за общимъ теченіемъ.

Между тѣмъ заговоръ, въ которомъ польское войско принимало дѣятельное участіе, созрѣвалъ на глазахъ у великаго князя, и возстаніе спѣшно подготовлялось.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ и его патріотическія стихотворенія.

Въ апрѣлѣ 1828 года графъ Д. И. Хвостовъ передалъ А. Х. Бенкендорфу, для представленія государю слѣдующіе стихи:

На выступленіе полковъ Лейбъ-Гвардіи изъ С.-Петербурга 1828 г., 15-го апрѣля.

Идутъ—и громъ предъ ними раздается;
Парятъ на Югъ Россійскіе орлы;
До позднихъ лѣтъ гласъ трубный пронесется
Въ концы земли нелестной имъ хвалы.

И храбрый Россъ въ рядахъ своихъ встрѣчая
Правдиваго—любимаго Царя;
Безтрепетно обиду отомщая,
Течетъ на бой, усердіемъ горя.

Они текутъ—и Царь свою десницу
Къ строптивому Босфору обратитъ,
Увидятъ вновь побѣды колесницу,
Царь будетъ тамъ, гдѣ живъ Олеговъ щитъ.

«Возвращая при семъ стихи,—писалъ ему Бенкендорфъ 24-го апрѣля 1828 г.,—написанные вашимъ сіятельствомъ на выступленіе полковъ Лейбъ-Гвардіи изъ С.-Петербурга 1828 г. апрѣля 15-го дня, имѣю честь васъ увѣдомить, что государь императоръ съ удовольствіемъ изволилъ оные прочесть».

Ободренный такимъ высочайшимъ вниманіемъ, графъ Д. И. Хвостовъ, въ томъ же году, написалъ новое стихотвореніе на кончину императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Препровождая ихъ къ тому же Бенкендорфу, поэтъ писалъ ему 30-го октября 1828 г.:

«Я на другой день пріѣзда вашего превосходительства изъ арміи имѣлъ честь и удовольствіе быть у васъ, почитая себѣ священнымъ долгомъ и теперь и тогда принести вамъ искреннюю благодарность за трудъ, который вы на себя приняли поднести, въ прошедшемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ, государю императору мои стихи на выступленіе изъ Петрополя Лейбъ-Гвардіи полковъ.

«По поводу сего благодѣянія вашего превосходительства, я взысканный особливыми милостями покойнаго государя Павла I-го, имѣя въ

*

свѣжей памяти благоволеніе императрицы Маріи Ѳедоровны, по самый конецъ ея жизни ко мнѣ продолжавшееся, пріемлю смѣлость обременить ваше превосходительство, на 72-мъ году отъ рожденія, покорнѣйшею просьбою: сдѣлайте милость, прилагаемые у сего стихи, на кончину императрицы Маріи Ѳедоровны, удостойте принять на себя трудъ поднести ихъ, въ знакъ вѣрноподданническаго неограниченнаго усердія, его императорскому величеству.

«Я счастливъ буду, если чрезъ посредство ваше въ награду себѣ получу благоволительное воззрѣніе государя императора на мои стихи и дозволеніе напечатать оные.

P. S. Я сегодня дежурю у тѣла покойной императрицы, и вотъ причина, по коей лишаюсь чести принести вашему превосходительству мою покорную просьбу и лично вручить прилагаемые стихи».

Прошло нѣсколько дней, а отвѣта на это письмо не было. Мучимый неизвѣстностью, графъ Хвостовъ, 5-го ноября, писалъ А. Х. Бенкендорфу.

«Усугубляя мою покорнѣйшую просьбу о показаніи его императорскому величеству стиховъ моихъ на кончину императрицы-матери, мною на 72-мъ году отъ роду отъ усердія сдѣланныхъ, и ожидая благоволительнаго царскаго воззрѣнія, отъ покровительства вашего превосходительства, ибо я рѣшился не иначе печатать мои стихи, какъ по увѣдомленіи вашемъ, что они были представлены государю императору. Чего ожидая отъ благосклонности вашей, имѣю честь быть и пр.».

Въ тотъ же день онъ получилъ отвѣтъ, не удовлетворившій его желанія.

«На почтеннѣйшее отношеніе,—писалъ ему Бенкендорфъ 5-го же ноября,—при коемъ ваше сіятельство изволили препроводить ко мнѣ прекрасное стихотвореніе ваше на кончину достойнѣйшія славной памяти государыни императрицы Маріи Ѳедоровны, для испрошенія высочайшаго одобренія къ напечатанію онаго, нахожусь къ крайнему сожалѣнію моему принужденнымъ отвѣтствовать, что глубокая скорбь и печаль, исполняющія государя императора о горестной потерѣ возлюбленной августѣйшей матери, отнюдь не дозволяютъ мнѣ представить его величеству стихи ваши. Итакъ, не угодно ли вамъ будетъ нужное къ напечатанію оныхъ одобреніе истребовать обыкновеннымъ порядкомъ отъ цензуры».

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXXI [1]).

Мнѣніе Панаева о возможности уменьшить стоимость версты желѣзно-дорожнаго пути.—Несостоятельность Главнаго Общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ и Московско-Саратовской дороги.—Попытка правительства строить дороги собственными средствами и силами.—Постройка Грушевской дороги на Дону.—Полномочія, данныя Панаеву.—Прибытіе его въ Новочеркасскъ.—Знакомство съ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ.—Дѣятельное участіе атамана Хомутова въ постройкѣ дороги.—Волненіе рабочихъ.

Въ 1860 году, среди безпрерывныхъ порученій, даваемыхъ мнѣ Чевкинымъ, разныхъ записокъ, ему подаваемыхъ и разныхъ назначаемыхъ имъ коммиссій, гдѣ онъ предлагалъ проводить ту или другую идею,—я нашелъ однако время,—больше по ночамъ,—написать рядъ статей по разнымъ вопросамъ, до желѣзныхъ дорогъ относящимся. Между прочимъ, я высказалъ рѣшительное мнѣніе, что нѣтъ въ Европейской Россіи такого направленія дороги, которое могло бы, при постройкѣ, обходиться дороже 50.000 р. съ версты.

Чевкинъ немедленно призвалъ меня къ себѣ.

— Какъ вы можете,—сказалъ онъ,—заявлять категорически подобную несообразность. Развѣ вы не знаете, что Николаевская дорога обошлась почти въ 150.000 р. съ версты, Варшавская—въ 120.000 р., Саратовская, концессія на которую дана въ 62.000 р., обнаружила,

[1]) См. „Русскую Старину“ августъ 1902 г.

что она на протяженіи только до Коломны обойдется 190.000 р. На какихъ же данныхъ вы можете основывать заявленную вами цифру?

— Я основываюсь на впечатлѣніи, вынесенномъ мною изъ опыта, при постройкѣ Николаевской дороги, изъ обширныхъ изысканій и объѣздовъ по Европейской Россіи.

— Такъ это ваше убѣжденіе?

— Да!—это мое твердое убѣжденіе.

— Хорошо!—и Чевкинъ слегка улыбнулся,—вы должны будете доказать мнѣ это на опытѣ.

Я поклонился и вышелъ.

Къ этому же времени относится составленіе мною обширной статьи, по экономическому вопросу, изложенной строго-научнымъ методомъ, подъ заглавіемъ: «Бумажныя деньги—товаръ». Тогда всѣ финансисты, съ Ламанскимъ во главѣ, мнили поднять курсъ до «al-pari»; для чего была высочайше утверждена продажа Николаевской дороги. Я возсталъ противъ этой мѣры; въ концѣ-концовъ, продажа, какъ мы видѣли, была отмѣнена. Смыслъ моей статьи клонился къ тому, что мечтать о поднятіи курса немыслимо; что настоящими деньгами надо считать деньги бумажныя, выпускаемыя въ разумныхъ размѣрахъ. Что наши бумажныя деньги есть могучая сила, которая утвердилась въ народномъ воззрѣніи; что онѣ будутъ у насъ мѣриломъ цѣнности. И вотъ черезъ 35 лѣтъ, эта мысль оправдалась на дѣлѣ. Нынѣ приравниваютъ золото и серебро къ нашему бумажному рублю.

Моя статья надѣлала шума, но безъ слѣда въ ученомъ мірѣ. Однако, бывшій морской министръ, князь Меншиковъ, обратилъ на нее вниманіе и пожелалъ познакомиться со мною,—о чемъ и передалъ своему адъютанту, брату моему Аркадію.

Послѣ того, я нѣсколько разъ обѣдалъ у князя, и мы бесѣдовали съ нимъ. Это былъ человѣкъ широко-образованный, остраго ума, находчивый и горячо-любившій Россію, хотя былъ, въ сущности, англоманомъ.

Въ этотъ періодъ, два общества, а именно: Главное Общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ и Общество Московско-Саратовской дороги явились несостоятельными, не смотря на то, что во главѣ Главнаго Общества стояли почти всѣ крупные европейскіе банкиры. Это обстоятельство невольно привело Чевкина къ мысли о постройкѣ на будущее время дорогъ правительствомъ. Разъ эта мысль начала въ немъ вырабатываться, онъ воспользовался первымъ подходящимъ случаемъ сдѣлать опытъ такой постройки дороги, но на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ производились въ то время казенныя работы. Наказный атаманъ Войска Донскаго, генералъ-адъютантъ Хомутовъ, ходатайствовалъ о разрѣшеніи постройки желѣзной дороги отъ Грушевскихъ каменноуголь-

ныхъ копей къ р. Дону на счетъ войсковыхъ суммъ, имъ скопленныхъ. Чевкинъ пожелалъ поручить эту работу мнѣ.

Онъ призвалъ меня и сказалъ:

— Вы помните, что я вамъ сказалъ:—докажите на опытѣ заявленную вами цифру. Получено представленіе отъ наказнаго атамана Хомутова о разрѣшеніи постройки, на счетъ суммъ Войска Донскаго, желѣзной дороги отъ Грушевскихъ копей къ Дону, т. е. отъ того пункта, который былъ выбранъ вами, при изысканіяхъ, какъ основный пунктъ для развитія каменно-угольной промышленности въ Донецкомъ бассейнѣ. Я увѣдомилъ уже военнаго министра, что назначаю васъ, и придалъ вамъ званіе строителя этой предполагаемой дороги. Я имѣлъ въ виду дать вамъ другое назначеніе, для чего и посылалъ васъ за границу, но, въ виду вашего категорическаго заявленія о возможности не переходить предѣла 50.000 р. за версту, я измѣнилъ это намѣреніе и пользуюсь представившимся случаемъ.

— Благодарю васъ за довѣріе,—отвѣчалъ я,—но, вѣроятно, вы припомните, ваше превосходительство, мою записку о необходимости измѣнить существующіе порядки производства работъ. Если эти порядки будутъ удержаны, то я категорически отказываюсь отъ возлагаемаго на меня порученія, такъ какъ при этихъ порядкахъ я не могу доказать ожидаемыхъ вами отъ меня результатовъ. Я долженъ буду подать записку вамъ по этому случаю.

— Хорошо, но такъ какъ я извѣстилъ уже военнаго министра о вашемъ назначеніи, то, одновременно, подайте записку и ему, и я съ своей стороны помогу этому дѣлу.

Подавъ записку Чевкину и военному министру, я подалъ такую же и Мельникову. Надо сказать, что Мельниковъ интересовался устройствомъ предполагаемой дороги; онъ собственно посовѣтовалъ Хомутову войти съ представленіемъ объ устройствѣ дороги отъ Грушевскихъ копей къ Дону, потому что разсчитывалъ на то, что Грушевскій рудникъ будетъ доставлять каменный уголь на Волгу и дастъ грузъ Волго-Донской дорогѣ, которая строилась отъ Царицына до Калача на Дону, по его иниціативѣ.

Когда Мельниковъ прочелъ мою записку, онъ сказалъ:

— Значитъ, вы отказываетесь и не желаете исполнять даннаго вамъ порученія. Ваше предложеніе, изложенное въ запискѣ, не мыслимо и потому не можетъ быть выполнено, для этого надо измѣнить закономъ установленные порядки.

— При существующихъ порядкахъ я не могу взяться за исполненіе порученія, и если они не будутъ измѣнены, то я и откажусь.

— Напрасно, въ настоящую минуту, когда исполненіе дорогъ скомпрометтировано неудачей Главнаго Общества и Общества Саратовской

дороги, вы являетесь единственнымъ представителемъ этого дѣла. Порученіе, даваемое вамъ отъ правительства, черезчуръ лестно.

— Припомните,—отвѣтилъ я,—ваши негодованія, которыя вы выражали намъ, неоднократно во время посѣщеній вашихъ, когда строилась Николаевская дорога. Сколько разъ вы возмущались существующими порядками, при которыхъ вы были безсильны парализовать злоупотребленія.

— Да-съ,—это правда-съ, но съ этимъ ничего не подѣлаешь.

— Въ моей запискѣ высказана мысль о необходимости дать исполнителю самостоятельность, хотя бы при самомъ строгомъ контролѣ фактовъ, но не распоряженій, иначе учрежденіе не съ личною, а коллективною отвѣтственностью будетъ парализовать всѣ дѣйствія, что̀ вы испытывали сами.

— Да-съ, это такъ,—съ усмѣшкой сказалъ Мельниковъ.

Когда я подалъ мою записку военному министру Сухозанету, онъ передалъ ее при мнѣ же директору канцеляріи генералъ-лейтенанту Лихачеву. Этотъ, какъ оказалось, былъ человѣкъ умный, очень образованный и энергичный. Прочитавъ мою записку, Лихачевъ сказалъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе о необходимости предоставить въ живомъ дѣлѣ самостоятельность исполнителю.

— Я прикажу написать докладъ,—сказалъ Лихачевъ;—но передайте Павлу Петровичу Мельникову, что я просилъ бы его пріѣхать ко мнѣ вмѣстѣ съ вами въ четвергъ, въ то время докладъ будетъ готовъ, а я хочу спросить его совѣта.

Въ назначенный день мы пріѣхали къ Лихачеву. Онъ сталъ намъ читать и, когда дошелъ до изложенія правъ и обязанностей строителя, вдругъ остановился и сказалъ:

— Въ докладѣ не то написано, что я приказалъ: извините меня, Павелъ Петровичъ, что я напрасно васъ побезпокоилъ.

Дѣйствительно, въ докладѣ былъ исковерканъ весь смыслъ моей записки.

Раздраженный напраснымъ вызовомъ Мельникова, Лихачевъ тотчасъ позвонилъ и велѣлъ позвать къ себѣ начальника отдѣленія Мордвинова.

— Я поручилъ вамъ,—сказалъ онъ,—составить докладъ сообразно переданной вамъ записки, а не писать ваши собственныя фантазіи. Если вы не съумѣли сдѣлать этого, то прошу васъ внести въ докладъ въ точности записку г. Панаева.

Затѣмъ Лихачевъ просилъ Мельникова пріѣхать черезъ три дня. Въ назначенный день мы собрались. Проектъ доклада, составленный на основаніи моей записки, былъ прочитанъ и черезъ нѣсколько дней получилъ высочайшее утвержденіе.

«Каменноугольная формація земли Войска Донскаго, сказано во всеподданнѣйшимъ докладѣ военнаго министра отъ 16-го мая 1860 г., занимающая площадь до 12-ти тысячъ квадратныхъ верстъ, изобилуетъ антрацитомъ высшаго достоинства. Находясь близъ Дона и Азовскаго моря, она представляетъ неотъемлемое преимущество передъ всѣми другими мѣсторожденіями каменнаго угля въ Южной Россіи. Успѣшная разработка этого угля становится необходимою, въ особенности въ настоящее время, когда промышленная дѣятельность, возбужденная въ послѣдніе годы частными предпріятіями и поддержанная правительствомъ, сильно развивается на югѣ и юго-востокѣ Россіи и требуетъ для своего существованія огромнаго количества минеральнаго топлива.

«До 1858 года ежегодная добыча антрацита изъ Грушевскихъ копей, признаваемыхъ лучшими въ землѣ Войска Донскаго, простиралась отъ $2^1/_2$ до 4 милліоновъ пудовъ, но постепенно возникавшія торговыя предпріятія значительно увеличили требованіе на него.

«Не касаясь новыхъ предпріятій, требующихъ пароваго двигателя, осуществленіе коихъ должно совершиться въ скоромъ будущемъ, и для дѣйствія которыхъ понадобится антрацитъ, потребность его въ настоящее время для удовлетворенія выяснившихся и созрѣвшихъ уже предпріятій, простирается до 9 милліоновъ пудовъ.

«Такая возрастающая потребность въ антрацитѣ возбудила предпріимчивость углепромышленниковъ. Съ сентября 1858 по 1-е января 1860 г. разобрано уже на новомъ отводѣ при рѣкѣ Грушевкѣ 472 участка, составляющіе площадь въ $5^1/_4$ квадр. верстъ, которая по приблизительному, и скорѣе уменьшенному, чѣмъ увеличенному, исчисленію должна содержать въ себѣ до 525 милліоновъ пудовъ антрацита. Изъ заложенныхъ на этой площади 150 шахтъ 31 доведены уже съ успѣхомъ до угольнаго пласта и дали по 1-е января настоящаго года болѣе 1.200.000 пудовъ антрацита. Владѣльцы участковъ приступаютъ одинъ за другимъ къ открытію новыхъ шахтъ; работы вездѣ идутъ дѣятельно, и если предположить, что въ нынѣшнемъ году изъ 150 заложенныхъ шахтъ только половина дойдетъ до угольныхъ пластовъ, то по исчисленію, основанному на опытѣ прежнихъ лѣтъ, въ 1861 году будетъ выработано около 15 милліоновъ пудовъ антрацита.

«Такимъ образомъ успѣшное развитіе работы на Грушевскихъ копяхъ не представляетъ сомнѣнія въ возможности обезпечить въ непродолжительномъ времени, какъ предъявленныя уже, такъ и могущія открыться впредь требованія на минеральное топливо. Но для удовлетворенія такихъ требованій нельзя останавливаться только на одной возможности добывать извѣстное количество угля; необходимъ еще вѣрный, скорый и дешевый способъ доставки его къ мѣстамъ потребленія, то-есть нужно именно то, что въ настоящее время составляетъ главное и непреодо-

лимое препятствіе къ сбыту Грушевскаго антрацита соотвѣтственно потребности въ немъ и размѣрамъ работъ, предпринятыхъ къ его добыванію.

«Нынѣ Грушевскій антрацитъ отправляется въ Азовскіе и Черноморскіе порты сплавомъ по Дону изъ Ростова, Нахичевани и Мелеховской станицы Войска Донскаго.

«Отъ Грушевскихъ копей до Ростова и Нахичевани около 70-ти, а до Мелеховской станицы около 37-ти верстъ.

«Собственно извознаго промысла на Дону, по малонаселенности края, не имѣется, а имъ занимаются, въ свободное время отъ полевыхъ работъ, какъ мѣстные жители, такъ и прибывающіе изъ ближайшихъ къ Дону уѣздовъ, употребляя для этого обыкновенныя свои воловыя фуры,— и то, впрочемъ, только до наступленія покоса. Въ половинѣ іюня фурщики покидаютъ занятіе извозомъ, обращаются къ полевымъ работамъ и возвращаются къ перевозкѣ угля въ октябрѣ, не болѣе какъ на двѣ— три недѣли, и только въ такомъ случаѣ, если сухая погода поддерживаетъ хорошее состояніе дорогъ. Зимою же перевозки вовсе нѣтъ, во-первыхъ, по всегдашнему почти бездорожью; а во-вторыхъ, потому, что для передвиженія тяжестей, въ степныхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ по дорогамъ поселеній, необходимъ подножный кормъ. Итакъ наибольшее время перевозки антрацита отъ шахтъ къ Донскимъ пристанямъ продолжается въ сложности отъ двухъ и не болѣе трехъ мѣсяцевъ въ году. Цѣна за перевозку антрацита отъ копей къ пристанямъ, два года назадъ, не превышала трехъ копѣекъ съ пуда въ Ростовъ и Нахичевань и отъ $1^5/_7$ до 2 копѣекъ въ Мелеховскую станицу; теперь первая превзошла шесть копѣекъ, а послѣдняя доходитъ до 4-хъ копѣекъ съ пуда. Такое возвышеніе платы за перевозку, кромѣ повсемѣстной въ Россіи дороговизны, объясняется увеличившеюся потребностію въ антрацитѣ, а слѣдовательно и въ средствахъ перевозки его къ пристанямъ, и крайнимъ въ нихъ недостаткомъ. При самой благопріятной перевозкѣ, отстраняя дороговизну оной, фурами можетъ быть перевезено до 5 милліоновъ пудовъ; болѣе этого нѣтъ никакой возможности перевезти, ибо потребное количество воловъ и на 5 милліоновъ пудовъ едва могутъ продовольствоваться подножнымъ кормомъ и водопоемъ, слѣдовательно, при нынѣшнихъ перовозочныхъ средствахъ, все, что потребуется свыше 5 милліоновъ, не возможно доставить отъ шахтъ къ пристанямъ. Между тѣмъ теперь уже потребность антрацита доходитъ до 9 милліоновъ пудовъ, будущность же потребуетъ десятки милліоновъ. При такихъ условіяхъ, развитіе каменно-угольной промышленности на Дону становится положительно невозможнымъ. Энергическая предпріимчивость, съ какой приступлено теперь къ разработкѣ Грушевскихъ копей, поддерживается только убѣжденіемъ, что крайняя необходимость въ антрацитѣ, для же-

лѣзныхъ дорогъ и пароходства, приведетъ къ другой крайней необходимости—устройства искусственнаго пути, для сближенія мѣстъ выработки его съ мѣстами потребленія. Если убѣжденіе это поколеблется, то ослабнетъ энергія, каменно-угольная промышленность на Дону неминуемо упадетъ, и впослѣдствіи потребуются не только большія усилія, но даже пожертвованія, чтобъ поднять ее на ту степень развитія, которая уже настоятельно требуется, и на которую Грушевскія разработки готовы стать въ непродолжительномъ времени.

«Дабы отвратить опасность, угрожающую Донской каменно-угольной промышленности, упрочить ея самостоятельность и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить потребность въ минеральномъ топливѣ для военнаго и коммерческаго флота нашего, для желѣзныхъ дорогъ и вообще для всѣхъ промышленныхъ предпріятій на югѣ Россіи, требующихъ паровой силы, необходимо Донскія каменно-угольныя мѣсторожденія соединить искусственными путями съ мѣстами сбыта и потребленія минеральнаго топлива.

«Въ такихъ видахъ наказный атаманъ Войска Донскаго ходатайствуетъ о разрѣшеніи устроить желѣзную дорогу отъ Грушевскихъ копей къ рѣкѣ Дону на протяженіи до 40 верстъ.

«Издержка на сооруженіе этой желѣзной дороги, хотя не можетъ быть съ точностію опредѣлена до подробнаго изслѣдованія проектовъ и смѣтъ, но, по мнѣнію генералъ-адъютанта Хомутова, она будетъ значительно менѣе употребляемыхъ на устройство другихъ дорогъ, потому что нѣтъ надобности ни въ пріобрѣтеніи земель подъ дорогу, такъ какъ она будетъ пролегать по землямъ, принадлежащимъ станицамъ, ни въ устройствѣ промежуточныхъ станцій, ни въ особыхъ дорого стоющихъ приспособленіяхъ для быстрыхъ пассажирскихъ поѣздовъ. Камень, необходимый на постройку дороги, найдется въ изобиліи на самомъ мѣстѣ работъ, а лѣсъ, желѣзо и другіе матеріалы могутъ быть удобно доставлены сплавомъ по Дону; при открытіи же движенія по дорогѣ, издержка на топливо будетъ самая ничтожная, такъ какъ для этого можетъ быть употребляемъ мелкій уголь, неспособный къ дальнѣйшей перевозкѣ и потому имѣющій около шахтъ самую ничтожную цѣну.

«Если предполагать, что постройка желѣзной дороги на протяженіи 40 верстъ, съ устройствомъ обширной пристани на рѣкѣ Донѣ, обойдется около 2 милліоновъ рублей, то при перевозкѣ по ней только 8 милліоновъ пудовъ угля въ годъ, съ платою по $2^1/_2$ коп. съ пуда, валовой доходъ, не считая даже обратнаго отъ Донской пристани къ копямъ груза, будетъ составлять 200 тыс. руб., за отчисленіемъ же примѣрно 40 тыс. руб. на ремонтъ и содержаніе дороги, чистаго дохода будетъ оставаться до 160 тысячъ руб., что составитъ до 8% на затраченный капиталъ. Соображаясь съ этимъ, генералъ-адъютантъ Хомутовъ при-

знаетъ полезнымъ и въ финансовомъ отношеніи употребить сумму необходимую на постройку дороги изъ войсковыхъ капиталовъ, которые, находясь въ кредитныхъ установленіяхъ, не приносятъ въ настоящее время болѣе 2% дохода.

«Принадлежащихъ Войску Донскому капиталовъ: общаго войсковаго, строительнаго, военнаго и приказа Общественнаго Призрѣнія въ настоящее время состоитъ:

На лицо	165.111 р. 94½ к.
Въ кредитныхъ установленіяхъ съ процентами	4.200.555 „ 58¾ „
Въ оборотахъ и долгахъ	557.930 „ 2 „
Итого . .	4.923.597 р. 55 к.

«При такомъ блестящемъ положеніи войсковыхъ капиталовъ, хотя безъ всякаго ущерба для войсковаго хозяйства, можетъ быть отдѣлено на устройство желѣзной дороги съ пристанью 2 мил. руб., но еслибы почему-нибудь оказалось невозможнымъ отдѣлить такую сумму, то на половину и даже на двѣ-трети оной, по свидѣтельству генералъ-адъютанта Хомутова, можетъ быть выпущено акцій, которыя легко разберутся донскими же капиталистами.

«Вполнѣ раздѣляя мнѣніе наказнаго атамана Войска Донскаго о необходимости устройства желѣзной дороги отъ Грушевскихъ копей къ р. Дону и пристани на этой рѣкѣ, я препровождалъ соображеніе его по сему предмету на заключеніе главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, съ просьбою о назначеніи строителемъ дороги опытнаго инженера путей сообщенія.

«Генералъ-адъютантъ Чевкинъ, признавая несомнѣнную пользу дороги для всего края и въ особенности для самыхъ каменноугольныхъ копей, назначилъ строителемъ оной инженеръ-подполковника Панаева, котораго уже и передалъ въ мое распоряженіе.

«Имѣя въ виду, что замедленіе въ построеніи желѣзной дороги отъ Грушевскихъ копей къ р. Дону отзовется невыгодно не только на Донскомъ каменноугольномъ промыслѣ, но и на всѣхъ предпріятіяхъ Южной Россіи, требующихъ паровой силы, я полагалъ бы немедленно командировать подполковника Панаева въ землю Войска Донскаго для предварительныхъ изысканій къ опредѣленію наивыгоднѣйшей линіи желѣзной дороги отъ Грушевскихъ копей къ р. Дону, а также для составленія проектовъ и смѣтъ на устройство какъ этой дороги, такъ и пристани на р. Донѣ, назначивъ ему въ помощь, смотря по надобности, 2-хъ или 3-хъ инженерныхъ офицеровъ, по его избранію, съ согласія генералъ-адъютанта Чевкина, и вмѣнивъ подполковнику Панаеву въ обязанность приступить безотлагательно къ исполненію возлагаемаго на

него порученія, а по окончательномъ составленіи предположеній своихъ, доставить оныя со всѣми проектами и смѣтами, коими опредѣлится издержка потребная на исполненіе сказаннаго предпріятія къ наказному атаману, которому предложить представить оные въ военное министерство для поднесенія на высочайшее утвержденіе, съ соображеніемъ, на какіе источники должна быть отнесена издержка на сооруженіе желѣзной дороги съ пристанью и въ какомъ порядкѣ должны быть ассигнуемы суммы. Вмѣстѣ съ тѣмъ для устраненія сложной переписки, замедляющей ходъ работъ и обыкновенно возникающей по недостатку самостоятельности въ распорядителяхъ, поручить наказному атаману Войска Донскаго образовать особый Комитетъ для построенія Грушевско-Донской желѣзной дороги и составить о немъ положеніе на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

1) Образовать Комитетъ подъ предсѣдательствомъ наказнаго атамана изъ начальника штаба, члена со стороны военнаго министерства, одного или двухъ членовъ отъ Войска Донскаго и инженеръ-строителя, и предоставить ему право разрѣшать всѣ представленія строителя желѣзной дороги въ предѣлахъ смѣты и нетребующія существеннаго измѣненія утвержденныхъ проектовъ; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ испрашивать разрѣшенія установленнымъ порядкомъ чрезъ военнаго министра или военный совѣтъ.

2) Если Комитетъ не одобритъ представленія строителя по техническимъ или хозяйственнымъ распоряженіямъ, то можетъ: или предоставить привести ихъ въ исполненіе строителю, возложивъ на него полную отвѣтственность за послѣдствія, или сдѣлать немедленно распоряженіе о приведеніи въ дѣйствіе своихъ собственныхъ предположеній, съ принятіемъ за тѣмъ на себя всей отвѣтственности и освобожденіемъ отъ нея строителя.

3) При утвержденіи цѣнъ по представленію строителя и подпискамъ поставщиковъ предоставить Комитету принимать въ основаніе не справочныя цѣны, большею частію невѣрныя, а дѣйствительно существующія. Въ экстренныхъ же случаяхъ, не допускающихъ отлагательства, предоставить строителю право утверждать цѣны на сумму не свыше 5.000 руб. по каждому отдѣльному случаю, обязавъ его о такихъ случаяхъ доносить немедленно Комитету съ подробнымъ объясненіемъ причинъ, побудившихъ утвердить эти цѣны.

4) Для утвержденія представленныхъ строителемъ цѣнъ и подписокъ поставщиковъ назначается 2-хъ недѣльный срокъ, по прошествіи котораго считать цѣны утвержденными, если отъ Комитета не послѣдуетъ никакого разрѣшенія.

5) Въ случаѣ несогласія большинства членовъ утвердить представленныя строителемъ или объявленныя промышленниками въ подпискахъ

цѣны, Комитетъ обязанъ въ теченіе 2-хъ недѣльнаго срока сдѣлать распоряженіе по тѣмъ предметамъ, на которые не согласился утвердить цѣны.

6) Для избѣжанія безполезной переписки и для устраненія излишнихъ формальностей, усложняющихъ только дѣлопроизводство, опредѣлить при составленіи положенія, какого рода распоряженія, какъ по технической, такъ и хозяйственной частямъ предоставляется строителю приводить въ исполненіе, не испрашивая разрѣшенія Комитета, а только донося объ ихъ разрѣшеніи, и тѣ распоряженія, которыя до приведенія въ исполненіе должны быть предоставляемы на обсужденіе Комитета.

7) Такъ какъ за исключеніемъ инженера-строителя въ постоянный составъ Комитета назначаются лица, не имѣющія техническихъ свѣдѣній въ строительномъ искусствѣ, то по утвержденіи смѣтъ и проектовъ Грушевской желѣзной дороги, иниціативу техническихъ и хозяйственныхъ распоряженій по работамъ ея, равно какъ и организацію управленія возложить на строителя, съ полною отвѣтственностію за общій результатъ операціи. Такимъ образомъ ему предоставить: а) выборъ всѣхъ лицъ для производства операцій; б) опредѣленіе имъ соотвѣтственнаго содержанія въ предѣлахъ, назначенныхъ Комитетомъ (исключая лицъ, назначенныхъ отъ правительства, еслибы таковыя были); в) устройство внутренней администраціи по работамъ желѣзной дороги и представленіе наивыгоднѣйшихъ способовъ ихъ производства, заказовъ и поставокъ.

8) Обязать строителя доставлять, по требованію Комитета, всѣ свѣдѣнія и данныя, необходимыя для обсужденія распоряженій по работамъ желѣзной дороги, въ хозяйственномъ и техническомъ отношеніяхъ. Затѣмъ, по мѣрѣ окончанія работъ, представлять по каждой статьѣ полную и ясную отчетность, сообразную съ существомъ дѣла и характеромъ работъ.

9) При составленіи правилъ отчетности не считать обязательнымъ Комитету принять въ руководство правила, установленныя по этому предмету для казенныхъ работъ, а сообразоваться съ правилами и упрощенными формами, принятыми въ хорошо организованныхъ коммерческихъ операціяхъ.

10) Въ случаѣ, еслибы при повѣркѣ дѣйствій строителя и производства самыхъ работъ, были открыты какія-либо упущенія, то предоставить Комитету право отмѣнять сдѣланныя строителемъ распоряженія и обращаться къ изысканію другихъ способовъ производства операціи.

«Принимая во вниманіе важность предпріятія, общую дороговизну, отдаленность края и степень принимаемой на себя строителемъ отвѣтственности, влекущей за собою и матеріальный и нравственный трудъ, сознавая при томъ, что только при полномъ обезпеченіи всѣхъ потребностей можно ожидать отъ производителей работъ энергіи и добро-

совѣстнаго исполненія обязанностей, столь необходимыхъ въ настоящемъ дѣлѣ, я бы полагалъ: съ назначеніемъ строителемъ Грушевско-Донской желѣзной дороги и пристани на р. Донѣ подполковника Панаева, котораго генералъ-адъютантъ Чевкинъ рекомендуетъ, какъ одного изъ лучшихъ и надежныхъ инженеровъ путей сообщенія, опредѣлить ему: единовременно на подъемъ 2.000 руб.,—содержанія по 6.000 руб. въ годъ во все время производства работъ, начиная съ прибытія его на мѣсто для изысканій, и потомъ по окончаніи постройки дороги и пристани, выдать въ видѣ награды 10.000 руб. Инженерамъ же, которые будутъ даны въ помощь подполковнику Панаеву, назначить всего содержанія отъ 1.200 до 2.500 руб. въ годъ, смотря по степени ихъ опытности и усмотрѣнію главнаго строителя.

«Повергая на высочайшее вашего императорскаго величества воззрѣніе какъ обстоятельства, вызывающія необходимость устройства желѣзной дороги отъ Грушевскихъ копей къ р. Дону и пристани на этой рѣкѣ, такъ и изложенныя соображенія мои къ осуществленію сего важнаго для благосостоянія края и промышленности предпріятія, имѣю счастіе испрашивать, въ случаѣ, если вашему величеству благоугодно будетъ одобрить эти предположенія,—разрѣшить: привести ихъ въ исполненіе, съ отнесеніемъ, на счетъ суммъ Войска Донскаго, всѣхъ расходовъ, предстоящихъ нынѣ при приведеніи въ исполненіе предварительныхъ, по настоящей операціи, распоряженій, и на производство предназначаемаго содержанія лицамъ, опредѣляемымъ къ исполненію работъ».

Императоръ Александръ II написалъ на докладѣ: «Согласенъ и признаю дѣло весьма полезнымъ».

Утвержденіе означеннаго доклада, пробившаго какъ бы китайскую стѣну въ рутинныхъ порядкахъ, возбудило зависть во всемъ нашемъ вѣдомствѣ, въ особенности среди лицъ, занимавшихъ высшія должности. Характеръ этой зависти сохранился и отражался почти все время, пока я оставался на службѣ.

Послѣ утвержденія высочайшаго доклада, я отправился къ Чевкину. Онъ поздравилъ меня и былъ видимо доволенъ результатомъ.

— Помните,—сказалъ онъ,—что я васъ командирую, но отнюдь не отчисляю отъ вѣдомства и отъ себя, слѣдовательно, я буду пользоваться вами всякій разъ, когда мнѣ это понадобится.

Затѣмъ, собравшись уѣзжать, я поѣхалъ откланяться Чевкину, военному министру и Лихачеву.

Чевкинъ далъ мнѣ слѣдующій напутственный совѣтъ:

— Вы явитесь на Дону и будете встрѣчены тамъ медовыми рѣчами. Казачки сущіе медоусты, но медовыми ихъ рѣчами не увлекайтесь и имъ не довѣряйтесь.

Лихачевъ же сказалъ мнѣ:

— На Дону теперь начальникомъ штаба Дондуковъ-Корсаковъ, который и назначенъ членомъ Комитета. Это человѣкъ молодой и получившій университетское образованіе. Постарайтесь сблизиться съ нимъ, онъ будетъ вамъ помогать. Что же касается до атамана Хомутова, то совѣтую вамъ остерегаться его. Высочайше утвержденнымъ докладомъ вамъ даны такія права, при которыхъ вы можете смѣло бороться съ могущими быть натисками на васъ; слѣдовательно, остальное будетъ зависѣть отъ вашего умѣнья.

Еще въ Петербургѣ, до отъѣзда на Донъ, я сообщилъ Чевкину, что предположеніе и соединеніе Грушевскихъ копей со станціею Мелеховской на Дону я нахожу большой несообразностью, вызванной лишь кратчайшимъ направленіемъ, и мысль эта внушена атаману Хомутову, сдѣлавшему представленіе, кажется, генераломъ Мельниковымъ, учредителемъ Волго-Донской желѣзной дороги и пароходства по Дону, что, по предполагаемой дорогѣ, антрацитъ не пойдетъ на Донъ и оттуда на Волгу, что мною въ 1855 и 1856 г. было назначено другое направленіе, о чемъ и помѣщена статья въ журналѣ министерства, а именно: отъ Грушевскихъ копей къ Ростову черезъ Новочеркаскъ и Аксайскую станицу.

— Постарайтесь выяснить этотъ вопросъ,—сказалъ онъ,—по изысканіямъ на мѣстѣ.

На Донъ я отправился со всей семьей, т. е. съ женой и тремя дочерьми. Мы поѣхали на пароходѣ изъ Твери. Я разсчитывалъ доѣхать по Волгѣ до Царицына, а оттуда изъ Калача по Дону до Ростова.

По пріѣздѣ въ Царицынъ въ эту ужасающую по климату мѣстность, одна изъ дочекъ заболѣла сильной гастрической лихорадкой. Когда этой дочери сдѣлалось лучше, то, не ожидая ея полнаго выздоровленія, я поспѣшилъ поѣхать одинъ, чтобы осмотрѣть изысканія, которыя начали уже производиться около Новочеркаска посланными мною туда офицерами.

Сдѣлавъ надлежащія распоряженія, я вернулся назадъ, взявъ семейство, и отправился въ Новочеркаскъ.

По прибытіи въ Новочеркаскъ я, по совѣту Лихачева, сталъ сближаться съ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ. Я ожидалъ натиска со стороны атамана, въ томъ, чтобы опредѣлять разныхъ служащихъ на предполагаемую желѣзную дорогу, организацію которой я долженъ былъ устраивать. Прошло недѣли три, и никто ни съ рекомендательными письмами, ни съ словесными просьбами отъ имени атамана не появлялся; а между тѣмъ, безпрерывно стали являться съ просьбами отъ князя, и онъ самъ указывалъ извѣстныхъ лицъ.

Вслѣдствіе моего заявленія Чевкину, передъ моимъ отъѣздомъ, я

предпринялъ произвести изысканія по двумъ направленіямъ: на Мелехово и на Аксайскую станицу.

По изысканіямъ обнаружилось, что дорога на Мелехово, не смотря на то, что она на 30 верстъ короче, обойдется въ 3.900.000, а на Аксайскую станицу въ 2.900.000 рублей. Что же касается до коммерческихъ цѣлей и выгодъ соединенія копей съ Ростовомъ, черезъ Новочеркаскъ и Аксайскую станицу, Мелеховское направленіе не выдерживало ни малѣйшей критики.

Хомутовъ не предполагалъ означеннаго результата изысканій и считалъ, что я дѣлаю напрасный расходъ на производство изысканій по двумъ направленіямъ. Когда же онъ узналъ результатъ, то онъ душой расположился въ пользу Аксайскаго направленія, которое неминуемо подымало значеніе Новочеркаска и оживляло край, который онъ любилъ, какъ свое дѣтище. Вопросъ становился серьезнымъ, такъ какъ направленіе на Мелехово было высочайше утверждено. Поэтому я принужденъ былъ составить записку и приложить къ ней всевозможные разсчеты, которые заняли чуть не полстопы бумаги.

Когда принесъ все Хомутову, который восчувствовалъ уже громадную разницу въ выборѣ направленія и былъ готовъ пожертвовать своимъ самолюбіемъ, ради блага края, онъ, однако, задумался.

— Какъ же это будетъ? Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я сдѣлалъ категорическое представленіе о направленіи къ Мелехову, и которое высочайше утверждено, а теперь буду дѣлать представленіе о дорогѣ на Аксай, которая направляется подъ прямымъ угломъ и совершенно въ другую сторону.

— Министръ, — сказалъ я,—прежде, нежели сдѣлать докладъ государю, конечно, обратится съ запросомъ къ генералу Чевкину. А потому я посовѣтовалъ бы вамъ написать ему отъ себя письмо, и я съ своей стороны напишу ему, такъ какъ онъ былъ предупрежденъ мною о необходимости измѣненія направленія.

Дня черезъ три я зашелъ къ Хомутову. Докладъ министру и моя записка не были еще отправлены.

— Все раздумываю,—сказалъ онъ,—и не рѣшаюсь послать докладъ министру.

— Я долженъ вамъ заявить, что если вы рѣшаетесь на постройку дороги къ Мелехову, то я откажусь отъ этого порученія и строить ее не буду, пусть исполнятъ это другіе. Я не захочу быть орудіемъ исполненія желѣзной дороги, которая истребитъ 4.000.000 и, конечно, абсолютно будетъ заброшена.

Эти слова подѣйствовали на рѣшимость Хомутова, и черезъ два дня докладъ былъ посланъ.

Дѣйствительно, военный министръ обратился къ Чевкину, послав

ему мою записку со всѣми разсчетами. Чевкинъ, не отсылая этихъ документовъ военному министру, самъ доложилъ государю и увѣдомилъ министра о высочайшемъ утвержденіи измѣненнаго направленія на Аксайскую станицу, а Хомутову послалъ отъ себя телеграмму. Послѣдній былъ въ восторгѣ.

Между тѣмъ, я, увѣренный, что Чевкинъ достигнетъ надлежащаго результата, не теряя времени, сталъ думать объ открытіи съ весны работъ. Я подалъ атаману большую записку, въ которой склонялся къ системѣ работъ, исполняемыхъ хозяйственнымъ способомъ, но только при соблюденіи извѣстныхъ условій. А потому, если Комитетъ рѣшитъ возложить отвѣтственность по хозяйственнымъ распоряженіямъ на меня, то я долженъ буду окружить себя лицами мнѣ близкими, преданными, вѣрными, къ которымъ я могу имѣть полное довѣріе. Хомутовъ, опасаясь, что какъ бы я не отказался отъ возлагаемой на меня обузы, съ видимымъ удовольствіемъ, тотчасъ же надписалъ: «Утверждаю».

Тогда я поспѣшилъ написать тремъ лицамъ: Алексѣю Кусакову, который былъ въ то время довѣреннымъ главнаго подрядчика, строившаго желѣзную дорогу отъ Москвы въ Нижній; Александру Усачеву, бывшему довѣреннымъ подрядчика на Николаевской дорогѣ, Широбокова, и родному моему брату Кроніду, который завѣдывалъ участкомъ на строившейся тогда Московско-Коломенской дорогѣ. Я предлагалъ Кусакову быть главнымъ коммиссаромъ, а Усачеву и брату быть его помощниками.

Кусаковъ отвѣтилъ мнѣ, что, находясь при большомъ отвѣтственномъ дѣлѣ, которое еще не кончено, онъ, при всей готовности помогать мнѣ, долженъ отказаться отъ моего предложенія. Усачевъ отвѣчалъ, что боленъ при смерти и потому пріѣхать не можетъ. Братъ отвѣтилъ, что очень теперь занятъ, можетъ освободиться лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и посовѣтуется съ Кусаковымъ.

Получивъ эти письма, я отправился къ Хомутову:

— Я прошу васъ,—сказалъ генералъ,—написать брату, что я избираю его коммиссаромъ, чтобы онъ постарался освободиться къ концу декабря или къ началу января.

Братъ отвѣтилъ мнѣ, что постарается прибыть въ концѣ декабря. Я сообщилъ объ этомъ немедленно Хомутову.

— Я очень радъ,—сказалъ онъ,—что дѣло пришло къ такому исходу. На васъ лежитъ огромная отвѣтственность, кому же можно довѣриться, какъ не родному брату; на вашемъ мѣстѣ, я не поступилъ бы иначе.

По пріѣздѣ брата, онъ отклонилъ отъ себя поѣздку для найма рабочихъ, и на это дѣло вызвался одинъ изъ членовъ Комитета, подполковникъ Полушкинъ. Я представилъ въ Комитетъ инструкцію для него. Этою инструкціею предлагалось нанять землекоповъ въ Смоленской или

Витебской губерніяхъ, выдавать задаточныя деньги непосредственно рабочимъ на руки, совокупляя при этомъ артели, назначить къ нимъ десятниковъ и проч. Эта инструкція не была выполнена членомъ Комитета; онъ не поѣхалъ ни въ Смоленскую, ни въ Витебскую губерніи и, подъ предлогомъ сбереженія расходовъ на поѣздку, нанялъ всѣхъ рабочихъ въ Харьковской и отчасти въ Курской губерніяхъ, гдѣ тогда абсолютно не существовало землекоповъ, а было лишь незначительное число, такъ называемыхъ, граборей, т. е. возщиковъ на лошадяхъ. Невыполненіе данной инструкціи привело къ большимъ хлопотамъ и потерямъ.

Между тѣмъ на мѣстѣ заготовлялись помѣщенія для рабочихъ, провіантъ, катальныя доски, лопаты и тачки. За неимѣніемъ въ то время на Дону ни единаго плотника, видавшаго настоящую землевозную тачку, пришлось составлять проектъ образца тачки. Хомутовъ интересовался всѣмъ, и когда увидалъ землевозную тачку, гдѣ нельзя было обхватить ладонью ручки, пришелъ въ недоумѣніе, полагая, что тачка устроена ошибочно. Тогда я объяснилъ ему, что землекопъ поднимаетъ и ведетъ тачку не руками, а лямкой, перекинутой черезъ загривокъ, что тачка катится на горизонтальномъ мѣстѣ почти безъ усилія по доскѣ, потому что центръ тяжести наваленной земли переходитъ нѣсколько за ось колеска. Хомутовъ, будучи уже 70 лѣтъ, захотѣлъ самъ испробовать и къ своему удивленію свезъ тачку съ грузомъ въ 10 пудовъ. Это его много успокоило, такъ какъ онъ заботился о трудѣ людей.

Я предложилъ, съ санитарной точки зрѣнія, помѣщать людей не въ землянкахъ, а въ досчатыхъ баракахъ, поверхъ земли устроенныхъ, для чего надо было заготовлять тесу и тонкихъ бревенъ, что конечно, удорожало стоимость помѣщенія. Хомутовъ не только согласился на это, но, можно сказать, потребовалъ, чтобы всѣ помѣщенія были такъ устроены. Кромѣ того, я обратилъ его вниманіе на то, что во время жаровъ, которые бываютъ на Дону, придется продовольствовать людей исключительно солониной, такъ какъ свѣжее мясо можно заготовлять лишь на одинъ день. Между тѣмъ, было бы желательно употреблять поперемѣнно солонину съ свѣжимъ мясомъ, для чего надо бы устроить на всѣхъ пунктахъ ледники. Разъ Хомутовъ услыхалъ объ этой возможности, то сталъ настаивать на этой мѣрѣ, и ѣздилъ самъ осматривать устройство бараковъ, ледниковъ и навѣсовъ надъ столами, гдѣ должны обѣдать рабочіе. Однажды, во время этихъ подготовленій, онъ сказалъ:—«Знаете ли вы, что здѣсь, на Дону, во время жаровъ, солнце такъ печетъ, что между рабочимъ людомъ бываютъ не рѣдко солнечные удары, и для предупрежденія этого, я думалъ бы сдѣлать холщовые колпаки или шапки съ фартуками назади для прикрытія шеи. Я разсчиталъ, что это

*

будетъ стоить по 15 или 20 коп. на человѣка. Будете ли вы согласны на такой расходъ?»

— Я не думалъ объ этомъ обстоятельствѣ,—отвѣчалъ я,—но вполнѣ раздѣляю вашъ взглядъ.

Дня черезъ два, три, вечеромъ я зашелъ къ Хомутову и засталъ его за кройкой изъ холста колпаковъ или шапокъ съ фартуками.

— Я приказалъ купить нѣсколько концовъ холста,—сказалъ онъ,—и хочу убѣдиться, сколько пойдетъ аршинъ на шапки. Затѣмъ я отдамъ холстъ въ швальню рабочаго полка, такъ что работа ничего не будетъ стоить.

Это характеризуетъ заботы Хомутова о рабочемъ людѣ.

Я упомянулъ предъ симъ, что членъ Комитета, вызвавшійся самъ ѣхать на наемку рабочихъ, не исполнилъ данной ему инструкціи и нанялъ ихъ въ Харьковской и частью въ Курской губерніяхъ. Эта его ошибка разразилась весьма тяжелыми послѣдствіями съ приходомъ рабочихъ въ числѣ до 3.000 человѣкъ. Люди эти не имѣли никакихъ понятій о земляныхъ работахъ, не умѣли даже насаживать желѣзныхъ наконечниковъ на заготовленныя черни и, когда увидали землевозныя тачки съ разставленными широко рукоятками, пришли въ полное недоумѣніе и заявили, что въ такихъ тачкахъ они землю возить не могутъ, и принялись передѣлывать тачки, чтобы обратить ихъ въ знакомыя имъ садовыя тачки. Садовая тачка могла вмѣщать до 4-хъ много 5-ти пудовъ земли, тогда какъ землевозныя вмѣщаютъ отъ 12 до 20 пудовъ, и рабочіе стали передѣлывать ихъ по ночамъ. Какъ ни старались объяснить имъ, что тачки съ мѣста подымаются за ручки не руками, а что ихъ слѣдуетъ подымать лямкой, перекинутой черезъ спину, и тогда тачка на ровномъ мѣстѣ покатится сама потому что передъ будетъ тяжелѣе зада, но это не помогало дѣлу, и рабочіе начали волноваться. Въ это время я взялъ, въ качествѣ десятника, одного служившаго много лѣтъ на Кавказѣ офицера Гамазова. Этотъ Гамазовъ былъ разжалованъ въ солдаты за то, что однажды, въ походѣ, будучи ротнымъ командиромъ, онъ заболѣлъ и легъ въ фуру. Батальонный командиръ, при объѣздѣ батальона, растянувшагося по узкой дорогѣ въ горахъ, подъѣхавъ къ ротѣ, не увидалъ ротнаго командира. Взводный командиръ сказалъ, что ротный командиръ внезапно заболѣлъ и лежитъ въ лазаретной фурѣ.

— Позвать его ко мнѣ!—закричалъ батальонный.

Гамазовъ, не смотря на страшную боль, вышелъ, сѣлъ на лошадь и подъѣхалъ къ батальонному.

— Вы уклоняетесь отъ службы.

Гамазовъ, обиженный и взбѣшенный отъ испытываемой боли, выхватилъ шашку и отсѣкъ все ухо, за что и былъ разжалованъ въ солдаты. Выслуживъ четыре года солдатомъ, Гамазовъ былъ произведенъ

въ офицеры, съ чиномъ прапорщика. Тогда я пригласилъ его на желѣзную дорогу десятникомъ. Это былъ человѣкъ, обладавшій силой. Я предложилъ ему показать примѣръ рабочимъ возки на устроенныхъ тачкахъ. Гамазовъ, снявъ форменный сюртукъ, принялся за работу. Изъ этого можно судить, до чего надо было мельчаться въ занятіяхъ и отвлекаться отъ прямой моей обязательной роли строителя. Означенный видимый всѣми опытъ успокоилъ волненіе. Тѣмъ не менѣе мы съ братомъ рѣшились послать приказчика нанять человѣкъ 10 хорошихъ десятниковъ въ Смоленскую губернію и привезти ихъ на почтовыхъ. По пріѣздѣ этихъ десятниковъ, я предложилъ имъ набрать каждому артели человѣкъ по 100 и болѣе и получать плату по 10 коп. съ кубика, вырабатываемаго его артелью, а не по опредѣленному жалованью. Такимъ образомъ, я заинтересовывалъ каждаго десятника въ выработкѣ артели. Всѣ, конечно, согласились, выработка увеличилась, но не всѣ десятники достигали ожидаемыхъ результатовъ [1]).

Между тѣмъ все-таки изрѣдка появлялись неудовольствія между рабочими, и вотъ однажды во время какого-то оффиціальнаго большаго обѣда у Хомутова, подали мнѣ записку, присланную съ нарочнымъ съ линіи. Записка гласила, что артель въ 500 человѣкъ подъ Новочеркаскомъ не вышла сегодня на работы. Я сидѣлъ подлѣ Хомутова, а съ другой стороны сидѣлъ Дондуковъ. Хомутовъ захотѣлъ узнать, что за записка съ линіи, я ему показалъ и сказалъ, что тотчасъ послѣ обѣда поѣду. Дондуковъ, услыхавъ о содержаніи записки, сказалъ, что тоже поѣдетъ со мною.

[1]) Не безынтересно сообщить здѣсь слѣдующій фактъ: „Десятники были вызваны на почтовыхъ изъ Смоленской губерніи. Одинъ изъ нихъ, особенно разумный и смышленый, сразу понялъ, что предложенное мною условіе, до того нигдѣ не практиковавшееся, можетъ, при стараніи и дѣятельности, дать такой хорошій заработокъ, который будетъ въ десять разъ выше тридцатирублеваго жалованья. Съ каждымъ днемъ онъ постепенно увеличивалъ изъ нашихъ рабочихъ свою артель и набралъ, наконецъ, до 500 человѣкъ. Такимъ образомъ, къ концу осени, онъ могъ составить себѣ капиталецъ тысячи въ двѣ, а можетъ быть и болѣе. Отправляясь домой, онъ предложилъ привести на слѣдующую весну свою собственную артель и объявилъ задѣльную плату на куб. саж. земляныхъ работъ. Я чрезвычайно обрадовался такому предложенію, такъ какъ оно избавляло меня отъ большихъ хлопотъ производства работъ хозяйственнымъ способомъ. Онъ привелъ большую артель на свою отвѣтственность и въ этомъ году заработалъ, конечно, болѣе предшествующаго. Затѣмъ, онъ явился серьезнымъ поставщикомъ у моего брата на Рязанско-Козловской дорогѣ, а послѣ того уже весьма крупнымъ подрядчикомъ у насъ, на Курско-Кіевской дорогѣ. Впослѣдствіи онъ работалъ на разныхъ дорогахъ и имѣлъ большой подрядъ въ Либавскомъ портѣ. Въ сложности онъ произвелъ работъ, конечно, на нѣсколько милліоновъ и теперь состоитъ весьма крупнымъ подрядчикомъ на Симбирской дорогѣ. Имя его Салтыковъ.

Послѣ обѣда мы сейчасъ же поѣхали, и князь, скинувъ съ себя пальто, явился передъ рабочими въ полномъ мундирѣ съ лентой и звѣздами.

— Что вы бунтуете, не вышли сегодня на работу?—сказалъ князь, обращаясь къ рабочимъ.

Выступилъ одинъ изъ нихъ безъ особой почтительности и отвѣтилъ словами, которыя были не вѣжливы и которыя можно было признать за дерзость, такъ какъ князь никогда не имѣлъ дѣла съ рабочимъ людомъ.

— Розогъ!—закричалъ князь.

Тогда я шепнулъ ему, что полицейскаго начальства здѣсь нѣтъ, и означеннаго добра не имѣется, а лучше арестовать рабочаго и отослать въ Новочеркаскъ. Такъ и было сдѣлано.

На обратномъ пути, я сказалъ князю:

— Вамъ извѣстно, что у меня нѣтъ полицейскаго управленія, что я задался принципомъ обходиться безъ тѣлесныхъ наказаній, который намѣренъ, абсолютно, выдержать, дабы при вопросахъ, поставляемыхъ министромъ о поведеніи рабочихъ, я могъ бы отвѣчать, что порядокъ между рабочими держится безъ употребленія тѣлесныхъ наказаній. Что же касается до означеннаго рабочаго, то его выдержатъ недѣли двѣ въ тюрьмѣ, и въ это время ему объяснятъ, что онъ сдѣлалъ преступленіе противъ такого высокаго начальника, какъ князь, и долженъ идти въ Сибирь на поселеніе. Такимъ образомъ, этотъ рабочій промучается двѣ недѣли, а потомъ ему скажутъ, чтобы онъ просилъ свезти его подъ конвоемъ къ князю, и тамъ онъ бросится при всѣхъ на колѣни и будетъ просить у князя пощады.

Все это и было въ дѣйствительности продѣлано.

Мѣсяца черезъ два, я получилъ извѣстіе, что рабочіе, верстахъ въ 30 отъ Новочеркаска, тоже не вышли на работу. Я поѣхалъ къ Хомутову и просилъ его дать мнѣ человѣкъ десять верховыхъ казаковъ, чтобы ѣхать со мною.

— Что же это будетъ?—замѣтилъ онъ.—Въ прошедшемъ году на Волго-Донской дорогѣ казаки стали стрѣлять въ рабочихъ и двоихъ убили.

— Не тревожьтесь,—сказалъ я,—до стрѣльбы не дойдетъ.

— Зачѣмъ же вамъ казаки?

— Для того, чтобы рабочіе видѣли, что я пріѣхалъ не одинъ, а съ 10-ю казаками.

— Боже, Боже, что такое будетъ?

Онъ перекрестилъ меня и сказалъ:—Храни васъ и помоги вамъ Богъ. Пожалуйста, когда вернетесь, хотя бы это было ночью, пріѣзжайте ко мнѣ, я въ тревогѣ и не буду спать.

Я тотчасъ отправился въ сопровожденіи десяти казаковъ. Пріѣхавъ на мѣсто, я вызвалъ изъ бараковъ рабочихъ, которыхъ было до 300 человѣкъ.

— Что вы затѣяли, ребята, не выходить на работу! Вы получили задатки и обязаны работать; стало быть, вы ослушники начальства; пусть зачинщики выйдутъ впередъ, и казаки сведутъ ихъ въ Новочеркаскъ.

— Помилуйте,—загалтѣли рабочіе;—мы начальство готовы слушать, да намъ десятники задаютъ большіе уроки, пишутъ въ книжкахъ недоработки, а глина крѣпкая.

— Отчего же вы не заявляли мнѣ прежде о большихъ урокахъ; вѣдь я бываю здѣсь каждую недѣлю, а иногда и два раза на недѣлю?

— Да глина подошла теперь другая,—отвѣчали рабочіе.

Видя совершенно не враждебное настроеніе рабочихъ, я вступилъ съ ними въ разговоры.

— Покажите же мнѣ ваши уроки, и что это за крѣпкая глина?

Рабочіе, видя, что я желаю разобрать ихъ претензію, привалили гуртомъ на мѣсто работъ.

Хотя уроки не были вовсе большіе, но я при рабочихъ накинулся на десятниковъ, что они должны принимать во вниманіе качество грунта. Рабочіе видимо удовлетворились.

— Ну что же пойдете завтра на работу?

— Хоть сейчасъ пойдемъ, ваше высокоблагородіе.

Я сейчасъ же велѣлъ отпустить тѣхъ, которые были отдѣлены для отсылки въ Новочеркаскъ.

— Ну, ладно, братцы, помиримся и выпьемъ на мировую чарочку винца.

И я приказалъ купить три ведра водки. Рабочіе съ пѣснями проводили меня.

Вернувшись въ Новочеркаскъ часа уже въ два ночи, я проѣхалъ прямо къ Хомутову; онъ дѣйствительно не спалъ.

— Ну что?—спросилъ онъ меня видимо встревоженнымъ тономъ.

— Все кончилось отлично—водкой,—и я разсказалъ ему все, какъ было.

Хомутовъ облобызалъ меня и сказалъ:

— Слава Богу, слава Богу; у меня словно гора съ плечъ свалилась.

— Видите ли, ваше высокопревосходительство,—замѣтилъ я,—съ русскимъ рабочимъ человѣкомъ надо только знать, какъ обращаться, онъ по природѣ человѣкъ смирный.

Хомутовъ вообще полюбилъ дѣло устройства желѣзной дороги и интересовался всѣмъ, что до него относилось.

Однажды, онъ обратился ко мнѣ и просилъ меня ознакомить его съ порядкомъ счетоводства, которое, на основаніи высочайше утвержденнаго положенія, должно было вестись по примѣру коммерческихъ операцій и по двойной бухгалтеріи.

— Я не знакомъ съ этимъ счетоводствомъ, объясните мнѣ его,— говорилъ онъ.

— Я попрошу васъ съѣздить въ контору, гдѣ братъ мой покажетъ вамъ весь порядокъ счетоводства.

Когда онъ пріѣхалъ въ контору и сталъ разсматривать порядки, заведенные для счетоводства, онъ такъ заинтересовался этимъ дѣломъ, что сталъ пріѣзжать въ контору ежедневно, въ теченіе цѣлой недѣли, чтобы прослѣдить весь ходъ счетоводства.

Хомутовъ былъ въ восторгѣ отъ порядка счетоводства и непримину лъ высказать это гласно при слѣдующемъ случаѣ.

Въ воскресенье по утрамъ, къ Хомутову собирались всѣ начальствующія лица Новочеркаска съ тѣмъ, чтобы отправляться съ нимъ къ обѣднѣ. Однажды я пріѣхалъ къ Хомутову въ это время. Всѣ собравшіеся сидѣли у него въ кабинетѣ.

— Знаете ли что, господа,—началъ говорить Хомутовъ,—я посовѣтовалъ бы вамъ съѣздить къ намъ въ контору желѣзной дороги и поучиться у Кронида Александровича (имя моего брата), какъ надо вести отчетность. Если бы мнѣ была извѣстна прежде такая отчетность, то я бы не получалъ столько оффиціальныхъ непріятныхъ замѣчаній, и разъ чуть не попалъ подъ судъ, когда мы строили Аксайскую дамбу и почтовыя станціи по Войску.

Послѣ этого нѣсколько оффиціальнаго внушенія, сдѣланнаго Хомутовымъ весьма деликатнымъ образомъ, я понялъ, что Хомутова надо не опасаться, какъ говорилъ мнѣ Лихачевъ, а что атаманъ являлся самымъ искреннимъ помощникомъ дѣлу желѣзной дороги, успѣхъ котораго лежалъ на моей строгой отвѣтственности.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дипломатическіе переговоры передъ Восточною войною 1853—1856 гг.

V [1]).

Дипломатическія интриги въ Константинополѣ.—Требованія князя Меншикова.—Опасенія европейскихъ державъ за неблагополучный исходъ переговоровъ.—Вниманіе, оказанное императоромъ Николаемъ Сеймуру.—Отвѣтъ Порты на требованіе кн. Меншикова.—Вмѣшательство европейской дипломатіи.—Переговоры англійскаго посла Каннинга съ княземъ Меншиковымъ.—Перемѣна министерства въ Константинополѣ.—Разсказъ бывшаго визиря Мехмеда-Али-паши.—Прекращеніе переговоровъ.—Отъѣздъ князя Меншикова.

Возвращеніе великобританскаго посланника въ Константинополь обострило взаимныя отношенія дипломатическихъ представителей.

8-го марта нов. ст., князь Меншиковъ имѣлъ секретную аудіенцію у султана; происшедшее во время этого свиданія держалось въ строгой тайнѣ, и дипломаты опасались, что султанъ, подъ вліяніемъ страха, сдѣлалъ какую-либо уступку, угрожавшую ему потерею самостоятельности. Опасенія усиливались тѣмъ, что, по единодушному свидѣтельству купцовъ, путешественниковъ и консуловъ, въ Севастополѣ поспѣшно вооружались суда, а на берегахъ Прута сосредоточивались войска. Когда Бенедетти и полковникъ Розе разспрашивали Меншикова объ этихъ приготовленіяхъ, то онъ либо отрицалъ ихъ, либо объяснялъ различными причинами; чаще всего онъ отговаривался незнаніемъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ августъ 1902 г.

— А я полагалъ,—возразилъ ему однажды полковникъ Розе,—что вы назначены главнокомандующимъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, коимъ поручено поддержать миссію, возложенную на васъ.

Лордъ Редклиффъ-Каннингъ, привыкшій вести переговоры съ турками, вывѣдалъ вскорѣ отъ Рифаатъ-паши и отъ великаго визиря все, что̀ ему хотѣлось знать. Какъ человѣкъ опытный, онъ тотчасъ понялъ угрожавшую опасность и предостерегалъ англійское правительство. «Дѣло идетъ уже не о Святыхъ мѣстахъ,—писалъ онъ,—не о религіозномъ спорѣ между латинянами и греками; оно касается всей Европы. Независимости и, быть можетъ, даже существованію Турціи угрожаетъ опасность».

Между тѣмъ какъ депеши Каннинга доходили въ Лондонъ и волновали англійское министерство, князь Меншиковъ рѣшился наконецъ облечь свои таинственныя требованія въ оффиціальную форму.

Не получая на свои требованія никакого отвѣта отъ турецкихъ министровъ, которые благоразумно воздерживались отъ всякихъ оффиціальныхъ заявленій, князь Меншиковъ послалъ Рифаатъ-пашѣ новую ноту, въ которой, исчисливъ всѣ претензіи Россіи въ вопросѣ о Святыхъ мѣстахъ, требовалъ заключенія договора, подтверждающаго на вѣчныя времена привилегіи, дарованныя православнымъ христіанамъ на Востокѣ. Въ концѣ своей ноты князь Меншиковъ заявлялъ, что, въ случаѣ отказа со стороны турецкаго правительства, «его дальнѣйшій образъ дѣйствій будетъ согласоваться съ достоинствомъ его правительства и религіи, исповѣдуемой его монархомъ».

Не смотря на эту угрозу, Рифаатъ-паша, возлагавшій надежду на поддержку Франціи и Англіи, оказался такъ же мало сговорчивъ, какъ и его предшественникъ, «коварный» Фуадъ-эффенди, и нота князя Меншикова усилила тревогу дипломатовъ. Тувенель писалъ по этому поводу Кастельбажаку 30-го апрѣля 1853 г.:

«Признаюсь вамъ, я сильно боюсь, чтобы мы могли съ честью покончить вопросъ о Святыхъ мѣстахъ. Очевидно, въ Петербургѣ намъ не помогутъ въ этомъ; князю Меншикову необходимо одержать успѣхъ во что бы то ни стало. Поэтому, когда дѣло дойдетъ до крайняго предѣла, то намъ волей-неволей придется протестовать, заявить въ Лондонѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ, какія жертвы мы были готовы принести ради сохраненія мира, и, лишивъ такимъ образомъ Россію всякаго предлога къ войнѣ, пригласить прочія державы присоединиться къ намъ, чтобы обуздать ея честолюбіе. Почва для этого уже подготовлена; Петербургскій кабинетъ, быть можетъ, плохо взвѣсилъ свои шансы въ будущемъ, не соглашаясь на приличный для насъ исходъ настоящаго недоразумѣнія. Какъ бы то ни было, это поведетъ къ охлажденію взаимныхъ отношеній и покажетъ, что Франціи нечего ожидать отъ Россіи».

«Извѣстія, получаемыя изъ Константинополя, далеко не успокои-

тельны,— писалъ въ то же время [1]) прусскій министръ Мантейфель графу Гацфельду въ Парижъ. Вильденбрухъ [2]) пишетъ мнѣ, что гг. Каннингъ и де-Лакуръ никакъ не могутъ сопоставить то, что происходитъ на ихъ глазахъ, съ увѣреніями, которыя получены ихъ дворами изъ Петербурга. Я опасаюсь, что намъ предстоитъ пережить не мало серьезныхъ событій, къ которымъ мы далеко не подготовлены. Русскіе очевидно стремятся рѣшить этотъ вопросъ какъ свое домашнее дѣло. Въ содѣйствіи Австріи императоръ Николай вполнѣ увѣренъ. Намъ весьма важно, по моему мнѣнію, сохранить какъ можно далѣе свободу дѣйствій.

«Если меня не обманываютъ, получаемыя мною извѣстія, которыя отличаются вообще довольно большой точностью,—писалъ въ отвѣтъ Мантейфелю графъ Гацфельдъ (2-го мая), то надобно полагать, что князь Меншиковъ, помимо вопроса о Святыхъ мѣстахъ, предъявляетъ Портѣ еще какія-либо значительныя требованія; поэтому, весьма вѣроятно, что восточный вопросъ принесетъ намъ не мало осложненій.

«Въ Англіи этотъ вопросъ возбуждаетъ, кажется, нѣкоторую тревогу».

Дѣйствительно, общественное мнѣніе Англіи было уже въ это время нѣсколько возбуждено противъ Россіи, но великобританскій кабинетъ еще не высказался оффиціально такъ опредѣленно, какъ французское правительство, и англійскій флотъ оставался на мѣстѣ, тогда какъ французская эскадра получила, какъ мы уже говорили, приказаніе идти въ Архипелагъ и быть готовой ко всякой случайности. Это разногласіе въ отношеніи къ Россіи со стороны Франціи и Англіи, которое продолжалось, впрочемъ, не долго, дозволяло императору Николаю не уступать въ своихъ требованіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тревожило французскаго посланника въ Петербургѣ. Опасенія генерала Кастельбажака усилились вслѣдствіе одного на первый взглядъ маловажнаго факта,—именно обѣда, на который государь, вопреки существовавшему при русскомъ дворѣ этикету, пригласилъ великобританскаго посланника, сэра Гамильтона Сеймура и его супругу. Въ государствѣ, гдѣ воля монарха составляетъ законъ, самый маловажный фактъ имѣетъ нерѣдко важное значеніе; французскій посланникъ писалъ по поводу этого обѣда Тувенелю 30-го апрѣля 1853 г.:

«Любезный товарищъ, я послалъ 19-го числа сего мѣсяца министру шифрованную депешу, въ которой я сообщилъ ему о фактѣ, необычайномъ по этикету и обычаямъ, существующимъ при русскомъ дворѣ,—ибо этотъ фактъ, въ связи съ ходящими въ обществѣ слухами и нѣкоторыми посторонними обстоятельствами, заставилъ меня предполагать о суще-

---

[1]) 28-го апрѣля 1853 г.

[2]) Прусскій посланникъ въ Константинополѣ.

ствованіи секретнаго соглашенія между Россіей и Англіей; но мои подозрѣнія разсѣялись. Любезность, оказанная императоромъ Николаемъ сэру Гамильтону Сеймуру, была только благодарностью Англіи за «неподвижность» ея флота и за совѣты, которые были даны намъ Англіей относительно нашего флота. Отъ одного лица, присутствовавшаго на обѣдѣ, данномъ императоромъ Николаемъ сэру Сеймуру, мнѣ извѣстно, что императрица пила за здоровье королевы Викторіи и что императоръ сказалъ:

— Англичане имѣютъ средство вліять въ Константинополѣ особымъ путемъ, я же, къ сожалѣнію, могу угрожать туркамъ только матеріальной силой, къ чему мнѣ и пришлось прибѣгнуть. Но я объяснился по этому поводу откровенно, я человѣкъ честный. Англійское министерство, не колеблясь, повѣрило моей честности. Я очень чувствителенъ къ этому знаку довѣрія и отъ всего сердца благодаренъ за него.

«Императоръ не прибавилъ ни слова въ похвалу или осужденіе Франціи или какой-нибудь иной великой державы. На другой день его величество пригласилъ меня на большой парадъ. Но мнѣ пришлось извиниться по причинѣ гриппа, коимъ я страдаю впервые со времени моего пріѣзда сюда. Нѣсколько дней спустя я получилъ вторично приглашеніе и вторично долженъ былъ отказаться по той же причинѣ. Императоръ присылалъ освѣдомиться о моемъ здоровьѣ и выразилъ мнѣ свое сожалѣніе по поводу моего недомоганія. Впрочемъ, я не выказалъ никакого неудовольствія по поводу обѣда, даннаго англійскому посланнику, и только отвѣтилъ генералу Киселеву, который говорилъ со мною объ этомъ въ «сочувственномъ» для меня тонѣ, что «я нахожу вполнѣ естественнымъ, что къ братьямъ и сестрамъ (какъ называютъ другъ друга монархи и монархини) относятся лучше, нежели къ друзьямъ (необычное названіе, данное императоромъ Николаемъ императору Наполеону III). Къ тому же, это было единственное средство вознаградить сэра Гамильтона Сеймура за милостивое вниманіе, коимъ я пользуюсь со стороны императора ежедневно, какъ военный генералъ, и я въ восторгѣ отъ удовольствія, доставленнаго моему коллегѣ, котораго я люблю и уважаю.

«Сэръ Гамильтонъ, весьма довольный моимъ поведеніемъ, сталъ снова довѣрчивъ и торжественно увѣрялъ меня, что Англія пойдетъ рука объ руку съ Франціей въ случаѣ, ежели Россія посягнетъ на неприкосновенность Оттоманской имперіи. Впрочемъ, онъ раздѣляетъ мой взглядъ, что эти вооруженныя угрозы имѣютъ единственной цѣлью застращать турокъ, что Россія довольно неудачно считаетъ необходимымъ. Онъ увѣряетъ меня также, что Нессельроде высказался по поводу Святыхъ мѣстъ въ самомъ примирительномъ духѣ и выразилъ желаніе, чтобы князь Меншиковъ и де-Лакуръ покончили съ этимъ вопросомъ. Я пола-

гаю, что настоящій моментъ благопріятствуетъ этому, такъ какъ вооруженія начинаютъ тяготить Россію, и она опасается прискорбныхъ послѣдствій, какія они могутъ повлечь за собою, тѣмъ болѣе, что благоразумная партія можетъ быть увлечена въ противуположную сторону религіозными чувствами народа и честолюбіемъ молодыхъ офицеровъ и старо-русской партіей. По поводу увольненія сербскаго перваго министра Гарашанина Нессельроде сказалъ мнѣ съ несвойственнымъ ему оживленіемъ, что «это человѣкъ дурной, неблагодарный по отношенію Россіи, что онъ одержимъ опасными политическими стремленіями, которыя, къ сожалѣнію, слишкомъ распространены въ Сербіи и въ Придунайскихъ провинціяхъ. Сербія,—присовокупилъ Нессельроде,—обязана намъ своимъ существованіемъ; на нашемъ мѣстѣ вы, конечно, не потерпѣли бы, чтобы она сдѣлалась вашимъ врагомъ и врагомъ консервативныхъ принциповъ. Это былъ главный поводъ, вызвавшій неудовольствіе императора Николая и которымъ онъ руководствуется въ настоящую минуту въ своихъ отношеніяхъ къ Турціи и къ подвластнымъ ей провинціямъ».

Но возвратимся къ Константинополю.

5-го мая оттоманское правительство рѣшилось наконецъ отвѣтить оффиціально на требованія Россіи. Министръ иностранныхъ дѣлъ вручилъ князю Меншикову два фирмана, на имя Гафиза-паши, управлявшаго Іерусалимскимъ санджакомъ, въ коихъ ему сообщалось рѣшеніе, принятое султаномъ. Въ первомъ фирманѣ, относительно большаго купола церкви Святаго гроба, говорилось, что куполъ будетъ возобновленъ «въ его настоящемъ видѣ», и что если въ его формѣ будетъ сдѣлано какое-либо измѣненіе, то греческому патріарху, живущему въ Іерусалимѣ, будетъ дозволено сдѣлать противъ этого свои возраженія. Кромѣ того говорилось, что дома смежные съ церковью Святаго гроба, служащіе «для молитвы и уединенія мусульманъ», не будутъ снесены, но что султанъ прикажетъ заложить окна, выходящія непосредственно къ Святому гробу [1]). Во второмъ фирманѣ, данномъ также на имя іерусалимскаго губернатора и касавшемся «привилегій грековъ относительно пользованія Святыми мѣстами», говорилось, что латиняне будутъ имѣть по-прежнему ключъ отъ одной изъ дверей большой Виѳлеемской церкви, чтобы они могли «проходить» чрезъ верхнюю церковь, въ пещеру Рождества Христова, помѣщающуюся подъ церковью. Кромѣ того серебряная звѣзда, указывающая мѣсто рожденія Христа и похищенная въ 1847 г., будетъ возстановлена на средства султана. Что касается гроба Богородицы, то «грекамъ было предоставлено право совершать возлѣ

[1]) Кн. Меншиковъ называлъ эти мѣста не молитвенными домами, а гаремами и требовалъ, чтобы они были снесены. В. Т.

него богослуженіе послѣ восхода солнца первымъ; послѣ нихъ предоставлялось служить армянамъ, а затѣмъ латинянамъ, всѣмъ же, въ общей сложности, не болѣе полутора часа. Наконецъ, за каждымъ вѣроисповѣданіемъ утверждалось на вѣчныя времена владѣніе тѣми святилищами, кои находились въ ихъ рукахъ».

Русскій и французскій посланники изъявили согласіе принять эти фирманы. Казалось, вопросъ о Святыхъ мѣстахъ былъ покончень.

Но Святыя мѣста были только предлогомъ. Объ этомъ давно уже подозрѣвали, но теперь всѣ окончательно въ этомъ убѣдились.

Извѣщая 5-го мая министра иностранныхъ дѣлъ, Рифаатъ-пашу, о полученіи двухъ фирмановъ и о томъ, что они будутъ доведены до свѣдѣнія русскаго правительства, князь Меншиковъ препроводилъ Портѣ проектъ договора, въ коемъ были изложены окончательныя требованія Россіи. Въ силу этого договора, турецкое правительство должно было принять на себя обязательство соблюдать на вѣчныя времена привилегіи, дарованныя грекамъ въ прежнее время [1]). Князь Меншиковъ требовалъ, чтобы отвѣтъ на эту ноту былъ представленъ не позже пятидневнаго срока, присовокупляя, что неисполненіе этого условія «будетъ принято имъ какъ знакъ неуваженія къ его правительству и поставитъ его въ необходимость прибѣгнуть къ самымъ прискорбнымъ мѣрамъ».

Турки теперь поняли, что ихъ независимости угрожала опасность. Члены дипломатическаго корпуса отправились къ великому визирю, который жилъ въ то время въ своемъ загородномъ домѣ на берегахъ Босфора, чтобы переговорить съ нимъ по поводу ноты русскаго посла, и застали его совѣщающимся съ министромъ иностранныхъ дѣлъ и сераскиромъ; турецкіе сановники рѣшили отвѣчать на требованія Россіи отказомъ.

7-го мая Каннингъ поѣхалъ къ Меншикову, въ надеждѣ убѣдить его. Но всѣ старанія были напрасны. Князь не скрывалъ, что инструкціи, полученныя имъ изъ Петербурга, повелѣвали ему спѣшить. Видя, какъ всѣ были взволнованы его требованіями, онъ прикинулся изумленнымъ.

— Развѣ Россія не въ правѣ,—говорилъ онъ,—требовать чего-либо въ пользу грековъ, подобно тому, какъ Франція и Австрія ходатайствуютъ въ пользу католиковъ.

Напрасно доказывали ему, что католиковъ было въ Турціи всего нѣсколько тысячъ, что они разсѣяны по всей Оттоманской имперіи и что большинство изъ нихъ даже не подданные султана, между тѣмъ какъ

---

[1]) Между прочимъ русское правительство требовало, чтобы ему было предоставлено право соорудить въ Іерусалимѣ церковь и госпиталь для богомольцевъ и странниковъ. В. Т.

греки, численностью до 11 милліоновъ, составляли обширное государство въ государствѣ.

Между тѣмъ приближалось 10-го мая—срокъ, указанный русскимъ ультиматумомъ.

Отвѣтъ, сообщенный Рифаатъ-пашою, былъ написанъ въ томъ именно тонѣ, какого можно было ожидать. Онъ предлагалъ Россіи отъ имени султана всевозможныя преимущества, заявлялъ, что къ сооруженію русской церкви и госпиталя не встрѣтится препятствія и что Абдулъ-Меджиду никогда и въ голову не приходило отмѣнять привилегіи, дарованныя христіанамъ православнаго исповѣданія; но заключеніе особаго договора было бы нарушеніемъ основныхъ принциповъ независимости Турціи и ея верховной власти.

Поэтому Рифаатъ отказывался вести переговоры въ этомъ смыслѣ и обращался къ общественному мнѣнію Европы и къ прямодушію русскаго императора.

Всѣ полагали, что, получивъ подобный отвѣтъ, Меншиковъ уѣдетъ тотчасъ въ Одессу. Но вмѣсто того, онъ заявилъ Рифаатъ-пашѣ 11-го, что готовъ ожидать до 14-го числа болѣе благопріятнаго рѣшенія.

Въ тотъ же день, великій визирь, Мехметъ-Али-паша, принимавшій дѣятельное участіе въ переговорахъ, послалъ къ князю Меншикову перваго драгомана Дивана, Нурредин-бея, съ приглашеніемъ прибыть на совѣщаніе, которое должно было состояться 13-го числа, въ часъ дня въ дворцѣ, занимаемомъ великимъ визиремъ.

Князь Меншиковъ, вѣрный своей системѣ устрашать турокъ, желая оказать свое неудовольствіе по поводу медленнаго хода переговоровъ, еще 4-го мая уѣхалъ изъ Перы и поселился на русскомъ фрегатѣ «Бессарабія», который стоялъ на якорѣ противъ Буюкдере, гдѣ находится лѣтняя резиденція русскихъ посланниковъ въ Константинополѣ. Тутъ ему и было передано приглашеніе Мехмета-Али-паши, которое онъ принялъ.

На слѣдующій день, въ назначенный часъ, великій визирь ожидалъ русскаго посланника, какъ вдругъ, къ его величайшему изумленію, онъ увидѣлъ изъ оконъ своего дворца, что русскій фрегатъ, подъ флагомъ посланника, величественно плылъ по Босфору, не останавливаясь у его пристани. Удивленіе Мехмета-Али-паши смѣнилось изумленіемъ, когда онъ узналъ, что князь Меншиковъ, вмѣсто того, чтобы прибыть на совѣщаніе къ визирю, приказалъ вести себя во дворецъ султана и, вопреки всѣмъ правиламъ этикета, явился неожиданно къ Абдулъ-Меджиду и попросилъ у него немедленно аудіенціи, не смотря на то, что ему было извѣстно, что султанъ, незадолго передъ тѣмъ потерявшій мать и весьма огорченный ея потерею, заперся въ гаремѣ и никого не принималъ. Не смотря на строгое приказаніе никого не принимать, драгоманъ рус-

скаго посольства настаивалъ до такой степени, что князь Меншиковъ былъ допущенъ къ султану, который принялъ его. Свиданіе ихъ было весьма непродолжительно; русскій посланникъ сказалъ Абдулъ-Меджиду, откланиваясь:

— Умоляю ваше величество взвѣсить послѣдствія, какія можетъ имѣть продолжительное сопротивленіе, съ вашей стороны, желаніямъ императора Николая.

Возвратившись затѣмъ на фрегатъ, князь стоялъ нѣсколько минутъ на мостикѣ, подъ самыми окнами султана, какъ бы выжидая его рѣшенія. Но, видя, что на отвѣтъ нельзя было разсчитывать, онъ приказалъ возвратиться въ Буюкдере.

Послѣдствія неожиданнаго посѣщеніи княземъ Меншиковымъ султана не замедлили сказаться. Этотъ смѣлый и необычный шагъ еще болѣе увеличилъ тревогу турокъ; въ тотъ же вечеръ великій визирь Мехметъ-Али-паша и министръ иностранныхъ дѣлъ Рифаатъ-паша были смѣщены. Перваго замѣнилъ Мустафа-паша, а на мѣсто втораго былъ назначенъ Решидъ-паша, извѣстный государственный дѣятель Турціи, который съ трудомъ переносилъ свое временное удаленіе отъ дѣлъ.

Абдулъ-Меджидъ, человѣкъ слабый и нерѣшительный, надѣялся перемѣною своихъ министровъ выиграть время и, быть можетъ, смягчить гнѣвъ императора Николая. Но, помимо этихъ высшихъ политическихъ соображеній, на рѣшеніе султана могли повліять нѣкоторыя побочныя обстоятельства.

Въ Турціи все начинается и кончается дворцовою интригою. Эта истина подтверждается какъ нельзя лучше нижеслѣдующимъ любопытнымъ разсказомъ, который сохранился въ бумагахъ Тувенеля, записанный имъ собственноручно; въ немъ сообщаются весьма любопытные факты.

Въ 1855 г. Тувенель былъ назначенъ посланникомъ въ Константинополь, находясь еще подъ впечатлѣніемъ важныхъ событій, предшествовавшихъ Крымской войнѣ, въ коихъ онъ принималъ дѣятельное участіе, въ качествѣ директора департамента французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ; онъ имѣлъ съ бывшимъ великимъ визиремъ, Мехметъ-Али-пашою, интимный разговоръ, настолько его заинтересовавшій, что, по возвращеніи домой, тотчасъ записалъ его.

«Нашъ разговоръ,—пишетъ Тувенель,—коснулся миссіи князя Меншикова, во время которой Мехметъ-Али-паша былъ великимъ визиремъ, и той роли, которую игралъ, въ это время, Аристархъ-бей, только-что возвратившійся въ Константинополь. Начиная этотъ разговоръ, я имѣлъ цѣлью, главнымъ образомъ, разсѣять сомнѣнія относительно возвращенія къ власти Решида-паши,—фактъ, для меня совершенно необъ-

яснимый, тѣмъ болѣе, что онъ былъ вызванъ самимъ княземъ Меншиковымъ. Вотъ что сказалъ мнѣ по этому поводу Мехметъ-Али-паша:

«Первоначальнымъ поводомъ миссіи князя Меншикова была просьба или прошеніе, поданное императору Николаю именитыми греками. Въ этомъ документѣ обращалось особенное вниманіе на недостойное положеніе, какое занимала Россія въ Константинополѣ, по сравненію съ Франціей и Англіей, и указывались средства, коими можно было выйти изъ этого положенія. Эта цѣль могла быть достигнута, говорилось въ прошеніи, посылкою въ Турцію чрезвычайнаго посольства, съ тѣмъ, чтобы тотъ, кто будетъ стоять во главѣ посольства, своимъ твердымъ тономъ и угрозами, съ коими онъ обратился бы къ Дивану, добился для императора Николая неограниченной власти надъ греческой церковью во владѣніяхъ султана, и, слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ надъ греческой націей. Этотъ документъ или это прошеніе было подписано греческимъ патріархомъ въ Іерусалимѣ, логофетомъ Николаемъ Аристархи, Вогоридесомъ, банкиромъ миссіи Яни, г. Лазараки и другими лицами, кои, всѣ до единаго, считаются до сихъ поръ дѣятельными и ревностными приверженцами и приспѣшниками Решида-паши. Г. Озеровъ препроводилъ это прошеніе въ Петербургъ и со своей стороны поддержалъ его».

«Князь Меншиковъ, во время своихъ первыхъ бесѣдъ со мною, говорилъ о Турціи въ угрожающемъ тонѣ, а о Франціи и Англіи съ ненавистью и презрѣніемъ, надѣясь этимъ вынудить меня подписать сенедъ (договоръ). Встрѣтивъ съ моей стороны упорное сопротивленіе, онъ оставилъ мысль о сенедѣ и предложилъ заключить наступательный и оборонительный союзъ. Но такъ какъ, съ осуществленіемъ этого проекта, Турція оказалась бы во власти Россіи связанная по рукамъ и по ногамъ, и это повлекло бы вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно къ разрыву съ Франціей и Англіей, то я старался возвратиться къ первоначальному предложенію князя,—къ сенеду. Я подмѣтилъ, что князь Меншиковъ отнюдь не хотѣлъ довести дѣло до разрыва, но старался даже по возможности избѣжать его. Надобно сознаться, что въ стараніи рѣшить вопросъ миролюбивымъ путемъ я встрѣтилъ содѣйствіе: 1) князя Меншикова; 2) перваго драгомана русскаго посольства Агригопуло. Но мнѣ мѣшали въ этомъ: 1) Решидъ-паша, 2) логофетъ Николай Аристархи, 3) г.г. Озеровъ и Балабинъ — оба послѣдніе опасались быть поставлены въ неловкое положеніе по отношенію къ правительству, коему они служили. Они постарались, во-первыхъ, отдалить князя Меншикова отъ перваго драгомана русскаго посольства Агригопуло, который былъ склоненъ дѣйствовать въ примирительномъ духѣ, толкнуть его въ объятія логофета Николая Аристархи и, слѣдовательно, Решида-паши. Вотъ какимъ путемъ удалось этого достигнуть: султану донесли, что г. Агригопуло хотѣлъ бы имѣть дачу, но что сред-

ства не позволяли ему пріобрѣсти таковую. Султанъ подарилъ ему домъ въ Буюкдере. Всѣ переговоры по этому поводу происходили безъ вѣдома Агригопуло, и самый подарокъ былъ для него полнѣйшею неожиданностью. Я узналъ объ этомъ, но старался разстроить подозрѣваемую мною интригу и просилъ, чтобы съ подаркомъ дома повременили. Но логофетъ Николай Аристархи предупредилъ меня. Онъ передалъ Агригопуло, изумленному неожиданнымъ счастіемъ, ключи отъ дома, что̀ составляетъ на Востокѣ признакъ собственности, и тотчасъ донесъ на него его начальнику. Князь Меншиковъ призвалъ драгомана, допросилъ его и, не повѣривъ его увѣренію, что все это было сдѣлано безъ его вѣдома, отрѣшилъ его отъ должности. Дѣйствительно, Агригопуло поступилъ опрометчиво и, будучи застигнутъ врасплохъ, взялъ ключи вмѣсто того, чтобы возвратить ихъ; они дѣйствительно находились въ его рукахъ, хотя онъ получилъ ихъ всего за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ. Съ этой минуты князь Меншиковъ очутился въ рукахъ логофета Николая Аристархи или скорѣе Решида-паши, который, со своей стороны, принялъ извѣстныя обязательства по отношенію къ логофету на тотъ случай, если бы онъ помогъ ему вновь овладѣть властью. Всѣ прочіе служащіе въ русскомъ драгоманствѣ были не способны играть какую бы то ни было роль въ политическихъ переговорахъ.

«Между тѣмъ переговоры, которые велись между русскимъ посланникомъ и мною, подвинулись впередъ. Я смѣло могу утверждать, что переговоры эти были почти окончены и что мнѣ удалось, совмѣстно съ сераскиромъ (военный министръ), найти средство устранить послѣднее затрудненіе, которое намъ предстояло преодолѣть. Оставалось придумать, въ какихъ именно выраженіяхъ слѣдовало упомянуть о Кучукъ-Кайнарджійскомъ договорѣ,—въ нотѣ, которую мы должны были вручить русскому правительству, ибо вмѣсто сенеда условлено было ограничиться нотою. Признаюсь, князь Меншиковъ искренно помогъ мнѣ устранить всѣ прочія затрудненія. Я дѣйствовалъ относительно его вполнѣ откровенно. Я старался доказать ему, что Россія своими требованіями заставляла насъ кинуться безъ оглядки въ объятія морскихъ державъ и что настанетъ моментъ и въ сущности онъ уже насталъ, когда мы будемъ только орудіями въ ихъ рукахъ и что мы не будемъ имѣть возможности поступить такъ, какъ намъ хотѣлось бы согласно нашему желанію. Я давно уже видѣлъ, что князю Меншикову хотѣлось выйти изъ затруднительнаго положенія, въ какое онъ себя поставилъ, слѣдуя совѣтамъ гг. Озерова и Балабина, коими руководило тщеславіе и желаніе не испортить свою карьеру. Я видѣлъ, что Россія не хотѣла разрыва. 13-го мая, въ день, назначенный для окончанія скрѣпленія мира, я ожидалъ по этому поводу князя Меншикова къ себѣ. Я былъ совершенно увѣренъ въ успѣхѣ. Между тѣмъ Решиду-пашѣ

все было извѣстно черезъ логофета Николая Аристархи. Миръ былъ бы обезпеченъ безъ участія съ его стороны. Онъ рѣшилъ принять рѣшительныя мѣры. Логофетъ отправился къ князю Меншикову и увѣрилъ его въ томъ, что если Решидъ-паша вернется къ власти, то онъ подпишетъ сенедъ въ его первоначальной редакціи, не принимая во вниманіе тѣхъ уступокъ, которыя уже были сдѣланы княземъ Меншиковымъ мнѣ. Меншиковъ попался на удочку. Вмѣсто того, чтобы пріѣхать ко мнѣ, онъ отправился къ султану и просилъ его о назначеніи Решида-паши министромъ иностранныхъ дѣлъ и получилъ на это согласіе Абдулъ-Меджида. Когда же онъ потребовалъ вслѣдъ затѣмъ у Решидъ-паши исполненія его обѣщанія, то послѣдній сказалъ, что онъ скорѣе позволитъ отруб ить себѣ руку, нежели подпишетъ сенедъ, и самымъ безсовѣстнымъ образомъ отрекся отъ того, что имъ было принято какое бы то ни было обязательство въ этомъ отношеніи. Принималъ ли въ этомъ дѣлѣ какое-либо участіе одинъ вліятельный дипломатъ (англійскій посланникъ Каннингъ)? Находилъ ли онъ, что, дѣйствуя, какъ ревностный патріотъ и преданный слуга султана, я сдѣлалъ слишкомъ большія уступки Россіи? Опасался ли онъ утратить вліяніе, коимъ онъ пользовался, или боялся, что Англіи придется раздѣлить ея преобладающее вліяніе съ Россіей? Имѣлъ ли онъ поводъ опасаться этого, потому, что князь Меншиковъ отказался прибѣгнуть къ его посредничеству, которое было ему предложено? На всѣ эти вопросы я не могу дать никакого положительнаго отвѣта. Послѣдствія всего этого извѣстны. Великій лгунъ, Решидъ, сталъ снова во главѣ министерства. Однако дѣло было еще поправимо. Я предложилъ султану послать меня въ Петербургъ. Я знаю императора Николая. Я поговорилъ бы съ нимъ, вооружившись документами, откровенно и искренно, я обратился бы къ его великодушію. Я до сихъ поръ убѣжденъ въ томъ, что мнѣ удалось бы убѣдить его. Хотя Решидъ не могъ добиться того, что мой планъ былъ отвергнутъ, но ему удалось замедлить его исполненіе. Злосчастный переходъ войскъ черезъ Прутъ, несвоевременное объявленіе войны Портою заставили отказаться отъ этого плана окончательно. Я хотѣлъ бы, чтобы вы присутствовали на моемъ свиданіи съ логофетомъ три дня тому назадъ. Вы услышали бы, что я отъ слова до слова припоминалъ ему всѣ эти обстоятельства; я умолялъ его сказать мнѣ, неужели онъ не вѣрилъ, что между нами и Россіей могло бы быть заключено соглашеніе, почетное для насъ и на которое Россія, со своей стороны, могла бы согласиться, если бы только князь Меншиковъ былъ у меня, какъ онъ обѣщалъ, къ утру 13-го мая, и вы видѣли бы и слышали бы, что тотъ, кому я предлагалъ эти вопросы, отвѣтилъ мнѣ утвердительно и билъ себя въ грудь, проливая слезы».

15-го мая, новый министръ иностранныхъ дѣлъ, Решидъ-паша, до-

*

стигшій власти при помощи вышеописанной интриги, просилъ у князя Меншикова пятидневной отсрочки для отвѣта, ссылаясь на то, что ему не были извѣстны подробности происходившихъ переговоровъ. Князь отвѣчалъ, что оффиціальные переговоры окончены, но что онъ согласенъ повременить отъѣздомъ. Онъ все еще льстилъ себя надеждою, что упорство турокъ прекратится и что они уступятъ.

18-го мая всѣ бывшіе великіе визири, паши и улемы были созваны въ торжественное засѣданіе, на которомъ проектъ договора, предложеннаго кн. Меншиковымъ, былъ прочитанъ и обсужденъ и почти единогласно признанъ неосуществимымъ (42 голосами изъ 44).

Въ послѣдующіе два дня происходилъ еще нѣкоторый обмѣнъ мыслей между Диваномъ и Буюкдерскимъ дворцомъ, причемъ князь Меншиковъ жаловался на то, что отвѣтъ турецкаго правительства «совершенно не соотвѣтствовалъ надеждамъ, которыя подалъ ему милостивый пріемъ султана и все сказанное его величествомъ». Обѣщанія Блистательной Порты были названы «уклончивыми и обманчивыми», и такъ какъ султанъ отказался исполнить требованія императора, «оказавъ этимъ неуваженіе своему августѣйшему и старинному союзнику», то русское правительство выражало «самыя серьезныя опасенія относительно поддержаніи исконныхъ правъ Восточной церкви». Заканчивая эти обвиненія, князь Меншиковъ заявлялъ, что «россійскій императорскій дворъ не можетъ долѣе имѣть посланника въ Константинополѣ, не унизивъ свое достоинство и не рискуя подвергнуться новымъ оскорбленіямъ, и что отказъ дать лицамъ греко-россійскаго вѣроисповѣданія требуемыя императоромъ гарантіи вынуждаетъ императорское правительство искать этихъ гарантій въ своей собственной силѣ и что всякая попытка нарушить statu quo Восточной церкви вынудитъ царя прибѣгнуть къ такимъ дѣйствіямъ, которыхъ ему всегда хотѣлось избѣжать».

Очевидно, это былъ окончательный разрывъ. 20-го мая англійскій, французскій и прусскій посланники: Каннингъ, де-Лакуръ и Вильденбрукъ поручили своему сотоварищу, австрійскому посланнику, сдѣлать послѣднюю попытку склонить князя Меншикова покончить дѣло миролюбиво. Чрезвычайный посолъ русскаго царя отвѣчалъ австрійскому посланнику, что изъ «уваженія къ Европѣ» онъ согласится замѣнить въ своихъ требованіяхъ слово договоръ словами «дипломатическая нота, имѣющая обязательную силу», но онъ требовалъ, чтобы окончательный отвѣтъ былъ данъ ему въ тотъ же день. Австрійскій посланникъ поспѣшилъ къ Решидъ-пашѣ, который не согласился на измѣненіе, предложенное княземъ Меншиковымъ. Тѣмъ не менѣе онъ послалъ къ князю своего собственнаго сына, поручивъ сказать ему, что греческому патріарху будетъ данъ султаномъ фирманъ, коимъ будутъ подтверждены на вѣчныя времена привилегіи православныхъ христіанъ

и будетъ объявлено, что statu quo въ Іерусалимѣ не можетъ быть измѣнено безъ согласія Франціи и Россіи, что греческая церковь будетъ пользоваться всѣми преимуществами, кои могутъ быть даны впредь прочимъ вѣроисповѣданіямъ, и что въ Іерусалимѣ будетъ разрѣшено сооруженіе русской церкви и монастыря.

Въ тотъ же день, 20-го мая, де-Лакуръ посѣтилъ въ Буюкдере князя Меншикова, который съѣхалъ съ фрегата, на которомъ онъ поселился, чтобы принять французскаго посланника въ домѣ русскаго посольства. Посланники обмѣнялись любезностями, но ихъ свиданіе осталось безъ послѣдствій. Впрочемъ, князь Меншиковъ проводилъ де-Лакура до Буюкдерской пристани, фактъ самъ по себѣ маловажный, но имѣвшій значеніе въ странѣ, гдѣ за всякимъ шагомъ высокопоставленныхъ лицъ слѣдятъ, истолковывая ихъ въ томъ или другомъ смыслѣ; эта любезность свидѣтельствовала о томъ, что личныя отношенія, существовавшія между кн. Меншиковымъ и де-Лакуромъ, носили совершенно иной характеръ, нежели отношенія князя къ Каннингу. Дѣйствительно, англійскій посланникъ, со времени своего возвращенія въ Константинополь, былъ въ самыхъ холодныхъ отношеніяхъ съ Меншиковымъ и даже имѣлъ съ нимъ, нѣсколько дней передъ тѣмъ, довольно бурное объясненіе. Ихъ личныя отношенія были настолько плохи, что Каннингъ, единственный изъ представителей великихъ державъ, не простился съ княземъ. Послѣднія, неудавшіяся попытки къ примиренію имѣли послѣдствіемъ новую ноту, которую кн. Меншиковъ препроводилъ на слѣдующій день, 21-го мая, Решиду-пашѣ и которая была, по существу, одинаковаго содержанія съ отвергнутымъ турками проектомъ договора. Меншиковъ раскрылъ наконецъ въ этой нотѣ истинное и единственное желаніе императора Николая, а именно, чтобы Россіи былъ предоставленъ оффиціально протекторатъ надъ всѣми греками, проживающими въ Оттоманской имперіи, со всѣми изъ этого проистекающими послѣдствіями гражданской и административной юрисдикціи.

Можно сказать навѣрно, что на подобное требованіе Турція ни при какихъ условіяхъ не изъявила бы своего согласія. Дипломатическая группировка державъ, выяснившаяся въ то время, когда всѣмъ стала понятна истинная цѣль миссіи князя Меншикова, еще болѣе поощрила турокъ къ упорству и разрушила съ самаго начала честолюбивые замыслы императора Николая. При томъ выборъ посла для столь важной миссіи оказался въ высшей степени неудаченъ. Заносчивое поведеніе князя Меншикова, его нерѣшительность съ одной стороны и уступчивость съ другой были причиною неудачи всего дѣла. Когда въ частномъ вопросѣ о Святыхъ мѣстахъ Турція согласилась удовлетворить всѣ требованія Россіи, князь Меншиковъ счелъ возможнымъ предъявить

новыя требованія. Колеблясь между желаніемъ исполнить буквально сокровенныя желанія императора Николая, которыя были ему извѣстны лучше, нежели кому-либо иному, и опасеніями, вызванными послѣдствіями, какія могъ имѣть неудачный исходъ переговоровъ, онъ согласился на уступки, которыхъ его монархъ не одобрилъ, и предъявилъ Турціи такія условія, какихъ самъ въ глубинѣ души не одобрялъ, словомъ, онъ выказалъ большую слабость и непослѣдовательность, что̀ въ дипломатіи составляетъ всегда большую ошибку.

Послѣ того какъ турки отвѣтили на послѣднюю ноту кн. Меншикова отказомъ, точно такъ же, какъ и на его предложеніе заключить договоръ, князю не оставалось болѣе никакой надежды на благопріятный исходъ его миссіи. Въ ночь съ 21-го на 22-ое мая онъ оставилъ Буюкдере и 22-го мая отплылъ на своемъ фрегатѣ въ Одессу. Въ тотъ же день флагъ на домѣ русскаго посольства былъ спущенъ. Озеровъ также собирался выѣхать изъ Константинополя со всѣмъ составомъ русской миссіи.

VI.

Впечатлѣніе, произведенное отъѣздомъ князя Меншикова изъ Константинополя.—Положеніе, принятое Австріею, Пруссіею, Англіею и Франціею.—Циркулярная нота графа Нессельроде.—Отъѣздъ русской миссіи изъ Константинополя.—Движеніе союзнаго англо-французскаго флота къ Дарданелламъ.—Манифестъ императора Николая.

Въ Европѣ слѣдили съ особеннымъ вниманіемъ за драмою, которая разыгралась въ Константинополѣ. Удивленіе дипломатическаго міра было велико, но когда получилось извѣстіе объ отъѣздѣ князя Меншикова изъ Константинополя, то это удивленіе смѣнилось тревогою. Представителямъ русскаго императора при европейскихъ дворахъ пришлось выслушать выраженія всеобщаго неодобренія. Образъ дѣйствій Россіи былъ строго осужденъ даже въ Берлинѣ, гдѣ Николай I пользовался особымъ уваженіемъ и вліяніемъ, и въ Вѣнѣ, гдѣ еще было живо воспоминаніе объ оказанныхъ имъ австрійской монархіи услугахъ. Буоль, руководившій австрійской политикой, заявлялъ во всеуслышаніе, что великимъ державамъ слѣдуетъ воспротивиться требованіямъ Россіи. Рѣзкія сужденія, которыя высказывались въ это время по поводу образа дѣйствій Россіи во всѣхъ кругахъ Вѣны, еще болѣе утверждали его въ этихъ мысляхъ.

«Въ какомъ смыслѣ понимаетъ русскій императоръ протекторатъ?—писалъ Буолю старикъ, князь Меттернихъ.—Если въ смыслѣ церков-

номъ, то это не подлежитъ компетенціи султана, если же въ смыслѣ свѣтскомъ, то его требованія суть посягательство на верховныя права Оттоманской имперіи [1]).

Въ Берлинѣ осуждали дѣйствія Россіи, хотя были сдержаннѣе въ выраженіяхъ. Прусскаго министра Мантейфеля особенно интересовало знать, какое положеніе займетъ въ восточномъ вопросѣ Австрія и каковы будутъ дальнѣйшія дѣйствія Россіи, и онъ старался разобраться въ доходившихъ до него разнорѣчивыхъ свѣдѣніяхъ.

«Восточный вопросъ поглощаетъ въ настоящее время все наше вниманіе [2]). Я долженъ сознаться, что поведеніе Россіи представляется мнѣ во многихъ отношеніяхъ загадочнымъ. Это входило, повидимому, въ намѣренія русскаго кабинета, такъ какъ онъ держалъ насъ въ этомъ вопросѣ въ полномъ невѣдѣніи, и его отношеніе къ намъ въ этомъ случаѣ можетъ быть названо оскорбительнымъ и по меньшей мѣрѣ далеко не дружественнымъ и не любезнымъ. Я прекрасно знаю, что русская политика руководствуется въ этомъ случаѣ тѣмъ принципомъ, что это свое домашнее дѣло, которое никого не касается; но ему слѣдовало бы понять, что этимъ еще не все сказано, что оно затрогиваетъ договоры, подписанные пятью державами, и что, даже въ томъ случаѣ, если бы мой взглядъ былъ ошибоченъ, а взглядъ русскаго кабинета вполнѣ правиленъ, то намъ, несомнѣнно, угрожаетъ европейская война и что въ случаѣ таковой войны, какъ бы справедливъ или несправедливъ ни былъ ея поводъ, мы не можемъ и не захотимъ остаться ея безучастными зрителями. Графъ Генкель [3]) говоритъ объ этомъ дѣлѣ все время въ самыхъ радужныхъ краскахъ и считаетъ вопросъ почти улаженнымъ и т. д. Я вполнѣ увѣренъ, что онъ въ точности передаетъ мнѣ то, что̀ говорилъ ему въ откровенной бесѣдѣ графъ Нессельроде; по крайней мѣрѣ графъ Будбергъ говорилъ со мною въ томъ же смыслѣ. Но когда видишь, что послѣ подобныхъ увѣреній князь Меншиковъ исчезаетъ (изъ Константинополя) съ быстротою ракеты, когда читаешь депешу лорда Сеймура о его разговорѣ съ графомъ Нессельроде, который пахнетъ пороховымъ дымомъ, когда мнѣ пишутъ изъ Варшавы, что черезъ десять дней на границѣ Молдавіи будетъ выставлено четыре армейскихъ корпуса, тогда вполнѣ извинительно держаться своей собственной точки зрѣнія, не обращая вниманія на эти увѣренія».

Досадуя на политическое осложненіе, происшедшее на Востокѣ, и не

---

[1]) Письмо къ Буолю отъ 29-го апр. 1853 г. (Metternich, Mémoires), томъ VIII, стр. 340.

[2]) Мантейфель—прусскому военно-уполномоченному въ Петербургѣ графу Мюнстеру, 2-го іюня 1853 г.

[3]) Прусскій повѣренный въ дѣлахъ въ Петербургѣ.

одобряя дѣйствій Россіи ни по существу, ни по отношенію къ прочимъ державамъ, готовый со своей стороны всячески содѣйствовать поддержанію мира, Мантейфель жаловался на то, что Пруссія, не смотря на яко бы дружественныя отношенія къ ней русскаго кабинета, получила отъ него лишь самыя краткія и неудовлетворительныя разъясненія по поводу миссіи князя Меншикова, и была имъ какъ бы устранена въ этомъ вопросѣ.

«Я знаю,—прибавлялъ онъ [1]),—что также точно было поступлено и со всѣми прочими державами, и пожалуй даже еще хуже, такъ какъ въ сдѣланныхъ имъ сообщеніяхъ истина была если не искажена, то скрыта; я знаю также, что въ этомъ заключается истинный смыслъ дѣла, на которое русскіе смотрятъ какъ на res domestica (домашнее дѣло), въ которое никто не въ правѣ вмѣшиваться, но русскому кабинету не удастся покончить вопросъ, въ коемъ заинтересованы всѣ великія державы, какъ свое домашнее дѣло, только потому, что оно объявило его таковымъ. Я высказалъ это довольно откровенно г. Будбергу; до рѣзкаго объясненія у насъ дѣло не дошло, и я таковаго всячески буду избѣгать.

«Мое положеніе особенно затруднительно потому, что король желаетъ, чтобы державы отнеслись къ этому вопросу съ христіанской точки зрѣнія; это едва-ли возможно, хотя мнѣ придется съ этимъ считаться».

Въ воспоминаніяхъ Герлаха [2]) читаемъ, что король Фридрихъ-Вильгельмъ хотѣлъ провести мысль объ учрежденіи надъ христіанскимъ населеніемъ Турціи протектората пяти великихъ державъ, подобно тому, какъ Россія добивалась его относительно христіанъ православнаго исповѣданія, и былъ готовъ взять на себя роль посредника между державами. Это вполнѣ подтверждается обнародованною нынѣ перепискою государственныхъ дѣятелей Пруссіи [3]).

Съ этимъ предложеніемъ король думалъ обратиться къ Англіи и даже поручилъ своему министру написать прусскому посланнику въ Лондонѣ, чтобы онъ предложилъ великобританскому кабинету поставить религіозный вопросъ подъ защиту великихъ державъ. Король такъ же, какъ и нѣкоторыя близкія къ нему лица, былъ того мнѣнія, что это было бы наилучшимъ исходомъ изъ тогдашняго затруднительнаго положенія и что Россія скорѣе всего могла бы на это согласиться, такъ какъ подобное рѣшеніе вопроса наименѣе затронуло бы ея самолюбіе и ея чувство собственнаго достоинства.

---

[1]) Мантейфель—графу Гацфельту 4-го іюня 1853 г.
[2]) Gerlach Denkwürdigkeiten, ч. II, стр. 43 и 49.
[3]) Preussens auswärtige Politik, и т. д.

«Его величество исходитъ въ своихъ взглядахъ на восточный вопросъ,—писалъ Мантейфель Бунзену [1]),—изъ этой политической аксіомы, что если, въ интересахъ европейскаго равновѣсія и поддержанія мира, Турція сдѣлалась нынѣ болѣе нежели когда-либо европейской необходимостью, сохраненіе которой особенно желательно для Пруссіи, при ея географическомъ положеніи и при невозможности быть непосредственной участницею въ могущемъ быть раздѣлѣ Турціи, то ея дальнѣйшее существованіе возможно лишь при условіи, что всѣ пять великихъ державъ примутъ на счетъ этого совмѣстно и единодушно извѣстныя обязательства.

«Турецкая имперія не есть ни христіанское, ни соціальное государство, поэтому она ни съ той, ни съ другой точки зрѣнія не можетъ имѣть притязаніе на покровительство и участіе христіанскихъ культурныхъ государствъ. Она обязана до нѣкоторой степени своимъ значеніемъ и нѣкоторой тѣнью давно уже утраченной ею жизнеспособности исключительно политикѣ и необходимости сохранить европейское равновѣсіе. Она представляетъ собою въ настоящее время не что иное, какъ искусственный политическій нуль въ крупной математической задачѣ, предстоящей Европѣ, и который, слѣдовательно, можетъ быть поддержанъ только искусственно при помощи всѣхъ пяти великихъ державъ».

Обсудивъ условія, при которыхъ могло бы состояться подобное соглашеніе, Мантейфель говоритъ, что «греческое населеніе, принадлежащее, относительно догматовъ, православной церкви, съ точки зрѣнія политики должно твердо знать и помнить, что оно обязано своей религіозной свободою по отношенію къ Портѣ не только русскому кабинету, но и покровительству и содѣйствію прочихъ державъ. Только этимъ путемъ, будемъ мы въ состояніи,—прибавляетъ онъ,—уравновѣсить неблагопріятное для насъ численное превосходство православнаго населенія Турціи».

«Если мы придемъ по этому поводу къ соглашенію съ Англіей,—говорилъ принцъ прусскій [2]),—то остальныя державы присоединятся къ намъ. Только это предложеніе должно быть сдѣлано не Франціей и Англіей, а Пруссіей и Англіей».

Но Англія отвѣчала на предложеніе Пруссіи отказомъ, ссылаясь на то, что императоръ Николай не потерпѣлъ бы посторонняго вмѣшательства.

Между тѣмъ сближеніе Франціи съ Англіей, становившееся неизбѣжнымъ, крайне занимало и тревожило умы прусскихъ государственныхъ дѣятелей.

---

[1]) Мантейфель—Бунзену 11-го іюня 1853 г.

[2]) Записка принца—Мантейфелю 3-го іюня 1853 г.

«Не вдаваясь въ безполезную и не особенно лестную критику дѣйствій петербургскаго кабинета,—читаемъ въ одномъ изъ писемъ Мантейфеля къ гр. Мюнстеру [1]),—я замѣчу одно, что нахожу весьма прискорбнымъ, что Англія и Франція, коихъ съ такимъ трудомъ удалось разъединить, поневолѣ будутъ вынуждены броситься другъ другу въ объятія».

Таковы были мысли и опасенія, высказываемыя прусскими дипломатами? Что же происходило въ это время въ Парижѣ и Лондонѣ?

Въ Англіи общественное мнѣніе было чрезвычайно возбуждено противъ Россіи. Къ тревогѣ по поводу угрожавшей войны присоединилось сознаніе, что Англія была обманута. Газеты внезапно перемѣнили тонъ и обрушились на Россію, не находя словъ, чтобы осудить требованія князя Меншикова [2]).

Англійское правительство со своей стороны негодовало по поводу того, что разъясненія, данныя ему Петербургскимъ кабинетомъ, находились въ полномъ противорѣчіи съ истиннымъ ходомъ событій, и лордъ Кларендонъ, получивъ въ исходѣ мая извѣстія изъ Константинополя, послалъ англійскому посланнику въ Петербургѣ очень язвительную депешу и поручилъ ему высказать графу Нессельроде, что происходящее въ Константинополѣ противорѣчитъ увѣреніямъ, даннымъ его правительству, и что англійскій кабинетъ, «не допуская мысли, что Россія не сдержала своихъ обѣщаній [3]), полагаетъ, что князь Меншиковъ превысилъ данныя ему полномочія» [4]).

То же самое думали въ то время и во Франціи, и, полагая, что дѣло не дойдетъ до разрыва, объясняли все случившееся однимъ недоразумѣніемъ.

«По извѣстіямъ, получаемымъ изъ Петербурга,—писалъ изъ Парижа прусскій посланникъ министру Мантейфелю [5]),—ваше превосходительство можете составить себѣ понятіе о томъ, думаетъ ли Россія поддержать требованія князя Меншикова силою оружія. Я этого не думаю, хотя Киселевъ говоритъ въ воинственномъ тонѣ. Даже въ томъ случаѣ, если бы Меншиковъ дѣйствовалъ согласно даннымъ ему инструкціямъ, я не думаю, что Россія доведетъ дѣло до войны, увидавъ, что Англія и Франція совмѣстно придутъ на помощь Турціи. Между тѣмъ, заявленія, сдѣланныя англійскимъ министромъ, связываютъ уже, по моему мнѣнію, Англію, и не подлежитъ сомнѣнію, что Франція поступитъ въ этомъ случаѣ точно такъ же, какъ Англія. Но англійскій кабинетъ не хочетъ въ

[1]) Мантейфель—гр. Мюнстеру 2-го іюня 1853 г.
[2]) „Times“, 22-го мая 1853 г.
[3]) Не посягать на права султана.
[4]) Гацфельдъ—Мантейфелю 19-го мая 1853 г.
[5]) Гацфельдъ—Мантейфелю 29-го и 30-го мая 1853 г.

настоящую минуту сдѣлать шага, который стѣснилъ бы Россію и помѣшалъ бы ей выразить свое неодобреніе Меншикову; поэтому онъ избѣгаетъ всего, что могло бы дать понять, будто западныя державы угрожаютъ Россіи. Но мнѣ кажется, что послѣднія достаточно высказались и поэтому не могутъ остаться равнодушны, ежели Россія будетъ окончательно угрожать Турціи войною.

«Здѣсь (въ Парижѣ), полагаютъ, что султанъ могъ бы подтвердить фирманомъ гарантіи, по поводу которыхъ Меншиковъ требуетъ заключенія договора. Друэнъ де-Люисъ допускаетъ даже заключеніе договора между Россіей и Турціей, лишь бы имъ не затрогивались права подданныхъ султана.

«Онъ сказалъ мнѣ, что если Россія вздумаетъ принудить Турцію исполнить требованія Меншикова, то Франція воспротивится этому такъ же энергично, какъ всѣ прочія державы. Онъ далъ мнѣ понять, какъ будто, въ случаѣ войны, онъ разсчитываетъ на Англію навѣрное. На мой вопросъ, объявитъ ли Франція войну одна, онъ ничего не отвѣчалъ».

А наканунѣ, Гацфельдтъ писалъ Мантейфелю, что «Англія сближается съ французскимъ правительствомъ, повидимому, весьма неохотно, но что сближеніе ихъ тѣмъ не менѣе состоится, такъ какъ Константинопольскія событія вынуждаютъ къ тому англійскій кабинетъ».

Вопросъ, будетъ ли Англія дѣйствовать совмѣстно съ Франціей, былъ самымъ животрепещущимъ въ Парижѣ. Неподвижность англійскаго флота въ то время, какъ французская эскадра уже отплыла изъ Тулона, наводила на размышленія, тѣмъ болѣе, что лордъ Эбердинъ, первый министръ, былъ въ принципѣ противъ войны съ императоромъ Николаемъ. Хотя Франція вполнѣ разсчитывала на сочувствіе Австріи и Пруссіи[1]), но начать войну съ Россіей, безъ поддержки Англіи, было для нея дѣломъ весьма рискованнымъ. Къ счастью для Франціи, помимо возмущеннаго общественнаго мнѣнія въ Англіи, въ Константинополѣ находился Каннингъ, который, ненавидя Россію, бросилъ Англію въ объятія Франціи, такъ что французскій посланникъ въ Лондонѣ, графъ Валевскій, могъ писать Тувенелю уже 28-го мая 1853 года:

«Все идетъ, повидимому, хорошо. Я надѣюсь, что мы вступимъ въ новый фазисъ, который долженъ наступить въ Восточномъ вопросѣ,

[1]) „Хотя Друэнъ ничего не говорилъ мнѣ, — писалъ графъ Гацфельдъ Мантейфелю 3-го іюня 1853 г., — но я знаю навѣрно, что французскій посланникъ сообщилъ ему вчера, вѣроятно, шифрованной депешей, что баронъ Мантефейль сказалъ ему, что на него можно положиться; это означаетъ, что берлинскій кабинетъ въ Восточномъ вопросѣ совершенно единомысленъ съ французскимъ и англійскимъ кабинетами. Французскій кабинетъ полагаетъ, что въ Восточномъ вопросѣ между нимъ и прусскимъ кабинетомъ существуетъ наибольшее согласіе“.

въ полномъ единогласіи съ Англіей и пойдемъ съ нею рука объ руку. Въ совѣтѣ обсуждается вопросъ о посылкѣ флота; конечно, начнутся проволочки, и онъ будетъ рѣшенъ не сразу, но будьте увѣрены, что дѣло не затянется. Депеши, отъ 19-го числа, полученныя англійскимъ кабинетомъ изъ Петербурга, которыя я читалъ сегодня утромъ, заставляютъ предполагать, что тамъ на миссію князя Меншикова взглянули не въ ея истинномъ свѣтѣ. Повидимому, англійскій и французскій посланники въ Петербургѣ и самъ Нессельроде считаютъ договоръ, предложенный Турціи Меншиковымъ, дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Это доказываетъ еще разъ, что въ нашей карьерѣ нѣтъ ничего труднѣе, какъ не поддаться окружающимъ впечатлѣніямъ, и что всѣ старанія дипломата должны клониться къ тому, чтобы смотрѣть на вещи издали, не поддаваясь оптическому обману, который создаетъ передъ глазами миражъ».

Въ письмѣ Тувенеля къ Кастельбажаку, отъ 1-го іюня 1853 г., виденъ отголосокъ тѣхъ опасеній, касательно возможнаго одиночества Франціи съ Россіей, которыя волновали дипломатовъ въ Парижѣ.

«Министръ (Друэнъ де-Люисъ) поручилъ мнѣ сказать вамъ,—писалъ Тувенель,—что онъ разрѣшаетъ прочитать нашу депешу г. Нессельроде и самому императору Николаю, но онъ требуетъ, чтобы вы не выпускали ее изъ своихъ рукъ и чтобы съ нея не было снято копіи. Эта депеша служитъ слабымъ выраженіемъ нашихъ чувствъ; съ другой стороны, наша уступчивость въ дѣлѣ о Святыхъ мѣстахъ доведена до того, что это можетъ возстановить противъ насъ всѣхъ нашихъ католиковъ».

Такимъ образомъ, ни одна изъ великихъ державъ не желала войны, напротивъ всѣ онѣ старались уладить дѣло и до послѣдней минуты надѣялись, что это имъ удастся. Когда англійскій кабинетъ, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія и настойчивыхъ требованій Франціи, хотѣлъ, чтобы англійскій флотъ въ первыхъ числахъ іюня присоединился къ французской эскадрѣ, то лордъ Эбердинъ употребилъ все свое вліяніе, чтобы замедлить посылку судовъ. Но Россія продолжала настаивать на своихъ требованіяхъ; ея представители, Киселевъ въ Парижѣ, Брунновъ въ Англіи и Будбергъ въ Берлинѣ высказывали громко, что императоръ не уступитъ. Выслушавъ однажды подобное заявленіе Будберга, сказанное довольно рѣшительнымъ тономъ, прусскій министръ Мантейфель сказалъ ему откровенно:

— Я не министръ вашего монарха и имѣю право сказать, что если онъ не выразитъ своего неодобренія князю Меншикову, то всѣ возстанутъ противъ него [1]).

---

[1]) Тувенель—Кастельбажаку 1-го іюня 1853 г.

Сопоставляя вышеприведенные факты и заявленія дипломатовъ, заимствованные изъ ихъ частной, не оффиціальной и, слѣдовательно, болѣе откровенной переписки, невольно приходится признать, что война 1854 г. была личнымъ дѣломъ императора Николая и что графу Нессельроде пришлось только облечь воинственныя стремленія своего монарха въ полудипломатическую форму. Личная политика государя, отличная въ вопросѣ о Святыхъ мѣстахъ отъ политики его канцлера, продиктовала инструкцію князю Меншикову, обдумала и пустила въ ходъ рядъ угрожающихъ мѣръ. Вступивъ на этотъ роковой путь, императоръ уже не могъ остановиться. Насталъ часъ, когда воля монарха нарушила всѣ разсчеты благоразумія.

Невольно рождается вопросъ, какія побужденія руководили при этомъ императоромъ, такъ ли онъ желалъ войны, какъ это могло казаться, и желалъ ли онъ ея вообще?

Графъ Генкель, повѣренный въ дѣлахъ Пруссіи въ Петербургѣ, въ частномъ письмѣ къ Мантейфелю, отъ 4-го іюня 1853 г., изображалъ положеніе Восточнаго вопроса въ крайне безотрадныхъ краскахъ:

«Надобно, наконецъ, признаться, что русскій кабинетъ умышленно скрываетъ истину,—писалъ онъ,—по всей вѣроятности, съ цѣлью рѣшить дѣло съ Турціей en bloc и затѣмъ уже заявить о fait accompli (о совершившемся фактѣ). Это не удалось, и если Россіи въ концѣ концовъ все-таки удастся настоять на своихъ требованіяхъ, то она потерпитъ нравственно бо́льшее пораженіе, нежели ей принесетъ эта побѣда, одержанная на берегахъ Босфора. Ореолъ рыцарскаго третейскаго судьи Европы, окружавшій императора Николая съ 1848 г., можетъ сильно затмиться. Весьма странно, что императоръ полагаетъ, что онъ не требуетъ ничего новаго, что онъ вполнѣ правъ, что онъ обязанъ охранять свое право и что это высшее право de bonne foi (на самомъ дѣлѣ) существуетъ, а не есть что-либо кажущееся. Я не берусь этого объяснить, такъ какъ это входитъ уже въ область психологіи. Я до сихъ поръ убѣжденъ, что извѣстныя вооруженія дѣлаются не серьезно, а лишь съ цѣлью внушить туркамъ страхъ, что его величество до послѣдняго времени не думалъ о возможности войны и что эта война для него въ высшей степени непріятна. Но императоръ уже не можетъ отступить и не отступитъ; никакія представленія, сдѣланныя въ этомъ смыслѣ, ни къ чему не поведутъ. Тутъ задѣта греческая церковь, а за нее всякій бѣдняга въ Россіи готовъ отдать своего излюбленнаго сына и свой послѣдній грошъ. Только-что получена по телеграфу депеша, извѣщающая о томъ, что лордъ Кларендонъ заявилъ, что Англія готова поддержать совмѣстно съ Франціей верховную власть султана и независимость Турціи. Читая эту депешу, императоръ сказалъ: «въ та-

комъ случаѣ мы всѣ одного мнѣнія»[1]), все дѣло портитъ только вѣчное недовѣріе, которое питаютъ къ Россіи.

«Можно быть увѣреннымъ, что пока императоръ Николай живъ, въ положеніи Турціи по отношенію къ Россіи не произойдетъ никакой перемѣны, но если бы Порта приняла ноту (князя Меншикова), то для какого-нибудь честолюбиваго императора Россіи это былъ бы во всякомъ случаѣ весьма лакомый кусочекъ».

Нѣсколько дней спустя (8-го іюня), прусскій военный агентъ графъ Мюстеръ писалъ Мантейфелю, въ отвѣтъ на его письмо, отъ 2-го іюня[2]):

«Если донесенія графа Генкеля были писаны, какъ ваше превосходительство выражаетесь, постоянно въ слишкомъ радужномъ свѣтѣ, то онъ раздѣлялъ этотъ взглядъ не только съ сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ и мною, но и со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ. Да и сами русскіе дотого поражены оборотомъ, который приняло дѣло, что они все еще не могутъ установить на него правильный взглядъ.

«Россія ясно доказала не только Адріанопольскимъ миромъ, но и въ то время, когда Мехметъ-Али (Египетскій) притѣснялъ султана и въ разныхъ другихъ случаяхъ, что она не помышляетъ о завоеваніяхъ въ ущербъ Портѣ. Такова русская политика и до нынѣ, и таковъ взглядъ императора и такихъ людей, какъ графъ Нессельроде, графъ Орловъ, князь Паскевичъ, Мейендорфъ, генералы Бергъ и Ливенъ, словомъ, всѣхъ сколько-нибудь вліятельныхъ лицъ. Причины къ тому очень ясны и понятны и заключаются приблизительно въ слѣдующемъ:

«Хотя прочія великія державы не могли бы помѣшать завоеванію Турціи, но онѣ могли бы оспаривать обладаніе ею. Въ случаѣ завоеванія, Константинополь былъ бы всегда камнемъ преткновенія. Обладаніе Константинополемъ безъ одновременнаго обладанія побережьемъ Малой Азіи было бы до такой степени ненадежно и необезпечено, что русскій кабинетъ считаетъ его немыслимымъ; слѣдовательно, для того, чтобы упрочить обладаніе Европейской Турціей, было бы необходимо владѣть еще нѣкоторой частью Малой Азіи, до Смирны или хотя бы до Бруссы и, само собою разумѣется, всѣмъ побережьемъ Чернаго моря. Независимо отъ протеста со стороны прочихъ великихъ державъ и отъ прискорбныхъ послѣдствій, какія могли бы произойти отъ этого и для Россіи, такъ какъ, въ случаѣ европейской войны, никогда нельзя знать, чѣмъ она окончится,—всѣ благомыслящіе русскіе не сочувствуютъ идеѣ о расширеніи Россіи хотя бы до Константинополя. Это

---

[1]) Эти слова приводятся также Герлахомъ въ его „Denkwürdigkeiten“, т. II, стр. 48.

[2]) См. выше.

расширеніе могло бы быть въ ущербъ централизаціи ея управленія въ Петербургѣ; весь югъ, начиная приблизительно съ Кіева, пріобрѣлъ бы вскорѣ слишкомъ большое протяженіе на востокъ и, такимъ образомъ, быть можетъ, уже при ближайшемъ поколѣніи было бы подготовлено разъединеніе Россіи на сѣверную и южную половину. Къ тому же императоръ и его совѣтники слишкомъ стары, чтобы у нихъ хватило охоты и энергіи приступить къ выполненію такой исполинской задачи; они занимались всю жизнь съ любовью вопросами Запада и принимали въ нихъ непосредственное участіе; вопросы же, касавшіеся Востока, были всегда въ тягость императору и его канцлеру. Къ нимъ приступали всегда неохотно, откладывали ихъ быть можетъ слишкомъ въ долгій ящикъ. Такъ неужели же они займутся теперь имъ исключительно? Этого нельзя допустить; ихъ могла бы побудить къ этому только крайняя необходимость, и, что бы ни говорили Каннингъ и Вильденбрухъ, война съ Турціей была бы весьма непріятна императору и его совѣтникамъ, такъ какъ они бы не знали, что̀ дѣлать съ возможной добычей. Мысль основать въ Константинополѣ новое христіанское государство не приходитъ на умъ русскому кабинету, такъ какъ вмѣсто умирающаго онъ могъ бы встрѣтить тамъ опаснаго сосѣда.

«Но прежде всего императоръ не желаетъ вообще никакой войны, и, кажется, я могу смѣло утверждать, что она не была бы ни одному монарху столь непріятна, какъ императору, за исключеніемъ, быть можетъ, Англіи. Почему? Потому, что финансы (Россіи) находятся въ печальномъ состояніи, и отчетъ сводится каждый годъ съ значительнымъ дефицитомъ; потому что война могла бы существенно измѣнить положеніе, занимаемое въ настоящее время Россіей въ Европѣ, и что положеніе это, когда Россія держитъ надъ Европой Дамокловъ мечъ, весьма выгодно и удобно, потому что русскіе неувѣрены въ томъ, что ихъ армія и флотъ не понесутъ тяжкихъ пораженій и потому что, если бы была сокрушена непобѣдимость Россіи, въ которую всѣ вѣрятъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ погибло бы и завоеванное петербургскимъ кабинетомъ положеніе судьи и управителя Европы. Наконецъ, европейская война могла бы завлечь русское войско въ конституціонныя державы Запада, что̀ для Россіи крайне не желательно, тѣмъ болѣе, что ея войско, побывавъ въ Венгріи, возвратилось оттуда съ такой антипатіей къ Австріи, что только очевидная любовь государя къ императору Францу-Іосифу и его арміи можетъ если не побороть это сочувствіе, то хотя бы заставить его только смолкнуть.

«Если Англіи удастся вовлечь Турцію въ войну обѣщаніемъ ей матеріальной поддержки, то еще неизвѣстно, одержитъ ли у императора верхъ умѣренность надъ жаждою славы и желаніемъ обладать Стамбуломъ. Я все еще въ этомъ сомнѣваюсь, хотя графъ Орловъ и сказалъ

мнѣ на-дняхъ: «Ce gâteau, une fois entamé alors il ne s'agira plus de partage, aussi sanglantes que les suites pourraient être» [1]).

«Сдѣлавъ это вступленіе, я коснусь болѣе подробно современнаго положенія вещей. Если бы (государь) захотѣлъ вновь затронуть восточный вопросъ, то подходящій для этого моментъ былъ въ прошломъ году въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда я находился съ императоромъ въ Крыму во время его поѣздки по Черному морю.

«Его сопровождалъ князь Меншиковъ, а Лавалеттъ былъ въ это время въ Константинополѣ побѣдителемъ или около того. Русскій посланникъ жилъ въ Неаполѣ, но во все путешествіе на югѣ ни о Константинополѣ, ни о томъ, что тамъ происходило, не было даже и рѣчи.

«Когда возникло осложненіе въ Черногоріи, туда былъ посланъ агентъ и черногорцамъ велѣно было уступить и не нарушать мира. Энергическій образъ дѣйствій Австріи, вступленіе ея войскъ въ Боснію, посылка графа Лейнингена и достигнутый имъ быстрый успѣхъ произвели здѣсь вначалѣ сильное впечатлѣніе. Тогда какъ въ иное время черногорцевъ дали бы преспокойно изрубить, тутъ сочли неудобнымъ отставать отъ Австріи, присоединились къ ея образу мыслей и хотѣли послать когонибудь въ Константинополь. Но подагра, которой страдаетъ князь Меншиковъ, воспрепятствовала этому и заставила отложить это намѣреніе на нѣсколько недѣль. Что же касается выбора умнаго, быть можетъ, черезъ-чуръ язвительнаго и насмѣшливаго и отнюдь не добросердечнаго посла, то этотъ выборъ былъ сдѣланъ самимъ императоромъ, хотя графъ Нессельроде, графъ Орловъ, Мейендорфъ и другіе были рѣшительно противъ посылки его, но они не имѣли мужества высказать это откровенно и рѣшительно. Быть можетъ, канцлеръ думалъ, что нѣтъ надобности этому препятствовать, ибо если миссія Меншикова увѣнчалась ны успѣхомъ, то это было бы прекрасно, а если нѣтъ, то онъ и самъ могъ бы поправить дѣло. Таково было здѣсь мнѣніе весьма многихъ, и этимъ объясняется растерянность и безпомощность канцлера, выражающіяся въ выжиданіи и лавированіи, и упорство императора, которое особенно замѣтно. Безъ сомнѣнія, канцлеръ слишкомъ предоставилъ все волѣ Божіей, а императоръ не взвѣсилъ всей важности этого дѣла въ самомъ началѣ; здѣсь хотѣли сразу покончить всѣ старые счеты и сорвать давно накипѣвшій гнѣвъ и, если возможно, дѣйствовать съ такою же энергію, какъ Австрія, и одержать такой же успѣхъ.

«Другой, весьма важный вопросъ заключается въ томъ, какого рода инструкціи были даны Меншикову, согласовались ли онѣ съ тѣми за-

[1]) Если этотъ пирогъ будетъ начатъ, то уже не будетъ болѣе рѣчи о раздѣлѣ, какъ бы кровавы ни были послѣдствія этого.

явленіями, какія были сдѣланы одновременно великимъ державамъ, или же имъ не все было сказано? Обозначились ли заявленныя нынѣ требованія въ ихъ полномъ объемѣ только во время переговоровъ, формулировалъ ли ихъ князь Меншиковъ по своему собственному усмотрѣнію, было ли одобрено все сдѣланное имъ, или же здѣшній кабинетъ принимаетъ дѣло такъ, какъ оно есть, только для того, чтобы не выразить князю неодобренія? На эти вопросы я не могу, при всемъ моемъ желаніи, отвѣтить удовлетворительно, ибо со стороны всѣхъ лицъ, къ коимъ я давно уже обращался съ этими вопросами, я встрѣчалъ либо полное невѣдѣніе, либо гробовое молчаніе; какъ императоръ, такъ и всѣ свѣдущія лица упорно твердятъ: «Вѣдь мы не требуемъ ничего новаго, мы требуемъ только возобновленія прежнихъ договоровъ и гарантій относительно исполненія этихъ договоровъ, чего мы до сихъ поръ не видѣли».

«Но при всемъ томъ, мнѣ не доводилось слышать никакихъ положительныхъ жалобъ, и если, какъ утверждаютъ, во 2-й статьѣ предпослѣдней и послѣдней ноты князя Меншикова не заключается никакихъ новыхъ требованій, въ такомъ случаѣ я не понимаю по крайней мѣрѣ 7-й и 14-й статей Кайнарджійскаго договора, на которыя здѣсь ссылаются. Несомнѣнно, что очень ясно намекается на протекторатъ надъ православными христіанами, хотя точно этого и не говорится; этотъ именно пунктъ и вынудилъ англійскаго посланника дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствовалъ. Но хотя бы въ измѣненныхъ требованіяхъ князя Меншикова права императора Николая были только въ принципѣ сопоставлены съ правами императора Франца-Іосифа, коему предоставлено, по Карловицкому мирному договору, право вступаться чрезъ своего посланника за христіанъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, и съ правами Франціи, имѣющей право протектората надъ духовными общинами и монастырями въ Палестинѣ и Сиріи,—во всякомъ случаѣ это уже новость, и тѣмъ болѣе важная, что въ Турціи проживаетъ приблизительно столько же тысячъ католиковъ, сколько милліоновъ грековъ. Изъ этого видно, какъ легко перенести политическій вопросъ на религіозную почву, и ясно, что хотя никто не желаетъ выразить недовѣрія императору Николаю лично, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя забывать, что ему 57 лѣтъ, а канцлеру свыше 70, и никто не знаетъ и не можетъ знать, каковы будутъ взгляды будущаго поколѣнія. Словомъ, можно опасаться, что явится случай, когда въ силу этого протектората (Россіи) надъ десятью милліонами грековъ власть султана въ его владѣніяхъ будетъ значительно умалена Россіей.

«Императоръ, по своимъ личнымъ качествамъ и канцлеръ по своей опытности и всѣмъ извѣстнымъ его взглядамъ, не могли, съ умысломъ, дѣйствовать въ этомъ случаѣ неискренно. Они были вовлечены въ это

стеченіемъ обстоятельствъ; императоръ, по моему мнѣнію, до сихъ поръ не даетъ себѣ вполнѣ яснаго отчета въ томъ, какъ велико можетъ быть значеніе требованій, предъявленныхъ Меншиковымъ; я могъ убѣдиться въ этомъ во время моего послѣдняго разговора съ сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ, по нѣкоторымъ вырвавшимся у него фразамъ, хотя онъ избѣгалъ высказывать что-либо опредѣленное.

«Послѣ отъѣзда князя Меншикова въ Одессу, канцлеръ писалъ Решиду-пашѣ, чтобы онъ убѣдилъ султана уступить, ибо иначе Россія будетъ вынуждена занять Придунайскія княжества, non pour faire la guerre à la sublime Porte; mais pour acquérire des garanties pour les traités antérieurs! [1]).

«Императоръ, со своей стороны, упорно настаиваетъ на требованіяхъ князя Меншикова и если они не будутъ приняты, то онъ навѣрно прикажетъ войскамъ вступить въ Молдавію. Поведетъ ли это къ войнѣ, это будетъ зависѣть всецѣло отъ того, какъ отнесется къ этому Англія и предложитъ ли она Турціи матеріальную помощь.

«Если пройдетъ нѣкоторое время, то императоръ смягчится и станетъ сговорчивѣе въ дальнѣйшихъ переговорахъ, такъ какъ, по его словамъ, онъ не хочетъ ни войны, ни завоеваній и не заблуждается на счетъ того, что война съ Турціей поведетъ къ общеевропейскому столкновенію.

«Даже сэръ Гамильтонъ Сеймуръ находитъ, что его константинопольскій коллега зашелъ слишкомъ далеко, хотя и онъ раздѣляетъ мое мнѣніе, что русскій кабинетъ дѣйствовалъ въ этомъ вопросѣ не вполнѣ искренно и что кромѣ того русскія требованія заключаютъ, во всякомъ случаѣ, много новаго; но я убѣжденъ, что Россія не стремится въ сущности къ завоеваніямъ. За то Каннинга издавна преслѣдуетъ мысль, что Россія только выжидаетъ благопріятный моментъ, чтобы проглотить Европейскую Турцію; ни Адріанопольскій миръ, ни позднѣйшія событія не разубѣдили его въ этомъ.

«Генералы Бергъ и Ливенъ, близко знавшіе его въ Константинополѣ, говорятъ о немъ, какъ о человѣкѣ умномъ, властномъ и всецѣло поглощенномъ этой навязчивой идеей. Поведеніе князя Меншикова по отношенію къ нему еще болѣе раздражило его, и сэръ Гамильтонъ Сеймуръ отозвался о немъ въ разговорѣ со мною, какъ о «fort mauvais coucheur» [2]).

Онъ не обсудилъ достаточно хладнокровно своихъ поступковъ и не зависимо отъ того, справедливы или не справедливы были русскія тре-

---

[1]) Не для того чтобы объявить войну Блистательной Портѣ, но для того, чтобы пріобрѣсти гарантіи касательно соблюденія бывшихъ трактатовъ.

[2]) Неуживчивомъ, сварливомъ человѣкѣ.

бованія и хотя Порта убѣдительно просила его не противиться ея одобренію, онъ настаивалъ на своемъ и могъ этимъ достигнуть какъ разъ обратнаго того, чего хотѣлъ, т. е. неприкосновенности Турціи и власти султана въ его владѣніяхъ; ибо если дѣло дойдетъ до войны, то наибольшая опасность будетъ угрожать именно тому, что онъ особенно старался охранить, если же Турція уступитъ, все останется по-старому и придется пожертвовать только формою. Я не отрицаю того, что Россіи точно также не слѣдовало гоняться за этой формой и вносить пламя пожара въ воспламененную безъ того Европу. Съ другой стороны, Каннингъ еще болѣе Россіи заставляетъ свою страну броситься въ объятія Франціи и заключить съ нею союзъ; здѣшніе англичане ставятъ ему это главнымъ образомъ въ укоръ. Пруссія и Австрія могли бы, съ своей стороны, сдѣлать упрекъ русскому и англійскому кабинетамъ въ томъ, что никто, какъ они сами, вызвали насильственно англо-французскій союзъ.

«Что касается собственно Австріи, то императоръ сказалъ мнѣ, приблизительно съ недѣлю тому назадъ, что графъ Буоль сообщилъ по порученію императора Франца-Іосифа, что хотя онъ весьма дорожитъ сохраненіемъ мира, но онъ вполнѣ понимаетъ поведеніе Россіи въ этомъ вопросѣ и во всякомъ случаѣ готовъ поддержать ее.

«Нѣсколько дней тому назадъ императоръ получилъ собственноручное письмо отъ императора Франца-Іосифа и сказалъ мнѣ: «Я получилъ очень любезное письмо отъ императора, онъ пишетъ мнѣ, что его взглядъ на дѣло вполнѣ согласуется съ нашимъ!»

«Какъ бы то ни было,—заканчиваетъ свое письмо гр. Мюнстеръ,—Россія требуетъ чего-то новаго или нѣчто болѣе того, на что она имѣетъ право въ силу договоровъ, и она предъявила эти требованія уже послѣ того, какъ вопросъ о Святыхъ мѣстахъ былъ покончен; сдѣланное ею заявленіе, будто оба эти требованія равнозначущи, не выдерживаетъ критики; также точно несправедливо, будто она съ самаго начала требовала одного и того же; кромѣ того это дѣло не есть ея домашнее дѣло, и русскій кабинетъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по отношенію къ прочимъ великимъ державамъ не вполнѣ откровенно и искренно; онъ не желаетъ ни войны, ни пріобрѣтеній, но онъ зашелъ сверхъ ожиданія такъ далеко, что дѣло легко можетъ кончиться тѣмъ и другимъ».

Между тѣмъ 30-го мая н. ст. графъ Нессельроде разослалъ представителямъ Россіи за границею первую циркулярную, необычайно пространную, ноту, которая произвела огромное впечатлѣніе. Сдѣлавъ краткій обзоръ переговорамъ, предшествовавшимъ миссіи князя Меншикова, канцлеръ пытался доказать долготерпѣніе и великодушіе своего монарха. Этотъ документъ былъ произведеніемъ Лабенскаго, ревностнаго сына православной церкви, на котораго возлагалась обыкновенно

*

въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ редакція документовъ, касавшихся вопроса о Святыхъ мѣстахъ.

На слѣдующій день, Нессельроде обратился непосредственно къ Решиду-пашѣ съ предложеніемъ подписать ноту, переданную ему передъ отъѣздомъ русскимъ уполномоченнымъ, предоставивъ ему 8-ми дневный срокъ, для того чтобы препроводить ее со своей подписью князю Меншикову въ Одессу и угрожая, въ противномъ случаѣ, тѣмъ, что русскія войска переступятъ границу Турецкой имперіи.

8-го іюня Балабину было поручено настаивать у Блистательной Порты на исполненіи требованій князя Меншикова, повторенныхъ въ нотѣ канцлера. А съ 17-го іюня, когда стало извѣстно, что султанъ не счелъ возможнымъ измѣнить своихъ намѣреній, Балабинъ въ свою очередь уѣхалъ изъ Константинополя со всѣмъ личнымъ составомъ русской миссіи.

Въ отвѣтъ на эти шаги англійское и французское правительства рѣшили произвести совмѣстно морскую демонстрацію; англійскому адмиралу Дундасу, находившемуся въ Мальтѣ, было послано приказаніе войти въ Дарданеллы и стать на якорѣ въ Безикской бухтѣ. Таковое же приказаніе получила одновременно и французская эскадра, находившаяся въ Саламинской бухтѣ.

Принявъ это важное рѣшеніе, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ постарался насколько возможно умалить его значеніе.

«Мы не хотимъ,—говорилъ онъ,—поощрить этимъ Турцію отвѣчать отказомъ на требованія Россіи, но хотимъ только защитить ее отъ неминуемой опасности» [1]).

«Намъ даетъ на это право договоръ 1841 г.—прибавлялъ онъ;—мы будемъ строго соблюдать его до тѣхъ поръ, пока какой-либо наступательный шагъ не дастъ Турціи право законной защиты» [2]).

Настойчивость Россіи и еще болѣе властный тонъ, коимъ русское правительство предъявляло свои требованія, возбудилъ въ Европѣ негодованіе. Всѣ поступки князя Меншикова были одобрены самымъ торжественнымъ образомъ въ русской нотѣ. Король Фридрихъ-Вильгельмъ, лордъ Эбердинъ, Меттернихъ, всѣ друзья Россіи, всѣ тѣ, кои были готовы вѣрить, что произошло какое-то недоразумѣніе, или кои ожидали, что императоръ не одобритъ дѣйствій своего посла, были поражены.

«Главное несчастье въ томъ,—писалъ съ грустью Сеймуръ,—что русскіе считаютъ себя умѣренными въ своихъ требованіяхъ» [3]).

---

[1]) Депеша Друэнъ-де-Люиса—графу Валевскому въ Лондонъ отъ 31-го мая 1853 г.

[2]) То же, письмо отъ 5-го іюня 1853 г.

[3]) Сеймуръ—Кларендону 24-го іюня 1853 г.

Когда въ Петербургѣ было получено извѣстіе объ окончательномъ отказѣ Порты на требованія Россіи (при чемъ султанъ обѣщалъ вновь подтвердить всѣ привилегіи своихъ греческихъ подданныхъ), то Нессельроде заявилъ членамъ дипломатическаго корпуса о неизбѣжномъ вступленіи русскихъ войскъ въ Придунайскія княжества. Стараясь всячески оправдать политику своего монарха, онъ настаивалъ на томъ, что эта мѣра отнюдь не имѣла наступательнаго характера.

— Мы не начинаемъ войны,—говорилъ онъ,—мы хотимъ только имѣть матеріальную гарантію.

— Положимъ,—отвѣчалъ ему Сеймуръ,—но какъ согласовать дѣйствія со словами, какъ согласовать увѣренія съ фактами [1]).

26-го іюня появился наконецъ манифестъ, коимъ императоръ Николай возвѣстилъ своимъ подданнымъ, что, основываясь на славномъ Кучукъ-Кайнарджійскомъ договорѣ, онъ требуетъ отъ Блистательной Порты строгаго соблюденія привилегій православной церкви.

2-го іюля нашимъ преставителямъ за границею былъ разосланъ второй циркуляръ, возвѣстившій, что въ виду упорства Турціи и посылки англійскаго и французскаго флота въ турецкія воды войскамъ, расположеннымъ въ Бессарабіи, повелѣно перейти границу и занять Княжества для того, чтобы имѣть матеріальную гарантію въ виду англо-французскаго союза.

Узнавъ о переходѣ русскихъ войскъ черезъ Прутъ, Оттоманское правительство обратилось къ европейскимъ державамъ съ протестомъ, въ которомъ, изложивъ пространно весь ходъ предшествовавшихъ переговоровъ и всѣ уступки, сдѣланныя имъ Россіи, оно еще разъ подтверждало свое желаніе окончить дѣло мирнымъ путемъ.

Въ этотъ критическій моментъ на сцену выступила новая держава—Австрія.

В. В. Тимощукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Тамъ же.

Отказъ императора Александра произвести въ коллежскіе ассесоры безъ экзамена.

Въ 1807 году, за долго еще до указа объ экзаменахъ чиновниковъ, оберъ-директоръ С.-Петербургскаго коммерческаго училища ходатайствовалъ предъ императрицею Маріею Ѳеодоровною о награжденіи эконома училища тит. сов. Олофсона слѣдующимъ чиномъ. На запискѣ директора, доложенной государынѣ 27-го октября, ея величество соизволила начертать: «О награжденіи Олофсона чиномъ представить можно, если онъ утвержденъ въ дворянскомъ достоинствѣ».

Такъ какъ Олофсонъ утвержденъ въ дворянствѣ въ то время не былъ, то представленіе, конечно, замедлилось, а событія шли своимъ чередомъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ измѣнились условія производства въ чинъ коллежскаго ассесора.

Въ 1810 г. статсъ-секретарь Вилламовъ сообщилъ министру юстиціи высочайшую волю государыни объ исходатайствованіи у императора о награжденіи Олофсона чиномъ коллежскаго ассесора, «во уваженіе того, что сей чинъ обѣщанъ ему государынею императрицею за ревностные и отличные труды до состоянія еще объ экзаменахъ указа, но отложена эта милость до утвержденія Олофсона въ дворянскомъ достоинствѣ».

27-го іюня 1810 г. Григорій Ивановичъ Вилламовъ получилъ отъ министра юстиціи отвѣтъ, «что его императорское величество высочайше отозваться соизволилъ, что, при всемъ удовольствіи его угождать родительской волѣ ея величества, не можетъ онъ въ семъ случаѣ оную исполнить по той единственно причинѣ, что таковое исполненіе было бы нарушеніемъ изданнаго имъ самимъ единожды навсегда о производствѣ въ чины узаконенія; ежели же благоугодно ея императорскому величеству удостоить Олофсона къ другому какому-либо за усердную его службу награжденію, то его величество поставитъ себѣ пріятнѣйшимъ долгомъ исполнить ея волю».

Сообщилъ **Н. Мурзановъ.**

Фотій и графиня А. Орлова-Чесменская.

(По подлиннымъ неизданнымъ письмамъ) [1]).

XIV.

Не говоря уже о враждѣ съ отдѣльными личностями, Фотій враждовалъ и съ цѣлыми обществами, напр., съ крестьянами Юрьевской слободки. Эта вражда стоила Фотію большихъ хлопотъ и великихъ непріятностей. Здѣсь были замѣшаны и мѣстныя власти, во главѣ съ губернаторомъ, и столичные чиновники, и министры, даже дѣло доходило до государя. Отдалить слободу, которая стояла бокъ-о-бокъ съ монастыремъ, было завѣтной мечтой Фотія, для осуществленія которой онъ не жалѣлъ ни силъ, ни средствъ, ни даже личнаго достоинства. Оффиціально онъ говорилъ, что слободка для монастыря представляла одинъ соблазнъ, но истинною цѣлью удаленія было желаніе, чтобы крестьяне не могли заглядывать и видѣть происходившее внутри монастыря.

«Ты пишешь о слободкѣ Юрьевской, чтобы отдалить,—писалъ Фотій графинѣ Орловой.—Я и вся братія зѣло желаемъ, чтобъ оная была отдалена отъ монастыря или въ ближайшія деревни разселена. Двѣ причины важнѣйшія понуждаютъ желать, дабы крестьянъ не было подлѣ Юрьевскаго монастыря: 1) близъ деревянной монастырской ограды, на $1^1/_2$ аршина крестьянская постройка начинается, а оградою обнесенъ огородъ и садъ. Крестьянскія строенія—избы, бани, риги и прочее, всегда составленныя изъ дерева и соломы, хотя и не совсѣмъ, но все-таки опасны для монастыря, по крайней близости; 2) въ Юрьевскую слободу къ крестьянамъ ходятъ градскіе и прочіе гости; пляски, пѣсни, игрища деревенскія у крестьянъ такъ велики бываютъ, что въ церкви слышны

[1]) См. „Русскую Старину“ 1902 г. іюнь.

во время службы не только пѣсни и игры, но нерѣдко и деревенскіе крики; 3) коровы, овцы, кони, свиньи и проч. весьма безпокоятъ монастырь, вредятъ садамъ и мирнымъ монахамъ всегда дѣлаютъ хлопоты, тогда же вовсе не нужно было бы заботиться; 4) соблазнъ отъ крестьянъ, не имѣющихъ дороги въ городъ, какъ токмо около каменной стѣны монастырской, весьма наскучилъ. Нынѣ монастырю отъ созданія 800 лѣтъ. А какъ Юрьевъ теперь благоустроенъ, слободка же 700 лѣтъ не существовала подлѣ монастыря, построена только около 100 лѣтъ, то хорошо бы для монастыря и нынѣ оную не имѣть. Крестьянъ или въ ближайшія деревни разселить, или, ежели сего не можно сдѣлать, то отъ самаго монастыря отдалить на конецъ поля ихъ, т. е. хотя бы на $1^1/_2$—2 версты, или въ обмѣнъ на монастырскую землю выселить, коя въ трехъ верстахъ отъ монастыря за рѣчкой, или коя по рѣкѣ Волхову, близъ с. Троицы, въ Поозерьѣ. Кромѣ того, я бы или ты были согласны [1]) дать имъ по 100—150 р., даже по 200 р. на домъ для обзаведенія» (Письмо 18-го іюня 1830 г.).

Вскорѣ послѣ того Юрьевская слобода сгорѣла. Объ этомъ Фотій писалъ графинѣ не безъ удовольствія, забывъ людское горе. «Теперь скажу тебѣ новость: сегодня въ $1^3/_4$ по полудни загорѣлась слобода и въ 4 ч. почти вся сгорѣла... Ты можешь представить, что при сильномъ вѣтрѣ, который дулъ отъ монастыря, какой ужасный огонь былъ. Одна женщина, вдова 30 лѣтъ, сгорѣла вся, я смотрѣлъ на останки ея; огонь захватилъ ее на улицѣ, и она пала бѣдная, а спасти было невозможно. Единственное благо было бы, ежели бъ крестьянъ погорѣвшихъ разселить. У крестьянъ не осталось ни кола, ни двора, кромѣ трехъ избъ, которыя монастырь защитилъ съ великимъ усердіемъ... Ты посовѣтуйся съ К. Платономъ [2]), графомъ Орловымъ и Бенкендорфу скажи, а равно у В(ладыки) возьми благословеніе. Итакъ, ежели ты услышишь о семъ пожарѣ, то знай, что слобода Юрьевская выгорѣла. Это было далеко отъ монастыря, да монастырь весь каменный и крытый желѣзомъ, то и опасности быть не могло никогда» (30-го іюня 1830 г.).

Хотя, по словамъ Фотія, опасности въ пожарномъ отношеніи для монастыря не было, но онъ все-таки настаивалъ на отдаленіи слободки. «Просьба монастыря состоитъ въ томъ,—писалъ онъ графинѣ Орловой,—чтобы Юрьевская слобода была отдалена отъ монастыря и выстроена не ближе $1^1/_2$ версты... Мнѣ кажется, министръ внутреннихъ дѣлъ можетъ сіе сдѣлать, а впрочемъ можно и царю доложить чрезъ Алексѣя Ѳедоровича (Орлова)» (1-го іюля 1830 г.).

«Впрочемъ,—писалъ Фотій въ другомъ письмѣ,—ты дѣлай, какъ

---

[1]) Фотій безъ согласія графини распоряжается ея средствами.

[2]) Князь Платонъ Ширинскій-Шихматовъ.

знаешь сама, но поспѣши, пока еще не начали строиться крестьяне. Въ случаѣ выѣзда, поручи о семъ хлопотать тому, на кого можешь надѣяться» (2-го іюля 1830 г.).

Однако, водвореніе юрьевскихъ крестьянъ на новомъ мѣстѣ оказалось не такъ легко, какъ думалъ Фотій, поэтому онъ считалъ необходимымъ просить о томъ государя. «Письмо твое я получилъ. Спасибо, что ты приняла на себя попеченіе объ отдаленіи слободы на 750 саж., т. е. на $1^1/_2$ версты отъ монастыря. Но надобно поспѣшить симъ дѣломъ, ибо время уже начинать дѣлать что-нибудь бѣднымъ крестьянамъ. Я думаю, что пока царь не уѣдетъ въ Ревель, то лучше доложить ему. А. П. (Ангелъ Премудрости), кажется, долженъ сдѣлать удовлетвореніе для обители. Бога ради попроси о поспѣшаніи» (3-го іюля 1830 г.).

«Дабы дѣло не замедлилось, то скажи Алексѣю Ѳедоровичу, пусть онъ доложитъ А. П., что министры не хотятъ тотчасъ сдѣлать добра о слободѣ для монастыря» (4-го іюля 1830 г.).

Митрополитъ Серафимъ не благословилъ графиню Орлову на ходатайство объ удаленіи Юрьевской слободы. Узнавъ объ этомъ, Фотій писалъ духовной дщери:—«Я получилъ письмо твое о томъ, что В(ладыка) противится отдаленію слободы на $1^1/_2$ версты. Я не удивляюсь, ибо онъ и прежде мнѣ не совѣтовалъ отдалять... Впрочемъ, ежели онъ противится отдаленію, то ты не оскорбляй его, Богъ съ нимъ... Если В. не будетъ согласенъ, то я и самъ по себѣ на 100 саж. отдалю; мнѣ сіе сдѣлаютъ и такъ. Ежели ты будешь просить удаленія, то хотя на одну версту, дабы свиньи не мучили монастырь. Въ случаѣ дѣло не подвинется, то, по пріѣздѣ, мы съ тобою обо всемъ переговоримъ и абіе сдѣлаемъ» (5-го іюля 1830 г.).

Вопросъ объ удаленіи слободы былъ уже возбужденъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ; но дѣло затянулось въ Петербургѣ, и Фотій начинаетъ безпокоиться. «О, какъ бы Господь помогъ,—писалъ онъ,—все сіе устроить такъ, чтобы слободское строеніе было отдалено отъ монастыря» (10-го сентября 1830 г.).

«Теперь все дѣло состоитъ въ царѣ,—писалъ Фотій графинѣ.—Видно неблаговоленіе къ Юрьеву монастырю министровъ—финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Вотъ какое понятіе у нихъ о спасеніи души. Иновѣрецъ не можетъ быть таковъ, каковъ единовѣрецъ, вражда иновѣрца во всемъ видна». Фотій просилъ графиню сказать государю, что министры самовольничаютъ, что Канкринъ предлагаетъ построить слободу въ 120 саженяхъ отъ монастыря и что въ такомъ случаѣ яко бы отъ пожара будетъ безопасно, а отъ игръ и разговоровъ крестьянскихъ не будетъ безпокойства, если монастырь самъ установитъ строгій порядокъ и благочиніе у себя.—«Вотъ какъ изуродовано дѣло въ рукахъ иновѣрцевъ,—писалъ Фотій.—Гдѣ же вѣрная подданность царю у министровъ? Я взыду

бумагою на сіе и укажу, что уклонились отъ монастырскаго указанія. Вотъ какъ писцы министерскіе изворачиваютъ во всѣ стороны повелѣнія царскія» (24-го сент. 1830 г.).

Крестьяне не согласились строиться на новомъ мѣстѣ, а министры къ удивленію Фотія не слушали его указаній.—Что было дѣлать? Надо было смириться и видѣть въ этомъ волю Божію, хотя, по замѣчанію юрьевскаго архимандрита, всѣ святыя обители болѣе или менѣе не токмо вредъ духовный терпятъ отъ слободъ, подлѣ выстроенныхъ, даже разоряются. Чтобы избѣжать такого разоренія, Фотій рѣшился опять прибѣгнуть къ карману графини. «Ты скажи,—писалъ онъ ей,—или дай записку, что хотя и дано крестьянамъ на построеніе уже на каждый домъ, но ты намѣрена дать еще, когда будетъ строеніе отдалено отъ монастыря. Почему крестьяне будутъ имѣть выгоду, а не убытокъ. Худо съ крестьянами дѣло имѣть, всегда грубы, неблагодарны и злы зѣло» (7-го октября 1830 г.).

Между тѣмъ, крестьяне подали государю просьбу оставить ихъ на прежнемъ мѣстѣ. Фотія это крайне волновало, и онъ писалъ графинѣ: «Прошу тебя отъ имени моего попроси Алексѣя Ѳедоровича, дабы онъ взялъ участіе въ томъ, чтобы подлѣ монастыря слободу не строить. Что за порядокъ, ежели къ монастырю, т. е. мѣсту уединенія и безмолвія, строить и приближать мірскія жилища; шумъ и неустройство, чрезъ что дѣлать вредъ и соблазнъ монастырю. Прошу всѣ силы употребить и удивляюсь, что графиня Канкрина слыветъ за добрую и благочестивую, а для Юрьева не хочетъ сдѣлать добра. Хотя князя Платона Шихматова отъ имени моего пошли къ ней поговорить, дабы не было препонъ беззаконныхъ въ добромъ дѣлѣ; вѣдь кромѣ грѣха и отъ Бога наказанія не будетъ за это. Кто виновенъ будетъ теперь въ построеніи слободы подлѣ монастыря. Всѣ грѣхи, соблазны и всякій вредъ на душѣ останется у человѣка, не исполняющаго волю царя (?) и представляющаго свои мнѣнія незаконныя. Видно, сатанѣ и діаволу врагу душъ человѣческихъ, а особенно врагу ангельскаго образа, пріятно, что не отдалится слобода. Письма графини Канкриной запечатай и отправь куда нужно» (21-го октября 1830 г.). «У меня едино дѣло, едино желаніе и едино на потребу паче всего то, чтобы отдалить слободу отъ обители». Фотій просилъ графиню Орлову поговорить объ этомъ съ императромъ, посылалъ планы съ указаніемъ, гдѣ стоитъ слобода и гдѣ надо поселить ее, и просилъ передать одинъ Канкриной, а другой Энгелю; просилъ Чесменскую пригласить графиню Канкрину «на хлѣбъ и соль» и уговорить ее. — Уступая настояніямъ Фотія, графиня Орлова рѣшила дать крестьянамъ какъ можно болѣе вспомоществованія, и дѣло пошло на ладъ.

«Весьма много,—писалъ Фотій,—меня утѣшаетъ надежда о переселеніи крестьянъ на новое мѣсто. Съ великимъ удовольствіемъ готовъ я

рубашку послѣднюю отдать въ пособіе, лишь бы было повелѣно крестьянамъ переселиться. Ты представь сама, чадо, что около монастыря проходу нѣтъ никакого братіи» (28-го октября 1830 г.).

«Сказать не можно, какъ меня обрадовало твое письмо отъ 30-го октября. Мнѣ кажется, есть надежда на удаленіе. Съ чѣмъ сравнить сіе. Отъ единаго желанія сердце трепещетъ въ радости» (1-го ноября 1830 г.).

Дѣло о слободѣ дошло до Комитета министровъ. Было рѣшено, что крестьяне могутъ селиться въ какомъ угодно разстояніи отъ монастыря, если сами на то согласятся. По поводу этого рѣшенія графиня писала Фотію: «Теперь, Бога ради, не смутися и постарайся крестьянъ тамъ поселить, гдѣ святой обители желательно, ежели они согласятся».

Предъидущія взаимныя отношенія не давали Фотію надежды на согласіе крестьянъ, и онъ, не довольный рѣшеніемъ Комитета министровъ, обрушился на всѣхъ и на вся.—Онъ жаловался, что Комитетъ измѣнилъ рѣшеніе царя, называлъ его членовъ отступниками отъ вѣры и мстителями, желающими уязвить его. «Кроткое и смиренное православное духовенство,—писалъ онъ,—одно страдаетъ въ Россіи, а духовенство католиковъ, лютеранъ, жидовъ и пр. живетъ въ благоденствіи. Вотъ какія времена нынѣ. Что дѣлать, когда есть люди изъ князей и другихъ вельможъ, кои печатаютъ явно книги противу вѣчнаго блага. Что же духовенству ожидать православному. Молиться и терпѣть. Ты пишешь, дабы согласить чернь удалиться отъ монастыря. Когда воля, лучше сказать своеволіе, дано черни предъ святою обителью на вредъ ей, то сія неправда долженствующихъ защищать правду и св. обитель пусть падетъ на совѣсть тѣхъ, которые имѣютъ власть отъ Бога и могутъ волею и силою сдѣлать удаленіе слободы погорѣвшей; пусть будетъ въ обличеніе и осужденіе на страшномъ судѣ Божіемъ творящимъ не правду. Господь—моя сила. Богъ и Господь, честная церковь—мое дѣло и моя правда. Я честенъ предъ Богомъ и человѣками. Денегъ не дамъ и мыслить за грѣхъ считаю соглашать чернь къ переселенію отъ монастыря. Когда отъ царя нѣтъ милости и отъ министровъ нѣтъ правды, то въ черни ли можно обрѣсти милость и правду. Какой можно обрѣсти толкъ и разумъ въ черни простой. Нѣтъ, я правдою хочу жить, на благодать Божію надѣюсь, а не на дѣло рукъ нашихъ. Да будетъ воля Божія во мнѣ и въ святой обители. Когда отъ царя тебѣ не сдѣлано благоволенія, монастырю милости, намъ трудникамъ и непрестаннымъ молитвенникамъ предъ чернью предпочтенія, то я за грѣхъ считаю съ моей стороны, низкостью и лестью считаю соглашать напрасно чернь, ибо никогда чернь не согласится. Крестьяне обираютъ и окрадаютъ монастырь всячески, покосы портятъ и убытки дѣлаютъ великіе, то я ту землю, около 90 десятинъ, которая начинается отъ слободы на 3 версты, намѣренъ отдать на 80 лѣтъ за большую сумму, вчетверо больше, нежели

монастырь получалъ донынѣ, и тѣмъ лишу крестьянъ всего за неблагодарность. А подмонастырскія земли обнесу изгородью и караулъ поставлю, то крестьяне хоть пескомъ пусть кормятъ своихъ скотинъ, которыя непрестанно пакости и бѣды дѣлаютъ монастырю. Теперь монастырь долженъ имѣть свои мірскія законныя защиты, и тогда узнаютъ неблагодарные плоды своеволія. Что дѣлать, когда отъ власти нѣтъ защиты, то нужно защищаться крестьянскими средствами. Вотъ до чего мы нынѣ дожили. Слава Богу, это есть знакъ того, что мы люди Божіи и избранные сыны вѣры, ибо, кромѣ милости Господней, милости, гдѣ можно обрѣсти добро и правду, нѣтъ больше. Всѣ живутъ мирно, только мы, духовные, трепетать должны ежечасно за другихъ» (22-го ноября 1830 г.).

Между тѣмъ 20-го января, когда начальство новгородскаго земскаго суда отводило мѣста крестьянамъ для поселенія по-прежнему вмѣстѣ съ служителями монастырскими, крестьяне отказывались принять къ себѣ послѣднихъ. Фотій воспользовался этимъ и писалъ Орловой, что это прекрасный поводъ для царя крестьянскіе дома по вотчинамъ разселить или удалить отъ монастыря.

«При семъ случаѣ,—писалъ онъ,—теперь крестьянъ можно вовсе отдалить отъ монастыря, ибо, когда высочайшаго повелѣнія не слушаютъ, то что же дѣлать будетъ монастырю съ ними. Весьма развратился народъ въ слободѣ» (21-го января 1831 г.). «Не знаю, сотворитъ ли Господь милость чрезъ царя для обители снова по буйному случаю. Нужно обратить вниманіе и на монастырь, дабы своевольная чернь не смѣялась надъ св. обителью» (22-го янв. 1831 г.).

Крестьяне приходили къ Фотію и просили, чтобы служителя не селились вмѣстѣ съ ними, но архимандритъ, конечно, не согласился и приступилъ къ выполненію высочайшаго повелѣнія относительно своихъ служителей. «На сихъ дняхъ крестьяне безпокоили меня насчетъ поселенія, и я занимался дѣлами по сей части. Слава Богу, служителя теперь устроены, мѣста всѣмъ отведены» (23-го января 1831 г.).

Въ началѣ февраля Фотій ѣздилъ въ Петербургъ, прожилъ 8 дней въ Невской лаврѣ. За его отсутствіемъ крестьяне учинили въ монастырѣ крупное буйство. «Послѣ моего выѣзда, въ воскресенье, крестьяне со злости выбили каменьями нѣсколько стеколъ въ кельяхъ и камни нашли въ комнатахъ. Опять нѣкоторые отправились въ Петербургъ хлопотать о своей слободѣ. Намѣстникъ о разбитіи стеколъ лично ѣздилъ донести къ губернатору. Вотъ какіе сосѣди крестьяне. Бога ради внуши о семъ графу Закревскому [1]), дабы онъ обратилъ вниманіе и бунтовщиковъ, ослушниковъ высочайшаго повелѣнія заставилъ усмириться» (17-го

[1]) Министру внутреннихъ дѣлъ.

февраля 1831 г.). Буйства крестьянъ повліяли на дѣло не въ пользу ихъ. Фотій этому радовался и давалъ совѣты графинѣ, какъ поступить съ бунтовщиками.

«Слышно, что губернаторъ мнѣніе послалъ о слободѣ невыгодное для крестьянъ. Мнѣ желательно для спокойствія обители и дабы худые крестьяне не возмущали другихъ, выселить ихъ за худое поведеніе въ разныя деревни. Это сдѣлать легко и нужно. Дай о семъ записочку, чтобы въ записочкѣ было прописано: крестьянъ, замѣшанныхъ въ возмущеніи противъ высочайшаго указа, выселить изъ Юрьевской слободы въ другія деревни Поозерской вотчины.

Эта просьба не увѣнчалась успѣхомъ, но крестьянъ приказано было нѣсколько отдалить отъ монастыря. 18-го марта 1831 г. Фотій писалъ графинѣ Орловой:

«Скажу тебѣ, что въ Новгородѣ новый землемѣръ, весьма молодой человѣкъ, ловкій и бойкій; онъ тотчасъ все сдѣлалъ: въ порядкѣ разбилъ мѣста, и крестьяне на нихъ устроятся; 120 саж. вѣрныхъ отъ ограды отбито. Теперь ладно и хорошо».

Такъ, должно быть, осталось и по настоящее время. Между первымъ домомъ слободы и оградой находится монастырскій огородъ, который, вѣроятно, и составляетъ извѣстный клочокъ земли, столь упорно и настойчиво отвоеванный архимандритомъ Фотіемъ.

XV.

Фотій имѣлъ большую страсть къ строительству, онъ готовъ былъ строиться безъ конца, тѣмъ болѣе къ услугамъ его было милліонное состояніе графини Орловой. Проекты и постройки у него росли, какъ грибы; графиня едва успѣвала снабжать страстнаго строителя средствами. Когда же изсякли деньги и процентныя бумаги, графиня стала продавать свою недвижимую собственность. У нея были громадные дома въ Москвѣ, богатые конскіе заводы въ Орлѣ, въ трехъ губерніяхъ имѣнія, съ огромнымъ числомъ душъ крестьянъ. Все шло, конечно, по недорогимъ цѣнамъ, лишь бы поскорѣе продать и поскорѣе удовлетворить просьбы духовнаго отца, который то и знай писалъ графинѣ «не можно ли прислать». Духовный отецъ не сказалъ ни единаго слова, которое могло бы остановить увлеченіе графини въ сбытѣ имущества. Большихъ хлопотъ стоила продажа конскихъ заводовъ, такъ какъ они цѣнились болѣе 2-хъ мил. безъ имѣній; единичныхъ покупателей не на-

ходилось, даже казна покупала на условіяхъ отдать деньги не сразу, а частями и по срокамъ. Фотій принялъ всѣ мѣры, чтобы графиня не продешевила такого крупнаго имущества. Когда казна только еще изъявила желаніе купить заводы, Фотій восторгался такимъ покупателемъ, писалъ графинѣ, что «заводы для правительства богатство и красота», совѣтовалъ непремѣнно продать ихъ въ казенныя руки, тѣмъ болѣе, что это будетъ пріятно государю. Когда же стали извѣстны условія, монахъ отнесся уже недовѣрчиво къ казенной покупкѣ, испугался продолжительной уплаты, и вся важность продажи правительству исчезла безслѣдно. А тутъ еще подвернулась компанія изъ трехъ лицъ, желавшая тоже купить заводы. Фотій писалъ графинѣ, чтобы она продавала заводы компаніи, потому что «тому или другому заводы достанутся, ни чести, ни славы, ни спасенія отъ нихъ не будетъ». Онъ преслѣдовалъ въ продажѣ одно—выгоду, «чтобы сходно и вѣрно могло быть продано». Однако частная компанія покупала только одни заводы, отъ имѣній отказывалась. Между тѣмъ съ заводомъ продавались три вотчины съ 8-ю тыс. душъ: Хатунь, Островъ и Чесменка. Разумѣется, послѣ продажи заводовъ, продать имѣнія труднѣе, такъ какъ по дѣятельности эти имущества были тѣсно связаны между собою и именно тѣмъ, что на заводахъ работали вотчинные крестьяне, значитъ, имѣнія должны были остаться съ одними дворовыми людьми. Фотій смекнулъ это и повелъ дѣло совершенно въ другую сторону. Теперь онъ не говорилъ о продажѣ заводовъ съ имѣніями, а находилъ выгоднѣе держать заводы по-прежнему, и лучше продать одни имѣнія съ крестьянами, такъ какъ заводы «могутъ существовать сами по себѣ, безъ одного человѣка крестьянъ и всякаго пособія посторонняго». Всю Чесменку хотѣлъ купить графъ А. Ѳ. Орловъ, и графиня стѣснялась отказать ему въ продажѣ, какъ двоюродному брату, за то не стѣснялся Фотій, полагая, что сдѣлка можетъ быть по родству невыгодная для графини. Поэтому архимандритъ далъ политичный совѣтъ относительно Чесменки. Онъ писалъ: «лучше продать графу Чесменку съ однимъ строеніемъ и мѣстомъ, безъ лошадей, а пусть своихъ заводитъ, какія понравятся». Но вскорѣ Фотія ужасно озадачило сообщеніе о томъ, что графъ Орловъ хочетъ пріобрѣсти въ свою собственность всѣ заводы съ имѣніями на такихъ же условіяхъ, на какихъ покупала и казна. Монахъ положительно завертѣлся отъ могущей быть невыгодности въ сдѣлкѣ и написалъ для графини отвѣтъ, который и просилъ ее в ы т в е р д и т ь.—Она должна была сказать брату:

— Я не отказывала, не отказываю и отказывать, какъ брату, по любви, не хочу въ сдѣлкѣ по конскимъ заводамъ, и ты дѣлай съ такою же любовью, дабы мнѣ было выгодно. Съ заводовъ при управляющемъ Шишкинѣ болѣе половины шло не въ мою пользу, расхищалось,

и то мнѣ было прибыльно. Вотъ каковы заводы. Золотое дно. Я теперь Бога ищу, злато совсѣмъ бросила.

Заводы и имѣнія дѣйствительно купилъ графъ Орловъ, за исключеніемъ крестьянъ деревни Острова, которыхъ графиня ранѣе отпустила на волю. Фотій разсказываетъ, какъ островскіе крестьяне являлись къ государю и что имъ говорилъ Николай Павловичъ про графиню.

Крестьяне пришли съ хлѣбомъ-солью. Государь принялъ ихъ ласково и спросилъ: «каково вамъ было жить за графинею?» Пришедшіе отвѣтили, что у нихъ была не госпожа, а мать. Государя это тронуло; онъ сказалъ крестьянамъ: «Нѣтъ примѣрныхъ людей противъ графини во всемъ моемъ государствѣ; я ее любилъ, люблю и уважаю. Будьте спокойны, вамъ и за мною будетъ жить хорошо».

Сверхъ наслѣдственнаго имущества, Фотій прибиралъ къ рукамъ и то, что графиня покупала лично для себя. Въ Петербургѣ она пріискивала домъ, чтобы жить въ немъ во время пребыванія ея въ столицѣ. Фотій и тутъ явился со своими услугами. Онъ совѣтовалъ купить домъ цѣною не болѣе 100 тыс., устроить въ немъ церковь, внутреннее помѣщеніе приноровить къ такому расположенію, чтобы у нея никто не могъ бывать, кромѣ него, архимандрита, и юрьевскихъ монаховъ,—вообще такой домъ, который впослѣдствіи пригодился бы для подворья и какъ писалъ Фотій: «послѣ оный ты могла бы подарить монастырю».

Драгоцѣнныя вещи графиня не переводила на деньги, а прямо отсылала настоятелю для украшенія храмовъ или передавала ему лично, когда пріѣзжала на Юрьевскую мызу. Золото, серебро, жемчугъ, брилліанты и другихъ породъ камни—все перешло въ собственность монастыря. И теперь можно судить о крупной стоимости драгоцѣнностей, которыми украшены митры, облаченія и образа. Въ Георгіевскомъ соборѣ въ иконостасѣ, близъ Царскихъ вратъ, образъ Богоматери осыпанъ крупными брилліантами, стоющими не одну сотню тысячъ. Въ монастырѣ есть брилліантовыя митры по 10 тыс. р. и болѣе; въ ризницѣ облаченія сплошь унизанныя жемчугомъ. Въ томъ же соборѣ, въ иконостасѣ, помѣщенъ древній образъ пѣшаго Георгія Побѣдоносца, у котораго на рукояткѣ меча вправлена жемчужина величиною въ голубиное яйцо.

Конечно, графиня не знала точно, куда могутъ быть помѣщены драгоцѣнности, и Фотій указывалъ имъ мѣсто. Онъ писалъ графинѣ, что есть нужда «убрать» образъ Богоматери и Спаса драгоцѣнными камнями. По его мнѣнію, слѣдовало въ вѣнецъ Богоматери вставить три крупныхъ жемчужины, а въ вѣнецъ Спаса—три брилліанта и по краямъ обоихъ вѣнцовъ разсыпать мелкій жемчугъ. При этомъ онъ писалъ, что ему хотѣлось бы сдѣлать золотые вѣнцы, а денегъ у него хва-

таетъ только на серебряные. «У тебя совѣта прошу,—прибавлялъ онъ смиренно и подобострастно,—и ежели прикажешь, то мѣру вѣнцамъ и камнямъ пришлю».

Иногда Фотій просто увлекался въ вымогательствахъ и доходилъ до жадности. Бывъ какъ-то у Орловой, духовный отецъ замѣтилъ, что у его дщери имѣется много фамильнаго серебра. Сначала, разумѣется, монахъ не преминулъ сказать графинѣ цѣлую проповѣдь насчетъ тлѣнности металла въ мірѣ, потомъ предложилъ помѣстить его для душеспасенія въ монастырь. Графиня согласилась, и Фотій не замедлилъ указать, куда употребится серебро: «во-первыхъ, 4 пуд. на престолъ въ церкви Спаса; во-вторыхъ, 1 пуд. на большую ризу для трехъ мѣстныхъ образовъ въ соборѣ; въ третьихъ, 5 пуд. на легкія ризы для всѣхъ образовъ; въ четвертыхъ, 1 пуд. на ризу саженнаго образа Неопалимыя купины, помѣщающагося надъ могилой отца графини и, въ пятыхъ, 2 пуд. на два выносные подсвѣчника.

Графиня сообщила, что у нея собралось серебра до 18 пудовъ, тогда какъ требуется только 13 пуд. Фотію стало жалко остатка, и, опасаясь, что графиня пожертвуетъ его въ какой-нибудь другой монастырь, Фотій просилъ выслать и остальные 5 пудовъ, а онъ «послѣ подумаетъ, куда употребить». На этомъ излишкѣ Фотій останавливается въ письмѣ особо, говоря, чтобы графиня въ пятипудовой вѣсъ отобрала «сосуды, которые болѣе ко грѣху служили». Излишекъ пошелъ на самые священные предметы; одна часть на сѣнь надъ престоломъ въ Георгіевскомъ соборѣ, другая на евангеліе, которое, кромѣ того, украшено крупными сибирскими камнями и въ цѣломъ вѣситъ около 3 пудовъ.

Помимо отпуска денегъ на сооруженіе церквей, благолѣпіе ихъ и церковныя принадлежности, графиня присылала натурою и продуктивные предметы церкви, даже по заведенному порядку, ежегодную пропорцію: 200 ведеръ кагору на 4.000 р.; 150 пудовъ елея на 6.000 руб. и ладона смирнскаго на 2.000 руб., всего на 12.000 руб.

Архимандриту было и этого мало, и онъ писалъ: чѣмъ больше пришлетъ графиня, тѣмъ лучше.

Такимъ образомъ, богатство широкой волной текло въ монастырь, поэтому надо представить себѣ весь ужасъ Фотія, когда графиня сообщила ему, что ей сдѣлалъ предложеніе князь Волконскій. Она спрашивала его, какъ духовнаго отца, дастъ ли онъ или нѣтъ благословеніе на этотъ бракъ. Дѣйствовать противъ брака явно и круто Фотій не рѣшался, ибо станетъ извѣстно князю, а онъ—лицо вліятельное, высокопоставленное, и борьба съ нимъ получится далеко неравная. Фотій въ данномъ случаѣ избралъ благую мѣру и, надо сказать, удачную—имѣть дѣло только съ графиней и разжечь въ ней еще больше религіозное

чувство. Онъ писалъ ей, что ему бракъ чрезвычайно пріятенъ: такъ долженъ быть пріятенъ и ей; но когда графиня сама пріѣхала въ Юрьевъ, чтобы получить отъ своего духовнаго отца благословеніе, то Фотій долго уговаривалъ дочь отказаться отъ руки князя.—Графиня упорствовала, и Фотій далъ слово благословить ее послѣ ранней обѣдни въ Спасскомъ храмѣ. Когда наступила желанная минута, Фотій подвелъ графиню къ небольшому образу Спасителя, висѣвшему на колонкѣ царскихъ вратъ, снялъ у нея брилліантовое кольцо и повѣсилъ его на вѣнчикъ образа со словами: «се женихъ твой». Это такъ сильно повліяло на графиню, что она впала въ обморокъ. Придя въ себя, графиня тутъ же дала обѣтъ никогда не выходить замужъ. Это столь важное событіе въ жизни благодѣтельницы монастыря и теперь напоминается тѣмъ же кольцомъ, висящимъ на томъ же образѣ, но уже вдѣланномъ въ иконостасѣ.

Данный обѣтъ все-таки не вполнѣ успокаивалъ монаха, слишкомъ воспаленнаго дѣломъ брака. Съ момента исторіи, Фотій сталъ усиленно отклонять графиню не только отъ брачной жизни, но даже не бывать и на чужихъ свадьбахъ. Когда однажды она написала ему, что благословляла жениха и просидѣла въ домѣ, ожидая прибытія молодыхъ изъ церкви, онъ отвѣчалъ, что черницѣ не подобаетъ присутствовать на свадьбахъ, слѣдуетъ быть подальше отъ брачныхъ вещей, не забывать, что она инокиня, самая строгая, положившая соблюсти непорочность до самой смерти. «Теперь,—писалъ онъ,—тебѣ не время по свадьбамъ ходить съ кѣмъ бы то ни было, даже смотрѣть ихъ». Архимандритъ пошелъ дальше. Онъ совѣтовалъ графинѣ вовсе оставить общественную жизнь, просилъ не посѣщать балы, парады, смотры, мотивируя тѣмъ, что подобныя «потѣхи» для ея здоровья вредны. «Я замѣчаю,—писалъ Фотій,—что послѣ каждаго бала или вечеринки у тебя бываетъ немощь». «Что за радость и утѣха смотрѣть на парады? спрашивалъ онъ и отвѣчалъ: весною комнатный воздухъ, разумѣется, теплѣе уличнаго. Если отворить окно и смотрѣть на маршировку войскъ, то какъ разъ приходится вбирать грудью воздухъ свѣжій, прохладный, между тѣмъ платье надѣто легкое, и человѣкъ окруженъ теплымъ воздухомъ». Вѣря въ непреложность своихъ доказательствъ, Фотій восклицалъ: «неужели ты, разумная дѣвица, не отвыкла отъ похоти смотрѣть на парады!»

XVI.

Подчинивъ графиню окончательно своей волѣ, Фотій сталъ привередничать до глумленія. Онъ носилъ шапочки, приготовляемыя въ

монастырской швальнѣ. Вдругъ ему захотѣлось, чтобы шапочки были не мѣстнаго производства, а чтобы ихъ прислала непремѣнно графиня. Фотій писалъ ей, что у него много было приготовлено шапочекъ, но «его такъ всѣ любятъ, что раскрали до послѣдней», а того мастера, который шилъ по его нраву, уже нѣтъ въ монастырѣ. Онъ просилъ графиню прислать ему шапочекъ изъ Москвы: «носить нечего въ кельяхъ, говорилъ онъ, а я привыкъ къ шапочкамъ».

Графиня прислала, и тогда Фотій просилъ привезти ему три пары черныхъ сандалій—одну на толстыхъ подошвахъ, да три пары разныхъ цвѣтовъ, вышитыхъ серебромъ или золотомъ. Франтоватыя сандаліи онъ желалъ имѣть полегче, чтобы ходить ночью по кельямъ, при чемъ присовокуплялъ, чтобы она никому не говорила о посылкѣ сандалій, иначе «толку опять будетъ много изъ пустаго».

Графиня отвѣтила, что монаху не подобаетъ выходить и быть въ церкви въ сандаліяхъ, да еще въ цвѣтныхъ, вышитыхъ и что кто посовѣтовалъ ему это, тотъ, должно быть, хотѣлъ посмѣяться надъ нимъ или сорвать злобу. Фотій доказывалъ, что сандаліи носятъ всѣ монашествующіе, тѣмъ болѣе въ мірѣ, не исключая и самой графини. Сандаліи онъ надѣваетъ на сонъ грядущій, да во время молитвы—и только. Совѣтовъ онъ ни отъ кого и никакихъ не принимаетъ, а вздумалъ это самъ, когда почувствовалъ, что ему стало тяжело ходить въ сапогахъ. «Быть можетъ,—писалъ Фотій,—въ С.-Петербургѣ нѣтъ готовыхъ сандалій, которыхъ я вмѣсто гостинца хотѣлъ получить, такъ на тотъ случай, ежели таковыхъ нельзя обрѣсти и мнѣ доставить, я самъ закажу сшить какія мнѣ желательно, по собственному вкусу».

Затѣмъ просилъ прощенія у своей благодѣтельницы, что прогнѣвалъ ее проступкомъ, который ей противенъ, а ему «во здравіе годный».

«Прости,—прибавляетъ онъ,—что пустяками и бездѣлицами докучаю, буду разумнѣе поступать, видишь, какъ я умомъ сталъ слабѣе».

Все-таки графиня умиротворила духовнаго отца сандаліями, и Фотій не столько ходилъ по кельямъ въ расшитыхъ туфляхъ, сколько щеголялъ ими въ сухую погоду по монастырю и садамъ.

Пришла фантазія Фотію одѣть всю свою братію въ синіе хитоны, и онъ, не долго думая, сшилъ хитоны двумъ-тремъ монахамъ, а затѣмъ обратился къ графинѣ съ просьбою прислать для этой надобности 12 кусковъ синяго полумериносу, объясняя при этомъ, что нѣкоторые монахи уже носятъ хитоны и любуются на себя; прочіе же завидуютъ и просятъ, чтобы и имъ сдѣлали хитоны. Что же касается лично до настоятеля, то новая одежда его «весьма утѣшаетъ и радуетъ». Только не нашлось цѣльныхъ лентъ для поясовъ. Объ этомъ Фотій сожалѣетъ и пишетъ, что въ Петербургѣ, вѣроятно, найдутся длинныя ленты. Полумериносъ былъ присланъ. Монаховъ-тогда считалось 50 человѣкъ;

всѣ они нарядились въ синіе хитоны съ шелковыми поясами. «Радуясь» новинкѣ, Фотій и себѣ сдѣлалъ хитонъ, но носилъ его однако не долго; по распоряженію начальства, хитонъ съ него «сняли», а братіи приказано было не возобновлять болѣе такой одежды, неразрѣшенной высшей властью.

Можетъ быть, онъ самъ по себѣ и бросилъ бы носить хитонъ, «натѣшившись» новинкой, но разъ послѣдовало запрещеніе, значитъ, самолюбіе было затронуто, а въ данныхъ случаяхъ настоятель всегда шелъ наперекоръ. Когда монахи донашивали синіе хитоны, Фотій снова надумалъ сшить себѣ хитонъ и уже голубаго цвѣта. Насчетъ запрещенія онъ ни мало не стѣснялся, говоря, что рука человѣческая сняла съ него хитонъ, а нынѣ Божія опять его облекла въ оный, отчего онъ не сниметъ хитона до самой смерти. «Теперь,—писалъ Фотій,—первое для меня утѣшеніе, больше у меня радости носить таковой хитонъ». Фотій надѣвалъ его въ кельѣ и при графинѣ, дабы не обнаружить своей трусости передъ начальствомъ и показать свое право на ношеніе такой одежды. Но въ тонкомъ хитонѣ было не тепло тощему, сухому тѣлу; Фотій подшилъ хитонъ плюшемъ и не выходилъ изъ него, пока не покидалъ кельи. Привыкнувъ къ такой одеждѣ, онъ отбросилъ всякій страхъ къ начальству и сталъ ходить въ ней въ храмъ, даже отправлять службу. Большой Георгіевскій соборъ не отапливается и до сихъ поръ, поэтому для службы, кромѣ хитона, надо было одѣвать какой-нибудь ватный подризникъ. Когда Фотій надѣвалъ то и другое, онъ уставалъ. Тогда онъ надумалъ положить мериносъ на мѣхъ, но и въ такомъ хитонѣ чувствовалъ тяжесть. Кажется, приходилось разстаться съ излюбленнымъ хитономъ, но этого ему страшно не хотѣлось. Вдругъ Фотій проситъ свою дщерь прислать ему фунтовъ десять лебяжьяго пуху. Графиня встала въ тупикъ и недоумѣвала, зачѣмъ ему понадобился пухъ.

Оказывается, Фотій придумалъ, вмѣсто мѣха, подъ мериносъ положить пухъ, отчего хитонъ «будетъ тепелъ и легокъ». Кромѣ того, у Фотія во время службы стали зябнуть ноги, и онъ просилъ сшить ему сапоги на мѣху, но только «не звѣря класть въ нутро, а хорошую овчину», при чемъ угрожалъ, что если овчинные сапоги не будутъ готовы къ Пасхѣ, то онъ сошьетъ ихъ у себя въ монастырѣ тоже на пуху. Вообще ухватившись за пухъ, какъ за хорошо грѣющее средство и легкое въ носкѣ, Фотій отвергалъ все мѣховое: подрясники, рясы, шубы и говорилъ, что эти вещи не практичны и подвергаются «молеѣденію».

Писалъ онъ о высылкѣ и миніатюрной камилавки подъ клобукъ, и о какой-то особенной митрѣ, прямой и чрезвычайно легкой, просилъ замѣнить «ради Христа» стальныя перья гусиными и прислать послѣд-

нихъ побольше—цѣлую корзину, да чтобы были непремѣнно чиненыя, такъ какъ никому онъ не довѣряетъ подходить къ его письменному столу; страшно сѣтовалъ онъ на металлическія перья, говоря, что «тяжело рукѣ слабой и перстамъ, даже боль приключается». Соболѣзновалъ Фотій и о томъ, что въ новгородскихъ лавкахъ продается такое отвратительное мыло, которымъ «въ пору» мыть только телятъ, а никакъ не человѣка. Поэтому онъ не былъ въ банѣ два мѣсяца и пошелъ уже тогда, когда невозможно было переносить зудъ. Фотій писалъ: «грязь на мнѣ наросла, какъ на свиньѣ, такъ и скоблилъ съ тѣла». Всѣ эти откровенія вели къ тому, конечно, чтобы графиня прислала мыла и при томъ болѣе лучшаго качества, чѣмъ употребляется въ монастырѣ.

Въ своихъ прихотяхъ Фотій доходилъ до того, что просилъ графиню выслать ему диванъ, на которомъ можно полежать и отъ усталости отдохнуть «безъ всякой опасности».

Курьезно было ходатайство о конѣ. Дѣло въ томъ, что Фотій состоялъ благочиннымъ монастырей, окружающихъ Юрьевъ. Такъ, видите ли, ему тряско было ѣздить на ревизію ихъ въ тарантасѣ. Вотъ онъ и просилъ графиню отправить къ нему съ ея завода верховаго коня, чтобы ѣздить верхомъ и тѣмъ избѣжать тряски. Конь долженъ быть ѣзжалый, «духомъ смиренъ и добръ, а главное, масти бѣлый, видомъ георгіевскій». Безъ этихъ условій,—писалъ Фотій,—лучше коня не присылать. Конь былъ присланъ, и въ деревняхъ, гдѣ проѣзжалъ Фотій, явно смѣялись надъ оригинальнымъ наѣздникомъ. Вскорѣ конь былъ заброшенъ.

За просьбою о конѣ послѣдовала просьба о палаткѣ, безъ которой лѣтомъ въ саду некуда дѣваться—вѣтеръ дуетъ, солнце печетъ. Палатка будетъ не только укрывательствомъ отъ вѣтра и знойныхъ лучей, но и мѣстомъ служебныхъ пріемовъ. Тамъ, на лонѣ природы Фотій будетъ принимать эконома, казначея, ризничаго, какъ нѣкогда принимали подъ открытымъ небомъ воеводы начальниковъ своихъ дружинъ. Графиня прислала изъ Москвы не одну, а двѣ палатки. Фотій обрадовался имъ, какъ малый ребенокъ, и благодарилъ графиню, точно за крупное пожертвованіе.

Относительно пищи, Фотій не меньше проявлялъ прихотей и ни о чемъ такъ не хлопоталъ, какъ о сельдяхъ. «Бога ради,—писалъ онъ графинѣ,—не забудь сельдей прислать, ибо безъ нихъ, какъ мнѣ жить». Въ другомъ письмѣ онъ писалъ, что у него нѣтъ ни одной селедки, и ѣстъ простыя подпаренныя. «Ты знаешь,—говорилъ онъ,—что отецъ твой въ дни разрѣшенные прикасается только къ селедкѣ, и прочей рыбы вовсе не употребляетъ. Пришли, моя дорогая матушка, старичку получше сельдей и прости мя грѣшнаго Фотія».

Однажды графиня посовѣтовала Фотію ѣсть яйца и пить молоко. Онъ страшно обидѣлся и назвалъ эту пищу «смертоносной» для него. «Пища моя,—сообщалъ, якобы оскорбленный, монахъ,—простая, святая: три частички селедки, елей, красное вино и просфора изъ перваго сорта муки». При этомъ оговаривался, что для тѣлесъ его—селедка и елей, какъ цѣлебное свойство, но красное вино и просфору онъ употребляетъ во имя св. Тайнъ. За селедками шли финики: «Чадо мое, давно, давно не ѣлъ я фиников. Нѣтъ ли свѣжихъ, а старыхъ и костныхъ не желаю. Христа ради, утѣшь, пришли хотя одинъ ящикъ». Финики надоѣли: «винныхъ ягодъ хочу,—писалъ онъ,—пришли мягкихъ, хорошихъ не болѣ ящика». Онъ просилъ прислать барбариснаго варенья и рябинныхъ лепешечекъ. Затѣмъ архимандриту, употреблявшему пищу въ маломъ количествѣ, понадобился серебряный сервизъ. Когда графиня пожелала ему преподнести таковой, то Фотій самъ указалъ, какіе предметы должны быть въ немъ: 1) миска для щей; 2) блюдо для кашицы; 3) тарелка подъ кисель: 4) сосудъ для селедки; 5) стаканъ винный; 6) два стакана для варенья. Мало того, Фотій просилъ не спѣшить съ заказомъ сервиза, пока онъ не составитъ и не вышлетъ собственныхъ рисунковъ для него. Такъ привередничалъ Фотій, старавшійся изобразить изъ себя аскета и святошу.

А. Слезскинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Камень съ природой начертаннымъ изображеніемъ императрицы Екатерины II.

Всеподданнѣйшее письмо капитана М. Лонгинова.

Ваше императорское величество
всемилостивѣйшая государыня

припадши подъ покровъ милосердія матери отечества, дерзаю всеподданнически представить предъ лицо великой монархини изображеніе ея на камнѣ, изобрѣтенномъ (то-есть найденномъ) случайно.

По званію моему и охотѣ упражняяся въ собраніи ископаемаго царства и давая нѣкоторымъ камнямъ для виду лицо, открылося на представляемомъ камнѣ изображеніе, которое, по удаленіи отъ зрѣнія, показалося чувствительнѣе. Правда: оное не есть дѣло искуснѣйшей руки художника; но дѣло природы, которая, видно, производя подлинникъ, истощила всѣ свои силы, но желая совершеннѣйшему своему произведенію оставить памятникъ и не надѣяся на искуснѣйшихъ, ею сдѣланныхъ художниковъ, работу, которая снѣдается временемъ, уже ослабшими руками въ нѣдрѣ камня начертала изображеніе для позднѣйшихъ потомковъ, которые бы познали, что была въ свѣтѣ несравненная государыня.

Таковое природою начертанное изображеніе, въ каковомъ оное видѣ обрѣтено и открыто, въ томъ точно видѣ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и представляется, купно съ тѣмъ же и обрѣтатель онаго повергается къ священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества! всемилостивѣйшая государыня! вѣрноподданнѣйшій капитанъ Матѳей Лонгиновъ.

Екатеринбургъ
октября 21-го дня
1796 года.

На докладѣ рукою Д. П. Трощинскаго написано: «Присланный камень отъ его императорскаго величества отданъ въ Кабинетъ для храненія. Ноября 19-го».

Сообщ. **В. Н. Строевъ.**

Изъ переписки М. Н. Загоскина [1]).

(р. 14-го іюля 1789 † 23-го іюня 1852).

VIII.

Письма разныхъ лицъ.

П. Н. Араповъ [2]) — М. Н. Загоскину.

С.-Петербургъ, 7-го іюля 1822 г.

За мѣсяцъ предъ симъ я послалъ чрезъ г-на Похорскаго [3]) къ Ф. Ф. Кокошкину [4]) комедію-водевиль своего сочиненія [5]), представленіе которой кн(язю) Шаховскому [6]) не угодно было позволить на здѣшнемъ театрѣ; я рѣшился напечатать мою піесу и украсилъ ее литографическою виньетою [7]), за что имѣлъ большую непріятность. Шаховской узналъ себя въ картинкѣ и чрезъ друга своего Майкова [8]) (кото-

---

[1]) См. „Русскую Старину", августъ 1902 г.

[2]) Пименъ Николаевичъ Араповъ (р. 1797 † 1861), драматическій писатель, авторъ труда „Лѣтопись русскаго театра".

[3]) Съ однимъ Похорскимъ Загоскинъ издавалъ, во второй половинѣ 1817 г., журналъ „Сѣверный Наблюдатель".

[4]) См. выше, стр. 359, прим. 3-е.

[5]) Статья изъ газетъ, или женихъ въ книжной лавкѣ (Спб. 1822).

[6]) Извѣстному князю Александру Александровичу Шаховскому, бывшему члену конторы театровъ по репертуарной части.

[7]) На виньеткѣ изображены двое мущинъ въ книжной лавкѣ (изъ нихъ въ одномъ легко можно узнать кн. А. А. Шаховскаго). Подъ виньеткою стоитъ подпись: Здѣсь совершенная бѣда съ театромъ автору связаться.

[8]) Аполлона Александровича Майкова, дпректора императорскихъ театровъ.

рый во всякомъ случаѣ имѣетъ честь быть его покорнѣйшимъ слугою) жаловался на меня графу Милорадовичу [1]); послѣдній приказалъ меня арестовать; къ счастью, что за меня всѣ тотчасъ вступились, и графъ призналъ свою ошибку. Виньеты при книжкахъ запрещены; два экземпляра при семъ къ вамъ посылаю, изъ коихъ одинъ можете доставить Федору Федоровичу [2]).

Вотъ вамъ краткое описаніе подлостей здѣшней дирекціи. Шаховской жалуется теперь на журналы, которые безпрестанно его атакуютъ, и никакъ не можетъ забыть тѣхъ чувствительныхъ ударовъ, которые получилъ прошедшей зимою; приложенная піэса съ виньетою такой сдѣлала шумъ въ городѣ, что теперь платятъ по 25 руб. за экземпляръ, чтобъ имѣть ее съ карикатурнымъ портретомъ Шаховскаго.

Если московская дирекція отойдетъ отъ зависимости здѣшней [3]), покорнѣйше прошу васъ приложить стараніе, чтобъ мой водевиль былъ игранъ [4]), чувствительно одолжите; музыку я также при письменномъ экземплярѣ къ Ф(едору) Ф(едоровичу) отправилъ.

Пожалуйте, любезный Михаилъ Николаевичь, напишите ко мнѣ мнѣніе ваше и почтеннаго Ф(едора) Ф(едоровича) насчетъ піэсы; адресъ мой у сего прилагаю. Изъявя мое истинное почтеніе всему вашему семейству, имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою П. Араповъ.

P. S. Пимену (Николаевичу) Арапову, близъ Вознесенскаго моста, въ домѣ Шипулинскаго № 146.

М. Е. Лобановъ [5]) — М. Н. Загоскину.

18-го сентября 1823 г.

Любезный другъ Михаилъ Николаевичъ. Давно не писалъ къ тебѣ, и вдругъ съ просьбою, да еще и весьма съ важною. Въ бытность князя

---

[1]) С.-Петербургскому военному генералъ-губернатору графу Михаилу Андреевичу Милорадовичу.

[2]) Кокошкину.

[3]) Это и произошло въ 1823 году.

[4]) 18-го мая 1822 г. Загоскинъ поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій къ московскому военному генералъ-губернатору, съ исправленіемъ должности экспедитора по театральному отдѣленію. (Въ Москвѣ тогда не было дирекціи театра, а находилась контора, состоявшая въ непосредственномъ завѣдываніи генералъ-губернатора). Въ 1823 году Загоскинъ былъ назначенъ членомъ конторы дирекціи московскаго театра по хозяйственной части, въ 1830 г. сталъ управляющимъ конторою московскихъ театровъ, а съ 1831 по 1847 годъ былъ ихъ директоромъ.

[5]) Михаилъ Евстаѳьевичъ Лобановъ († 1846), писатель, членъ Россійской Академіи. Отвѣтное письмо Загоскина, отъ 3-го октября 1823 года, напечатано въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1880 года, т. II, стр. 692—693.

Дмитрія Владиміровича [1]) у насъ въ Петербургѣ, я предлагалъ ему для московскаго театра Федру [2]), мной переведенную; князь благосклонно принялъ мое предложеніе и тогда же поручилъ мнѣ писать объ этомъ къ Федору Федоровичу Кокошкину [3]). Это было, помнится, зимою; а я только теперь спохватился: можетъ быть, поздно; но дружба твоя все поправитъ.

Я предлагаю Федру московской театральной дирекціи и буду доволенъ тѣмъ, что вы сами мнѣ за нее предложите. Двѣ тысячи, кажется, не много. Дирекціи отъ сей піесы, которую честь театра велитъ вамъ принять, будетъ вѣрный доходъ; а мнѣ, любезный другъ, и это пригодилось бы. Я потерялъ 5.000 въ Головиномъ дѣлѣ: выдали вмѣсто денегъ билетами, да еще такими негодными, что ни одинъ не выигралъ. Но что дѣлать! На судьбу не принимаютъ просьбы въ губернскомъ правленіи, хоть, правду сказать, не она одна виновата; наслѣдники уплелись отсюда и благоденствуютъ... безсовѣстные! Постарайся, любезный другъ, склонить почтеннаго Федора Федоровича къ принятію моего предложенія именемъ блистательнаго отца нашего Аполлона, который за доброе ваше дѣло воздастъ вамъ внушеніемъ прекрасныхъ пѣсней и, увѣнчавъ чела ваши вѣнками неувядаемыми, введетъ во храмъ безсмертія.

Устрой, любезный другъ, это дѣло и обрадуй меня съ первою почтою отвѣтомъ и, если можно, оффиціальною бумагою за подписаніемъ директора, а я съ первою же почтою доставлю вамъ рукопись.

Ахъ, любезный другъ, когда бы ты зналъ, какихъ трудовъ мнѣ стоитъ эта Федра! Десять трагедій, кажется, перевелъ бы другаго автора, если бы не страсть къ божественному Расину. А сколько у меня завистниковъ, соперниковъ! Здѣсь въ Петербургѣ живыхъ и ходячихъ полдюжины!... А черви-то, черви-то парнасскіе копышутся, кипятъ и ярятся!

На здѣшнемъ театрѣ Федра должна итти въ концѣ этого мѣсяца; Семенова [4]), надѣюсь, будетъ безподобна. Да и другія роли изряднехонько поплетутся.

Ты, вѣрно, хочешь услышать что-нибудь о Колосовой [5])? Она играла Герміону въ Андромахѣ. Прекрасно сдѣлала, что съѣздила въ Парижъ: наружность, всѣ движенія, всѣ манеры гораздо лучше. А талантъ?

---

[1]) Голицына, московскаго генералъ-губернатора.

[2]) Переводъ „Федры“ вышелъ въ 1823 году.

[3]) Директору московскаго театра.

[4]) Знаменитая актриса Екатерина Семеновна Семенова (см. выше, стр. 360, прим. 1-е).

[5]) Александрѣ Михайловнѣ († 1880), бывшей потомъ замужемъ за извѣстнымъ трагикомъ Василіемъ Андреевичемъ Каратыгинымъ († 1853).

тотъ же: бѣда! таланту-то нигдѣ не прикупишь. Однакожъ очень, очень пріятная актриса. Не жди сравненія съ Семеновою: у одной чувство, а у другой искусство.

Хочешь некрологіи? Умеръ Балтазаръ Балтазаровичъ Кампенгаузенъ [1]); умеръ Стейбельтъ [2]), славный музыкантъ; а мы всѣ прочіе, слава Богу, живы покамѣстъ и здоровы.

Не хочешь ли стиховъ? Изволь, мой любезный, пришлю цѣлую трагедію, досыта наслушаешься!

Въ Библіотекѣ [3]) все по-прежнему, и всѣ наши здоровы. Иванъ Андреевичъ [4]) захворалъ было, и весьма серіозно, но поправился, и теперь какъ маковъ цвѣтъ! Цѣлое лѣто онъ гостилъ въ Павловскѣ у императрицы [5]) и чрезвычайно пріятно провелъ время. Николай Ивановичъ [6]) здоровъ и оканчиваетъ свою Иліаду.

Я пишу съ сею же почтою къ князю Дмитрію Владиміровичу и къ Федору Федоровичу; но много полагаюсь на твое искреннее и дѣятельное участіе. Прощай. Душевно преданный тебѣ Михаилъ Лобановъ.

Наше искреннее почтеніе Аннѣ Дмитріевнѣ [7]); Александра Антоновна цѣлуетъ ее, а тебя проситъ похлопотать по нашему дѣлу.

Князь Н. А. Щербатовъ—М. Н. Загоскину.

Москва. 9-го марта 1830 г.

Государь императоръ, восхищенный «Іюріемъ (sic) Милославскимъ», изъявилъ сегодня князю Дмитрію Владиміровичу [8]) желаніе васъ видѣть у себя, почему его сіятельство поручить изволилъ мнѣ просить васъ завтра утромъ, въ 11 часу, явиться въ Николаевскій дворецъ, для представленія его величеству.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть вашимъ, милостиваго государя, покорнѣйшимъ слугою князь Николай Щербатовъ.

---

[1]) Государственный контролеръ баронъ Б. Б. Кампенгаузенъ († 10-го сентября 1823).

[2]) Даніель Штейбельтъ (Steibelt, р. 1764 † 8-го (20-го) сентября 1823 г. въ Петербургѣ), извѣстный композиторъ и піанистъ, бывшій капельмейстеромъ петербургскаго театра.

[3]) Въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ которой служили Лобановъ, Крыловъ и Гнѣдичъ, а въ 1818—20 г.г. и Загоскинъ, занимавшій въ ней должность помощника библіотекаря.

[4]) Крыловъ.

[5]) У императрицы Маріи Ѳеодоровны.

[6]) Гнѣдичъ.

[7]) Женѣ Загоскина.

[8]) Голицыну, московскому генералъ-губернатору.

Андрей Ник. Муравьевъ—М. Н. Загоскину.

Александровское. 16-го августа 1830.

Возвратясь изъ Палестины, гдѣ я такъ долго былъ лишенъ всего русскаго, съ невыразимымъ удовольствіемъ бросился я на первую русскую книгу, которая мнѣ встрѣтилась, и по счастію это была «Милославскій». Хвалить не стану, скажу только, что сцены въ Нижнемъ и въ лаврѣ заставили меня утирать глаза столь пламеннымъ отголоскомъ любви къ отечеству (sic), и слова Палицына надъ гробомъ Сергія восхитительны! Но не стану завлекаться симъ предметомъ, ибо другой прозаическій побудилъ меня писать вамъ.—Вотъ онъ: я хочу дать 15-го сентября праздникъ батюшкѣ [1]); у насъ есть малый театръ и малый хоръ пѣвчихъ, нельзя ли прислать мнѣ, какъ можно скорѣе, какую-нибудь малую оперу по вашему выбору, но только смѣшную, ибо грустная для нихъ слишкомъ трудна.

Не годится ли Удача отъ неудачи, или Жидовская корчма; полагаюсь совершенно на вашъ вкусъ, но только пришлите вмѣстѣ и ноты изъ театра; я самъ возвращу вамъ ихъ въ цѣлости, ибо пріѣду въ Москву въ исходѣ сентября; сколько бы оперъ и нотъ ни прислали, я за всѣ самъ ручаюсь и возвращу лично. Хотя наше знакомство было прервано войною и моимъ путешествіемъ, однакожъ вполнѣ надѣюсь, что вы по прежней благосклонности не откажете въ моей просьбѣ и тѣмъ много обяжете вашего покорнѣйшаго слугу А. Муравьева.

Пришлите пожалуйста сіи оперы въ нашъ домъ къ управляющему Гаврилѣ Мосѣеву, но ради Бога не медлите.

О. М. Сомовъ—М. Н. Загоскину.

С.-Петербургъ, 15-го іюня 1831 г.

Благодарю, и тысячу разъ благодарю васъ за пріятный подарокъ, который подоспѣлъ ко мнѣ въ концѣ минувшей недѣли и съ которымъ до сего дня я неразлученъ, sans phrases. Вашъ «Рославлевъ» [2]) пробудилъ нашу заплѣсневѣлую литературу отъ лѣтняго ея застоя, и я отвелъ имъ душу, какъ добрымъ стаканомъ шампанскаго, игриваго, шипучаго,

---

[1]) Николай Николаевичъ Муравьевъ († 1840), основавшій въ 1811 г. въ Москвѣ учебное заведеніе для колонновожатыхъ.

[2]) Романъ Загоскина „Рославлевъ, или русскіе въ 1812 году“ вышелъ въ 1831 году.

бросающаго искры. Въ будущемъ № моей газеты вы увидите то, что я чувствовалъ при чтеніи вашего прекраснаго романа[1]); и я напередъ увѣренъ, что вы не подосадуете на меня за критику откровенную и не злоумышленную.

Отъ Саввы Михайловича [2]) получилъ я 5 экземпляровъ «Рославлева» (въ томъ числѣ и назначенный мнѣ). Одинъ изъ нихъ (Гречу) доставилъ я въ тотъ же день. Князь А. А. Шаховской живетъ теперь на дачѣ, на 3-й верстѣ по Петергофской дорогѣ. На-дняхъ я поѣду къ нему нарочно и отвезу вашъ подарокъ. На-дняхъ же буду у Пушкина, кочующаго теперь съ молодою своею въ садахъ царскосельскихъ, гдѣ остается онъ на цѣлое лѣто. Я порадую его милымъ спутникомъ лѣтнихъ прогулокъ, живымъ, лихимъ, истинно-русскимъ Рославлевымъ. Аладьина [3]) не знаю гдѣ отыскать: онъ долженъ мнѣ, не платитъ уже съ полгода послѣ срока и глазъ не показываетъ. Впрочемъ, буду выписывать его чрезъ книжныя лавки, для полученія принадлежащаго ему экземпляра. Назначеннаго А. С. Шишкову, по приложенному вами списку, экземпляра я не получилъ, но надѣюсь на нынѣшней недѣлѣ увидѣться съ Саввою Михайловичемъ и спрошу у него.

Вѣрю съ полнымъ убѣжденіемъ, что (Малый) театръ въ томъ видѣ, какъ вы его застали, n'était pas le Pérou [4]), чувствую это по сравненіямъ и слухамъ, доходящимъ до меня о здѣшнемъ, ибо самъ я давно уже отрекохся отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и потому не бываю больше въ здѣшнемъ храмѣ жалкой Таліи и смѣшной Мельпомены. Что дѣлать! Душа не лежитъ къ этому пошлому святилищу: съ меня довольно и пошлыхъ статей о немъ, которыхъ я тоже не читаю.

Кстати о театрѣ. Шальной хронологъ его avant la naissance du monde, Ушаковъ [5]), раздосадовалъ меня вздорною своею статьею о «Рославлевѣ». Я хочу придать ему мазу въ моемъ разборѣ. Онъ прикидывается доброжелателемъ; но если и правда, то

Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

Забавенъ его вопросъ: почему названъ де романъ: «Русскіе въ 12-мъ году»? И вслѣдъ за тѣмъ высказалъ все, чего можно требовать только отъ исторіи. Не разжевалъ голубчикъ и того, что русскіе тутъ въ характерахъ и картинахъ. Поэтому можно напасть и на Вальтеръ-

---

[1]) См. отзывъ о „Рославлевѣ“ въ „Литературной Газетѣ“ 1831 года, т. 3, № 36 (отъ 23-го іюня), стр. 294—296.

[2]) Мартынова (см. выше, стр. 362, прим. 6-е).

[3]) Егоръ Васильевичъ Аладьинъ († 1860) писалъ повѣсти и стихи, издавалъ „Невскій Альманахъ“.

[4]) Т. е. не имѣлъ особаго значенія.

[5]) Статья Василія Аполлоновича Ушакова († 1838) о „Рославлевѣ“ была напечатана въ №№ 129, 130 и 139 „Сѣверной Пчелы“ 1831 года.

Скотта, зачѣмъ онъ написалъ въ заглавіи Ваверлея: «Шотландцы за 60 лѣтъ назадъ»? Ибо де тутъ не всѣ они на лицо по ревизскимъ сказкамъ. Это привязка истинно киргизъ-кайсацкая и очень пахнетъ лошадинымъ мясомъ и кобыльимъ молокомъ.

Снова повторяя чувствительнѣйшую мою благодарность за милый вашъ подарокъ, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и душевною преданностію вашъ покорнѣйшій слуга О. Сомовъ.

П. П. Свиньинъ [1]) — Загоскину.

15-го февраля 1832 г.

Ломая голову, какъ бы дать поумнѣе названіе моей комедіи, мнѣ пришло на мысль окрестить ее слѣдующимъ образомъ: «Не въ одной Москвѣ смѣшное!».

Какъ вы думаете, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Михайло Николаевичъ?

Я рѣшился остаться до овторника первой недѣли, чтобъ прочесть вамъ остальное дѣйствіе, которое есть развязка всему. Между тѣмъ покорнѣйше прошу прислать мнѣ мою комедію, дабы я еще ее просмотрѣлъ. Ради Бога, не забудьте.

Да благоволите приказать дать на прилагаемые при семъ 15 рублей хорошенькій бенуаръ для французскаго спектакля въ середу. Если можно, третій съ котораго ни есть конца.

Симъ премного обяжете вашего покорнѣйшаго слугу Пав(ла) Свиньина.

В. В. Пассекъ [2]) — М. Н. Загоскину.

Харьковъ. 1-го сентября 1832 г.

И вдали отъ васъ чувствованія мои исполнены признательности— и уваженіе къ вамъ навсегда неизмѣнно. Вамъ извѣстно, что обстоятельства завлекли меня въ Украйну, и я, конечно, обрадую васъ, сказавши, что дѣла окончились въ нашу пользу, что меньшіе мои братья и сестры будутъ имѣть болѣе нашего средствъ къ своему образованію и что наша маменька, послѣ продолжительныхъ несчастій, хотя въ по-

---

[1]) Издатель журнала „Отечественныя Записки“ († 1839).

На письмѣ, сбоку, рукою М. Н. Загоскина сдѣлана слѣдующая замѣтка: „Было изъ чего ломать голову. Назвалъ бы просто: Г.... въ трехъ актахъ“.

[2]) Вадимъ Васильевичъ Пассекъ († 1842), извѣстный издатель „Очерковъ Россіи“.

слѣднихъ дняхъ жизни, не будетъ имѣть тягостныхъ заботъ о доставленіи насущнаго хлѣба своимъ дѣтямъ. Я говорю: обрадую васъ въ увѣренности, что сердце, расположенное къ добру, радуется счастію людей, въ которыхъ принимаетъ истинное участіе. Подробно можетъ разсказать вамъ объ окончаніи сего дѣла Левъ Дмитріевичъ Хорватъ, который обѣщался доставить вамъ это письмо. Онъ здѣсь судьею. Мы ему много обязаны.

Братъ Евгеній уѣхалъ отсюда въ іюлѣ мѣсяцѣ, а я, доканчивая порученныя мнѣ дѣла, еще живу въ странѣ, близкой мнѣ по родинѣ и далекой по душѣ. Въ пять мѣсяцевъ въ половинѣ здѣшней губерніи я нашелъ не болѣе пяти человѣкъ, съ которыми можно дѣлиться полнотою думъ и чувствованій. Здѣсь много умовъ свѣтлыхъ; но умъ безъ наукъ, науки безъ благодѣтельнаго приложенія не много улучшаютъ человѣка. А здѣсь просвѣщеніе поглощено или невѣжествомъ или наружнымъ образованіемъ, и масса людей не соединена никакою цѣлію, не оживлена общею идеею: всякій живетъ по обстоятельствамъ; сообразно съ ними измѣняется его духовная сторона, и если поденщикъ рабо(та)етъ для настоящаго дня, то здѣсь болѣе живутъ только для своихъ пожизненныхъ цѣлей. Можетъ быть, тоже самое и въ другихъ мѣстахъ, но здѣсь оно для меня замѣтнѣе.

У деревенскаго дворянства почти нѣтъ другихъ книгъ, кромѣ лечебниковъ, сонниковъ, романовъ des mesdames Радклифъ и Жанлисъ и нравственныхъ наставленій, по способу дѣйствія на человѣка, запоздавшихъ въ минувшемъ столѣтіи. Даже подобныя библіотеки рѣдки; почти все ограничивается напольнымъ хозяйствомъ, повѣркою приходовъ и расходовъ, но и здѣсь они страшатся ввести какую-нибудь новизну. Подъ сей итогъ нельзя подвести только немногихъ, въ противоположность которымъ являются помѣщики, которыхъ военное счастіе сдѣлало безграмотными дворянами. Новое поколѣніе вообще и здѣсь лучше. Простонародіе съ рѣдкою характеристикою. Вотъ краткій очеркъ того, что я вижу; вотъ состояніе и вкусъ большей части публики. Повѣрите ли, что и ваши романы, почтеннѣйшій Михаилъ Николаевичъ, здѣсь для многихъ неизвѣстны по имени: причина ясная—вы выше толпы. Это ручается вамъ за продолжительность вашей славы: Россія въ одно время заключаетъ въ себѣ много вѣковъ, принимая мѣриломъ ихъ просвѣщеніе. Для многихъ людей чрезъ два или три столѣтія наступитъ настоящее девятнадцатое. Слѣдовательно, только черезъ два или три столѣтія будутъ доступны для нихъ нѣкоторыя ваши сочиненія, такъ справедливо занимающія любящихъ прекрасное и близкое сердцу русскому.

Свидѣтельствуя искреннее почтеніе милостивой государынѣ Аннѣ Дмитріевнѣ, съ полнымъ уваженіемъ имѣю честь быть къ вамъ, мило-

стивому государю, признательный и покорный слуга Вадимъ Пассекъ.

P. S. О театрѣ здѣшнемъ буду писать Николаю Ивановичу [1]), которому не откажитесь засвидѣтельствовать мое почтеніе.

Князь К. А. Ливенъ—М. Н. Загоскину [2]).

16-го декабря 1832 г.

Я получилъ письмо ваше отъ 20-го ноября, въ коемъ жалуетесь, что московская цензура не пропустила антикритику на статью г. Полеваго, помѣщенную въ 13-мъ № его журнала, въ коей онъ разбиралъ пѣсу князя Шаховскаго «Рославлевъ» [3]). Надо полагать, что въ сдѣланномъ вамъ членами Московскаго цензурнаго комитета отзывѣ вышло какое-нибудь недоразумѣніе; ибо комитету сему поставлено въ обязанность вообще не пропускать критикъ, въ коихъ заключаются личности, не дѣлая въ пользу какого бы то ни было лица исключеній. Настоящій случай можетъ быть развѣ тѣмъ изъясненъ, что сія статья г. Полеваго пропущена цензурою прежде, нежели было ей сдѣлано вышеупомянутое наставленіе.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь мой, покорнѣйшимъ слугою князь Ливенъ.

Князь П. А. Вяземскій—М. Н. Загоскину.

С.-Петербургъ. 22-го декабря 1833 г.

M-me Julien, французская актриса Варшавскаго театра и прежде знакомая и московской публикѣ, ѣдетъ въ Москву съ желаніемъ и надеждою вступить во французскую московскую труппу. Она проситъ у меня рекомендательнаго письма къ вамъ, и, увѣренный въ вашемъ

---

[1]) Гнѣдичу.

[2]) Генералъ-отъ-инфантеріи князь Карлъ Андреевичъ Ливенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія въ 1828—32 гг.

[3]) Въ № 13-мъ издававшагося Н. А. Полевымъ „Московскаго Телеграфа“, въ отдѣлѣ „Русскій театръ“, была помѣщена (стр. 118—129) критика на пьесу: „Рославлевъ, романтическое зрѣлище въ 5-ти суткахъ, съ пѣніемъ, хорами и военными эволюціями, взятое княземъ А. А. Шаховскимъ изъ романа М. Н. Загоскина: Русскіе въ 1812 году“. — Загоскинъ, бывшій въ то время директоромъ московскаго театра, вообще принималъ на свой счетъ замѣтки въ „Московскомъ Телеграфѣ“ о театрѣ (см. „Историческій Вѣстникъ“ 1880 г., т. II, стр. 701—704).

ко мнѣ благосклонномъ расположеніи, я осмѣливаюсь исполнить просьбу ея и просить васъ не отказать ей въ покровительствѣ. Кромѣ таланта ея, который всегда хорошо былъ оцѣненъ публикою, она заслуживаетъ особенное участіе и по несчастному положенію своему. Послѣдняя польская революція лишила ее всего имущества и плодовъ многолѣтнихъ занятій на сценѣ. Призрѣніемъ ея вы сдѣлаете, точно, доброе дѣло, а о талантѣ ея вы сами судить будете основательнѣе меня. Въ этомъ отношеніи она сама должна быть за себя ходатаемъ предъ вами и публикою.

Пользуюсь симъ случаемъ, чтобы напомнить вамъ, милостивый государь, о себѣ и просить васъ принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и неизмѣнной преданности, съ коими имѣю честь быть вашъ покорнѣйшій слуга к(нязь) Петръ Вяземскій.

А. С. Хомяковъ—М. Н. Загоскину.

Воскресенье, 27-го мая 1834 г.

Получивъ дружеское ваше письмо, я долго не смѣлъ ни вѣрить всѣмъ вашимъ похваламъ, которыхъ едва-ли заслуживаю, ни не вѣрить имъ, зная вашу откровенность. Ваше мнѣніе объ «Самозванцѣ» [1]) такъ лестно, такъ много превышаетъ самыя самолюбивыя мои надежды, что я приписываю оное пристрастію, внушенному или вашимъ ко мнѣ расположеніемъ или сочувствіемъ русскаго сердца съ другимъ сердцемъ, которое я также съ нѣкоторою гордостію могу назвать чисто русскимъ. Во всякомъ случаѣ это для меня лучшая награда: сладостныя воспоминанія останутся мнѣ отъ труда, доставившаго мнѣ такой прекрасный плодъ. Говорятъ, литераторъ пишетъ для себя и для удовлетворенія своему внутреннему чувству. Я согласенъ въ этомъ; но знаю и то, что трудъ становится легче, любовь къ дѣлу сильнѣе, когда благородныя души встрѣчаютъ дружбою труженика искусствъ. Судите же сами, какія были во мнѣ чувства при чтеніи вашего посланія. Если будущій мой сынокъ заслужитъ также похвалъ, то вѣрьте, онъ много будетъ вамъ обязанъ. Съ прошедшаго вторника яснѣе кажется мнѣ цѣль моя, «Ляпуновъ» [2]) принимаетъ живѣйшія краски, и я самъ какъ будто окрѣпчалъ. Это не слова, но отъ души. Я забываю холодность робкой и томной публики, ибо ваша похвала для меня залогомъ будущаго

---

[1]) Трагедія Хомякова „Дмитрій Самозванецъ“ была издана въ Москвѣ въ 1833 году.

[2]) Отъ этой трагедіи сохранился лишь отрывокъ. Онъ напечатанъ въ Сочиненіяхъ А. С. Хомякова, IV, Москва 1900, стр. 179—186.

одобренія публики болѣе образованной и менѣе благоговѣющей передъ заморскимъ; а зубы польской хохлатой собаки [1]) или налетъ бухарскаго коршуна [2]) уже просто становятся шуткой для того, кто въ рукѣ своей чувствуетъ руку друга-богатыря. Вашъ отъ души Хомяковъ.

Н. И. Гречъ—М. Н. Загоскину.

С.-Петербургъ. 7-го іюля 1834 г.

Любезнѣйшій Михаилъ Николаевичъ.

Тебѣ до выхода въ свѣтъ моего романа [3]) посылаю и «Черную Женщину», и «Мазеппу» [4]) (sic). Прошу принять благосклонно!

Сдѣлай одолженіе, скажи, что̀ дѣлаетъ вашъ Надеждинъ [5])? Или онъ вовсе не дорожитъ репутаціею честнаго человѣка и благороднаго литератора? Что̀ значатъ его доносы на Брамбеуса [6])? Сенковскаго онъ не тронетъ, ибо С(енковскій) не читаетъ «Телескопа». Публики онъ не обморочитъ, ибо и она не знаетъ о существованіи «Телескопа». Но если кто и возьметъ въ руки эту гадкую статью, тотъ почувствуетъ величайшее презрѣніе къ ея автору. Полевой никогда этого не дѣлалъ. Можетъ быть, Н(адеждинъ), слышавъ неблаговоленіе министра [7]) къ С(енковскому), хочетъ поддѣлаться? Напрасный трудъ! Министръ нашъ такъ благороденъ, что не одобритъ низкихъ оскорбленій, хотя бы и такого человѣка, котораго онъ не любитъ, и такъ уменъ, что догадается о причинахъ этихъ рапортичекъ. Въ одномъ Н(адеждинъ) можетъ быть увѣренъ, что ему никто отвѣчать не будетъ, никто не захочетъ войти въ состязаніе съ грязнымъ доношикомъ. Онъ напрашивается на драку—напрасно! Можно не любить Сенк(овскаго), можно бранить его сочиненія, но онъ человѣкъ достойный уваженія, ученый, полезный, приносящій честь и пользу нашей словесности. А что̀ сдѣлалъ Н(адеждинъ) для того, чтобъ имѣть голосъ въ литературѣ? Написалъ нелѣпую рѣчь о теоріи изящныхъ искусствъ [8]), предъ которою рѣчь Поле-

[1]) Т. е. Булгарина.

[2]) Т. е. Сенковскаго.

[3]) Романъ Греча, вышедшій въ 1834 году.

[4]) Романъ Булгарина, вышедшій въ 1833—1834 гг.

[5]) Николай Ивановичъ Надеждинъ издавалъ тогда журналъ „Телескопъ“.

[6]) Псевдонимъ О. И. Сенковскаго.—Статья Надеждина подъ заглавіемъ „Здравый смыслъ и баронъ Брамбеусъ“ напечатана въ XXI части „Телескопа“ за 1834 годъ (стр. 131—175, 246—276 и 317—335).

[7]) С. С. Уварова.

[8]) „О современномъ направленіи изящныхъ искусствъ“. Эта рѣчь была произнесена въ торжественномъ собраніи Московскаго университета 6-го іюля 1833 года.

ваго [1]), безтолковая и безграмотная, есть chef-d'oeuvre. Если ты желаешь ему добра, посовѣтуй ему, чтобъ онъ не дурачился. Во-первыхъ, онъ срамитъ себя предъ всею русскою публикою; во-вторыхъ, отсюда за эти мерзости такъ могутъ царапнуть, что и костей не унесетъ.

Я въ этомъ дѣлѣ человѣкъ совершенно посторонній. Меня не укуситъ никакая глупая дворняшка. Поскалитъ зубы, да и отстанетъ. Но честь, но словесность, но Россія! Подумай, что на насъ обращены глаза сорока милліоновъ; что мы должны быть выше толпы. Доносить на литератора, обвинять человѣка въ якобинствѣ и развратѣ! Это непозволительно! Не знаю, что̀ дѣлаетъ ваша глупая цензура. И Полевого она сгубила.

Извини, что я распространился о предметѣ, можетъ быть, для тебя непріятномъ. Но я привыкъ знать, любить и уважать тебя не только какъ человѣка съ отличнымъ талантомъ, но и какъ благороднаго русскаго патріота, которому дорога честь отечественной литературы. Если имѣешь какое-либо вліяніе на Н(адеждина), уйми его. Ей-ей, худо кончится.

Прости, любезнѣйшій! Кланяйся твоей любезной супругѣ и помни твоего искренняго друга Н. Греча.

И. И. Дмитріевъ—М. Н. Загоскину [2]).

Москва. 29-го января 1836 г.

Спѣшу изъявить вамъ чувствительную благодарность мою за вашъ литературный подарокъ. Увѣряю васъ искренно, что при представленіи «Недовольныхъ» [3]) я былъ въ числѣ ихъ противоположниковъ, а по прочтеніи этой піесы еще болѣе въ томъ утвердился. Не смѣю состязаться съ двумя журналами [4]), какъ невѣжда XVIII вѣка: но я видѣлъ и слышалъ на сценѣ что-то похожее на правду; я улыбался иногда, глядя на сцену—и чего же для меня болѣе! Въ простотѣ сердца моего, право, доволенъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, милостивый государь, покорнѣйшимъ вашимъ слугой И. Дмитріевъ.

---

[1]) Рѣчь о купеческомъ званіи и особенно въ Россіи (Москва. 1832).

[2]) Одно письмо И. И. Дмитріева къ Загоскину было издано въ „Раутѣ“ Н. В. Сушкова, книга третья (Москва. 1854), стр. 315.

[3]) Комедія Загоскина, напечатанная въ 1836 году.

[4]) Имѣются въ виду отзывы о „Недовольныхъ“ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ (см. выше, стр. 96, прим. 2-е) и въ „Телескопѣ“ 1835 г., № 28 стр. 81—103.

Н. А. Полевой—М. Н. Загоскину.

С.-Петербургъ. 10-го января 1838 г.

Съ наступленіемъ новаго года позвольте мнѣ пожелать вамъ, отъ души и сердца, всего добраго и прекраснаго. Дай Богъ, чтобы вы провели наступившій годъ весело и счастливо, и позвольте прибавить къ большому малое, но для меня весьма большое, чтобы помнили и не забывали меня. Послѣднее время пребыванія моего въ Москвѣ такъ раскрыло мнѣ вашу чистую, поэтическую душу, ваше горячее, благородное сердце, что я навсегда полюбилъ васъ, навсегда сохраню къ вамъ чувства моей преданности, моего совершеннаго уваженія.

Увѣренность, что вы сохраняете ко мнѣ чувства драгоцѣнной для меня пріязни, заставляетъ теперь меня обратиться къ вамъ съ моею покорнѣйшею просьбою. Вотъ въ чемъ состоитъ она: вамъ уже извѣстно что я отдалъ на бенефисъ П. С. Мочалова свою драму «Уголино» [1]). Меня уже увѣдомляли, что она репетируется и положено ее дать 21-го января. Но грозное извѣстіе вмѣстѣ съ тѣмъ пришло мнѣ изъ Москвы, что нельзя играть ее, не имѣя экземпляра рукописи, скрѣпленнаго цензурою г. Ольдекопа [2]). Къ крайнему прискорбію моему, времени до 21-го числа остается такъ мало, что я никакъ не могу успѣть переслать такой экземпляръ, и мнѣ остается прибѣгнуть только къ вашему великодушному заступленію. Увѣряю васъ моею честью и всѣмъ, что только есть для меня святаго на землѣ и въ небѣ: 1-е, что рукопись «Уголино» точно цензурою, съ весьма немногими измѣненіями, пропущена и подписана, а въ доказательство этого «Уголино» данъ будетъ 17-го числа на здѣшнемъ театрѣ; 2-е, что въ самомъ скоромъ времени, не далѣе 1-го февраля, я непремѣнно вышлю списокъ, скрѣпленный г. Ольдекопомъ, а между тѣмъ окажите мнѣ ваше великодушное пособіе и покровительство: позвольте играть пьесу по списку, предварительно мною высланному, гдѣ всѣ измѣненія цензуры отмѣчены, и скрѣпленному однимъ изъ чиновниковъ здѣшней дирекціи. Въ семъ случаѣ никакой непріятности выйдти не можетъ, и остается неисполненною только канцелярская форма. Можетъ быть-напрашиваясь на представленіе «Уголино», я напрашиваюсь на шиканье и паденіе, но я прошу ваше превосходительство войти въ положеніе бѣднаго Мочалова, если ему не позволено будетъ вами, за неполученіемъ только скрѣпленнаго цензурою списка, дать пьесу въ бенефисъ! Вотъ почему униженно прошу и готовъ на колѣни стать

[1]) Вышла въ свѣтъ въ 1838 году.

[2]) Цензора Евстаѳія Ивановича Ольдекопа.

*

передъ вами: будьте великодушны! Строгость формъ я первый всегда готовъ уважить, но она терпитъ исключенія, если они не зловредны, а здѣсь, истинно и по совѣсти, ничего злаго нѣтъ, и все касается только внутреннихъ распоряженій. Это моя первая къ вамъ просьба—не откажите мнѣ въ ея исполненіи! А я вновь увѣрить васъ смѣю, что вожделѣнный списокъ за драгоцѣнною скрѣпою г. Ольдекопа отнюдь не замедлю доставить, но только теперь, за малостью времени, списать и переслать его ко дню бенефиса не имѣю возможности.

Если вамъ любопытно вѣдать обо мнѣ, братъ мой [1]) можетъ пересказать вамъ всѣ подробности. Я живъ, здоровъ, и только обремененъ работою, едва успѣваю съ нею управляться. Рѣшась трудиться — не ропщу! Первые начатки моего новаго журнальнаго дѣла ваше превосходительство, вѣроятно, уже видѣли въ новомъ «С(ынѣ) О(течества)» и новой «С(ѣверной) П(челѣ)» [2]). Могу ли надѣяться, что вы не откажетесь подарить въ нашъ перерожденный журналъ хоть нѣсколько страничекъ вашихъ? Я почелъ бы это драгоцѣннымъ подаркомъ и большимъ знакомъ вашего ко мнѣ вниманія. Надобно было противостать нашествію гордаго ляха на нашу литтературу—будущее рѣшитъ успѣхъ..о

Обращаюсь снова къ моей просьбѣ объ «У г о л и н о». Увѣдомленія вашемъ согласіи буду ждать нетерпѣливо, и признаюсь, что извѣстіе о противномъ, послѣ чего не знаю уже, чѣмъ замѣнится на свой бенефисъ Мочаловъ, поставитъ меня въ самое грустное противъ него отношеніе. Отъ васъ зависитъ теперь о б р а д о в а т ь и о п е ч а л и т ь меня. Я увѣренъ, что даже съ пожертвованіемъ многаго вы согласитесь подарить радостью вашего ближняго, и, если только во власти вашей будетъ, всегда удалите отъ него минуту прискорбья...

Съ истиннымъ, совершеннымъ почтеніемъ и неизмѣнною преданностью честь имѣю пребыть, вашъ, вашего превосходительства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга Николай Полевой.

Н. В. Кукольникъ—М. Н. Загоскину [3]).

С.-Петербургъ. 2-го марта 1841 г.

Письмо ваше, драгоцѣннѣйшій Михайло Николаевичь, я получилъ и приношу всякую признательность за вниманіе. Спѣшу васъ увѣдомить,

---

[1]) Ксенофонтъ Алексѣевичъ Полевой.

[2]) Съ 1838 года Н. А. Полевой сдѣлался негласнымъ редакторомъ „Сына Отечества“ и „Сѣверной Пчелы“ (см. „Русскую Старину“ 1901 года, май, стр. 409).

[3]) Одно письмо Кукольника къ Загоскину, тоже 1841 г., напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1901 г., мартъ, стр. 693.

что Холмскаго моего [1]) приступаютъ разучивать, но онъ раньше исхода апрѣля данъ быть не можетъ за отлучкою въ Москву гг. Каратыгиныхъ. Идетъ онъ по разамъ, слѣдственно и на московской сценѣ я сохраняю такія же права. Все теперь зависитъ отъ вашей воли и содѣйствія. Знаю и вѣдаю ваше ко мнѣ расположеніе и потому предаю себя и сына моего вамъ въ руки. Ставьте, когда хотите, хоть лѣтомъ, хоть къ зимѣ, только поставьте въ этомъ году. Положеніе мое вынуждаетъ хлопотать о нѣкоторомъ хотя вознагражденіи, а я на Москву больше надѣюсь, чѣмъ на нашу архи-европейскую столицу; и по разамъ перепало бы мнѣ что-нибудь не на одну бумагу и перья; сколько-нибудь окупилось бы и время. Вы частенько сидите въ конторѣ, у васъ подъ руками почтовый лоскутокъ, а въ рукѣ перышко, я не теряю надежды, что вы въ одну изъ такихъ минутъ—хвать и увѣдомите меня о вашихъ намѣреніяхъ насчетъ Холмскаго. Но вообразите мой восторгъ, восхищеніе моихъ добрыхъ сотрудниковъ, радость подписчиковъ на «Русскій Вѣстникъ», еслибы вдругъ при лоскуткѣ о моемъ дѣлѣ приложенъ былъ коротенькій разсказъ, даже отрывочекъ съ отдѣльнымъ содержаніе(мъ), что-нибудь, что-нибудь руки вашей для нашего журнала, иже подвизается съ такимъ безкорыстіемъ и съ такими честными намѣреніями на рынкѣ словесности? Не правда ли, что эта мечта обольстительна, а что же, если она обратится въ дѣйствительность? Къ вамъ я пишу безъ лести и aggière-pensée [2]), какъ нѣкогда разговаривалъ съ вами.

Въ Москву ѣдетъ Гейнефеттеръ [3]). Чудо, не пѣвица; диво, не человѣкъ. Вы ее полюбите, какъ полюбили ее всѣ, понимающіе искусство и чувство. И риема, и правда.

Весь и по вся дни вашъ Несторъ Кукольникъ.

К. П. Масальскій—М. Н. Загоскину.

С.-Петербургъ, 3-го апрѣля 1842 г.

Хотя много уже прошло времени съ 1834 года, когда я былъ въ Москвѣ, но мнѣ до сихъ поръ живо памятенъ радушный, обязательный пріемъ, которымъ вы тогда удостоили петербургскаго пріѣзжаго. Не даромъ сказалъ Батюшковъ:

---

[1]) Драма Кукольника „Князь Даніилъ Дмитріевичъ Холмскій“ вышла въ свѣтъ въ Петербургѣ въ 1840 году.

[2]) Т. е. задней мысли.

[3]) Пѣвица Сабина Гейнефеттеръ (р. 1802 † 1872), пользовавшаяся большимъ успѣхомъ въ Германіи, Франціи и Италіи.

О, память сердца, ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной [1]).

И до того времени, никогда еще не видавъ васъ, я любилъ и уважалъ искренно автора «Юрія Милославскаго»; но, узнавъ его лично, сталъ любить и уважать его еще болѣе. Не сочтите, милостивый государь Михаилъ Николаевичъ, словъ моихъ за мишурный комплиментъ. Я не охотникъ до мишуры и не люблю говорить не согласно съ сердцемъ.

Податель этого письма, родной братъ мой, Михаилъ Петровичъ Масальскій, отправляющійся по порученію министра государственныхъ имуществъ на слѣдствіе въ Ярославскую губернію. Онъ вручитъ вамъ 3-й нумеръ моего «Сына Отечества». Тамъ я высказалъ, въ статьѣ о вашемъ новомъ твореніи [2]), то, что давно у меня лежало на сердцѣ. Мои чувства, безъ сомнѣнія, раздѣляютъ всѣ русскіе, любящіе отечество и славу родины. По крайней мѣрѣ въ Петербургѣ статья моя надѣлала много шуму. Я получилъ за нее отъ многихъ, вовсе незнакомыхъ мнѣ лицъ благодарственныя письма. Они доказываютъ, какъ всѣ любятъ васъ. За то, съ другой стороны, партія европейцевъ и верхоглядовъ собираются войною на «Сына Отечества». «Быть грому великому» можно мнѣ сказать вмѣстѣ съ пѣвцомъ Слова о полку Игоревомъ. Но робѣть не должно. За правое дѣло весело сражаться.

Весьма бы поддержали вы, милостивый государь Михаилъ Николаевичъ, «Сына Отечества», подавъ ему помощь. Эта помощь—все равно, что стотысячное войско. «Сынъ Отечества» сдѣлался бы втрое, вчетверо сильнѣе, если бы вы украсили его хоть разъ вашимъ именемъ. Обрадуйте меня присылкою повѣсти или какой угодно піесы. Условія предоставляю совершенно на ваше благоусмотрѣніе. Я на всѣ условія изъявляю напередъ полное согласіе. Адресъ мой: Дѣйствительному статскому совѣтнику Масальскому, редактору «Сына Отечества», въ С.-Петербургѣ, въ собственномъ домѣ.

Братъ мой торопитъ меня окончить письмо, потому что опасается опоздать и упустить отъѣзжающій дилижансъ. Извините за это письмо, писанное на почтовыхъ, и вѣрьте, что навсегда сохраню чувства глубокаго уваженія къ вамъ и искренней преданности, которыя у меня въ сердцѣ, а не на концѣ письма. Вашъ покорнѣйшій слуга К. Масальскій.

---

[1]) Эти два стиха взяты изъ стихотворенія К. Н. Батюшкова „Мой геній“.

[2]) См. отзывъ о романѣ Загоскина „Кузьма Петровичъ Мирошевъ“, помѣщенный въ № 3 „Сына Отечества“ 1842 года, Критика, стр. 13—28.

Князь В. Ѳ. Одоевскій—М. Н. Загоскину.

С.-Петербургъ, 4-го февраля 1843 г.

Честь имѣю препроводить къ вамъ при семъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Михаилъ Николаевичъ, нашу книжицу [1]), которая украшена вашею статьею [2]). Я до сихъ поръ не благодарилъ васъ за нее, но вы вѣрно простите мнѣ эту неучтивость, когда узнаете все, что̀ подѣлалось со мною въ теченіи этого года. По возвращеніи изъ-за границы, я нашелъ, что дома у меня очень худо: теща [3]) при смерти и въ страданіяхъ безпрерывныхъ — и эти страданія длились три мѣсяца! Теща умерла, жена [4]) занемогла, а къ тому же приспѣла работа служебная, и еще какая—корректурная! Хотя поздно, но примите мою искреннюю благодарность и за вашу прекрасную статью, и за готовность, съ которою вы изъ первыхъ приняли участіе въ семъ полезномъ и, можетъ быть, болѣе важномъ дѣлѣ, нежели какъ обыкновенно думаютъ наши литераторы о народныхъ книгахъ. Между тѣмъ не посѣтуйте и не удивитесь нѣкоторому роду предисловія, находящемуся въ началѣ вашей статьи [5]) — насъ принудила къ тому духовная цензура, сама оное написала и объявила, что безъ таковаго прибавленія статьи пропустить нельзя; долго мы съ нею торговались; и какъ на малѣйшее исключеніе изъ вашей статьи мы не соглашались,—надобно было согласиться на предисловіе; мы отдѣлили его чертою, чтобы показать, что это грѣхъ не вашъ, а только приклеенъ къ вашей статьѣ. Вы знаете этого рода тиски—и потому поймете насъ.

Если бы вамъ Богъ положилъ на сердце написать статью для будущей книжки «Сельскаго Чтенія» [6]), которая уже готовится, то много бы насъ обязали; если въ ней и будетъ что-либо, относящееся до духовной цензуры—нужды нѣтъ; теперь, находясь самъ въ Петербургѣ, я удобнѣе найду средства избавиться по крайней мѣрѣ отъ прибавленій. Да прошу сказать мнѣ слова два, что̀ вы думаете вообще о вышедшей книжкѣ. Это дѣло не литературное, не блестящее, но, мо-

---

[1]) Первую книжку сборника „Сельское Чтеніе“, который издавался княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и А. П. Заблоцкимъ.

[2]) Въ первой книжкѣ „Сельскаго Чтенія“ на первомъ мѣстѣ (стр. 1—16) помѣщена статья Загоскина „Отецъ Василій“.

[3]) Марья Васильевна Ланская, рожденная Шатилова († 1842).

[4]) Княгиня Ольга Степановна († 1872), рожденная Ланская.

[5]) Небольшое предисловіе, въ которомъ указывается важность священническаго сана.

[6]) Во второй книжкѣ „Сельскаго Чтенія“ нѣтъ статей Загоскина.

жетъ быть, болѣе дѣло кровное; бѣда, если разрастется нашъ народъ, съ первой минуты чтенія, подъ вліяніемъ нелѣпой блудни, демократизма, безвѣрія и прочихъ гадостей, переходящихъ къ намъ изъ-за моря посредствомъ переводовъ или домашнихъ издѣлій Выжигиныхъ [1]), и упрекъ въ томъ останется на всѣхъ тѣхъ, кто въ наше время держалъ совѣтъ и любовь въ сердцѣ и перо въ рукѣ; ибо наша минута—важная минута: теперь нашему простому народу — кажется не болѣе лѣтъ 13-ти; бѣда, если къ нему попадется Фоблазъ [2]) или Выжигинъ; испортится и физически, и нравственно—и послѣ не поправишь никакимъ лѣкарствомъ; а чѣмъ кормить его теперь—о томъ не худо подумать и раздумать.

Не забывайте, почтеннѣйшій Михаилъ Николаевичъ, васъ истинно уважающаго и любящаго к(нязя) В. Одоевскаго.

Ѳ. В. Булгаринъ—М. Н. Загоскину.

С.-Петербургъ. 29-го октября 1843 г.

Было время, въ которое непримиримые враги мои, вознамѣрившись пріобрѣсть новаго союзника, разгласили печатно и изустно, будто бы я написалъ критику на вашего «Юрія Милославскаго» [3]). Еслибъ я это сдѣлалъ, то ужъ конечно не сталъ бы всенародно отпираться, а между тѣмъ, вѣроятно, вамъ извѣстно, что я во всеуслышаніе сказалъ въ «Сѣверной Пчелѣ», что критики на «Юрія Милославскаго» я не писалъ [4]), потому что во время выхода этого романа лежалъ боленъ, безъ памяти, и что это самое было причиною, что и мой «Самозванецъ» [5]) вышелъ позже, нежели я предполагалъ. Это утверждалъ я моимъ честнымъ словомъ — всенародно, а я не дамъ ложно честнаго слова—ни для спасенія души моей! Критику писалъ бывшій нашъ сотрудникъ Очкинъ [6]), а Н. И. Гречъ, увидѣвъ ее въ корректурѣ, пропустилъ, по своему обыкновенію, чтобъ не перебивать набора «Пчелы». Надѣюсь, что если подлые мои зави-

[1]) Т. е. Булгарина и К°.—„Иванъ Выжигинъ“ и „Петръ Ивановичъ Выжигинъ“—романы Булгарина.

[2]) Извѣстный скабрезный романъ французскаго писателя Луве-де-Кувре (р. 1760 † 1797).

[3]) Критика на романъ Загоскина „Юрій Милославскій“ была напечатана въ №№ 7, 8 и 9 „Сѣверной Пчелы“ 1830 года.

[4]) См. въ № 13 „Сѣверной Пчелы“ 1830 года Заявленіе издателю „Русскаго Инвалида“ (А. Ѳ. Воейкову).

[5]) Романъ Булгарина „Дмитрій Самозванецъ“ вышелъ въ 1830 году.

[6]) Амплій Николаевичъ Очкинъ (†1865), бывшій въ 1838 — 1863 гг. редакторомъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

стники не повѣрили моему честному слову, то вы, человѣкъ честный, благородный и даровитый, повѣрите ему и повѣрили, и повѣрите также и теперешнему моему увѣренію, что я, чуждый всякой зависти, всегда радовался вашимъ успѣхамъ и былъ всегда искреннимъ вашимъ приверженцемъ и во всѣхъ статьяхъ, писанныхъ мною, отдавалъ вамъ должную дань хвалы.

Слѣдовательно, не полагая, чтобъ вы были моимъ непріятелемъ, я рѣшился писать къ вамъ, прося вашего содѣйствія по моимъ занятіямъ. Вотъ въ чемъ дѣло.

Николай Ивановичъ Гречъ, мой товарищъ, живетъ въ Парижѣ, а я, между тѣмъ, хочу улучшить «Пчелу» помѣщеніемъ въ ней статей лучшихъ нашихъ писателей—и адресуюсь къ первому—къ вамъ! Прошу васъ покорнѣйше написать нѣсколько статеекъ, малыхъ повѣстей, разсказовъ, сценъ или воспоминаній—но написать нарочно для «Пчелы», т. е. по ея размѣру и духу. Статья—повѣсть, или разсказъ, или что угодно—не должна быть длиннѣе двухъ печатныхъ листовъ шрифта «Пчелы», корпуса, какимъ нынѣ печатаются повѣсти и разсказы въ «Пчелѣ». Крайній размѣръ два листа съ половиною. Какъ всякій трудъ на землѣ долженъ имѣть возмездіе, то я предлагаю вамъ по двѣсти пятидесяти рублей ассигнаціями за печатный листъ, которыя деньги вы и будете получать исправно чрезъ посредство М. Д. Ольхина [1]). При семъ прошу покорнѣйше позволенія поставить имя ваше въ программѣ. Увѣряю васъ честью, что вамъ не стыдно будетъ помѣститься съ моими сотрудниками. Прошу также покорнѣйше прислать хотя одну статейку къ ноябрю или въ ноябрѣ къ декабрю, чтобъ можно было напечатать ее еще въ нынѣшнемъ году. Смѣю надѣяться, что вы не откажете мнѣ, своему вѣрному приверженцу, въ сихъ просьбахъ, и пользуюсь симъ случаемъ, чтобъ засвидѣтельствовать душевное мое почтеніе и искреннюю преданность, съ коими имѣю пребыть вашего превосходительства, милостиваго государя, покорнымъ слугою Ѳаддей Булгаринъ.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

---

[1]) Матвѣй Дмитріевичъ Ольхинъ († 1853), основатель книгопродавческо-издательской фирмы въ Петербургѣ, издатель „Библіотеки для Чтенія“ послѣ Смирдина.

Рескриптъ Александра I графу Ростопчину по поводу письма его о слухахъ и безпорядкахъ въ провинціи.

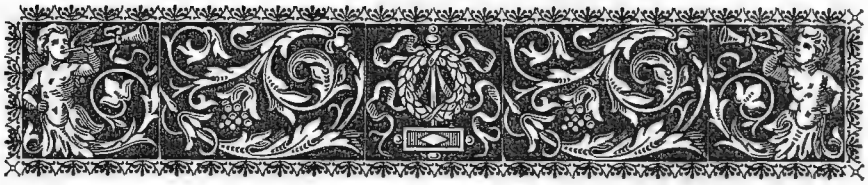
2-го января 1807 г.

Графъ Ѳедоръ Васильевичъ! Къ немалому удивленію моему, письмо ваше отъ 19-го декабря содержитъ изъясненіе такого образа мыслей, который вовсе не сходствуетъ съ тѣмъ, что мнѣ по нынѣ извѣстно было. Свѣдѣнія, въ разныя времена и при различныхъ обстоятельствахъ до меня доходившія, о расположеніи умовъ, о довѣренности къ правительству и привязанности къ отечеству, производили во мнѣ сердечное удовольствіе: я находилъ въ нихъ всегда опыты похвальныхъ и ревностныхъ чувствованій во всѣхъ сословіяхъ государства и особенно въ благородномъ дворянствѣ, которое, неизвѣстно мнѣ, почему вы говорите, что я наконецъ признавать сталъ подпорою престола, хотя подлинно никогда я не переставалъ почитать его таковымъ.

Я желаю, чтобы вы яснѣе представили мнѣ, въ чемъ состоятъ тѣ нелѣпыя разглашенія, своевольство, презрѣніе къ министерству и неуваженіе законовъ, которыя по словамъ вашимъ погашаютъ преданность и любовь ко мнѣ народа. Что жь касается до выбора адмирала Мордвинова въ губернскіе начальники милиціи, то, предоставя дворянству право назначать начальниковъ милиціи по своему благоусмотрѣнію, я не могу входить въ сіи выборы, тѣмъ болѣе, что противу самаго адмирала Мордвинова никакого неудовольствія не имѣю.

Опасеніе ваше о толкахъ мнимой вольности, которые впрочемъ несвойственны истинному просвѣщенію, а развѣ тому, которое называется вами несчастнымъ и не что иное есть, какъ невѣжество—было уже предусмотрѣно, и принимаются сколько возможно такія мѣры, которыя предупредить могутъ вредныя оныхъ дѣйствія. Я желалъ бы только знать, какой поводъ имѣли вы къ заключенію о внушеніяхъ слухамъ о вольности, которыя дѣлаются здѣшними французами и заставляютъ ожидать ихъ Бонапарте. Почитая сіе столь важнымъ, что не должно оставить онаго безъ изслѣдованія, дабы, открывъ виновныхъ, примѣрнымъ наказаніемъ остановить распространеніе сей заразы, прошу васъ увѣдомить меня, какое происшествіе подало вамъ сіи мысли. Впрочемъ я совершенно согласенъ съ вами, что мѣры, принятыя на первый случай въ разсужденіи французовъ, въ Россіи живущихъ, не могутъ сами по себѣ успокоить правительство. Онѣ внушены человѣколюбіемъ и тою предосторожностію, чтобы не подвергнуть притѣсненію безвинныхъ. Но усугубивъ за ними надзоръ полиціи, легко можно будетъ при первомъ случаѣ злобныхъ покушеній съ большою справедливостію принять строжайшія мѣры.

Ожидая отъ васъ нужныхъ объясненій на письмо ваше, надѣюсь что по усердію вашему къ отечеству, не оставите вы въ скорости сообщить мнѣ оныя, пребывая впрочемъ вамъ благосклоннымъ.



1838 годъ въ Петербургѣ.

(По дневнику П. Г. Дивова).

Съ точки зрѣнія политической, истекшій годъ представляетъ собою удивительный рядъ событій, которыя не поколебали желанія европейскихъ кабинетовъ заключить миръ, но содержали въ себѣ всѣ данныя къ тому, чтобы возжечь войну въ Европѣ, Азіи и Америкѣ.

Франція, въ наказаніе за притѣсненіе ея подданныхъ въ Мексикѣ, блокировала всѣ ея порты. Англія, недовольная этимъ шагомъ Тюльерійскаго кабинета, предложила свое посредничество, котораго Франція не приняла. Оскорбленное англійское правительство послало въ Мексику свой флотъ и уполномоченнаго для переговоровъ. Во французскихъ газетахъ отражается неудовольствіе правительства противъ образа дѣйствій Англіи и хотя между этими двумя державами еще не произнесено слово «разрывъ», но замѣтна большая холодность. Вотъ картина политическаго міра въ исходѣ 1838 г.

Съ другой стороны, торговый договоръ, заключенный Портою съ Англіею, затрогиваетъ торговые интересы Франціи. Это новый предлогъ неудовольствія для этой державы противъ Англіи. Англійское же правительство со своей стороны недовольно бездѣйствіемъ Франціи въ испанскихъ дѣлахъ. Оно хотѣло бы, чтобы Франція была вовлечена въ войну, поддерживая интересы королевы Христины. Но французское правительство не поддается наущеніямъ Англіи и держится нейтралитета, какъ и послѣдніе два года. Внутреннія дѣла Франціи находятся все въ томъ же положеніи. Ее раздираютъ партіи. Республиканская партія притихла, но ежедневно обнаруживаются дѣлаемыя ею военныя пригото-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ іюнь 1902 г.

вленія, арестовываютъ лицъ, принадлежащихъ къ этой партіи, коихъ присяжные не признаютъ виновными въ государственномъ преступленіи. Съ другой стороны желѣзнодорожныя и пароходныя акціи подорвали цѣлыя состоянія.

Предпріятія, начатыя правительствомъ, пріостановились, и по всей вѣроятности оно будетъ вынуждено вмѣшаться въ дѣло и взять на себя постройку нѣсколькихъ дорогъ, которыя частныя лица не въ состояніи окончить, такъ какъ публика потеряла довѣріе къ подобнаго рода предпріятіямъ. Этотъ вопросъ будетъ обсуждаться въ палатахъ наравнѣ съ важными политическими вопросами.

Въ интересахъ своей торговли, Англіи приходилось имѣть въ виду два главныхъ вопроса: 1) по возстанію въ Канадѣ и 2) объ ея владычествѣ въ Индіи. Умиротвореніе Канады было поручено лорду Дургаму, который не поладилъ съ министерствомъ и сложилъ съ себя эту обязанность, обнародовавъ прокламацію къ канадцамъ, которая была встрѣчена англійскимъ обществомъ несочувственно. Англія полагала, что шахъ персидскій предпринялъ завоеваніе Герата по наущенію Россіи и что если бы это ему удалось, то всѣ индійскія племена вмѣстѣ съ шахомъ попытались бы прогнать англичанъ изъ Индіи. Но шаху пришлось отказаться отъ своего замысла. Вслѣдъ за этимъ успѣхомъ великобританское правительство одержало таковой по отношенію къ Оттоманской Портѣ, которая согласилась заключить съ нею торговый договоръ съ цѣлью распространить ея торговлю по ту сторону Босфора.

Лондонскій кабинетъ видимо не особенно интересовался испанскими дѣлами, хотя Англія интриговала въ этомъ дѣлѣ, но безъ успѣха для королевы Христины, такъ какъ партія Донъ-Карлоса ростетъ съ каждымъ днемъ. Недоразумѣнія, возникшія между Нидерландами и Бельгіей, уладились, и все вниманіе лондонскаго кабинета направлено на Восточную Индію и Канаду, для усмиренія которой лордъ Дургамъ ничего не успѣлъ сдѣлать. Что касается дѣлъ внутренняго управленія, то въ этомъ отношеніи болѣе всего заботъ доставила ей Ирландія. Этотъ островъ стремится отдѣлиться отъ Англіи, имѣть свой парламентъ и свое управленіе.

Австрія, вѣрная своей политикѣ, молча поддерживала Донъ-Карлоса и угрожала Франціи, давъ въ своихъ владѣніяхъ пріютъ герцогу Бордосскому. Она уклонилась отъ своей политики по отношенію Россіи, заключивъ торговый договоръ съ Англіей; къ чему ее побудила, вѣроятно, боязнь захватовъ со стороны Россіи въ устьяхъ Дуная, на Черномъ морѣ.

Пруссія, не смотря на нѣкоторыя волненія въ Прирейнскихъ провинціяхъ, не измѣнила своей политики по отношенію къ Испаніи и Нидерландамъ.

Голландія никакъ не могла придти къ соглашенію съ Бельгіей, ко-

торая настойчиво требовала уплаты долга. Что касается территоріальныхъ уступокъ, то Бельгія, повидимому, болѣе не требуетъ таковыхъ отъ Голландіи, и Люксенбургъ и Люнебургъ останутся за Голландіей. По крайней мѣрѣ европейскія державы, предложившія свое посредничество, вели переговоры въ этомъ смыслѣ.

Въ Италіи было много поводовъ къ волненію, которое было подавлено только въ Папской области, и во владѣніяхъ короля сардинскаго и неаполитанскаго, но не искоренено окончательно. Король неаполитанскій ввелъ въ своихъ владѣніяхъ новую систему управленія. Онъ рѣшилъ проводить шесть мѣсяцевъ въ Сициліи и шесть въ Неаполѣ. Король сардинскій былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ Испаніей и Португаліей изъ-за Донъ-Мигуэля, который все еще надѣялся при помощи своихъ приверженцевъ вернуть престолъ.

Въ Испаніи и Португаліи были смуты. Донъ-Карлосъ не разъ былъ у воротъ Мадрида; вообще въ этой странѣ существовала анархія. Министры и генералы королевы Христины то и дѣло смѣнялись. Казна была пуста, и войска, плохо одѣтыя, обутыя и накормленныя, сражались безъ воодушевленія.

Франція снова предъявила требованія къ Швейцаріи, касательно Людовика Бонапарта, и двинула туда свои войска; этотъ искатель приключеній былъ наконецъ вынужденъ уѣхать въ Англію, гдѣ правительство и народъ оказали ему самую радушную встрѣчу [1]).

Въ Баваріи, Виртембергѣ и остальной Германіи, включая Саксонію, не случилось ничего достопримѣчательнаго; только дочь французскаго короля Филиппа вышла замужъ за принца Виртембергскаго, а баварскаго наслѣднаго принца прочатъ въ женихи великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ.

Данія была занята вопросомъ о полученіи съ Англіи вознагражденія за суда, захваченныя этимъ правительствомъ нѣсколько времени тому назадъ, но лондонскій кабинетъ остается, повидимому, глухъ къ ея требованіямъ. Сардинія сдѣлала шаги, чтобы выхлопотать для своихъ судовъ право свободнаго плаванія въ Зундѣ, а державы, торговые интересы которыхъ связаны съ судоходствомъ по Балтійскому морю, обсуждали съ Даніей вопросъ о карантинахъ, учрежденныхъ для товаровъ, идущихъ изъ мѣстностей неблагополучныхъ относительно чумы. На этихъ двухъ пунктахъ вертѣлись всѣ дипломатическіе переговоры копенгагенскаго двора.

---

[1]) Луи Наполеонъ, впослѣдствіи Наполеонъ III, вслѣдствіе попытки при содѣйствіи арміи объявить себя императоромъ (1836 г.), былъ арестованъ и отправленъ въ Сѣверную Америку, откуда возвратился въ Швейцарію въ Аренненбергъ, къ своей больной матери, но французское правительство потребовало его удаленія изъ Швейцаріи. В. Т.

Швеція была осчастливлена посѣщеніемъ Стокгольма наслѣдникомъ русскаго престола и неожиданно самого императора. Это посѣщеніе было весьма пріятно королю. Онъ плакалъ отъ радости и говорилъ, что императоръ Александръ дружески пожалъ руку ему, а императоръ Николай его сыну Оскару. Въ Стокгольмѣ произошло небольшое волненіе, которое было вскорѣ усмирено; неистовство либераловъ успокоилось послѣ того, какъ былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму одинъ писатель, позволившій себѣ дурно отзываться о королѣ. Россія заключила съ Швеціей торговый договоръ.

Сдѣлавъ такимъ образомъ бѣглый обзоръ европейскихъ событій, перейдемъ къ внутреннимъ дѣламъ Имперіи въ 1838 г.

Не приводя изданныхъ указовъ и постановленій, намѣтимъ сдѣланное въ общихъ чертахъ: 1) Учреждено министерство удѣловъ и выработано для него положеніе. 2) Изданы правила для управленія еврейскими поселеніями въ Херсонской губерніи и на Кавказѣ. 3) Опредѣлены права и преимущества генералъ-фельдцейхмейстера. 4) Назначена сумма на содержаніе института для дѣвицъ въ Бѣлостокѣ 24.000 р. Вообще правительство назначило на содержаніе женскихъ учебныхъ заведеній въ 25 губерніяхъ 183.000 р. 5) Учрежденъ корпусъ топографовъ. 6) Выработаны правила для управленія морской кораблестроительной частью. 7) Выдана авансомъ сумма для перестройки Тулы и Саратова, и опредѣлена повинность нѣкоторыхъ городовъ касательно расквартированія войскъ: какъ-то Тулы, Полтавы, Калуги, Пскова, Харькова. 8) Выработаны для духовенства правила веденія метрическихъ книгъ. 9) Опредѣленъ размѣръ жалованья для чиновниковъ, служащихъ въ Сибири и на Кавказѣ, по министерству финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. Для перваго министерства потребовалось: для Сибири 698.000 р., для Кавказа 838.000 р. Для втораго—на Восточную Сибирь 634.000 р., на западную Сибирь 542.000 р. Наконецъ для министерства юстиціи на обѣ окраины 585.000 р. Составлена также инструкція для окружныхъ казначействъ, ихъ ревизіи и для продажи соли. 10) Выработана новая форма для составленія инвентарей недвижимыхъ имуществъ, подлежащихъ продажѣ за неуплату долга банкамъ; составленъ новый уставъ для ломбарда при Воспитательномъ домѣ. 11) Увеличена сумма, отпускаемая на департаментъ герольдіи (съ 11.000 на 26.000 р.). 12) Учрежденъ главный медицинскій департаментъ (24.000 р.). 13) Основана гимназія въ Митавѣ (61.000 р.). 14) Разрѣшено учрежденіе новыхъ обществъ, а именно: а) Водопроводное общество въ С.-Петербургѣ, б) Льнопрядильное, в) Торговли шерстью въ Харьковѣ, г) Свеклосахарнаго производства въ Вильно, д) Удобренія пахотныхъ земель, е) Свѣчнаго производства въ С.-Петербургѣ, ж) Солки мяса. 15) Основано пароходное общество на

Днѣстрѣ и въ Ригѣ. Изданы правила для бичевниковъ на рѣкахъ. 16) Для увеличенія средствъ столицы обложены новыми налогами магазины, лавки и погреба; установленъ акцизъ на табакъ курительный и нюхательный. 17) Изданы правила для ввоза хлопчатобумажныхъ издѣлій въ русскіе порты для предупрежденія заноса чумы. 18) Изданы правила о казенныхъ золотыхъ розсыпяхъ. 19) Изданы правила для управленія киргизами въ Сибири. 20) Наконецъ даны различныя привилегіи для изготовленія свекловичнаго сока и т. д. 21) Изданы полицейскія правила для Петербурга и назначена временная коммиссія для ревизіи старыхъ дѣлъ. 22) Утверждены правила для студентовъ Дерптскаго университета. 23) Основана главная Астрономическая обсерваторія (въ Пулковѣ). 24) При министерствѣ финансовъ учреждено 44 ревизіонныхъ отдѣла, которые стоятъ 428.000 р.

Изъ этого бѣглаго перечня видно, какъ дѣятельно правительство было озабочено усовершенствованіемъ различныхъ отраслей управленія. Мы не привели еще перечня вновь изданныхъ законовъ и разъясненій къ нимъ, изъ коего видно, какъ быстро стали развиваться различныя отрасли промышленности; весьма желательно, чтобы свеклосахарное производство достигло возможнаго развитія; но вообще настойчивость въ развитіи промышленныхъ предпріятій не составляетъ отличительную черту русскаго характера. Если предпріятіе не даетъ сразу большихъ барышей, то предприниматели теряютъ энергію и бросаютъ дѣло.

Въ этомъ году, наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ путешествовалъ по Европѣ; императрица ѣздила для поправленія своего здоровья въ Баварію; императоръ вскорѣ послѣдовалъ за ними и провелъ такимъ образомъ 4 мѣсяца за границей. Въ Карлсбадѣ происходило нѣчто въ родѣ конгресса, обсуждались дѣла Испаніи и возможность возстановленія на престолѣ Донъ-Карлоса.

Путешествіе великаго князя началось съ посѣщенія сѣверныхъ государствъ Европы. Онъ отправился въ Стокгольмъ моремъ; вслѣдъ за нимъ туда же отправился неожиданно императоръ. Оттуда наслѣдникъ поѣхалъ въ Копенгагенъ, гдѣ онъ заболѣлъ, и возвратился на континентъ чрезъ Ганноверъ. Для императора и наслѣдника вездѣ устраивали смотры и маневры. Во время путешествія по Германіи былъ рѣшенъ вопросъ о бракѣ великой княжны Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ.

Здоровье наслѣдника требуетъ пребыванія въ Италіи, гдѣ онъ проведетъ зиму; весною онъ, окончивъ свое путешествіе, посѣтитъ Англію.

Всѣ прошлогодніе министры сохранили свои посты; кажется, наибольшимъ вліяніемъ пользуется военный министръ. Орловъ и Бенкендорфъ остаются по-прежнему самыми приближенными къ императору лицами, за ними слѣдуютъ Адлербергъ, Клейнмихель и пр. Въ 1839 г.

предполагается издать указъ, ограничивающій права на полученіе дворянства, которыя даются извѣстнымъ чиномъ; даже былъ поднятъ вопросъ объ ограниченіи этого права чиномъ статскаго совѣтника, но я надѣюсь, что для военныхъ будетъ сдѣлано исключеніе, такъ какъ этимъ былъ бы не только ниспровергнутъ регламентъ Петра Великаго, изданный для поощренія службы въ войскѣ; но нанесенъ ударъ и всему государственному строю. Этотъ вопросъ взволнуетъ умы.

Января 1-го. Предсѣдатель Государственнаго Совѣта графъ Васильчиковъ пожалованъ княземъ; Сперанскій графомъ. Нѣсколько сенаторовъ получили ордена Бѣлаго Орла и Владиміра.

Января 6-го. Сильно поговаривали о выпускѣ вмѣсто серебра бумажныхъ рублей; это нарушило бы всю монетную систему и не принесло бы никакой выгоды для уничтоженія ажіотажа, на который всѣ жалуются.

Января 13-го. Появился указъ о закрытіи на годъ Кіевскаго университета съ сохраненіемъ профессорами ихъ жалованья. Эта мѣра вызвана безпорядками, происходившими въ университетѣ. Получено извѣстіе о кончинѣ князя Ливена, принцессы Виртембергской и принцессы Туръ-и-Таксисъ. Обязанности покойнаго князя Ливена возложены на графа Орлова, онъ поѣдетъ за наслѣдникомъ въ Вѣну, будетъ сопровождать его въ Лондонъ и оттуда въ Россію. Извѣстіе о кончинѣ двухъ принцессъ не помѣшало двору бывать на балахъ у частныхъ лицъ, которые даются ежедневно.

Января 24-го. Сегодня скончался оберъ-камергеръ графъ Литта, которому было болѣе 80 лѣтъ. Онъ пользовался прекраснымъ здоровьемъ и умеръ отъ обжорства. Его кончина не можетъ считаться потерею для государства. Онъ дѣлалъ добро ради тщеславія, а не по чувству, и первый внушилъ молодежи мысль подражать заграничнымъ модамъ. Уроженецъ Милана, онъ относился съ ненавистью къ австрійскому владычеству, и я полагаю даже, что онъ былъ одно время въ сношеніи съ революціонерами Пьемонта. Онъ оставилъ, вѣроятно, !огромное состояніе; изъ его завѣщанія окажется, какъ онъ имъ распорядился.

Января 26-го. Сегодня былъ балъ у вице-канцлера, на которомъ присутствовали императоръ и императрица. Съѣздъ былъ небольшой.

Января 28-го. Похороны графа Литта. Изъ оставленныхъ имъ наличными деньгами 8 милліоновъ завѣщана самая ничтожная сумма на благотворительныя учрежденія въ Россіи, гдѣ онъ нажилъ свое огромное состояніе; всѣ эти милліоны уйдутъ въ Италію, его племянникамъ. Мнѣ говорили однако, будто на дѣла благотворительности все-таки завѣщано 100 тысячъ. Поэтому, радѣя объ интересахъ глазной лѣчебницы, я написалъ письмо его племянникамъ, прося ихъ, ежели всѣ 100.000 р.

уже распредѣлены, пожертвовать что-либо для нашего заведенія отъ себя лично. И что же, эти архимилліонеры прислали мнѣ 300 р. Я поблагодарилъ ихъ письменно, сказавъ, что я доведу до свѣдѣнія комитета объ участіи, принимаемомъ ими въ лѣчебницѣ. Надѣюсь, что таковая сумма будетъ присылаться ежегодно.

Въ газетахъ упоминается о нотѣ русскаго двора къ лондонскому по дѣламъ Персіи, въ которой изложена просьба шаха о вмѣшательствѣ въ его распрю съ англичанами, завладѣвшими однимъ изъ его острововъ. Петербургскій кабинетъ, кажется, считаетъ Индъ предѣломъ, далѣе котораго не должны простираться захваты, и говоритъ, что Россія не можетъ не признать требованіе шаха справедливымъ. Въ нотѣ говорится также, что Россія не намѣрена воевать въ столь отдаленной странѣ.

Февраля 12-го. Императоръ провелъ всю первую недѣлю великаго поста въ Петергофѣ, гдѣ онъ говѣлъ. У него была незначительная лихорадка, и по этому поводу былъ вызванъ его врачъ Арендтъ, что повергло въ отчаяніе тяжело больныхъ Сперанскаго и Кушникова, изъ коихъ первый страдаетъ печенью и у втораго водяная. Кушниковъ оставилъ мѣсто предсѣдателя коммиссіи прошеній, куда назначенъ Тучковъ, новое дѣйствующее лицо, появляющееся на государственной сценѣ. Говорятъ, что онъ человѣкъ достойный.

Февраля 13-го. Знаменитый законодатель Сперанскій завершилъ свою земную карьеру. Кто его замѣнитъ? Теперь трудъ по составленію законовъ для Россіи будетъ уже легокъ; но не знаю, кому можно будетъ поручить пересмотръ польскаго законодательства.

Февраля 14-го. Сегодня скончался Кушниковъ. Публика почувствуетъ со временемъ потерю этого честнаго человѣка, который прекрасно завѣдывалъ дѣлами ломбарда, поддерживалъ въ немъ образцовый порядокъ и соблюдалъ величайшую справедливость при раздачѣ ссудъ. Предсѣдателемъ законодательнаго отдѣла будетъ назначенъ, вѣроятно, министръ юстиціи Дашковъ, который замѣнилъ покойнаго Сперанскаго, передавъ портфель министра юстиціи Блудову, а на его мѣсто, вѣроятно, будетъ назначенъ малороссійскій генералъ-губернаторъ, графъ Строгановъ. Поговаривали о назначеніи на это мѣсто оренбургскаго генералъ-губернатора Перовскаго, но его вообще не долюбливаютъ здѣсь, къ тому же Строгановы пользуются бо́льшимъ вліяніемъ при дворѣ.

Февраля 18-го. Въ Сенатѣ прочитанъ указъ, коимъ Дашковъ и Блудовъ производятся въ дѣйствительные тайные совѣтники. Намъ читали также указъ, коимъ Блудовъ назначается министромъ юстиціи, а Дашковъ на мѣсто Сперанскаго предсѣдателемъ въ коммиссію законовъ.

Марта 11-го. Я слышалъ, что императоръ, прочитавъ дешифриро-

ванную депешу датскаго посланника, графа Блоома, былъ очень опечаленъ и сказалъ: «кто бы могъ подумать, что графъ Блоомъ могъ писать подобныя вещи?»

Сегодня я видѣлъ впервые главноуправляющаго путями сообщеній графа Толя. Я игралъ по обыкновенію весело въ карты, а графъ игралъ мрачно и безстрастно, но въ концѣ концовъ оживился. Играя съ нимъ, я могъ составить себѣ понятіе объ его характерѣ (скорѣе вспыльчивомъ, нежели миролюбивомъ).

Марта 17-го. Появился указъ о производствѣ военныхъ чиновъ при поступленіи на гражданскую службу. Всѣ преимущества на сторонѣ лицъ гражданскаго вѣдомства. Эти правила изданы, кажется, съ цѣлью препятствовать переходу военныхъ въ гражданскую службу.

Марта 26-го. Награды, пожалованныя къ Пасхѣ, были весьма значительны въ денежномъ отношеніи; особенно щедро награждены всѣ тѣ, кои принимали участіе въ перестройкѣ сгорѣвшаго дворца. Клейнмихель пожалованъ графомъ и получилъ 600.000 р. с.

Четыре медали съ изображеніемъ дворца, осыпанныя алмазами, пожалованы: министру финансовъ, министру двора князю Волконскому, графу Клейнмихелю и оберъ-егермейстеру князю Василію Долгорукову, который получилъ сверхъ того Андреевскую ленту. Всѣ прочія лица, участвовавшія въ постройкѣ: архитекторы, каменщики, рабочіе, маляры и т. д. получили знаки отличія и денежныя награды.

Министръ государственныхъ имуществъ Киселевъ пожалованъ въ графы. Графъ Строгановъ, бывшій посланникомъ въ Лондонѣ, получилъ Андрея, точно такъ же, какъ митрополитъ кіевскій. Пожалованіе графу Строганову Андрея Первозваннаго возбудило зависть князя Меншикова, который выказывалъ свою досаду, ни мало не стѣсняясь. Нѣсколько времени спустя и ему дали Андрея.

Марта 29-го. Въ городѣ толкуютъ о какомъ-то недоразумѣніи, возникшемъ между великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и военнымъ министромъ графомъ Чернышевымъ по поводу чести, которую адъютанты великаго князя должны отдавать министру. Удовлетворивъ просьбу министра, великій князь обошелся съ графомъ, какъ говорятъ, очень грубо, и графъ просилъ у него извиненія письменно.

Марта 31-го. Былъ годичный актъ въ университетѣ, на которомъ я былъ впервые. Народу было немного. Между прочимъ были оба графа Строгановы, министръ внутреннихъ дѣлъ и кураторъ Московскаго университета, адмиралъ Рикордъ, духовникъ императора Музовскій. Я немного опоздалъ и съ удовольствіемъ прослушалъ рѣчь Калмыковскаго о римскомъ правѣ и его вліяніи на европейскія законодательства.

Апрѣля 2-го. Былъ съѣздъ ко дворцу для принесенія поздравленій по случаю Пасхи, которыя были отложены по болѣзни императрицы.

Купечество въ этотъ день также было приглашено въ дворецъ. Императоръ хотѣлъ показать имъ вновь отстроенное зданіе.

Апрѣля 21-го. Въ засѣданіи Государственнаго Совѣта обсуждался вопросъ о способѣ прекратить ажіотажъ. Дай Богъ, чтобы, желая помочь дѣлу, его не ухудшили.

Пользуясь свободнымъ временемъ, я сдѣлалъ изъ одной иностранной газеты нижеслѣдующую выписку относительно недоразумѣнія, возникшаго между лондонскимъ и русскимъ дворами по поводу персидскихъ дѣлъ, которое было улажено вслѣдствіе сдѣланныхъ по этому поводу разъясненій. Эта выдержка изъ «Прусской газеты» (Gasette de Prusse), которой были, вѣроятно, сообщены всѣ акты, касающіеся этого дѣла, кои необходимо было предать гласности послѣ того, какъ они были сообщены англійскому парламенту англійскимъ посланникомъ.

1) «Въ нотѣ, врученной 10-го ноября 1838 г. маркизомъ Кленрикэдомъ вице-канцлеру графу Нессельроде, говорилось, что лондонскій и петербургскій дворы давно уже заинтересованы въ дѣлахъ Персіи въ силу однѣхъ и тѣхъ же причинъ; что Россія, имѣя сосѣдомъ Персію, весьма естественно должна заботиться объ обезпеченіи своихъ подданныхъ отъ нападенія персовъ и о поддержаніи съ нею мира; ея интересы требуютъ, слѣдовательно, чтобы этотъ порядокъ вещей не нарушался внѣшними предпріятіями Персіи. Англія, съ своей стороны, смотритъ на Персію какъ на оплотъ противъ поползновеній европейскихъ державъ, направленныхъ противъ ея владѣній въ Индіи; поэтому великобританское правительство заключило союзный договоръ съ Персіей. И такъ интересы Россіи и Англіи совпадаютъ и клонятся къ одной и той же цѣли.

«Далѣе англійскій посланникъ излагаетъ, что по смерти Абасъ-Мирзы, въ 1833 г., дѣла касательно Персіи были окончательно улажены между Россіей и Англіей, но въ 1836 г. русскій посланникъ графъ Симоничъ, вопреки даннымъ ему инструкціямъ, позволилъ себѣ поощрять персидскаго шаха въ его воинственныхъ предпріятіяхъ противъ Герата и приложилъ всевозможное стараніе къ тому, чтобы помѣшать сближенію шаха съ владѣтелемъ Герата; кромѣ того одинъ русскій агентъ послалъ письмо къ владѣтелю Кандагара, обнадеживая его въ томъ, что ему удастся при посредствѣ графа Симонича добиться уступки Герата, что русская армія будетъ послана въ Бухару и Хиву, чтобы, по взятіи Герата, содѣйствовать шаху въ разграниченіи его владѣній; что англійское правительство получило копію съ договора, заключеннаго съ владѣтелемъ Кандагара; что другой русскій агентъ Ваховичъ, называемый также Омеръ-бей, состоящій при штабѣ войскъ въ Оренбургѣ, является пособникомъ афганистанскаго эмира въ его возстаніи противъ Англіи и т. д. Англійское правительство, въ видахъ сохраненія друже-

*

ственныхъ отношеній съ Россіей, выразило желаніе получить разъясненіе по всѣмъ вышеупомянутымъ пунктамъ.

2) Въ нотѣ графа Нессельроде къ графу Поццо-ди-Борго отъ 1-го ноября 1838 г., которая была сообщена великобританскому правительству 11-го ноября, говорится: что «такъ какъ политика Россіи руководствуется тѣми же принципами въ Азіи, какъ и въ Европѣ, и что императоръ никогда не имѣлъ въ мысляхъ тревожить Англію въ ея Индійскихъ владѣніяхъ, что всякая коалиція противъ Англіи не имѣла бы смысла, ибо Россія отдѣлена отъ Индіи огромнымъ пространствомъ и подобное предпріятіе потребовало бы большихъ жертвъ и, слѣдовательно, было бы совершенно не согласно съ требованіями здравой политики». Перейдя затѣмъ къ отношеніямъ Персіи и Афганистана, графъ Нессельроде говоритъ, что владѣльцы этого послѣдняго издавна считались данниками Персіи, и что никто не въ правѣ помѣшать Персіи предъявить къ нему свои права, тѣмъ болѣе, что послѣднее время въ Персію неоднократно вторгались изъ Герата разбойничьи шайки, и Англія дала слово тегеранскому двору, что въ случаѣ войны между Персіей и Афганистаномъ она не будетъ въ нее вмѣшиваться; что Россія, съ своей стороны, сдѣлала все возможное, чтобы предупредить экспедицію на Гератъ, и что ею даны въ этомъ смыслѣ инструкціи графу Симоничу; императоръ потребовалъ даже отъ персидскаго шаха, чтобы ему былъ возвращенъ баталіонъ, сформированный изъ русскихъ дезертировъ; и что если бы побѣда оказалась на сторонѣ персидскаго шаха, то Россія не согласилась бы на увеличеніе персидскихъ владѣній. Это и было причиною посылки графа Симонича въ лагерь шаха къ Герату; Россія даже предлагала уступить Афганистанъ владѣльцу Кандагара, и договоръ, заключенный въ этомъ смыслѣ, сдѣлалъ бы Афганистанъ совершенно независимымъ отъ Персіи, что̀ неразрывно связано съ интересами Россіи и Англіи. Относительно посылки Витковскаго въ Кабулъ, петербургскій кабинетъ заявилъ, что это было только вѣжливостью по отношенію къ Достъ-Магометъ-хану, который послалъ въ 1837 г., въ Петербургъ миссію, чтобы выработать основы торговаго договора, не нарушая при этомъ интересовъ Англіи, между тѣмъ какъ русское правительство имѣетъ причины жаловаться на то, что англійскіе путешественники старались постоянно возбуждать противъ него населеніе Малой Азіи и даже сосѣдніе съ Россіей дворы. Наконецъ, въ нотѣ выражалось искреннее желаніе, чтобы Россіи, совмѣстно съ Англіей, удалось уладить персидскія дѣла; поэтому Россія горячо желаетъ, чтобы Англія возстановила свои отношенія въ Персіи и отозвала свой флотъ изъ Персидскаго залива, очистила Каракскій островъ и не брала подъ свое покровительство претендентовъ на персидскій престолъ. Тогда Россія поспѣшитъ, со своей стороны, дать своему посланнику въ Тегеранѣ со-

отвѣтственныя инструкціи, дабы предупредить всякія дальнѣйшія экспедиціи, подобныя походу на Гератъ. Таковыя инструкціи уже даны ею полковнику Дюгамелю, преемнику графа Симонича.

«Въ послѣдней нотѣ графа Нессельроде, помѣченной 5-мъ марта, онъ говоритъ между прочимъ, что его императорское величество находитъ вполнѣ возможнымъ представить всю эту переписку на обсужденіе парламента, если только сентъ-джемскій кабинетъ этого пожелаетъ, такъ какъ политика русскаго кабинета не боится гласности, и договоръ, заключенный съ кабульскимъ эмиромъ, еще не былъ ратификованъ. Англійское министерство отвѣчало, что оно вполнѣ удовлетворено этой декларацією. Однако оно не отказалось отъ мысли выждать, чтобы тегеранскій кабинетъ сдѣлалъ первый шагъ къ сближенію и возстановленію своихъ отношеній къ Англіи, какъ того желаетъ русское правительство. Г. Макгиль (англійскій посланникъ) при проѣздѣ чрезъ Петербургъ объяснился въ этомъ смыслѣ съ графомъ Нессельроде, а также по поводу задержаннаго курьера, у котораго были отняты депеши.

«Вице-канцлеръ сообщилъ объ этомъ прежде всего графу Поццо-ди-Борго въ Лондонѣ, который съ своей стороны получилъ подобную же декларацію отъ англійскаго министра отъ 4-го апрѣля, подписанную лордомъ Пальмерстономъ, въ которой этотъ министръ говоритъ: что англійское правительство было довольно узнать, что первымъ дѣломъ полковника Дюгамеля по вступленіи его въ должность было отозвать Витковскаго изъ Афганистана. Что же касается возстановленія отношеній между Англіей и Персіей, то онъ писалъ его превосходительству, что англійское правительство ожидаетъ съ нетерпѣніемъ момента, когда оно будетъ имѣть возможность возстановить ихъ на прежнемъ основаніи; но что Персія должна сдѣлать тѣ шаги, какихъ требуютъ отъ нея обстоятельства.

«Сговорчивость лондонскаго кабинета объясняется недоразумѣніями, возникшими у него съ Америкой на границѣ Канады, и вообще осложненіемъ дѣлъ. Иначе Англія заговорила бы болѣе рѣшительнымъ тономъ».

Апрѣля 23-го. Былъ большой балъ въ Зимнемъ дворцѣ.

Апрѣля 25—29-го. Былъ назначенъ парадъ войскамъ, расположеннымъ въ окрестностяхъ столицы, но такъ какъ императоръ заболѣлъ 28-го числа, то парадъ отмѣненъ, и войска возвратились въ мѣста ихъ расположенія.

Мая 18-го. Происходилъ экзаменъ восточныхъ языковъ, на который я былъ приглашенъ. Я узналъ съ удовольствіемъ, что это прекрасное и полезное заведеніе, которое всегда будетъ дѣлать честь министерству графа Нессельроде, будетъ увеличено.

Мая 20-го. Пріѣхалъ герцогъ Лейхтенбергскій; говорятъ, будто на

свадьбу великой княжны пріѣдетъ также его мать и императрица Бразильская.

Іюня 6-го. Сегодня появился указъ объ орденахъ, даваемыхъ въ награду, коимъ отмѣняется орденъ Станислава 4-й ст. Отнынѣ этотъ орденъ будетъ имѣть всего 3 степени; у 2-й степени отнята звѣзда, которая будетъ замѣнена короной, прикрѣпляемой къ кресту сверху. Императоръ замѣтилъ, что при раздачѣ орденовъ дѣлаются большія злоупотребленія. Быть можетъ, на его рѣшеніе повліяли пренія, происходившія во французскихъ палатахъ относительно ордена Почетнаго Легіона, раздачу коего рѣшено ограничить.

Іюня 8-го. Въ городѣ разнесся слухъ, что кавказская армія одержала, подъ начальствомъ генерала Граббе, полную побѣду надъ лезгинами и разрушила одинъ изъ ихъ главныхъ городовъ. Нѣсколько недѣль тому назадъ получено также извѣстіе о побѣдѣ, одержанной десантнымъ отрядомъ подъ командою генерала Раевскаго.

Іюня 23-го. Въ городѣ разнесся слухъ, что въ Симбирской, Саратовской и Пензенской губерніяхъ взбунтовались казенные крестьяне, требуя раздѣла земли; нѣсколько помѣщичьихъ крестьянъ сожгли усадьбы.

Іюня 27-го. Обнародованъ церемоніалъ бракосочетанія великой княжны Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ, которое состоится 2-го іюля.

Въ тотъ же день для публики была открыта зала дворца, гдѣ выставлено приданое великой княжны. Стеченіе народа было такъ велико, что многіе ушли, ничего не видавъ.

Іюля 2-го. Въ 2 часа дня совершенъ обрядъ бракосочетанія во дворцѣ, который отдѣланъ заново послѣ пожара. Сначала совершено вѣнчаніе по обряду православной церкви, а затѣмъ по католическому обряду въ часовнѣ, воздвигнутой въ самомъ дворцѣ. Около 3-хъ часовъ сѣли за столъ. Къ столу были приглашены особы первыхъ трехъ классовъ, коихъ было около 300 человѣкъ обоего пола. При распредѣленіи мѣстъ не соблюдалось никакого порядка. Вечеромъ въ 7 часовъ былъ балъ въ Бѣлой залѣ, который продолжался до 9 часовъ. Танцовали только одни полонезы. Разошлись рано.

Въ тотъ же день обнародовано два указа: одинъ о титулѣ императорскаго высочества, пожалованномъ герцогу Лейхтенбергскому, а другой о курсѣ серебрянаго рубля, равнаго 350 к.

Князь Любецкій сообщилъ мнѣ, что это сдѣлано по предложенію министра финансовъ гр. Канкрина; онъ предлагалъ 360 коп., а не 350 коп.; большинство членовъ Государственнаго Совѣта было на его сторонѣ, но государь присоединился къ меньшинству, надѣясь, что министръ финансовъ какъ-нибудь извернется. Всѣ чувствуютъ неудобство этой мѣры, которая повлечетъ за собою неизбѣжно всевозможныя злоупотре-

бленія и внесетъ большую путаницу въ разныя отрасли управленія, какъ-то: въ налоги, откупа и т. д. Какъ бы то ни было, императоръ хочетъ испробовать эту мѣру.

Сегодня получено извѣстіе о кончинѣ султана, котораго, вѣроятно, отравили. Его кончина произведетъ большое впечатлѣніе въ Европѣ и въ Азіи, и дѣла Египта съ Портою отъ этого нисколько не выиграютъ.

Іюля 4-го. По утру великая княгиня Марія Николаевна принимала поздравленія во дворцѣ. Вечеромъ былъ блестящій балъ во дворцѣ, который отдѣланъ еще съ бо́льшею роскошью и вкусомъ, нежели прежде.

Іюля 6-го. Большой балъ у великаго князя Михаила Павловича, на который я былъ приглашенъ. Комнаты были великолѣпно убраны; великая княгиня изощрила на это весь свой вкусъ. Между прочимъ она устроила посреди танцовальнаго зала прекрасный фонтанъ, который билъ весь вечеръ и, будучи окруженъ роскошными цвѣтами, производилъ прекрасное впечатлѣніе. Во время бала, великая княгиня подошла ко мнѣ и сказала: «я давно васъ не видѣла, но я не забыла васъ». Дѣйствительно, въ составленномъ ею первоначально спискѣ насъ было всего двое сенаторовъ: Полетика и я, а прежде было приглашено еще нѣсколько сенаторовъ, къ которымъ былъ посланъ съ приглашеніемъ чиновникъ.

Іюля 8-го. Послѣдній балъ у принца Ольденбургскаго, на Каменномъ островѣ.

Іюля 11-го. Празднества по случаю бракосочетанія великой княгини Маріи Николаевны завершились иллюминаціей въ Петергофѣ и маскарадомъ. Буря, поднявшаяся около полудня и продолжавшаяся до 5 часовъ вечера, не помѣшала иллюминаціи, но затонуло нѣсколько пароходовъ, шедшихъ изъ Кронштадта въ Петергофъ, и нѣсколько десятковъ человѣкъ утонуло въ заливѣ. Правительство не сочло удобнымъ напечатать подробности этой катастрофы; онѣ были опубликованы позднѣе кратко.

Говорятъ, будто волненіе въ Симбирской губерніи затихло; его приписываютъ происканъ поляковъ.

Іюля 20-го. Императоръ приказалъ посланнику Татищеву немедленно отправиться изъ Петербурга въ Вѣну по поводу турецкихъ дѣлъ, которыя осложнились по смерти султана. Даже капитанъ-паша съ флотомъ хотѣлъ броситься въ объятія египетскаго паши Ибрагима и дѣйствовать противъ молодаго султана.

Августа 8-го. На маневрахъ, происходившихъ на-дняхъ, получили увѣчья генералы Бенкендорфъ и Анненковъ.

Сегодня окончились маневры, и войска возвратились въ казармы. Императоръ остался очень доволенъ ими.

Августа 12-го. Генералъ-лейтенантъ графъ Эссенъ сообщилъ мнѣ

подъ секретомъ о происшествіи, случившемся наканунѣ у митрополита, который былъ оскорбленъ раскольникомъ; онъ не могъ сказать мнѣ, что именно заставило этого раскольника до такой степени забыться. Виновный арестованъ и будетъ заключенъ въ тюрьму.

Августа 21-го. Я былъ у статсъ-секретаря Танѣева, гдѣ слышалъ, что императоръ только-что получилъ донесеніе о безпорядкахъ, бывшихъ въ Пензенской губерніи, гдѣ происходятъ такія же волненія, какъ въ Саратовской губерніи. По всей вѣроятности, его императорское величество пошлетъ туда, по обыкновенію, одного изъ своихъ флигель-адъютантовъ изъ Бородина, гдѣ онъ находится въ настоящее время.

Августа 29-го. Получено извѣстіе объ окончаніи смотра войскамъ въ Бородинѣ; въ память этого сраженія, императоръ пожаловалъ всѣмъ состоящимъ на службѣ жалованье, соотвѣтствующее чину, въ какомъ они находились въ этомъ сраженіи; это добавочное жалованье будетъ выдаваться только до тѣхъ поръ, пока человѣкъ находится на службѣ; оно будетъ отниматься при выходѣ въ отставку и не будетъ имѣть никакого значенія при назначеніи пенсіи.

Сентября 1-го. Я былъ послѣ каникулъ первый разъ въ Сенатѣ, на общемъ собраніи. Министръ юстиціи Блудовъ внесъ 22 предложенія; онъ будетъ огорченъ, узнавъ, что относительно пяти изъ этихъ 22 предложеній никто не присоединился къ его мнѣнію. Я увидѣлъ въ Сенатѣ новыя лица, а именно: гр. Сиверса, Таубе и Карташевскаго. Первый человѣкъ совершенно ничтожный, второй—военный, будетъ дѣйствовать добросовѣстно, а третій, креатура министра Блудова, и будетъ дѣйствовать въ его интересахъ.

Сентября 10-го. Извѣстія, полученныя о безпорядкахъ и пожарахъ въ Пензенской губ., подтвердились; получено донесеніе, что суконная фабрика сенатора Лубяновскаго обращена въ груду пепла и что его самого едва не бросили въ огонь.

Получено донесеніе о побѣдѣ, одержанной генераломъ Граббе на Кавказѣ.

Императоръ возвратился вчера въ 6 часовъ въ Царское Село. Императрица, которая была опасно больна нѣсколько дней тому назадъ, поправилась.

Сентября 20-го. Я былъ на похоронахъ княгини Лопухиной. Весьма немногіе присутствовали на этой церемоніи. Въ тотъ же день скончалась начальница общества благородныхъ дѣвицъ, генеральша Адлербергъ. Неизвѣстно, кто будетъ назначенъ на ея мѣсто. Весьма вѣроятно, что придворная нѣмецкая партія постарается доставить это мѣсто какой-либо дамѣ изъ Лифляндіи или Эстляндіи.

Сентября 24-го. Сегодня похоронили г-жу Адлербергъ. Отпѣваніе происходило въ одной изъ залъ института. Я видѣлъ тамъ великаго

князя Михаила Павловича. Служба началась до пріѣзда императора, который прибылъ, когда уже было произнесено надгробное слово. Я поклонился праху и шелъ за гробомъ, ведя подъ руку г-жу Баранову, дочь покойной; другую ея дочь, г-жу Пашкову, велъ подъ руку герцогъ Лейхтенбергскій.

Въ концѣ мѣсяца были получены извѣстія о пожарахъ въ разныхъ уѣздахъ и губернскихъ городахъ. Пенза и Тверь сильно пострадали отъ огня.

Врачи, пользующіе императрицу, отчаявались въ ея выздоровленіи, но теперь появилась надежда, хотя нельзя еще сказать ничего положительнаго. Наслѣдникъ цесаревичъ, поѣхавшій изъ Бородина въ Варшаву, заболѣлъ въ Вильно. Вмѣсто колясокъ ему выслали кареты. Возвратится ли онъ въ Петербургъ или поѣдетъ все-таки въ Варшаву, не извѣстно.

Октября 3-го. Получено извѣстіе, что гр. Толь, управляющій путями сообщеній, разбитъ параличемъ на обратномъ пути изъ царства Польскаго. Императоръ опечаленъ этимъ извѣстіемъ; въ обществѣ говорятъ съ грустью о вѣроятной кончинѣ этого генерала (такъ какъ онъ еще живъ), кто будетъ его преемникомъ?

Принцъ Ольденбургскій назначенъ почетнымъ опекуномъ опекунскаго совѣта. Не онъ ли замѣнитъ гр. Толя въ случаѣ его кончины?

Октября 26-го. Наслѣдникъ прибылъ въ Царское Село.

Ноября 7-го. Царская фамилія, исключая великой княжны Ольги Николаевны, возвратилась въ городъ изъ Царскаго Села.

Въ теченіе этого мѣсяца императоръ навѣщалъ своихъ больныхъ министровъ, гр. Толя, гр. Канкрина и Дашкова.

Ноября 22-го. Говорятъ объ экспедиціи въ Хиву. Главнокомандующимъ называютъ оренбургскаго генералъ-губернатора, который пойдетъ на Хиву во главѣ 10 т. человѣкъ. Въ пустынѣ, по которой придется идти войскамъ, имъ представится много трудностей.

Ноября 26-го. Въ ночь съ 25-го на 26-е скончался министръ юстиціи Дашковъ. Это огромная потеря для страны.

Декабря 1-го. Я былъ у митрополита московскаго Филарета съ приглашеніемъ осмотрѣть лѣчебницы; онъ обѣщалъ пріѣхать, если позволитъ здоровье.

Декабря 6-го. Въ день тезоименитства государя при дворѣ не было пріема. Я былъ у графа Нессельроде, у котораго былъ только дипломатическій корпусъ. Вице-канцлеръ просилъ французскаго посланника предложить тостъ за здоровье императора, а самъ предложилъ выпить за здоровье союзниковъ его величества.

Декабря 15-го. Говорятъ о назначеніи министромъ юстиціи Панина; Блудова прочатъ на мѣсто покойнаго Дашкова въ редакторы

Свода законовъ. Послѣдній будетъ на мѣстѣ; что же касается перваго, то я въ этомъ сомнѣваюсь.

Декабря 29-го. День освѣщенія церкви въ (глазной)лѣчебницѣ. Мнѣ было много хлопотъ, но богослуженіе и завтракъ прошли какъ нельзя лучше. Удивительно, что на освященіе церкви не пріѣхалъ никто изъ властей, ни графы Бенкендорфъ, Орловъ, Эссенъ, ни оберъ-полицеймейстеръ; принцъ Ольденбургскій также прислалъ сказать, что онъ не будетъ, и извинился тѣмъ, что онъ долженъ хлопотать объ обѣдѣ, на который совершенно неожиданно выразилъ желаніе пріѣхать императоръ.

Князь Александръ Голицынъ былъ на освященіи и на завтракѣ, что было мнѣ очень пріятно.

Къ біографіи Н. В. Гоголя.

1.

О недозволеніи печатать «Размышленія о Божественной литургіи» Н. В. Гоголя.

Отношеніе комитета духовной цензуры профессору императорскаго Московскаго университета, статскому совѣтнику Осипу Максимовичу Бодянскому.

С.П.Бургъ, 13-го августа 1856 г. № 277.

С.-Петербургскій комитетъ для цензуры духовныхъ книгъ, разсматривавшій рукопись «Размышленія о Божественной литургіи» сочин. Н. В. Гоголя, нашелъ, что въ размышленіяхъ о литургіи Гоголя при множествѣ прекрасныхъ мыслей, встрѣчается не мало объясненій обрядовъ Богослуженія произвольныхъ и даже неправильныхъ; есть даже выраженія противныя ученію православной церкви. Посему и размышленія эти не могутъ быть одобрены въ настоящемъ ихъ видѣ. Объ этомъ канцелярія комитета честь имѣетъ увѣдомить ваше высокородіе съ возвращеніемъ самой рукописи. Секретарь Иванъ Вознесенскій.

2.

Аттестатъ, выданный Н. В. Гоголю изъ С.-Петербургскаго университета.

Состоящій по установленію въ 8-мъ классѣ, Николай Васильевъ сынъ, Гоголь, бывшій адъюнктъ по каѳедрѣ исторіи при императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, какъ изъ формулярнаго о службѣ его списка видно, происходитъ изъ дворянъ. По окончаніи курса ученія

въ лицеѣ высшихъ наукъ князя Безбородко поступилъ на службу въ департаментъ удѣловъ съ правомъ на чинъ 14 класса 1830, апрѣля 10; указомъ Правительствующаго Сената утвержденъ въ чинѣ коллежскаго регистратора со старшинствомъ со дня вступленія въ службу, 1830, іюня 3-го, помѣщенъ помощникомъ столоначальника въ томъ же департаментѣ 1830, іюля 30-го; по прошенію его изъ онаго департамента уволенъ 1831, марта 9-го; съ высочайшаго соизволенія ея императорскаго величества опредѣленъ въ Патріотическій институтъ старшимъ учителемъ исторіи, состоя по силѣ высочайшаго указа 1-го апрѣля 1831 года въ чинѣ титулярнаго совѣтника. Со дня вступленія въ сію должность 1831, марта 10-го, въ награду отличныхъ трудовъ пожалованъ отъ ея императорскаго величества брилліантовымъ перстнемъ 1834, марта 9-го. Опредѣленъ адъюнктомъ по каѳедрѣ исторіи при императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ 1834, іюля 24-го. По случаю преобразованія университета остался за реформою съ выдачею годоваго оклада жалованья 1836, января 1-го. Отъ роду ему 27 лѣтъ. Благопріобрѣтеннаго имѣнія за нимъ не состоитъ; родоваго имѣетъ 86 душъ крестьянъ и 700 десятинъ земли въ Миргородскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи. Холостъ. Исповѣданія грекороссійскаго. Въ отпускѣ былъ съ 1-го мая по 1-е сентября 1835 года и возвратился на срокъ. Въ отставкѣ, въ штрафахъ и подъ судомъ не былъ, и ни одному изъ случаевъ, лишающихъ права на полученіе знака отличія безпорочной службы, не подвергался. Аттестованъ былъ всегда способнымъ и достойнымъ и во все продолженіе своей службы велъ себя какъ подобаетъ приличному благородному человѣку. Въ увѣреніе чего и данъ ему сей аттестатъ изъ правленія императорскаго С.-Петербургскаго университета за надлежащимъ подписаніемъ и приложеніемъ казенной печати. Въ С.-Петербургѣ мая 14-го 1836 года.

Его императорскаго величества всемилостивѣйшаго государя моего статскій совѣтникъ, ректоръ императорскаго С.-Петербургскаго университета ординарный профессоръ и разныхъ орденовъ кавалеръ Н. Шульгинъ.

Сообщ. **В. И. Шенрокъ.**

Издатель **С. Зыковъ.** Редакторъ **Н. Дубровинъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1902 г.

ТОМЪ СТО ОДИННАДЦАТЫЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

		стран.
I.	Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина.	61—80, 331—347
II.	Записки генерала В. И. Левенштерна. (Окончаніе).	171—208
III.	Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи. Сообщ. князь А. Дадіанъ	209—224, 439—448
IV.	Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева	399—426, 548—568

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

		стран.
I.	Русская жизнь въ началѣ XIX в. Н. Дубровина	5—30, 225—247, 449—471
II.	Заграничная поѣздка великаго князя Николая Павловича и великой княгини Александры Ѳеодоровны въ 1824 г. Сообщ. Н. К. Шильдеръ.	31—43
III.	И. Ѳ. Паскевичъ о пользѣ изученія дѣяній великихъ полководцевъ и о своихъ дѣйствіяхъ. Письмо И. Паскевича—Егору Борисовичу Фуксу. 10-го февраля 1828 года Сообщ. Вик. Всевол. Жерве	44

		стран.
IV.	Сперанскій въ Великопольѣ и Пензѣ (Изъ бумакъ акад. А. Ѳ. Бычкова) Сообщ. И. А. Бычковъ.	45—59
V.	Памяти В. А. Жуковскаго. (Стихотвореніе) А. И. С—ва.	60
VI.	Изъ переписки М. Н. Загоскина. 1. Письма А. Н. Оленина. 2. Письма и записки гр. А. Х. Бенкендорфа. 3. Письма О. И. Сенковскаго. 4. Письма Ф. Ф. Вигеля. 5. Письма П. А. Корсакова. 6. Письма Н. И. Гнѣдича. 7. Письма М. П. Погодина. 8. Письма разныхъ лицъ. Сообщ. И. А. Бычковъ . . . 81—106, 349—355,	615—633
VII.	Дипломатическіе переговоры передъ Восточною войною 1853 — 1856 году. В. В. Тимощукъ. . . . . 107—227, 367—398,	569—597
VIII.	Суворовъ въ Варшавѣ. (Историческая справка). Сообщ. В. Лугаковскій	128
IX.	Изъ дневника французскаго дипломата при дворѣ Екатерины II. (Окончаніе). Р.	129—150
X.	Экспедиція Государственнаго Хозяйства. (1797—1803 г.г.). В. И. Вешнякова. . 151—170,	427—438
XI.	Прототипъ Бобчинскаго. Сообщ. В. Н. Строевъ.	248
XII.	В. А. Жуковскій какъ народникъ. (Ко дню пятидесятилѣтія кончины). Пав. Висковатова.	249—266
XIII.	Русская журналистика въ 1849—1875 г.г. (Изъ бумагъ М. В. Авдѣева). Сообщила К. Четверикова. . . . . 267—287,	493—512
XIV.	Распоряженіе одного изъ мировыхъ посредниковъ 5-го февраля 1862 г. Сообщ. П. Н. Вереха.	288
XV.	Великій князь Константинъ Павловичъ и его дворъ (1810—1833 г.г.) . . . . 289—309,	533—546
XVI.	Воспрещеніе сообщать корреспонденціи въ иностранные журналы. 15-го февраля 1824 г. .	310
XVII.	Наслѣдіе Петра Великаго. (Окончаніе). II. . .	311—329
XVIII.	Образцы дворянскихъ дипломовъ. Сообщ. Н. Мурзановъ.	330
XIX.	Поправки неточностей въ «Пушкинскомъ сборникѣ». Сообщ. Евгенія Клебанская. .	348
XX.	Двѣ награды Д. В. Давыдову. Письмо Д. В. Давыдова—генералъ-адъютанту Васильчикову 19-го декабря 1812 г. Сообщ. В. И. Харкевичъ.	366
XXI.	Исправленіе коляски графа Аракчеева. . . .	472
XXII.	Французскій іезуитъ въ Москвѣ въ XVII стол. П. Пирлинга.	473—483
XXIII.	Письмо А. Тургенева П. А. Галахову объ изданіи книги М. М. Сперанскаго «О подражаніи Христу»	484
XXIV.	Изъ разсказовъ А. О. Смирновой о Н. В. Гоголѣ. Пав. Висковатова.	485—492

стран.

XXV. Монастырская реформа въ Царствѣ Польскомъ. Д. Г. Анучина . . . . . 514—532
XXVI. Графъ Д. И. Хвостовъ и его патріотическія стихотворенія . . . . . 547—548
XXVII. Отказъ императора Александра произвести въ коллежскіе ассесоры безъ экзамена. Сообщ. Н. Мурзановъ 598
XXVIII. Фотій и гр. А. Орлова-Чесменская. А. Слезскинскаго . . . . . 599—613
XXIX. Камень съ природой начертаннымъ изображеніемъ императрицы Екатерины II. Сообщ. В. Н. Строевъ 614
XXX. Рескриптъ Александра I графу Ростопчину по поводу письма его о слухахъ и безпорядкахъ въ провинціи 634
XXXI. 1838 г. въ Петербургѣ (По дневнику П. Г. Дивова) . . . . . 635—650
XXXII. Къ біографіи Н. В. Гоголя. Сообщ. В. И. Шенрокъ . . . . . 651—652
XXXIII. Систематическое оглавленіе сто одиннадцатаго тома . . . . . 653—656

Библіографическій листокъ.

1. Зимняя поѣздка въ Бѣлозерскій край. П. Шереметева. Москва 1902 г. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ іюльской книги).

2. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. По порученію министерства иностранныхъ дѣлъ составилъ Ф. Мартенсъ. Томъ XIII. Трактаты съ Франціею. 1717—1807. Спб. 1902 г. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ августовской книги).

3. Къ столѣтію Комитета Министровъ (1802—1902). Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ. Томъ второй. Часть 1-я. Комитетъ Министровъ въ царствованіе императора Николая Перваго (1825 г. ноября 20—1855 февраля 18). Составилъ С. М. Середонинъ. Изданіе Канцеляріи Комитета Министровъ. Спб. 1902 г. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ сентябрьской книги).

Портреты.

I. Портретъ Михаила Николаевича Загоскина. Грав. И. И. Хелмицкій.
(При 7-ой книгѣ).

II. Портретъ великаго князя Константина Павловича. Грав. И. И. Хелмицкій.
(При 8-ой книгѣ.)

III. Портретъ Михаила Васильевича Авдѣева. Грав. И. И. Хелмицкій.
(При 9-ой книгѣ).

Приложенія.

1. Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщ. И. А. Бычковъ. 369—432

Рейтернѣ. Визиты къ Панхюсъ [1]); къ Лауницу, его идея о музеумѣ искусства Среднихъ вѣковъ.—Къ Шёлеру [2]). У в(еликаго) князя представленіе. Родшильдъ. — Обѣдъ у в(еликаго) князя. Послѣ того въ театръ на минуту. Къ Радовицу съ Тургеневымъ. О книгѣ Каница [3]) и замѣчанія на нее Радовица. Вечеръ у Убриля: Мюнхъ-Беллингсгаузенъ, пр(езидентъ) діеты [4]), Росси съ женою, Штраленгеймъ [5]) съ женою, г-жа Пехмисъ [6]), M-elle Bolviller, Шёлеръ, Радовицъ съ женою. Послѣ разговоръ у меня съ Вьельгорскимъ. Мейндорфъ.

24 іюля (5 августа), воскресенье. Переѣздъ изъ Франкфурта въ Висбаденъ. Поутру у меня Тургеневъ. Я у Нарышкиной. Съ Радовицемъ въ Stadelsche Institut [7]). Нѣкоторыя нѣмецкія картины, мнѣ прежде извѣстныя. Фейтовы плафоны. На лѣстницѣ Альберхтъ Дюреръ и Рафаель. Въ нѣмецкой галлереѣ. Съ одной стороны Христіанство источникъ искусства, съ другой три главныхъ искусства; портреты живописцевъ нѣмецкихъ.—Фейтовъ Ахилловъ щитъ, нѣсколько ландшафтовъ Рюисдаля. Изъ новыхъ: Даніилъ во рвѣ львиномъ Фейтовой школы, или самаго Фейта [8]); спокойствіе Даніила; левъ, рвущійся вверхъ. Три ландшафта Лессинговы: особенно одинъ прекрасенъ—Раззоренная деревня на берегу высокомъ съ обширною окрестностію. Рыцарь передъ Мадонною посреди лѣса. — Рѣшительная минута вербовщика: задумчивость съ одной стороны; разные роды плутовства съ другой. Пляска въ трактирѣ. Une marine. Рисунки для Данта. Фейтовъ картонъ: Тучный годъ въ Египтѣ. Самое лучшее Фейтовъ фрескъ: Христіанство въ Германіи какъ источникъ искусства и образованія. Германія съ одной стороны, Италія съ другой, въ серединѣ Христіанство: божественная фигура съ ангеломъ, проповѣдующій епископъ, бѣгущая Велледа, печальный бардъ

---

[1]) Panhuys, маіоръ генеральнаго штаба, находившійся въ голландской службѣ, былъ членомъ военной коммиссіи во Франкфуртѣ.

[2]) Генералъ Фридрихъ фонъ Шёлеръ (р. 1772 † 1840) былъ прусскимъ уполномоченнымъ во Франкфуртѣ. Ранѣе онъ былъ прусскимъ посланникомъ въ Петербургѣ (см. выше, стр. 103, прим. 5-е).

[3]) Вѣроятно о книгѣ Каница (о которомъ см. выше, стр. 396, прим. 12-е), вышедшей въ 1837 году въ Гёттингенѣ „Betrachtungen eines Laien über das Leben Jesu von Strauss“.

[4]) Графъ Іоахимъ-Эдуардъ Мюнхъ-Беллингсгаузенъ (р. 1786 † 1866) австрійскій уполномоченный во Франкфуртѣ, съ 1823 по 1848 годъ бывшій президентомъ германскаго сейма.

[5]) Быть можетъ, ганноверскій министръ баронъ Августъ Штраленгеймъ (р. 1777 † 1847).

[6]) Въ дневникѣ, вѣроятно, описка, вмѣсто: Панхюсъ.

[7]) Т. е. въ Städel'sche Kunstinstitut, основанный франкфуртскимъ гражданиномъ Іоганномъ-Фридрихомъ Städel († 1816).

[8]) Это картина художника Альфреда Ретеля (Rethel, р. 1816 † 1859).

надъ сокрушеннымъ святымъ дубомъ, изъ-подъ коего ключъ; внимающіе мальчикъ и дѣвочка; вдали ѳеологи, школа, воинъ съ поэзіею и музыкою, архитектура, скульптура и живопись. Прекрасная жив(ая) композиція; колоритъ фреско.—Мысли Радовица о архитектурѣ. Греческая—горизонтальная линія; готическая—вертикальная линія. Сводъ готическій изъ двухъ параллельныхъ, никогда не сходящихся; элементъ идеальный основою матеріальнаго. Востокъ всегда таинственъ: египетскія формы.—Каѳедральная церковь. Картина Овербека Марія и Елизавета; идеалъ и простая природа; голова старика, голова Мадонны, голова Елизаветы. Рисунокъ, и отдѣлка, и колоритъ весьма неудовлетворительные; со всѣмъ тѣмъ чувство и мысль.—У меня Бекъ. Альбомъ англ(ійскихъ) рисовщиковъ.—Мысль Тургенева купить домъ. Домъ Дмитріева [1]) единственное ему спасеніе. — Переѣздъ въ Висбаденъ. Посѣщеніе Штиглица [2]), который имѣетъ что-то похожее на Гумбольда. Здѣсь M-e Storch [3]). У меня гр. Игельштремъ.

25 іюля (6 августа), понедѣльникъ. Висбаденъ. Заходилъ къ Шторхъ. Переѣздъ въ Эмсъ.

26 іюля (7 августа), вторникъ. 1 день Эмса. В(еликій) князь еще не начиналъ своего курса. Ждемъ Штиглица. Писалъ императрицѣ [4]). Прогулка по саду. Поперемѣнно дождь. Ввечеру мушка.

27 іюля (8 августа), середа. 2 день Эмса. Все еще в(еликій) к(нязь) не начиналъ курса. Ждемъ Штиглица. Нынче представленіе русскихъ. Здѣсь генералъ Guilleminaut [5]). Видѣлъ генерала Гильомино: пріятный не французскій тонъ. Послѣ обѣда дѣлалъ визиты русскимъ. Балъ въ курзалѣ. Графъ Ревентло; его жена, племянница гр. Бернсторфъ; госпожа Бушъ, дочь Бернсторфъ (одна сестра ея съ матерью больная, другая племянница за Редерномъ; та, которая была за .... [6]), умерла; есть еще одна за другимъ Ревентло). M-elle Durieng. M-elle Henkel, красавица Эмса. Представлялся герцогинѣ. Познакомился съ герцогомъ Шаумбургъ-Липпе. Борстель [7]). Русскіе: Суденко [8]) съ милою женою,

[1]) И. И. Дмитріева.

[2]) Доктора Іоганна Штиглица (Stieglitz, p. 1767 † 1840), ганноверскаго лейбъ-медика.

[3]) Вѣроятно, вдова академика Андрея Карловича Шторха (о немъ см. выше, стр. 306, прим. 7-е).

[4]) Это письмо напечатано въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 310—312.

[5]) Т. е. Guilleminot, графъ Арманъ-Шарль (р. 1774 † 1840), французскій генералъ и дипломатъ, участвовавшій въ походѣ Наполеона на Россію въ 1815 году.

[6]) Фамилія написана неразборчиво.

[7]) Прусскій генералъ Карлъ-Генрихъ-Людвигъ фонъ Борстель (von Borstell, p. 1773†1844).

[8]) Т. е. Судіенко.

гр. Ламбертъ, Пальчиковъ, Тизенгаузенъ, Васильчиковъ съ женою и дѣтьми, Толстой съ женою, графъ Зубовъ съ женою.

28 іюля (9 августа), четвергъ. Письмо отъ императрицы. В(еликій) князь читалъ его мнѣ, со своимъ отвѣтомъ; Кавелинъ читалъ также свой отвѣтъ[1]).—У меня Борстель.—Обѣдъ у в(еликаго) к(нязя) съ Борстелемъ. Послѣ обѣда у гр. Ревентло. На гуляньѣ встрѣтилъ М-е —[2]), бывшую у Ивановской[3]); она, бѣдная, лишилась сына. Вечеръ у герцогини[4]). Музыка, пѣнье Вьельгорскаго и Толстаго. Ея гофмейстерина—[5]). Ея бывшая фрейлина Винценгероде теперь за Гагерномъ, братомъ извѣстнаго писателя[6]). У нея русскіе: Голицына, Васильчиковъ, Толстой съ женою и наша свита.

29 іюля (10 августа), пятница. Поутру встрѣча съ Левенштерномъ. Отправился въ Кобленцъ. Хорошая погода. Въ Кобленцѣ колодезь съ надписью: 1812, mémorable par la campagne contre les Russes, sous le protectorat de Jules Douzon.—Vu et appro(u)vé par nous, commandant Russe de la ville de Cologne, le 1 Janvier 1814[7]).—Церковь св. Кастора. Копія Рубенсовой картины; гробницы епископовъ; кости св. Кастора. Головы апостоловъ Гольбейна (?)[8]). Гробница св. Ринцы[9]).—Встрѣча съ Молеромъ[10]) и Штиглицомъ. На пароходѣ Зидовъ, которы(й) и провелъ меня къ Рейтерну[11]) въ девять часовъ. Ужиналъ съ Рейтерномъ.

30 іюля (11 августа). Поутру съ Рейтерномъ къ Грёбену[12]). Отъ него

---

[1]) Императрица Александра Ѳеодоровна была огорчена болѣзнью наслѣдника, заставившею его лѣчиться въ Эмсѣ и отказаться ѣхать въ Крейтъ на свиданіе съ государынею (см. письмо Жуковскаго къ императрицѣ отъ 28-го іюля (9-го августа) 1838 года въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI стр. 312—313).

[2]) Для фамиліи въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ.

[3]) См. выше, стр. 224.

[4]) У герцогини Нассауской Паулины-Фредерики-Маріи, рожденной принцессы Виртембергской.

[5]) Для фамиліи въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ.

[6]) Баронъ Гансъ-Христоферъ-Эрнстъ Гагернъ (Gagern, р. 1766 † 1852), историческій и политическій писатель.

[7]) Т. е. Въ 1812 году, памятномъ походомъ въ Россію, подъ покровительствомъ Жюля Дузона. Разсмотрѣно и одобрено мною, русскимъ комендантомъ Кельна, 1 января 1814 года.

[8]) Знакъ вопроса поставленъ самимъ Жуковскимъ.

[9]) Въ дневникѣ описка; слѣдуетъ читать: Ритцы (дочери или внуки германскаго императора Людовика Благочестиваго, † 840 г.).

[10]) Вѣроятно, съ Ѳедоромъ Антоновичемъ Моллеромъ (р. 1812 † 1874), профессоромъ исторической и портретной живописи.

[11]) Въ Дюссельдорфѣ.

[12]) См. выше, стр. 86, прим. 7-е.

*

къ Гюбнеру [1]), коего жена дочь Бендемана банкира. Спаситель у столба; Фарисей и мытарь. Шкиперъ въ домѣ для картины Іова. Отъ Гюбнера въ академію. Сперва въ рабочую Шадова [2]): 10 женъ; тутъ же картина Гюбнера во весь ростъ Спаситель. Къ Гильдебранту [3]): портретъ M-me Schadow и рисунокъ для большой картины Кардиналъ Вользей [4]). Маленькой рисунокъ Weihnachtsabend. Къ Жордану: [5]) Тревога на берегу, оригиналъ и копія. Къ— [6]). Народное возмущеніе. Къ Бреслауеру [7]) и Крафту. Ландшафтъ—Поселяне, покидающіе погорѣлое мѣсто. Къ Рейтерну обѣдать. Послѣ обѣда крестины. Разсматриваніе рисунковъ Гибнера. Къ Бреслауеру (заказалъ для себя ландшафтъ). Къ Плахову.

31 іюля (12 августа), воскресенье. На выставку. Къ Шлифтингу [8]): Карлъ Великій и Эмма. Къ Шрадеру [9]): Одалиска. Къ Пуліану [10]): Видъ Лимбургскаго замка. На выставкѣ картины [11]): Ахенбаха—марины. Беккера: Инвалидъ и гробовщикъ. Бреслауера: ландшафтъ Вечеръ. Эрхарда: Изъ Пѣсни пѣсней. Фирстенберга: Возвращеніе съ ярманки. Голтгаузена: Цвѣты предъ образомъ. Кислина [12]): Ландшафтъ горы. Келеръ: Поэзія. Крафтъ: Поселяне, идущіе съ пожара. Шретера: Фальстафъ. Ленена: Фрукты и цвѣты. Позе: Ландшафты. Пуліанъ: Площадь въ Бахарахѣ. Рейтернъ: Вечеръ на морѣ, Лѣсъ, Берегъ штранда, Старушка, Дитя съ косой, Эскизъ, Пастушка. Ширмеръ: Веттергорнъ. Восхожденіе солнца въ горахъ. Лѣсное уединеніе. Степь въ грозу. Дегера: Богоматерь. Гильдебранда: Портретъ Рейтерна. Ахенбаха: Норвежскій работникъ. Гафенслеверъ [13]): Изъ Іобзіады. Гуксоль: Вечерняя пѣснь барда. Кидерихъ: Лавалетъ умирающій. Лазинскій: 1. Башня у моря, ночь, волны. 2. Охотничь(и) домы. Рейтернъ: Мальчикъ съ собакою. Ширмеръ: Глетшеръ Розенлави. Гибнеръ: Дѣвочка и старушка надъ постелью больной.—Обѣдъ у Рейтерна. Разсматриваніе портфеля

---

[1]) Рудольфъ-Юліусъ Гюбнеръ (Hübner, p. 1806), живописецъ

[2]) См. выше, стр. 378, прим. 5-е.

[3]) См. выше, стр. 377, прим. 1-е.

[4]) Извѣстный англійскій кардиналъ и министръ короля Генриха VIII Thomas Wolsey († 1530).

[5]) Живописецъ Рудольфъ Іорданъ (Jordan, p. 1810 † 1887).

[6]) Для фамиліи въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ.

[7]) Живописцу Карлу Бреслауеру.

[8]) Въ дневникѣ фамилія живописца написана невѣрно; слѣдуетъ читать: Шлихтингу (Schlichting, E.-H., родомъ изъ Риги).

[9]) Живописецъ Юлій Шрадеръ (p. 1815).

[10]) Пейзажистъ Іоганнъ-Готфридъ Пуліанъ (Pulian, p. 1809 † 1874).

[11]) Перечисляются картины современныхъ дюссельдорфскихъ живописцевъ.

[12]) Т. е. Кислинга.

[13]) Фамилія написана въ дневникѣ ошибочно; слѣдуетъ читать: Газенклеферъ (Hasenklever).

Лессингова [1]). Входъ въ Іерусалимъ, Сраженія въ войну гусситовъ, Погибель Мейсенскаго принца. Военныя сцены и(зъ) 30-лѣтней войны. Ландшафты. Крестъ въ лѣсу. Разворенная деревня и трупы при великолѣпномъ ландшафтѣ. Встрѣча священника и разбойника въ лѣсу.—У Рейтерна. Моллеръ [2]), Гибнеръ [3]), Стильке [4]), Зонъ [5]) и Гильдебрантъ [6]). Разсматриваніе моихъ рисунковъ.

1 (13) августа, понедѣльникъ. Къ Штильке. Randzeichnungen. Nimphe. Rüs(t)kammer. Portefeuille. Въ Алгамбру (Jerusalem, Bethleem, Siberien) [7]). I. Лессингъ: Эццелино. Schwabenprinz. Штейнбрюкъ: Anbetung der Könige un(d) der Schäfer [8]). II. Стильке и Зондерландъ: Іоанна. Двѣ невольницы. Видъ замка Брука. III. Шретеръ: копія Фальстафа. Кузница. IV. Гильдебрандъ: Школа. Натурщикъ. Причащеніе. Приготовленіе къ маскараду. Хоръ въ церкви. V. Плюдеманъ и Зонъ: Конрадинъ. Картоны Лессинга: Гусситы (проданные за 10 лѣтъ табаку) и Сраженіе Швабскаго принца.—Тассо и Элеонора Зона. VI. Микке: Св. Августинъ и Ѳеодосій. Бланкъ: Больная мать. Портретъ.—На выставку. Иммерманъ [9]). Принцесса Фридрихъ.—Къ столарю, любителю искусствъ, Краузе. Марина Ахенбаха.—Обѣдъ у Рейтерна; послѣ обѣда Грёбенъ съ женою. Ввечеру Бреслауеръ, Плюдеманъ [10]) и Гибнеръ.

2 (14) августа, вторникъ. Поутру къ Грёбену. Къ Гибнеру. Разсматриваніе его альбома. Къ Сидову. Въ домъ Шадова. На дверяхъ въ сѣняхъ: Встрѣча и проводы по рисунку Гибнера. На(дъ) дверями въ залу: Удовольствія общества. Встрѣча съ Лессингомъ. Въ Академію. Къ Гильдебранду: Принцъ Крой. На возвратномъ пути къ Лессингу. Портреты живописцевъ. Обѣдъ дома. Послѣ-обѣда дома. Ввечеру музыка. Отъѣздъ въ 11 часовъ. Лазинскій [11]). Ночь въ особенной каютѣ.

3 (15) августа, середа. Переѣздъ изъ Дюссельдорфа въ Эмсъ. На пароходѣ Лазинскій. Сцена между англичаниномъ и красавицею Риттеръ. Княгиня Шаховская съ дочерью. Въ Кобленцѣ у Лазинскаго: его ланд-

---

[1]) См. выше, стр. 311, прим. 6-е.

[2]) См. выше, стр. 403, прим. 10 -е.

[3]) См. выше, стр. 404, прим. 1 -е.

[4]) Живописецъ Германъ-Антонъ Штильке (Stilke, p. 1803†1860).

[5]) Живописецъ Карлъ-Фердинандъ Зонъ (Sohn, p. 1805†1867), профессоръ Академіи Художествъ въ Дюссельдорфѣ.

[6]) См. выше, стр. 377, прим. 1-е.

[7]) Далѣе идетъ перечень картинъ нѣкоторыхъ современныхъ дюссельдорфскихъ живописцевъ.

[8]) Т. е. Поклоненіе волхвовъ и пастырей.

[9]) Поэтъ Карлъ-Эберехтъ Иммерманнъ (p. 1796†1840).

[10]) Дюссельдорфскій живописецъ Германъ Плюддеманъ (Plüddemann p. 1809†1866).

[11]) См. выше, стр. 231, прим. 7-е.

шафты. Вечеръ въ горахъ, Поле сраженія, Ночь лунная, Видъ сквозь ворота, вечеръ и освѣщенная хижина, долина. Переѣздъ въ Эмсъ съ Рейтерномъ и Плаховымъ. Въ Эмсѣ Арендъ [1]) (буря съ Кавелинымъ). (Княгиня Голицына, Толстая, Барятинскій). Письма. Безименное письмо.

4 (16) августа, четвергъ. Отъѣздъ Арента. Встрѣча Рейтерна съ великимъ княземъ. Вечеръ у герцогини съ барабанами.

5 (17) августа, пятница. Началъ пить воду. Разсматриваніе портфелей в(еликимъ) княземъ. Обѣдъ у в(еликаго) князя. Послѣ обѣда съ Рейтерномъ разсматривалъ свои рисунки. König [2]) и Розенъ. Ввечеру съ Іосифомъ Вьельгорскимъ. Барятинскій.

6 (18) августа, суббота. Барятинскій. Разговоръ съ Вьельгорскимъ.

7 (19) августа, воскресенье. Поѣздка въ Кобленцъ съ в(еликимъ) княземъ. Свиданіе съ в(еликимъ) княземъ. Графиня Ватмаръ, графиня Утремонъ, докторъ Майеръ, каммергеръ Бухау. Вечеръ у герцогини. М-е Zwirleyn изъ Висбадена [3]).

8 (20) августа, понедѣльникъ. У в(еликаго) к(нязя) съ Рейтерномъ. У меня Ревентло и Базилевскій. Разсматриваніе альбома. Піявки. У в(еликаго) к(нязя) обѣдъ съ Базилевскимъ, Ададуровымъ и Рейтерномъ. У Лазинскаго.

9 (21) августа, вторникъ. Пріѣздъ Лауница. Прогулка съ Рейтерномъ. Гальманъ [4]). У меня толпа.

10 (22) августа, середа. В(еликій) к(нязь), ѣздя верхомъ, нѣсколько повредилъ ногу. У меня Зубова, Ершова и Базилевская. Симолинъ и графъ Бланкензе. Прогулка съ Рейтерномъ и Суденко. Вечеръ у герцогини. Мальцевъ съ женою, дочерью Арины Никитичны Хитровой [5]); Анненковъ съ женою.

11 (23) августа, четвергъ. Письмо отъ государя. Маршрутъ. Баденъ. Черезъ ..... въ Комо. Венеція. Римъ. Неаполь. Вѣна. Минхенъ. Голландія. Англія.—Послѣ обѣда у Скрибицкаго. Потомъ у к(нягини) Голицыной [6]) съ Шевыревымъ [7]). Вечеръ у великаго князя; всѣ русскіе, до 60 человѣкъ. Первый урокъ.

---

[1]) Лейбъ-медикъ Николай Ѳедоровичъ Арендтъ (см. выше, стр. 254, прим. 9-е).

[2]) Быть можетъ, живописецъ Густавъ Кёнигъ (р. 1809†1869).

[3]) См. выше, стр. 227, прим. 1-е.

[4]) Быть можетъ, архитекторъ и живописецъ Антонъ Гальманъ (Hallmann, р. 1812†1845).

[5]) Сергѣй Ивановичъ Мальцовъ, который былъ женатъ на княжнѣ Анастасіи Николаевнѣ Урусовой (дочери кн. Николая Юрьевича Урусова отъ брака съ Ириною Никитичною Хитрово).

[6]) У жены московскаго генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына, княгини Татьяны Васильевны, рожденной Васильчиковой.

[7]) Съ Степаномъ Петровичемъ Шевыревымъ.

12 (24) августа, пятница. Цѣлый день пропалъ. Второй урокъ. Лауницъ. Мандерштернъ. Принцъ Нассаускій участникъ уроковъ. Второй урокъ.

13 (25) августа, суббота. Третій урокъ.

14 (26) августа, воскресенье. Поѣздка въ Forsthof. Пляска. Дочери фермера. Рисованье на Винтербергѣ съ Левенштерномъ, Рейтерномъ и Лауницомъ. Четвертый урокъ.

15 (27) августа, понедѣльникъ. Прибытіе нашихъ путешественниковъ. Лотерея. Пятый урокъ.

16 (28) августа, вторникъ. Поѣздка въ Нассау. Разговоръ на гуляніи съ принцемъ Нассау. Рисованье въ Нассау. Прибытіе Крейтона.

17 (29) августа, середа. Вечеръ у Бланкензе.

18 (30) августа, четвергъ. Вечеръ у герцогини. В(елікаго) к(нязя) не было. Разговоръ съ Базилевскою.

19 (31) августа, пятница. Вечеръ у герцогини. Графъ Розенъ изъ Швеціи.

20 августа (1 сентября), суббота. Поутру учреждалъ лотерею, которая и разыграна. 1 лотъ Левенштерну, второй герцогинѣ. Послѣ обѣда поѣздка въ Нивернъ вмѣстѣ съ Рейтерномъ. Встрѣча съ Левенштерномъ. Рисованье. У Вьельгорскаго. Вечеръ (послѣдній) у герцогини. Что въ этой горницѣ никогда не будетъ вмѣстѣ всѣхъ тѣхъ, кои теперь въ ней были.

21 августа (2 сентября), воскресенье. Разговоръ съ великимъ княземъ и Рейтерномъ. Поѣздка на горы. Балъ. Вечеръ у себя. Писалъ письма.

22 августа (3 сентября), понедѣльникъ. Послѣдній день въ Эмсѣ. Поутру визиты. Рисовалъ у велик(аго) князя. Обѣдъ у герцогини, прощанье съ принцами. Великій князь у Вьельгорскаго. Иллюминація и лотерея.

23 августа (4 сентября), вторникъ. Выѣздъ изъ Эмса въ 7 часовъ Осматривали замокъ Ингельгеймъ. Дѣйствіе прекрасное тумана на рейнскихъ водахъ. Прелестный вечеръ въ Рейнгау. Особенно Эльфельдъ. Чудная лунная ночь. Во Франкфуртѣ на старомъ мѣстѣ. Вьельгорскій [1]).

---

[1]) Далѣе въ дневникѣ находится слѣдующій перечень: „Знакомые, бывшіе въ Эмсѣ: M-e Kunster. M-elle Sturmfeder. M-e et M. Gagern. Winzingerode. Два принца. Маленькая Нассауская принцесса. Blankensee съ женою. Schreider надзиратель. Рудинчъ. Van Capellen, голландскій министръ. Генералъ Борстель. Ершовъ съ женою и братомъ. Княгиня Вяземская. Княгиня Шаховская съ дочерью. Графиня Толстая съ сыномъ. Толстой Павелъ съ женою. Базилевскій съ женою. Врангель съ женою. Викулинъ. Саблуковъ. Суденко съ женою. Левенштернъ съ сыномъ. Рейтернъ. Плаховъ. Лауницъ. Лазинскій. Даль. Дильманъ. Штернбергъ съ женою. Васильчиковъ съ семей-

24 августа (5 сентября), среда. Переѣздъ изъ Франкфурта въ Бутларъ. Поутру у Радовица. Выѣздъ въ восемь часовъ. (Долгорукій въ Дармштатъ). Осмотръ въ Гель(н)гаузенѣ развалинъ дворца; церковь, органъ посреди императорской залы. Прекрасный видъ отъ Гельнгаузена и равнина, окруженная амфитеатромъ горъ. Обѣдали въ Шлухтернѣ [1]). Великолѣпный видъ на Турингскія горы, проѣхавъ Фульду. Ночлегъ въ Бутларѣ. Пріѣхали весьма поздно.

25 августа (6 сентября), четвергъ. Переѣздъ изъ Бутлара въ Веймаръ. Обѣдъ въ Готѣ въ Mohr. Эйзенахъ. Гота. Эрфуртъ. Weimar. До самаго выѣзда изъ Эрфурта прекрасные виды. Было темно, когда пріѣхали въ Веймаръ. Мысли о Гёте и Шиллерѣ даютъ особенную прелесть этимъ мѣстамъ.

26 августа (7 сентября), пятница. Поѣздка въ Бельведеръ для представленія государю и великой княгинѣ [2]) и гросъ-герцогу. Охота и Арендтъ. У меня Миллеръ [3]). Визиты Санти [4]) и Шрёдеру [5]). Фредро [6]) съ женою и сыномъ. Фредро у меня. Польская версификація. Обѣдъ въ Бельведерѣ: гр(афиня) Генкель [7]), гр(афиня) Фричь, фрейлина, Фричь министръ иностранныхъ дѣлъ [8]), Герздорфъ министръ юстиціи, юрисконсультъ Швейцеръ, Бьелке [9]), Волфскиль [10]). Послѣ обѣда къ Миллеру. Анекдотъ о Каподистріи. Опрокинутая песочница. У Санти на вечеръ. Графиня Эглофштейнъ [11]). Графиня Фричь. М-е Müller съ прелестною невѣсткою. Графиня Фредро съ сыномъ и мужемъ. Фрейлина Штейнъ очень милая. Унгерштернбергъ [12]). Петерсонъ. Адъютантъ эрбгросгерцога графъ Бейстъ.

ствомъ. К(нягиня) Голицына. Шевыревъ съ женою. Графъ Зубовъ съ женою. Похвистневъ. Убриль съ женою и M-elle Bolviller. Вьельгорскій. Скрибицкій съ женою".

[1]) Т. е. Schlüchtern.

[2]) Маріи Павловнѣ, великой герцогинѣ Саксенъ-Веймарской, и ея супругу.

[3]) См. выше, стр. 203, прим. 9-е.

[4]) См. выше, стр. 180, прим. 4-е. Въ это время графъ В. А. Санти былъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Веймарѣ.

[5]) Тайный совѣтникъ Андрей Андреевичъ Шрёдеръ, нашъ министръ въ Дрезденѣ и при Саксенъ-Веймарскомъ дворѣ.

[6]) См. выше, стр. 207, прим. 1-е.

[7]) Оберъ-гофмейстерина Саксенъ-Веймарскаго двора графиня Henckel von Donnersmark.

[8]) Баронъ Карлъ-Вильгельмъ Фричъ (Fritsch, р. 1769†1850).

[9]) См. выше, стр. 310, прим. 5-е.

[10]) Саксенъ-Веймарскій оберъ-камергеръ баронъ Wolffskeel von Reichenberg.

[11]) См. выше, стр. 185, прим. 2-е.

[12]) Вѣроятно, баронъ Александръ фонъ Унгернъ-Штернбергъ (р. 1806 † 1868), нѣмецкій романистъ. Онъ жилъ въ то время въ Веймарѣ.

27 августа (8 сентября), суббота. Первое посѣщеніе Гётева дома. Поѣздка въ Османштедъ съ Миллеромъ и его милою невѣсткою. Обѣдалъ у Фредро съ княгинею Волхонскою. Ввечеру театръ: Der Maskenball. Пріѣздъ Рейтерна.

28 августа (9 сентября), воскресенье. У обѣдни. Въ домѣ Гёте. Barbier de Séville [1]). Разговоръ съ Экерманомъ [2]) и Крейтеромъ. Описаніе смерти Гёте. Маленькія его комнаты. Застоявшійся воздухъ въ горницахъ. Судно. Прелестный календарь въ футлярѣ. 22 марта. Бюстъ императрицы. Пирамида изъ папки: Sinnlichkeit зеленый цвѣтъ, Verstand голубой, Vernunft желтый, Fantasie красный. Поэмы и Tagebuch. Пролитыя чернила. Гётевы рисунки. Его внукъ Вольфгангъ [3]). Рисунокъ красками пирамиды. Знакомство съ Шор(н)омъ [4]).

29 августа (10 сентября), понедѣльникъ. Обѣдалъ у Миллера. Осматривалъ фрески во дворцѣ. Виландова горница. Главные сюжеты изъ Оберона. Живопись Преллеромъ [5]). Барельефы изъ Греціи. Остальное изъ повѣстей, Агатона и прочее. Шиллерова горница большая. Фрески изъ трагедій, Іоанны, Валленштейна, Маріи Стуартъ, Мессинской Невѣсты, Донъ-Карлоса, Пѣсни о колоколѣ, балладъ: Тогенбурга, Фридолина, Графа Габсбургскаго и Сраженія со змѣемъ и изъ Huldigung de Künste. Вечеръ поздравленіе государю. Извѣстіе о великихъ княжнахъ.

30 августа (11 сентября), вторникъ. Во время обѣдни пріѣздъ императрицы. Обѣдъ за маршальскимъ столомъ. Унгернъ-Штернбергъ. Милая фрейлина Штейнъ моя сосѣдка за обѣдомъ. Вечеръ у Шорна съ Иммерманомъ [6]), Римеромъ [7]), Унгерномъ, Экерманомъ, Рейтерномъ и Фредромъ. Поутру на выставкѣ.

31 августа (12 сентября). Отъѣздъ государя. Долгій разговоръ съ великимъ княземъ. У императрицы съ Рейтерномъ. Поѣздка съ Иммерманомъ и Миллеромъ въ Tieffurth [8]): монументъ герцогу Брауншвейгскому, сыну Константину [9]). Домъ Амаліи [10]). Домъ Виланда. Бездна мелочей

---

[1]) Опера Россини.

[2]) Johann-Peter Eckermann (р. 1791†1854), писатель, авторъ извѣстныхъ „Разговоровъ съ Гёте“ (Gespräche mit Goethe).

[3]) См. выше, стр. 203, прим. 6-е.

[4]) Іоганнъ-Карлъ-Лудвигъ Шорнъ (р. 1793 † 1842), историкъ искусствъ, директоръ Института изящныхъ искусствъ въ Веймарѣ.

[5]) Извѣстнымъ художникомъ Фридрихомъ Преллеромъ (р. 1804†1878).

[6]) См. выше, стр. 405, прим. 9-е.

[7]) Филологъ Фридрихъ-Вильгельмъ Римеръ (Riemer, р. 1774†1845), бывшій секретаремъ Гёте и издателемъ его сочиненій.

[8]) Замокъ недалеко отъ Веймара.

[9]) Герцогини Саксенъ-Веймарской Анны-Амаліи († 1807).

[10]) Константину-Фридриху-Фердинанду (р. 1758 † 1793), сыну герцога Саксенъ-Веймарскаго Фридриха-Августа-Константина.

въ домѣ. Обѣдъ во дворцѣ. Курфирстрина Гессенъ-Кассельская. Принцъ Альтенбургскій съ дочерью. Вечеръ дома.

1 (13) сентября, четвергъ. Поутру съ великимъ княземъ въ домѣ Гёте. Къ фрейлинѣ Штейнъ, разговоръ о письмѣ .... Обѣдалъ у Миллера съ Эккерманомъ, Иммерманомъ, Шорномъ и актеромъ Генастомъ [1]). Балъ. Разсказы графини Эглофштейнъ и Миллера о Наполеонѣ. Наполеонъ и Виландъ: Н(аполеонъ): On n'est pas sûr que J(ésus) C(hrist) ait jamais existé. [Виландъ]: Il y a des foux qui en ont douté, mais c'est comme si on avait revoqué en doute César ou Napoéon [2]). Графъ Фричь и его мать.

2 (14) сентября, пятница. Посѣщеніе Гётевой гробницы. Обѣдъ во дворцѣ за маршалскимъ столомъ. Ввечеру у Миллера. Чтеніе Иммермана Гамлетъ. M-e и M-lle Powisch [3]), мать и сестра госпожи Гёте. Schutz. Frohripp [4]). Миллеръ съ женою. Эккерманнъ. Шорнъ. M-e Штейнъ. M-e Мандельло.

3 (15) сентября, суббота. Поутру отъѣздъ императрицы. Визиты у Штернберга [5]), Санти, Шорна, Миллера, Эккермана, Крейтера, священника. Рисовалъ въ кабинетѣ Гёте. Обѣдъ у великой княгини. За столомъ подлѣ гросгерцога. Ввечеру въ театрѣ Тассо. Дюранъ[6])—Тассъ. M-e Genast[7])—Елеонора. Genast—Антоніо. Ужинъ у в(еликой) княгини.

4 (16) сентября, воскресенье. Отъѣздъ изъ Веймара. Поутру разговоръ съ великою княгинею. Переѣздъ до Рудольштата прелестными мѣстами. Въ Рудольштатѣ ночевали. Прелестный вечеръ. Осмотръ окрестностей. Шиллерова высота [8]) и бюстъ съ прекрасною надписью, взятою изъ Шиллера. Деревня [9]), гдѣ онъ жилъ въ 1788 и писалъ свои первыя стихотворенія. Дворецъ принца на высотѣ весьма живописенъ и самъ по себѣ, и по окрестностямъ. Театръ: Die Gesandtin. Довольно

---

[1]) Извѣстный актеръ и пѣвецъ Эдуардъ-Францъ Генастъ (Genast, р. 1797 † 1866).

[2]) Т. е. Наполеонъ: Нельзя быть увѣреннымъ, что Іисусъ Христосъ когда-либо существовалъ. — Виландъ: Были безумцы, которые въ томъ сомнѣвались. Но это то же, что подвергать сомнѣнію существованіе Цезаря или Наполеона.

[3]) Т. е. Pogwisch (см. выше, стр. 310, прим. 3-е)

[4]) Фамилія въ дневникѣ написана ошибочно. Это, вѣроятно, веймарскій докторъ Робертъ Фрориnъ (Froriep, р. 1804†1861).

[5]) Т. е. у Унгернъ-Штернберга (см. выше, стр. 408, прим. 12 -е).

[6]) Актеръ Фридрихъ-Августъ Дюранъ (Durand, р. 1787†1852), пользовавшійся расположеніемъ Гете, который проходилъ съ нимъ его роли.

[7]) Жена извѣстнаго актера, Каролина-Христина Генастъ (р. 1800†1860) пѣвица, а потомъ драматическая актриса.

[8]) Т. е. Schillerhöhe.

[9]) Для имени деревни оставленъ пробѣлъ. Это—селеніе Volkstedt.

порядочно для Рудольштата. Вся фамилія принца въ театрѣ. Остановка въ трактирѣ Zum Ritter.

5 (17) сентября, понедѣльникъ. Переѣздъ изъ Рудольштата въ Бамбергъ. Самыя живописныя мѣста, какія встрѣчались мнѣ въ Германіи. Шварцбургъ, на высотѣ, окруженный долинами. Къ нему и отъ него путь узкою долиною, окруженною высокими лѣсистыми и часто утесистыми горами. Развалины Бланкенбурга. (Туманъ и его дѣйствіе). По узкому зеленому дну долины ручей Шварца. Сіи виды продолжаются до Кобурга, къ которому все расширяются и образуются сперва широкія долины, потомъ широкія живописныя равнины. Близъ Кобурга замокъ Кобургъ. Въ Кобургѣ застали праздникъ, данный герцогомъ женѣ [1]) и народу въ день рожденья жены. Видѣли все семейство и весь дворъ герцога. Вангенгеймъ. Посреди зеленаго обнесеннаго заборомъ луга. Палатки, гдѣ обѣдъ, танцы. 1.300 ребятъ въ костюмахъ. Сосиски. Раздача бѣлаго хлѣба съ сосисками. Городъ довольно замѣчательный, вообще хорошо выстроенный; есть старинныя зданія: Regierung. Мы останавливались въ трактирѣ Zum Schwan.

6 (18) сентября, вторникъ. Переѣздъ изъ Бамберга въ Ниренбергъ. Въ Бамбергѣ осматривали Domkirche, въ византійскомъ чистомъ стилѣ построенную и недавно исправленную: статуи Генриха и Кунигунды [2]). Корона Генриха. Гробъ Кунигунды. Гвоздь, игла изъ вѣнка, кусокъ Честнаго Креста. Гробы Генриха и Кунигунды. Варварство: продажные священники и гробы бронзовые. Проданный Христосъ. На Михельсенбергъ [3]), взглядъ въ горницу присяжныхъ. Виды съ ограды. Doris. Башня Отто фонъ Виттельсбаха. Пріѣхали въ Ниренбергъ поздно. Остановились въ Wittelsbachhof.

7 (19) сентября, середа. Осмотръ Ниренберга. Lorenzkirche. Панорама Зальцбурга. Колодезь [4]). Въ Lorenzkirche. Стекла. Sacramentalhäusle(i)n Крафта [5]). Frauenkirche. Der Gänsemännlein [6]). Der Schöne Brunnen. Въ ратушу. Корридоръ съ барельефами. Зала засѣданій съ

---

[1]) Герцогомъ Эрнстомъ Саксенъ-Кобургскимъ (р. 1784) своей женѣ, герцогинѣ Маріи, рожденной принцессѣ Виртембергской (р. 5 (17) сентября 1799 г.).

[2]) Императора Генриха II († 1024) и его супруги Кунигунды († 1038).

[3]) Т. е. Michaelsberg.

[4]) Для названія оставленъ въ дневникѣ пробѣлъ. Это—Tugendbrunnen, находящійся около Lorenzkirche.

[5]) Работа извѣстнаго нюрнбергскаго скульптора и архитектора Адама Крафта (XV вѣка).

[6]) Т. е. Das Gänsemännchen — фигура, изображающая крестьянина, несущаго подъ мышками по гусю, изъ клювовъ которыхъ течетъ вода. Это работа Панкратія Лабенвольфа (XVI в.).

портретами благотворителей, портретомъ Максимильяна [1]) и выпискою изъ конституціи. Большая зала съ фрескомъ Альбрехта Дюрера. Подземныя тюрьмы. Себальдовъ соборъ: Baptisterium. Гробъ Себальда [2]). На основаніи язычества, 12 апостоловъ и 12 отцовъ церкви построенный Іерусалимъ, коего глава Христосъ. Moritzcapelle, гдѣ собраны картины Нѣмецкой школы; нѣкоторыя изъ собранія Буассере [3]), нѣкоторыя изъ Шлейсгейма, принадлежащія королю. Въ замокъ. Выставка работа на стеклахъ. Большой ландшафтъ Калама, Дѣтоубійца, Карлъ IX съ ружьемъ, Ноевъ ковчегъ. Дюреровы Апостолы. Сандра(р)товъ Пиръ. Двѣ голыя женщины Кранаха. Переправка въ старинныхъ горницахъ. Церковь съ мраморными колоннами и рѣзными картинами. Одна изъ древ(нихъ) чудесная голова. Подземная церковь, весьма замѣчательная. Послѣ обѣда къ Кампе [4]). Нѣкоторые изъ старыхъ знакомцевъ: Дюрерова Богоматерь, Самаритянинъ, Семейство и пр. Весьма замѣчательное собраніе. Въ Rosenau. Объѣздъ города. Вечеръ въ Bayerischer Ho у сопутниковъ, потомъ дома рисовалъ.

8 (20) сентября, четвергъ. Поутру у Бетельмейера. Выѣздъ изъ Ниренберга въ 9 часовъ. Черезъ Feuch(t), Neumarkt, Deining, Daswang, въ Регенсбургъ. Пріѣхали въ $^1/_2$ 12. День былъ половину дождливый. Дорога довольно скучная, безпрестанныя изволоки; сосновый и еловый лѣсъ. Отъ Неймарка прекрасная широкая долина. Здѣсь мы обѣдали довольно плохо.

9 (21) сентября, пятница. Пребываніе въ Регенсбургѣ. Неопрятный и непріятный городъ. Неправильныя улицы. Замѣчательная Domkirche, передѣлываемая нынѣшнимъ королемъ [5]). Величественныя цвѣтныя окна старыя и новыя. Когда кончится передѣлываніе, будетъ одна изъ величественныхъ церквей готическихъ. Памятникъ Дальбергу [6]) съ смѣшною надписью: Der Neffe dem Onkel. Порталъ церкви Іакова. Церковь св. Эммерама со множествомъ мощей и серебренымъ гробомъ Эммерама. Ратуша; старинная зала діеты. Fürstenkammer. Тюрьмы. Деревянныя безъ свѣта. Тюрьма, гдѣ заключенъ былъ въ 30-лѣтнюю войну шведскій генералъ Шафочъ [7]). Подземная тюрьма. Камера пытки.

---

[1]) Германскаго императора Максимиліана I.

[2]) Гробъ св. Себальда, патрона Нюрнберга.

[3]) См. выше, стр. 157, прим. 12-е.

[4]) Въ книжный и художественный магазинъ Фридриха Кампе (Campe, † 1846).

[5]) Королемъ Баварскимъ Лудвигомъ I (р. 1786 † 1868).

[6]) Князю-примасу Рейнскаго союза Карлу фонъ Дальбергу (р. 1744 † 1877).

[7]) Генералъ Іоганнъ-Генрихъ Шафгочъ (Schaffgotsch) былъ казненъ въ Регенсбургѣ въ 1635 году.

Кеплеровъ монументъ, весьма плохой: храмъ съ бюстомъ изъ бѣлаго мрамора съ знаками зодіака въ триглифахъ. Поѣздка въ Валкалу [1]). Donaustauf съ развалинами замка и домомъ Thurn и Taxis [2]). S. Salvador неизвѣстный архитекторъ. Валкала изъ бѣлаго мрамора снаружи; съ колосальными каріатидами, внутри въ храминѣ выложено темнокоричневымъ полированнымъ мраморомъ. По плану Кленца [3]). Должна быть готова въ 1842 году [4]). Видъ отъ Регенсбурга неблагопріятный; но изъ-за Дуная и отъ Минхенской дороги величественный. Но должно быть сумасшедшимъ, чтобы затѣять такое гигантское зданіе въ наше время. Типографскій станокъ убилъ всѣ памятники. Въ театрѣ: Die Wiener in Berlin. Театръ болѣе франкфуртскаго; но плохо освѣщенъ сальными свѣчами. Актеры не замѣчательны.

10 (22) сентября, суббота. Переѣздъ изъ Регенсбурга въ Минхенъ 16 миль. Отправились въ дорогу въ 6 часовъ. Великолѣпная равнина, примыкающая къ стѣнѣ горной и орошаема(я) Изаромъ, посреди коей стоитъ Ландсгутъ съ прекрасною готическою церковью, тонкою; тонкія, легкія колонны весьма замѣчательны. Надъ городомъ старинный и обновляемый замокъ Trausnitz. Положеніе Мосбурга также живописно. Къ вечеру сильный дождь. Пріѣхали въ Минхенъ въ 11 часовъ, не нашли мѣста ни въ одномъ трактирѣ и остановились въ партикулярномъ домѣ, принадлежащемъ трактиру Der Goldne Hirsch.

11 (23) сентября, воскресенье. Первый день пребыванія въ Минхенѣ. Поутру къ Сѣверину [5]) и потомъ съ нимъ вмѣстѣ взглядъ на Пинакотеку, Глиптотеку, базаръ и Kunstverein. Обѣдалъ у Сѣверина. Въ театрѣ: Der Reisewagen, бурная мелодрамма, плохо представленная Чай пилъ у Сѣверина.

12 (24) сентября, понедѣльникъ. Поутру къ Сѣверину. Къ Мальтицу [6]). Канарейки и колибри. Въ церковь св. Лудовика. Фрески Кор-

---

[1]) См. выше, стр. 373, прим. 15-е.

[2]) Князей Турнъ-и-Таксисъ.

[3]) Лео фонъ Кленце (von Klenze, p. 1784 † 1864), извѣстный архитекторъ, которымъ возведено много великолѣпныхъ зданій, особенно въ Мюнхенѣ. Въ Петербургѣ по его планамъ и рисункамъ построено зданіе Императорскаго Эрмитажа.

[4]) Валгалла, дѣйствительно, была окончена постройкою 18-го октября н. ст. 1842 года.

[5]) Къ Дмитрію Петровичу Северину, съ 1837 года бывшему посланникомъ въ Мюнхенѣ.

Баронъ Аполлонъ Петровичъ Мальтицъ (р. 1795 † 1870) былъ въ то время старшимъ секретаремъ нашего посольства въ Мюнхенѣ; впослѣдствіи въ теченіе многихъ лѣтъ (въ 1841—1868 гг.) онъ былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Веймарѣ.

неліуса [1]): С(трашный) Судъ, Рождество, Распятіе. Отцы церкви и евангелисты около Св. Духа. Въ Allerheiligen. Чудесная церковь въ византійскомъ стилѣ. Фрески Г(енриха) Гесса [2]). Въ Пинакотеку. Осматривалъ Нѣмецкую школу. Къ Буассерé [3]). Въ церковь Театиновъ. Свиданіе съ Корнеліусомъ и съ Буассерѣ. Въ отель. Магазинъ Брониля. Обѣдалъ и провелъ вечеръ у Сѣверина.

13 (25) сентября, вторникъ. Письмо отъ Вьельгорскаго изъ Бадена отъ 10-го сентября. 11-го они выѣзжаютъ въ Констанцъ и оттуда въ Комо. Поѣздка чер(ез)ъ Isarthor въ Ау. Приходская церковь Marienhülfe Ольмиллера [4]). Въ Англійскій садъ. Сперва заѣзжалъ въ рабочій домъ. Biederstein и павильонъ, гдѣ завтракаютъ. Къ Буассерé. Цвѣтныя стекла. Барельефы Шванталера [5]). Съ Сѣвериномъ осматривали дворецъ. Собраніе бюстовъ; сокровищница короны; старая капелла дворцовая: сосуды и алтарь Бенвенуто Челлини [6]). Барельефъ восковой Микель Анжа. Образъ Маріи Стуартъ складной. Горницы короля. Грецiя. Горницы королевы. Поэзія нѣмецкая. Niebelungen Snorr'a [7]). Новая часть дворца. Зала тронная съ исполинскими статуями герцоговъ. Историческіе фрески Шнора. Фрески баталій. Портреты красавицъ. Послѣ обѣда въ театръ. Глупая піеса: Liebesprotokoll. Киль [8]). Разговоръ о Брюловѣ.

14 (26) сентября, среда. Поутру въ Frauenkirche: стекла; памятникъ импера(тора) Лудвига Баварскаго [9]) изъ чернаго мрамора съ бронзовыми статуями кругомъ. По угламъ рыцари; съ двухъ сторонъ два герцога. Императоръ во всемъ орнатѣ на камнѣ. Церковь Іезуитская или Михаила архангела, безъ колоннъ, съ смѣлымъ сводомъ. Памятникъ Евгенія Лейхтенбергскаго [10]) Торвальдсена. Не очень ясная идея. Великолѣпная Базилика во имя св. Бонифація. Надъ входомъ Саваоѳъ, впереди Христосъ; по стѣнамъ сверху легенды до Бонифація, дѣянія Бонифація, папы [11]). Все на золотомъ грунтѣ. Архитекторъ Циг-

---

[1]) См. выше, стр. 232, прим. 6-е.

[2]) Извѣстный живописецъ Генрихъ Гессъ (р. 1798 † 1863, въ Мюнхенѣ)

[3]) См. выше, стр. 157, прим. 12-е.

[4]) Іосифъ-Даніилъ Ольмиллеръ (Ohlmüller, р. 1791†1839), мюнхенскій архитекторъ.

[5]) Извѣстный скульпторъ Лудвигъ фонъ Шванталеръ (Schwanthaler, р. 1802 †1848).

[6]) См. выше, стр. 391, прим. 5-е.

[7]) Живописецъ Юліусъ-Фейтъ-Гансъ Schnorr von Carolsfeld, р. 1794†1872).

[8]) См. выше, стр. 207, прим. 3-е.

[9]) Умеръ въ 1347 году.

[10]) Герцога Лейхтенбергскаго Евгенія Богарне († 1824), нѣкогда вице короля Италіи.

[11]) Т. е. изображенія папъ, отъ Юлія III до Григорія XVI.

ландъ [1]). Въ Пинакотеку. Оттуда въ галлерею герцога Лейхтенбергскаго: Гераровъ [2]) Велизарій; Іозефина; Гране [3]); Сассоферрато [4]). Много прекрасныхъ картинъ Италіанской школы. Комнаты герцога и герцогини. Семейные портреты. Театръ. Архитекторъ Кленце. Въ Англійскій садъ съ Сѣвериномъ. Прекраснѣйшая погода. Картина Петра Гесса [5]) Переходъ казаковъ черезъ Рейнъ. На выставку. Въ англійскій магазинъ. Базаръ и фрески. Обѣдалъ у Сѣверина. Жерковинъ казакъ архитекторъ. Ввечеру у Сѣверина. Графъ Эстергази, секретарь австрійскаго посольства.

15 (27) сентября. Поѣздка въ Тегернзе и Крейтъ вмѣстѣ съ Килемъ.

16 (28) сентября, пятница. Поутру. У меня Сѣверинъ. Къ Герману [6]). Отъ него къ Шнору, котораго не засталъ дома, но встрѣти(лъ) у Штегельмейера въ литейной. Шиллеровъ монументъ въ Штутгардѣ. Шванталеровы живописцы. Отличныя колоссальныя статуи для тронной залы. Къ Шванталеру. Бездна работъ. Барельефъ Барбароссы въ крестовомъ походѣ для дворца. Статуи для фронтона Фалкалы [7]). Арминіева побѣда надъ Варомъ. Баварія. Колоссальная статуя для тронной. Конная статуя Максимиліана. Проектъ колоссальной Баваріи посреди Пантеона баварскимъ знаменитымъ людямъ. Посѣщеніе Шванталера, который страдаетъ летучею подагрою. Отъ него въ Академію, гдѣ готовится выставка художественныхъ произведеній и гдѣ я осматривалъ приготовленныя картины для выставки. Въ лавку Котты. Обѣдалъ вмѣстѣ съ Мальтицомъ въ ресторацій. Письмо Тютчева, который потерялъ свою жену [8]). Въ театрѣ, гдѣ давали Joconde [9]). Весьма порядочно. Собрался было чай пить у Сѣверина, да не тутъ то было.

---

[1]) Въ дневникѣ описка. Базилика построена по планамъ архитектора Георга-Фридриха Цибланда (Ziebland, p. 1800†1873).

[2]) Извѣстный французскій живописецъ баронъ Франсуа-Паскаль Жераръ (Gérard, p. 1770 † 1837).

[3]) Тоже французскій живописецъ François-Marius Granet (p. 1775†1849).

[4]) Итальянскій живописецъ († 1685).

[5]) Извѣстный живописецъ (p. 1792 † 1871, въ Мюнхенѣ).

[6]) По всѣму вѣроятію, къ художнику Карлу-Генриху Герману (p. 1802 † 1880).

[7]) Т. е. Валгаллы (см. выше, стр. 373, прим. 15-е).

[8]) Поэта Ѳедора Ивановича Тютчева (p. 1803 † 1873), служившаго въ то время старшимъ секретаремъ миссіи въ Туринѣ; въ первомъ бракѣ (съ 1826 г.) онъ былъ женатъ на вдовѣ нашего министра при одномъ изъ второстепенныхъ германскихъ дворовъ Петерсона; она скончалась осенью 1838 г. въ Туринѣ (см. біографію Ѳ. И. Тютчева, написанную И. С. Аксаковымъ, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1874 года, выпускъ десятый, ст. 29). Жуковскій зналъ Тютчева еще ребенкомъ (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е., т. VI, стр. 502; Дневники В. А. Жуковскаго, стр. 55, прим. 8-е).

[9]) Опера Nicolo (p. 1775†1818).

17 (29) сентября, суббота. Поутру у меня Липманъ [1]). Къ Кленце. Весьма живой и образованный человѣкъ. Усердный почитатель Шинкеля [2]). Его собраніе картинъ. Прекрасный ландшафтъ Петра Гесса. Монахъ Байера [3]). Картины генерала [4]): виды Греціи. Нѣсколько прекрасныхъ картинъ Кателя [5]), Ребеля [6]). Гранетова монахиня. Корнеліусово Похищен(іе) Елены. Генр(иха) Гесса библейск(ій) сюжетъ Шнора [7]) Мщеніе Хримгильды. Леопольда Роберта [8]) Больной мальчикъ на колѣняхъ у матери. Прекрасные ландшафты Ротмана[9]). Съ Кленце осматривалъ церковь дворцовую. Церковь заключаетъ въ себѣ всѣ моменты Древняго и Новаго Завѣта. Фрески на золотѣ Генриха Гесса. Дворецъ. На верху залы для партикулярныхъ собраній. Въ среднемъ этажѣ жилыя и парадныя горницы. Половина королевы: Входъ—Миннезингеры и Percival. Горницы. Биргера баллады. Гёте—Фаустъ, Ифигенія, баллады, мелочи. Шиллера—баллады и трагедіи. Виланда—Оберонъ, Граціи, Музаріонъ. Клопштока Herman(n)sschlacht. Тика.—Половина короля. Спальня: Теокритъ; другія горницы: уборная: Аристофанъ, Эсхилъ, Софоклъ; тронная—Пиндаръ; столовая—Анакреонъ; буфетъ; горница для служащихъ: Гезіодъ во вкусѣ вазъ этрурскихъ. Передняя Орфей. Прекрасная величественная лѣстница. Для миѳологическихъ сюжетовъ всѣ почти рисунки Шванталера. Внизу горницы расписаны Шномъ. Сюжеты изъ Нибелунговъ. Въ первой горницѣ лица и оглавленіе: ссоры, убійство, мщеніе, послѣднія минуты. Въ слѣдующей сама поэма. Готовы двѣ горницы, еще будутъ такихъ три. Прожектъ залы, гдѣ будетъ Одиссея. Тронная, бѣлая съ золотомъ и золотыми колосальными статуями баварскихъ регентовъ. Къ ней ведутъ три залы, расписанныя Шномъ. Въ первой—жизнь Карла Великаго; во второй Барбароссъ съ барельефами Шванталера; въ третьей—Рудольфъ Гапсбургскій. Въ самой первой горницѣ знаменитыя битвы Баваріи. Въ слѣдующихъ двухъ портреты красавицъ баварскихъ. Длинная анфилада, упирающаяся прямо въ перонъ. На балконѣ четырнадцать барельефовъ, означающихъ четырнадцать вѣковъ Баваріи, по краямъ барельефовъ

---

[1]) См. выше, стр. 376, прим. 1-е.

[2]) См. выше, стр. 91, прим. 7-е.

[3]) Живописецъ Августъ фонъ Байеръ (р. 1803 † 1875).

[4]) Для фамиліи въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ. Это былъ баварскій генералъ Карлъ-Вильгельмъ фонъ Гейдеггеръ (Heidegger или Heideck) (р. 1788†1861). Нѣкоторое время онъ служилъ въ Греціи, и тамъ имъ было написано много ея видовъ.

[5]) См. выше, стр. 295, прим. 2-е.

[6]) Іосифъ Ребелль (Rebell, р. 1786†1828), пейзажистъ.

[7]) См. выше, стр. 414 , прим. 7 -е.

[8]) См. выше, стр. 295, прим. 1-е.

[9]) Художника Карла Ротмана (Rottmann, р. 1798†1850).

фы, изображающіе царскія добродѣтели. На кровлѣ балкона статуи, представляющія провинціи Баваріи, съ двумя баварскими львами по краямъ.—Къ Гессу. Встрѣча съ Шнорромъ и Циммерманомъ [1]). У Гесса два картона изъ жизни св. Бонифація. Одинъ Гессовъ, другой—его ученика съ величайшимъ талантомъ.—Обѣдалъ въ ресторація съ нашими товарищами и съ Мальтицемъ. Вечеръ дома.

18 (30) сентября, воскресенье. Поутру у меня Мальтицъ. Къ Сѣверину, который возвратился, не видавъ великаго князя. Къ Шнорру: его рисунки изъ Библіи и для залы исторической. Къ Корнеліусу; боковой взглядъ въ его семейство; молодая дочь съ сердитымъ, мрачнымъ лицемъ и жена моложе дочери, италіанка. Обѣдалъ у Сѣверина съ Килемъ и Оттерштедомъ, сыномъ прусскаго министра въ Карлсру, находящимся при здѣшней миссіи. Въ театръ. Играли піесу Ифланда [2]), Dienstpflicht, гдѣ Эсслеръ [3]), 67-лѣтній ветеранъ, былъ превосходенъ въ роли строгаго отца.

19 сентября (1 октября), понедѣльникъ. Съ Мальтицемъ и Липманомъ у Каульбаха [4]): картонъ Битвы гунновъ и римлянъ; картонъ Разрушенія Іерусалима: семь ангеловъ, храмъ и въ немъ два вождя Израиля. Титъ и ликторы; Вѣчный Жидъ, преслѣдуемый враждебными духами; всеобщее бѣдствіе, голодъ, изсохшія лица, сцены голода; самоубійство первосвященника; христіане, провожаемые ангеломъ; церковь безвредная посреди огня. Рисунокъ Травля тигра; Домъ сумасшедшихъ; три рисунка изъ Шиллер(ова) Verbrecher aus E(h)rfu(r)cht [5]). Этюды головъ масленными красками.—Въ Глиптотеку. Осмотръ фресковъ Корнеліуса. Встрѣча съ Бруни [6]). Къ Марціусу, издателю. Въ Kunsthandlung, гдѣ оригинальныя картины, между прочимъ, Ванъ-Эйковъ Св. Лука, пишущій Богоматерь. Къ Корнеліусу. Къ Бруни. Цвѣтное окно съ изображеніемъ Благовѣщенія, для Маріинской церкви. Въ предмѣстье Ау. Обѣдалъ у принца Христіана Датскаго [7]) съ Кленце. Потомъ у Сѣверина. У меня ввечеру Липманъ.

20 сентября (2 октября), вторникъ. Пріѣздъ в(еликаго) князя ввечеру. Поутру у Кленце, который показывалъ мнѣ рисунки Шванталера. Отъ него къ Петру Гессу, который живетъ въ прекрасномъ домѣ,

---

[1]) Профессоръ Мюнхенской Академіи художествъ Clemens von Zimmermann (р. 1788†1869).

[2]) См. выше, стр. 117, прим. 1-е.

[3]) Знаменитый трагикъ Фердинандъ Эсслеръ (Esslair, р. 1772†1840).

[4]) См. выше, стр. 376, прим. 13-е.

[5]) Т. е. Verbrecher aus Ehre.

[6]) См. выше, стр. 286, прим. 10-е.

[7]) См. выше, стр. 391, прим. 11-е.

имъ самимъ построенномъ. Большая картина, представляющая сраженіе при Арсисъ sur Aube и рисунокъ кар(андашомъ) Вступленіе короля Отто въ Навплію. Отъ Гесса къ генералу Гейдеккеру [1]), у котораго прекрасное собраніе картинъ новѣйшихъ живописцевъ. Его собственныя картины и богатый портфель этюдовъ въ Греціи, Испаніи и Италіи. Обѣдалъ у Сѣверина. Пріѣздъ великаго князя въ пять часовъ. Какой маршрутъ намъ со(с)тряпали! Визитъ къ принцамъ. Въ театръ. Робертъ [2]).

21 сентября (3 октября), середа. Поутру осмотръ дворца и церкви всѣхъ святыхъ. Принцъ Карлъ [3]). Milady Jersey съ дочерьми. Изъ дворца черезъ аркады въ Kunstvereiп. Въ Англійскій садъ. Въ церковь св. Людовика. Гертнеръ [4]). Обѣдъ у принца Карла. Подлѣ меня за обѣдомъ министръ Гизе [5]). Театръ съ освѣщеніемъ. Валленштейнъ [6]). Эсслеръ [7]) въ немъ игралъ несравненно. Особливо разсказъ сна, четвертый актъ, конецъ третьяго и весь пятый. Мать—Dahn, Пиколомини—Jost, Thecla—Mad(ame) Dahn. Съ в(еликимъ) к(няземъ) о Юрьевичѣ.

22 сентября (4 октября), четвергъ. Поутру отъ 10 до $^1/_2$ 2-го поѣздка цѣлою ордою. 1-е, въ Пинакотеку, гдѣ нашелъ насъ принцъ Карлъ, 2-е, въ Базилику, 3-е, въ литейную Штагельмейера, 4-е, въ рабочую Шванталера.—Обѣдъ у герцога Баварскаго Макса [8]). Я подлѣ Гизе. Ввечеру театръ. Les Huguenots [9]) подъ именемъ Англикановъ и Пуритановъ. Великолѣпная музыка безъ души. Ввечеру укладка.

23 сентября (5 октября), пятница. Поутру у живописца М— [10]), который подарилъ мнѣ ландшафтъ. Съ нимъ къ Гейдекеру [11]); потомъ въ галлерею Лейхтенбер(гскаго): Мадонна Сассоферрата, Корречія [12]); Мурилловъ Ангелъ; Лаура; ландшафтъ Рюисдаля; Мадонна Франціа; Гранетовы Монахи; Жераровъ Велизарій; Гессовы Вѣра, Надежда, Любовь; Чтеніе у Мадонны Geoffrin; Пастухи Chaudet. — Къ Гессу.

---

[1]) См. выше, стр. 416, прим. 4-е.

[2]) См. выше, стр. 375, прим. 11-е.

[3]) Братъ короля Баварскаго Лудвига I, принцъ Карлъ-Теодоръ (р. 1795 † 1875), впослѣдствіи бывшій баварскимъ фельдмаршаломъ.

[4]) Архитекторъ Фридрихъ фонъ Гертнеръ (р. 1792†1847), строившій (въ 1829—44 гг.) эту церковь.

[5]) Баронъ Августъ Гизе, баварскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

[6]) Драма Шиллера.

[7]) См. выше, стр. 417, прим. 3-е.

[8]) У баварскаго наслѣднаго принца Максимиліана (впослѣдствіи короля Баварскаго, р. 1811†1864).

[9]) Опера Мейербера.

[10]) Въ дневникѣ выставлена только начальная буква фамиліи.

[11]) См. выше, стр. 416, прим. 4-е.

[12]) Т. е. Корреджіо.

Къ Гертнеру. Къ Эльминѣ Шези [1]). Обѣдъ у герцога Лейхтенбергскаго. За обѣдомъ подлѣ меня Рехбергъ [2]) и Женевецъ, управитель дома Лейхтенбергскаго, умный человѣкъ. Послѣ обѣда дома укладка.

24 сентября (6 октября), суббота. Выѣздъ изъ Минхена. Прелестная дорога начинается, отъѣхавъ станцію отъ Минхена. Марко Мурнау, окруженный высокими горами, посреди широкой долины. Ночевали въ Пфафенкирхенѣ [3]), куда пріѣхали довольно поздно.

25 сентября (7 октября), воскресенье. На второй станціи слушали католицкую обѣдню. Обѣдъ въ австрійскомъ городкѣ— [4]). Крутой спускъ отъ — [4]) къ — [4]), подлѣ коего возвышается огромная скала, знаменитая Martinswand. Берегомъ Инна до Инспрука, окруженнаго высокими горами, посреди великолѣпной долины. Городъ чрезвычайно живописный своими старинными домами съ выпусками. Прекрасная часть города по берегу Инна, черезъ который перекинутъ легкій мостъ. Пріѣхали сюда въ три часа. Осматривали каѳедральную церковь, въ которой особливо достоинъ замѣчанія памятникъ императора Максимильяна [5]), который, вылитый изъ бронзы, стоитъ на колѣняхъ на катафалкѣ, украшенномъ разнообразными барельефами во вкусѣ флорентин(с)ки(хъ) Гибертіевъ [6]), и окруженъ 28 колосальными бронзовыми статуями, между которыми замѣтны Филиппъ Прекрасный, Филиппъ Бургун(д)скій и Карлъ Смѣлый. Смотрѣли стрѣльбу въ цѣль. Lady Jersey. Ввечеру передъ окнами военная музыка съ фонарями. Генералъ Врбна [7]).

26 сентября (8 октября), понедѣльникъ. Переѣздъ изъ Инспрука въ Бриксенъ. Рядъ великолѣпныхъ картинъ. Особливо видъ отъ Шерберга [8]) на снѣжныя горы. Потомъ подъѣзжая къ Бреннеру. Напослѣдокъ отъ Бреннера до самаго Бриксена долина Эйзахская, иногда расширяющаяся, иногда суживающаяся. Ночевали въ Бриксенѣ. Великолѣпная крѣпость, перерѣзывающая Эйсахскую долину. На томъ пунктѣ, гдѣ входитъ въ нее Пустерталь, боковая глубокая долина. На семъ пунктѣ воздвигаются три укрѣпленія, которыя будутъ самымъ неприступнымъ убѣжищемъ армій во время войны.

---

[1]) Нѣмецкая писательница Вильгельмина (Helmina)-Христина фонъ Шези (Chezy, р. 1783†1865).

[2]) Быть можетъ, баварскій оберъ-гофмейстеръ графъ Карлъ Рехбергъ.

[3]) Т. е. Партенкирхенѣ (Partenkirchen).

[4]) Для названій въ дневникѣ оставлены пробѣлы.

[5]) Императора Максимиліана I (†1519).

[6]) Ghiberti—флорентинскіе скульпторы XV вѣка.

[7]) Австрійскій генералъ-маіоръ графъ Владиславъ Врбна-Фрейденталь (Wrbna-Freudenthal, р. 1795†1849), отличавшійся начитанностью въ исторіи и политикѣ (о немъ см. Const. v. Wurzcach, Biographisches Lexicon des Kaiserthum's Oesterreich, ч. 57 (Wien, 1889), стр. 188—190).

[8]) Т. е. Отъ Шеллеберга (Schelleberg).

*

27 сентября (9 октября), вторникъ. Переѣздъ изъ Бриксена въ Боценъ. Самый живописный изъ всего путешествія. Долина Эйсахъ представляетъ рядъ чудныхъ, иногда дикихъ, иногда величественныхъ картинъ. Въ иныхъ мѣстахъ ужасъ беретъ при взглядѣ на утесы, ви(с)ячіе надъ головою и готовые рухнуть. Самъ городъ Боценъ въ чудной равнинѣ, окруженной горами величественными. Море виноградниковъ. Все беретъ италіанскій характеръ. Строенія; жаръ; небо; лица и живость жителей; нищенство; быстрая скачка почталіоновъ; глаза женщинъ; растенія; камни подъ плющемъ; farniente; процессіи. Боценъ полуиталіанскій городъ; языкъ его нѣмецкій; но формы италіанскія. Здѣсь Адижъ соединяется съ Эйсахомъ. При выѣздѣ изъ Бриксена осмотръ хижины, которой хозяйка долго насъ не пускала. Даже и червонецъ ее не растрогалъ. За что вы мнѣ даете? спросила она. Ее умолили всетаки принесть винограду. Пріѣхали рано. Поѣздка за городъ; лазили на утесъ осматривать развалины замка.

28 сентября (10 октября), середа. Переѣздъ изъ Ботцена (Botzano) въ Тридентъ (Trento). 11 миль. Выѣхали въ восемь часовъ, а въ половинѣ третьяго были уже на мѣстѣ. Нѣсколько времени шли пѣшкомъ великолѣпною Адижскою долиною, которая широка, часъ отъ часу становится плодоноснѣе и наконецъ тонетъ въ морѣ виноградниковъ, маиса, между которыми возвышаются фруктовыя деревья. За ними голубѣютъ горы. Часъ отъ часу все принимаетъ характеръ италіанскій. Трактиры прекрасные, высокіе, съ переходами, кругомъ балконы, составляющіе дворъ и всѣ крытые; сіи балконы составляютъ корридоры и прихожія. Тамъ долженъ быть холодъ зимой. Послѣ обѣда осматривали городъ. Каѳедральная церковь, съ мощами святаго Василія; довольно богатая церковь, архитекторъ Флорентинскаго дожа. Картина Перужинова Благовѣщеніе. Церковь Maria Maggiore обновлена. Въ ней имѣлъ свои засѣданія Тридентскій соборъ. Замокъ епископа, обращенный въ казарму. Потолки сохранили еще древнее великолѣпіе. На потолкахъ главной лѣстницы какіе-то довольно свѣтскіе фрески; есть и амуръ подлѣ голой нимфы. Театръ, довольно обширный, весьма хорошей архитектуры. Играли Le secrétaire et le cuisinier по-италіански. Италіанцы природные актеры. И что за языкъ! Одушевительная живость, но мало привлекательнаго для сердца, которое не можетъ быть притянуто безъ прямоты и простосердечія.

29 сентября (11 октября), Jovedi. Переѣздъ изъ Тридента въ Верону. Великолѣпная долина. Плодовитыя деревья мѣшаютъ картинѣ. Конецъ Альповъ. Ворота Адижа. Видъ на Риволійское мѣсто сраженія [1]) и гору Бальдо. Пріѣздъ въ Верону въ 3 часа. В(еликій) к(нязь)

[1]) При Риволи Бонапартъ разбилъ въ 1797 году австрійцевъ.

отправился съ дороги въ Риволи. Тотчасъ въ амфитеатръ: скачка посреди арены. При взглядѣ на этотъ памятникъ Рима невольныя слезы. Объѣздъ города: площадь; корзо; домъ конгресса [1]); домъ Меттерниха; домъ Александра [2]) (Palais Canossa); домъ конгрессовъ, въ немъ теперь сѣдельникъ и трактиръ. Остатки Римскихъ воротъ. Въ театрѣ, прекрасное зданіе. За ужиномъ баронъ Молль, пріѣхавшій съ привѣтствіями отъ императора [3]). Смотръ.

30 сентября (12 октября), пятница. Пребываніе въ Веронѣ и переѣздъ въ Брешію. 1. Въ каѳедральную церковь. Мраморная, въ византійскомъ вкусѣ. Тиціаново Вознесеніе Богоматери, не столь блестящія краски, но столь же достойное замѣч(анія), какъ Венеціаново. Богоматерь летитъ къ небу и смотритъ на землю. Вообще однако Тиціанъ холоденъ. 2. St. Giorgio Maggiore. Картина Павла Веронеза Мученіе св. Георгія, которой мнѣ не показали. 3. Садъ графа Жіусто [4]). Прекрасный видъ съ верхней терассы, кипарисы, фонтаны, гроты. 4. St. Thomaso. Прекрасная картина Гарофало Богоматерь съ Младенцемъ, весьма напоминающая Рафаеля. 5. Памятники и домъ Скалигеровъ [5]). Одинъ изъ нихъ, самый великолѣпный и послѣдній, построенъ заживо братоубійцею, который могъ видѣть его изъ своихъ оконъ и близъ него скромную гробницу, въ коей положенъ былъ имъ убитый братъ [6]). Чудные нравы и характеры того времени. 6. Картинная галлерея въ ратушѣ. Все замѣчательныя картины. Между ими особенно замѣчательны двѣ Павла Веронеза: Снятіе со креста и Воскресеніе Лазаря. Въ немъ много красоты. Рисунокъ величественный и правильный и большое выраженіе. Еще Таціанова огромная превосходная картина, изображающая полномочныхъ отъ Вероны, отдающихъ ключи города Венеціанскому дожу. Carotto [7]). 7. Взглядъ на амфитеатръ. 8. Францисканскій монастырь, гдѣ гробница Юліи [8]); она теперь безъ крыши и открыта и стоитъ на какомъ-то дворѣ. На мѣстѣ, гдѣ стояла она прежде, нѣсколько деревьевъ, ларь съ тыквами, кегельными шарами и всякою дрянью. Здѣсь веронцане плачутъ. 9. S. Zeno. Гробница его вынута, ибо церковь передѣлывается. Величественная византійская

---

[1]) Веронскаго конгресса 1822 года.

[2]) Императора Александра I.

[3]) Австрійскаго императора Фердинанда I.

[4]) Giardino Giusti.

[5]) Владѣтелей Вероны съ 1259 по 1387 годъ.

[6]) По приказанію Can Signorio della Scala († 1375) былъ убитъ въ 1359 г. его братъ Can Grande II. Can Signorio еще при жизни воздвигъ себѣ памятникъ (работы Bonino di Campione).

[7]) Giovanni Caroto, веронскій живописецъ (р. 1470†1546).

[8]) Героини трагедіи Шекспира „Ромео и Юлія“.

архитектура съ возвышеннымъ алтаремъ. 12 апостоловъ изъ мрамора и статуя S. Zeno 14-го вѣка. Гробъ каменный; подземный сводъ съ пустою гробницею, въ коей вода. Вблизи гробъ римскаго консула. 10. S. Bernardino. Часовня S. Michele, мѣсто погребенія фамиліи Pellegrini, изъ бѣлаго мрамора, прекраснѣйшая рѣзьба. Форма ротонды. N. B. Картина въ S. Thomaso Farinetti или Каротто: Христосъ на крестѣ; Богоматерь съ потупленною головой, св. Іоаннъ съ поднятыми глазами на Спасителя. — Выѣхали изъ Вероны въ 12-ть часовъ. Въ $^1/_2$ 7-го пріѣхали въ Брешію, проѣхавъ Пескіеру. Въ Ассентано встрѣча съ Мятлевымъ [1]), который ѣдетъ въ Венецію и сочиняетъ путешествія г-жи Курдюковой. Чудный видъ на Lago di Guarda. Проѣхали черезъ Lonato. S. Marco. Въ половинѣ осьмаго часа сидѣли уже въ прекрасномъ театрѣ Брешіи и забавлялись игрою актеровъ италіанскихъ въ Гольдоніевой комедіи [2]), коей имени не знаю, и въ фарсѣ Due grenadari (sic). Театръ довольно обширный. У(к)рашенъ золотомъ по голубому фону; барельефы вдоль перилъ ложъ. Медаліоны авторовъ. Часы съ передвижными минутами.

1 (13) октября, суббота. Пребываніе въ Брешіи и переѣздъ въ Бергамо. 1. Остатки древняго Геркулесова храма. Мозаичный мраморный полъ; бронзы, найденныя въ кучѣ; бюсты; статуя Викторіи, послужившая моделью для Кульмскаго памятника. 2. Duomo novo по плану Палладія [3]). Св. Іеронимъ спящій Моретто. Duomo vecchio. Подземная церковь съ остатками фресковъ алтарей. Капители колоннъ всѣ розныя, какъ вездѣ. 3. Галлерея графа Тозіо. Нѣсколько ландшафтовъ Мильяры [4]). Игуменья и монахини Гранé. Рафаель и Форнарина [5]). Юголино [6]) съ дѣтьми. Мадонна Франчіи. Портреты Тиціановъ и Бронзина. Альбановы Амуръ и Венера необыкновенно холодные. Мадонна Вандикова. Вѣнецъ всего Рафаелевъ Спаситель, показывающій Свои раны. Статуя Тассовой Аминты, ученика Кановы. Юноша и амуръ съ звѣздою Наполеона Аппіани. Бюсты Наполеона и Кановы. 12-тилѣтній Спаситель Кановы. Галлерея гравюръ. Элеонора д'Эсте Кановы. 4. Въ церкви св. Афры. Блудная жена. Тиціана Вознесеніе Спасителя; Богоматерь, ангелы, І(оаннъ) Креститель, апостолы. Преображеніе Робусти Тинто-

---

[1]) Иваномъ Петровичемъ Мятлевымъ (р. 1796 † 1844), юмористическимъ поэтомъ. Его „Сенсаціи и замѣчанія госпожи Курдюковой за границею дан л'этранжѣ“ вышли въ свѣтъ въ 1840 году.

[2]) Гольдони—знаменитый итальянскій писатель (р. 1707†1793).

[3]) Palladio—итальянскій архитекторъ XVI вѣка.

[4]) Живописца Giovanni Migliara (р. 1785†1837).

[5]) См. выше, стр. 298, прим. 7-е.

[6]) Уголино, тиранъ Пизы, захваченный своими противниками, былъ заключенъ съ дѣтьми въ башню и умеръ тамъ голодною смертью (въ 1288 г.).

ретта. Крещеніе св. Афры Бассано. П(авла) Веронеза Мучен(іе) св. Афры. Голова самаго живописца, отрубленная, въ углу картины. 5. Галлерея графа Лехи. Бронзино—Портретъ Козма Медичи. Караважжіо—Старикъ и старушка. Аннибалъ Карачи—4 картины. Коррежіо—Двѣ головки ангеловъ. Картоны: Причащеніе святаго Франциска. Домникинъ—Св(ятая) Терезія=Сивилла. Вознесеніе Богоматери. Досси Доссо—Мадонна. Фр. Франчія—Мадонна. Жіоржіоне—Орфей и Эвридика. Гверчино—Сусанна. Леонардо да Винчи—Богоматерь съ Младенцемъ(?)[1]. Лоренцо Лотто—портреты А(н)тонини и Делла Торре. Бонвичини Моретто—Поклоненіе пастуховъ Спасителю и еще четыре его же. Орбето=Алессандро Турки четыре картины. Еще Лотъ съ дочерьми. Рафаель—Портретъ Алопобеллы Аверольдо. Салваторъ Роза—два ландшафта. S. Crose—Апостолы Петръ и Павелъ. Тинторетто—Цинтія. Тиціана осьмнадцать. Между ними Магдалина; С(вятой) Себастіанъ; Венера и Марсъ въ сѣтяхъ; портретъ Фракастори[2]); портретъ Павла Веронеза; портретъ собственный. Павла Веронеза пятнадцать. Между ними аллегор(ическія): Юпитеръ и Германія, Время и религія; портретъ воина; Христосъ въ гробѣ; Мученіе св. Евфразіи. Вандика—портретъ. 6. Въ S. Nazaro. Запрестольный образъ Тиціана Вознесеніе Спасителя. Ангелы, Богоматерь, с(вятой) Себастіанъ, датель. 7. Къ Campo Santo. Ротунда съ бюстами святыхъ изъ гражданъ Брешіи и ангеломъ съ трубою. Передъ ротундою полукругъ для памятниковъ. Отъ церкви переходъ параллелограмомъ. Въ стѣнахъ тѣла и надписи. Иногда и памятники. Замѣчательный памятникъ Фламиніи Мартиненго работы Гандольфи. Она изображена спящая, съ лицемъ мертвеца. 8. Домъ Мартиненго. Фрески. Оружія. Садовая терасса. Рыбы золотыя въ бассейнѣ. Фрески Моретто. Ткани. 9. Hôtel de la Justice. Палладіо[3]). Переѣздъ изъ Брешіи въ Бергамо. Былъ полусонный. Ввечеру музыка.

2 (14) октября, воскресенье. Переѣздъ изъ Бергамо въ Комо. Поутру до десяти часовъ осматривалъ городъ. Двѣ части: верхній и нижній городъ. Въ нижнемъ—площадь, театръ. Въ верхнемъ—главная церковь, цитадель. Видъ великолѣпный долинами. Равнина, заросшая плодовитыми деревьями, изъ коей подымаются громадныя горы. 1. Domkirche, не замѣчательная. Я вошелъ во время обѣдни и не могъ осматривать. 2. S. Maria Maggiore. Замѣчательной архитектуры. Мраморный порталъ съ великолѣпною рѣзьбою. Своды церкви, построенной въ 1137 и украшенной 1600, покрыты штукатурною работою. За престоломъ хоръ деревянный искусной штучной работы. Надъ хоромъ картина

---

[1]) Знакъ вопроса поставленъ самимъ Жуковскимъ.

[2]) Girolamo Fracastori, докторъ, физикъ и поэтъ (р. 1483†1553).

[3]) См. выше, стр. 422, прим. 3-е.

Прокачини, не замѣчательна. Противъ нея огромная картина Гверчина Переходъ Чермнаго моря. Отъ темноты трудно разглядѣть. 3. Неподалеку отъ сей церкви прекрасная церковь S. Grata съ принадлежащимъ къ ней женскимъ монастыремъ, въ коемъ до 40 монахинь и болѣе 30 пенсіонерокъ. Самыя строгія правила. Я былъ въ парлуарѣ и говорилъ съ игуменьею, довольно живою и любезною. Въ це(ркви) мощи святой Граты и замѣчательная запрестольная картина, изображающая святую Грату, приносящую главу св. Александра, Бергамскаго живописца Aenea Salmedia [1]). 4. Галлерея Каррары, заведенная Каррарою, гдѣ до тысячи картинъ весьма замѣчательныхъ и академія живописи подъ надзоромъ профес(сор)а Guiseppe Diotto [2]). Нѣсколько прекрасныхъ портретовъ Тинторетта. Портретъ монаха и Св. Іеронимъ Бассано. Три прекрасныхъ Мадонны Sasso Ferrato. Сошествіе Св. Духа Превитали (Берг[амскаго]). J. Bellini. Христосъ въ Эмаусѣ. Портретъ. П(авла) Веронеза Поклоненіе волхвовъ. Нѣсколько прекрасныхъ портретовъ Мороне (Берг[амскаго]). Palma Vecchio Мадонна, окруженная святыми. Lorenzo Lotto (Берг[амскаго]) Святая Екатерина. Троица—Виварено [3]). La femme adultère—Giorgione. Въ рабочей профессора Diotto [4]). Недоконченная картина для академіи—Проба спартанскихъ дѣтей въ горячей водѣ. Его картоны: Ѳома, испытующій Спасителя; Спаситель, благословляющій дѣтей; Св. Петръ, принимающій ключи; Вознесеніе Богоматери. Прекрасная композиція, а холодна; нѣтъ правды; кажется, артистъ изображаетъ не свое, а заимствованное. Антигона и Исмена. Любовался видомъ съ терассы. Пріѣхали въ Комо поздно. Дорогою былъ холодъ и дождь. Къ вечеру прояснилось. Видѣлъ Вьельгорскихъ. Здѣсь Долгорукая, Васильчикова, гр(афиня) Толстая, Ершова, Базилевскія, Ламбертъ. Весь Эмсъ за нами [4]).

3 (15) октября, понедѣльникъ. Все утро разбирался. Потомъ прогулка. Пріѣздъ остатка нашего каравана. У насъ обѣдалъ длинный, глухой и слѣпой герцогъ Девонширскій. Писалъ письма.

4 (16) октября, вторникъ. Поѣздка по озеру до виллы Pliniana. Возвращеніе пѣшкомъ черезъ виллу д'Эсте, принадлежавшую королевѣ Каролинѣ. Каскадъ виллы Pliniana. Живописное положеніе у самаго

---

[1]) Фамилія живописца въ дневникѣ написана ошибочно; слѣдуетъ читать: Salmeggia. Бергамскій живописецъ Enea Salmeggia умеръ въ 1626 году.

[2]) Фамилія въ дневникѣ написана невѣрно; слѣдуетъ читать: Diotti.

[3]) Фамилія художника написана ошибочно; слѣдуетъ читать: Vivarini.

[4]) Т. е. Diotti.

[4]) Всѣ только что перечисленныя лица находились въ Эмсѣ во время пребыванія тамъ наслѣдника (см. выше, стр. 406—407).

утеса. Пріѣздъ Татищева [1]). Весь вечеръ просидѣлъ у себя, читая Daru [2]).

5 (17) октября, середа. Поутру гулялъ по берегу и въ городѣ съ Васильчиковымъ и княземъ Ливеномъ. У насъ обѣдалъ графъ Вальмод(енъ) [3]). Ввечеру пѣніе и музыка. Читалъ Дарю.

6 (18) октября, четвергъ. Съ гр(афомъ) Толстымъ прогулка на горы и по городу. Ходили въ каѳедральную церковь. Три картины Лунни, двѣ a tempera и одна масляными красками, представляющая Мадонну и многихъ святыхъ; прекрасная. Двѣ картины a tempera Gaudenzio di Ferraga [4]). Обрученіе Богоматери, Поклоненіе волхвовъ, Рождество Христово, Бѣгство въ Египетъ.

7 (19) октября, пятница. Поутру смотръ. Рисовалъ у Вьельгорскаго. Гулялъ до виллы Эсте, рисовалъ и оглядывался. Читалъ до обѣда Daru. У насъ губернаторъ Ломбардіи [5]). Ввечеру писалъ письма [6]).

8 (20) октября, суббота. Поутру. Стрѣльба. Гулянье съ Липманомъ. Ввечеру началъ грамматику италіанскую.

9 (21) октября, воскресенье. Съ Одескальки прогулка по горамъ. Разговоръ о Комо, о Тьерсѣ [7]), о Помпео Литта и его исторіи италіанскихъ фамилій [8]), о Пеллико [9]), о Манцони [10]). На горѣ заходи(лъ) къ Пеппо, dottore di lago. Праздникъ близъ нашей виллы. Ввечеру грамматика италіанская.

10 (22) октября, понедѣльникъ. Поутру вмѣстѣ съ Одескальки въ

---

[1]) Нашего посла въ Вѣнѣ Дмитрія Павловича Татищева (см. выше, стр. 208, прим. 11-е).

[2]) Вѣроятно, сочиненіе французскаго писателя графа Дарю (comte Pierre-Antoine-Noël-Bruno-Daru, p. 1767†1829) „Histoire de la république de Venise“ (первое изданіе вышло въ 1819 г., а третье въ 1827 году). Эту книгу Жуковскій получилъ отъ Д. П. Северина во время пребыванія своего въ Мюнхенѣ въ сентябрѣ 1838 г. (см. „Русскую Старину“ 1902 г., апрѣль, стр. 153)

[3]) Австрійскій генералъ графъ Вальмоденъ (Wallmoden, p. 1759†1862), въ 1812 году состоявшій на русской службѣ.

[4]) Т. е. Gaudenzio Eerrari.

[5]) Губернаторомъ Ломбардіи былъ графъ Францъ Гартигъ (Hartig).

[6]) Письмо къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, отъ 8-го октября 1838 г., напеч. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 314—317.

[7]) Вѣроятно, объ извѣстномъ французскомъ политическомъ дѣятелѣ Адольфѣ Тьерѣ (Thiers, p. 1797†1877), въ то время президентѣ совѣта министровъ, впослѣдствіи первомъ президентѣ третьей французской республики.

[8]) Графъ Помпео Литта (Litta, p. 1781†1852), историкъ, составитель громаднаго труда „Famiglie celebre italiane“, начавшаго выходить въ Миланѣ съ 1819 года.

[9]) Извѣстный итальянскій писатель Silvio Pellico (p. 1789†1854).

[10]) Знаменитый итальянскій поэтъ и патріотъ Александръ Манцони (Manzoni, p. 1784†1873).

домъ профессора Mochestti[1]), у котораго замѣчательныя картины. Между прочими Спаситель на крестѣ Мантеньи. Богоматерь съ Младенцемъ Кривелли. Бичеваніе Спасителя Тиціана или его ученика. Св. Бруно, въ характерѣ Сальватора Розы. Штандартъ, или хоругвь, съ обѣихъ сторонъ писанная: на одной с(вятой) Францискъ, а на другой Богоматерь передъ крестомъ, Моретто. Христосъ, снятый со креста, на колѣняхъ Богоматери, Скидлоне [2]). Маленькая С(вятая) Сесилія съ Рафаелевой, написанная на выворотъ; поэтому кажется копіею съ гравюры. Всѣхъ замѣчательнѣе картина Гольбейна: Генрихъ VIII [3]), видящій въ первый разъ Анну Боленъ. Она играетъ на цитрѣ; онъ держитъ на колѣняхъ свою дочь и смотритъ на Анну тѣмъ взглядомъ, который произвелъ реформацію въ Англіи; рядомъ съ нимъ королева, которая дѣлитъ свое чувство съ Т(омасомъ) Морусомъ [4]). Перевозчикъ мой былъ Ермано Баретто, герой озера Комо, спасшій нѣсколько человѣкъ отъ погибели съ опасностью своей жизни. Въ часъ отъѣздъ въ Варезъ. Прекрасная дорога, на которой часто является гигантъ Monte Rosa. У насъ за обѣдомъ два Литта, одинъ, бывшій въ Петербургѣ, обожатель Шереметевой, другой—богачъ, владѣлецъ Варезскаго озера, довольно любезный оригиналъ. Посѣщеніе виллы Rubroni (marchand de soie). Чудный видъ съ высоты на озеро и бездну горъ, надъ коими Mon(te) Rosa и въ сторонѣ Симплонъ. Ввечеру театръ. Дурная опера Erano due et (sic) sono tre [5]) и балетъ, который можно назвать музыкальною конвульсіею. Бородатая женщина.

11 (23) октября. Чудесный день. Въ прекраснѣйшую погоду поѣздка изъ Варезы въ Лавену и оттуда на острова Борромейскіе. Все подъ гору. Сбоку Варезское озеро въ утреннемъ дыму; надъ нимъ, какъ изъ бездны, туча горъ съ самыми ясными вершинами и контурами. Въ Лавенѣ множество народа на берегу. Переѣздъ чудесный въ баркѣ, покрытой парчевымъ покровомъ съ парчевыми подушками; гребцы въ красивой ливреѣ. Я сидѣлъ на носу съ Фрейгангомъ [6]) и рисовалъ. Сначала на Isola Madre, гдѣ насъ встрѣтилъ графъ Борромеи съ старшимъ сыномъ. Острова прежде голые утесы. Навезена земля съ бе-

---

[1]) Не доктора ли, профессора Francesco Mocchetti (р. 1768†1749)?

[2]) Фамилія художника въ дневникѣ написана ошибочно; слѣдуетъ читать: Скидоне (Schidone).

[3]) Король англійскій (†1547).

[4]) См. выше, стр. 305 прим. 10-е.

[5]) Erano due, or sono tre—комическая опера Луиджи Риччи (р. 1805†1859).

[6]) Василій Ивановичъ Фрейгангъ (р. 1783†1849), нашъ генеральный консулъ въ Венеціи. Жуковскій близко съ нимъ познакомился въ Лейпцигѣ въ 1827 году, когда Фрейгангъ былъ генеральнымъ консуломъ въ Саксонскомъ королевствѣ (см. выше, стр. 193 и слѣд.).

рега. Сперва смотр(ѣли) домъ на I(sola) Madre. Въ немъ теперь не живутъ. Прекрасная тѣнь лавровъ и величественное разнообразіе вегетаціи; рощи магнолій [1]); кедры; бездна цвѣтовъ и теперь. Отсюда на Isola Bella; тутъ мы представлялись хозяйкѣ и ея больной невѣсткѣ, сестрѣ графа Литты. Генералъ Zichchi [2]). Сперва осматрпвали горницы. Картинная галлерея, въ коей нѣтъ ничего замѣчательнаго. Множество старинныхъ мебелей. Спальня съ лѣпнымъ потолкомъ. Вокругъ всего дома узкіе выпуски, можно выйти изъ каждаго окна; и подъ ногами озеро. Длинный обѣдъ. Я подлѣ миланскаго астронома Don Paolo Frisiani [3]). Большая зала съ золотыми рѣзными медаль(онами), изображающими дѣянія святаго Карла Борромея. Съ одной стороны Спаситель и блудница, а напротивъ Прозерпина и Плутонъ въ весьма критическомъ положеніи. Послѣ обѣда осмотръ сада, который представляетъ нѣчто взятое изъ Армидина замка [4]). Терассы. До десяти, одна надъ другою, и всѣ окутаны померанцовыми деревьями. Огромные кипарисы на широкихъ терассахъ. Магноліи [5]). Крытый ходъ, въ концѣ коего стекло озера, осѣненное померанцами, которыя горятъ надъ головою, какъ звѣзды. Всходъ на высокую терассу, надъ коею возвышается Пегасъ и на немъ Амуръ съ желѣзными крыльями. Два огромныхъ лавра, на одномъ надпись Battaglia [6]), Наполеономъ передъ Маренго [7]), какъ говоритъ преданіе. Аркады на утесахъ, убранныя плющемъ, кактусами, цвѣтами. Подъ всѣмъ домомъ своды, убранные разными мелкими камнями и мраморомъ. Пышность Среднихъ вѣковъ и Востока. Отъѣздъ. Чудные нюансы озера, которое въ этотъ день мнѣ показалось прелестнѣе Комскаго. Возвращеніе въ сумерки. Видъ на озеро Варезское, которое уже не было покрыто облаками, и надъ нимъ сіялъ полумѣсяцъ; вдали обозначалось Lago Maggiore. Возвратились къ театру. Давали La fiancée de Lammermoor [8]). Primadonna молодая—[9]) замѣчательный драматическій талантъ, теноръ —[9]) также хорошо поетъ и хорошій актеръ. Много ensemble. Я ходилъ въ ложу графа Литты. Послѣ оперы тотъ же лихорадочный балетъ.

---

[1]) Въ дневникѣ описка: мангалій.

[2]) Вѣроятно, Zichy.

[3]) О немъ упоминаетъ Жуковскій въ письмѣ своемъ къ И. И. Козлову, отъ 4 (16) ноября 1838 года (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 474).

[4]) Великолѣпный замокъ Армиды въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ“ Тассо.

[5]) Въ дневникѣ описка: манголіи.

[6]) Пропущено, вѣроятно, слово: сдѣланная.

[7]) См. выше, стр. 129, прим. 4-е.

[8]) Опера датскаго композитора Нильса Бредаля (Bredahl, p. 1732†1778).

[9]) Для фамилій въ дневникѣ оставлены пробѣлы.

12 (24) октября, середа. Возвращеніе изъ Варезы въ Комо. Обманутая надежда. Лазили верхомъ и пѣшкомъ къ Мадоннѣ del Monte, откуда чудесный видъ на Альпы Швейцаріи и всѣ озера Италіи. Все это съѣлъ туманъ. 14 станцій, построенныхъ знаменитыми фамиліями Италіи. Въ каждой сцены изъ жизни Спасителя. Благовѣщеніе (горница Богоматери). Пастухи передъ Спасителемъ рожденнымъ. Срѣтеніе Богоматери. Христосъ посреди книжниковъ. Распятіе. Вознесеніе. Сошествіе Св. Духа. Успеніе Богоматери—прекрасны. Въ другихъ много блистательнаго и безвкусицы. Пестрота стѣнъ, худое освѣщеніе. Воскресеніе худо выражено. Изъ верхней часовни Два ангела Луини. Импровизаторъ и его привѣтствіе великому князю: прелесть языка. Оркестръ за нами и съ контрабасомъ. Женщина съ бородою. Возвращеніе ввечеру. Видъ на Варезское озеро при свѣтѣ полумѣсяца. Ввечеру италіанская грамматика.

13 (25) октября, четвергъ. Рисовалъ. У меня Одескальки. Чтеніе «Marco Visconti» [1]). Сухтеленъ. Съ Одескальки на шелковую фабрику: біографія червяка шелковичнаго. Зерно. Сначала въ прохладномъ мѣстѣ до весны. Съ распущеніемъ листьевъ шелковицы въ теплое мѣсто. Въ нѣсколько дней или часовъ маленькіе червячки, которымъ подкладываются листья; они ихъ ѣдятъ. Четыре сна. Перемѣна листьевъ. Наконецъ червяки толстѣютъ, желтѣютъ, становятся глистами и скрываются въ тканыхъ своихъ гробахъ. Въ нѣсколько дней они готовы. Лучшихъ откладываютъ; въ другихъ посредствомъ жары умерщвляютъ червяковъ. Изъ первыхъ выходятъ бабочки, кои тотчасъ соединяются; самцы умираютъ, оплодотворивъ; самки умираютъ, снесши яйце, которое кладутъ на разостланномъ полотнѣ. Оно не болѣе головки булавочной. Куколки бываютъ розныхъ свойствъ, изъ нихъ добывается и худой, и хорошій шелкъ.—Фабрика разматыванія шелку. Все дѣлается одною паровою машиною. Вода наливается, паръ распространяется, вода въ чашахъ согрѣвается паромъ, вода выливается изъ чашъ, все безъ пособія рукъ, которыя только заняты разматываніемъ. 72 работницы заняты; каждая должна размотать до 5 фунтовъ въ сутки. Фунтъ даютъ до 300 и 400 куколокъ; изъ каждой куколки нить въ 4 или 5 миль длиною. Нить, составляющая фунтъ, имѣетъ дли(ны) до 2000 миль, или до 14 верстъ.—Осматривалъ домъ для училища. Возвращаясь, встрѣтился съ Тютчевымъ. Горе и воображеніе. Ввечеру у меня Липманъ, читалъ свои путевыя замѣчанія.

14 (26) октября, пятница. День начался пасмурно. Несмотря на то, поѣхали на пароходѣ по озеру. Къ полудню явилось солнце и всѣхъ

---

[1]) Вышедшій въ свѣтъ въ 1834 году романъ италіанскаго писателя Tommaso Grossi (р. 1791†1853) „Marco Visconti“.

обрадовало. На пароходѣ съ нами всѣ русскіе дамы и мущины. Дамы: Ливенъ, Долгорукая, гр(афиня) Толстая, Кутузова, Ершова и Базилевская. Мущины, сверхъ нашихъ: Тютчевъ [1]), Базилевскій, Ершовъ, гр(афъ) Васильевъ, Васильчиковъ, Ламбертъ, Шиповъ, делегатъ, Кутузовъ, Вьельгорскій, Татищевъ [2]), Фрейгангъ [3]), кн(язь) Голицынъ, Саблуковъ [4]) и пр. Сперва осматривали виллу Соммарива на горѣ, усыпанной чудесными растеніями всякаго рода. Прекрасный домъ. Барельефъ Торвальдсена. Статуя Кановы: Марсъ и Венера. Амуръ и Психея. Паламедъ. Гипсъ Магдалины. Картины: Мильары [5]) Внутр(енность) монастыря; портретъ Ленардо да Винчи. Луиневъ фрескъ; голова очень выразительная въ часовнѣ. Только и есть хорошаго. Прочее: Споръ А(я)ксовъ, Минерва и Телемакъ, Дѣвочка, ложащаяся спать, Психея и ея сестры, Ромео и Юлія—все посредственно. Есть рисунки Лесюеровой [6]) Смерти св. Бруно. Отсюда въ великолѣпную виллу Мельци. Потомъ въ Беллажіо. Лазилъ къ замку— [7]), откуда видъ на всѣ три озера. Взошли со спѣхомъ и не дошли до главнаго пункта, гдѣ не остановились и побѣжали назадъ какъ отъ чумы. Виды чудесные по дорогѣ; особливо въ сторону Лекко и Лимонты, которые играютъ главную роль въ романѣ Гросси «Марко Висконти» [8]). Отсюда въ Менажжіо, гдѣ взяли Бернарда Веймарскаго [9]). Потомъ назадъ. Вѣтеръ сдѣлался холоднѣе; небо чище, и наконецъ взошелъ мѣсяцъ. Проѣхали мимо виллы Пасти, энтузіастическое маханье шляпами и платками. Фрейгангъ [10]) угощалъ насъ солнцемъ, горами и озеромъ, какъ своимъ добромъ. Вотъ замѣчательные стихи:

О Фрейгангъ, комскій господинъ,
Цвѣти со всѣмъ своимъ ты домомъ;
Ты намъ испекъ прекрасный блинъ,
Но чуть твой блинъ не вышелъ Комомъ.

Во время плаванія рисованье и пріятный разговоръ съ Тютчевымъ. Глядя на сѣверъ озера, онъ сказалъ: «За этими горами Германія».

---

[1]) См. выше, стр. 415, прим. 8-е.

[2]) См. выше, стр. 425, прим. 1-е.

[3]) См. выше, стр. 426, прим. 6-е.

[4]) См. выше, стр. 191, прим. 2-е.

[5]) См. выше, стр. 422, прим. 4-е.

[6]) Евстафій Лесюеръ (Lesueur), французскій живописецъ (р. 1616†1655), прозванный французскимъ Рафаелемъ. Его главное произведеніе—картины изъ жизни святаго Бруно.

[7]) Для имени замка въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ.

[8]) См. выше, стр. 428, прим. 1-е.

[9]) Принца Бернгарда Саксенъ-Веймарскаго (р. 1792 † 1862), въ 1837 г. бывшаго въ Россіи и присутствовавшаго на большихъ маневрахъ въ Вознесенскѣ (см. выше, стр. 352).

[10]) См. выше, стр. 426, прим. 6-е.

Онъ горюетъ о женѣ, которая умерла мученическою смертію, а говорятъ, что онъ влюбленъ въ Минхенѣ [1]). Вечеръ у меня Вьельгорскій.

15 (27) октября, суббота. Въ 10 часовъ чтеніе у великаго князя статьи Липмана. Потомъ съ Одескальки и Липманомъ къ башнѣ Бараделло, построенной Фридрихомъ Барбароссою, въ которой былъ заключенъ послѣдній изъ Тор(р)іаніевъ, Наполеонъ Т(орріано), взятый комасками державшими сторону Висконти [2]). Онъ сидѣлъ въ клѣткѣ, отростилъ бороду и ногти и погибъ жалостно посреди великолѣпной природы. Башня безъ входа. Видъ съ горы на часть озера, на горы со всѣхъ сторонъ; Монъ-Роза въ отдаленіи. Дорога въ Лекко, въ Бріанцу, въ Миланъ. Преданіе о монахахъ S. Chiara, которыхъ монастырь находился въ зависимости отъ францискановъ и которыхъ хотѣли подчинить францисканы реформистамъ. Они выдержали осаду отъ братьевъ, въ которыхъ бросали камнями, кошками, горячей водой, которые хотѣли по нимъ стрѣлять. Сфорца [3]) велѣлъ оставить это дѣло его собств(енному) ходу. Жители Комо запрещали поля. Наконецъ монахи вышли съ капитуляціею изъ монастыря и не возвращались въ него нѣсколько лѣтъ.— Другое преданіе о Рускони, владѣтелѣ Комо. Онъ ѣхалъ съ своею невѣстою, сестрою Can Grande Scaliger [4]), мимо Cantù, теперь мѣстечко близъ Комо. Встрѣча Грасси, прекраснаго и молодаго, совѣтъ Кана Гранде, намѣреніе Рускони. Грасси въ Комо; заговоръ погубить его во время игры въ лапту; его спасеніе; его мщеніе неудачное; подвигъ мясниковъ, баррикады и правленіе мясниковъ (macellaj).—Пропасть и часовня.—Villa Раймунда, называемая Villa d'Ulmo, по преданію о находившемся тамъ ильмѣ, о коемъ говоритъ Плиній. Она была одна изъ виллъ его, которая называлась Comedia, другая называлась Tragedia. Мы заходили въ церковь св. Карпофора, древнѣйшую въ Комо, она совершенно византійской архитектуры; верхняя и нижняя церковь. Возвратились по Via Regina, проложенной по приказанію королевы Теодолинды. Островъ—[5]) на озерѣ, послѣдній пріютъ римлянъ, потомъ лон-

---

[1]) Осенью 1838 г. скончалась первая жена Ѳ. И. Тютчева (см. выше, стр. 415, прим. 8-е); а въ слѣдующемъ 1839 г. онъ женился на вдовѣ баронессѣ Дёрнгеймъ, рожденной баронессѣ Пфеффель (см. біографическій очеркъ Ѳ. И. Тютчева, написанный И. С. Аксаковымъ, въ „Русскомъ Архивѣ" 1874 г. вып. десятый, ст. 31).

[2]) Висконти—знаменитая итальянская фамилія, игравшая видную роль въ Ломбардіи и оспаривавшая первенство у другой знаменитой фамиліи Torriani.—Наполеонъ Торріано былъ заключенъ въ замокъ Бараделло въ 1277 г.

[3]) Одинъ изъ представителей знаменитой фамиліи Sforza, владѣвшей Миланомъ послѣ фамиліи Висконти.

[4]) См. выше, стр. 421, прим. 6-е.

[5]) Для названія острова оставленъ пробѣлъ; слѣдуетъ читать: Comacina.

обгардовъ, потомъ жители его во(е)вали съ комасками, которые, истребивъ ихъ, оставили островъ пустымъ. Теперь тамъ только церковь. У насъ обѣдалъ принцъ Бернгардъ Веймарскій. Опера Chiara di Rosenberg[1]). Послѣ разсказъ о привидѣніяхъ. Страшная повѣсть Врбны изъ его путешествія по Бразиліи [2]), Красницкій, его видѣніе и повтореніе этого видѣнія. Врбна, будимый глаженьемъ по плечу, потомъ вздохами, потомъ во снѣ старуха, которая водитъ его по горницамъ во снѣ, и онъ подлинно, проснувшись, видѣлъ, что дверь его была отворена.

16 (28) октября. Путешествіе по гребню горы S. Eutichio. Легенда о святомъ, который на этой высотѣ умеръ; споръ о похоронахъ; положили тѣло на дроги и запрягли въ нихъ дикихъ воловъ; гдѣ они съ нимъ остановились, тамъ его и погребли. Разсказъ Одескальки о Вольтѣ [3]). Каламбуристъ. Памятникъ Вольты Маркези [4]). Рядъ видовъ съ высоты. Странствовали до $^1/_2$ 5-го съ 11-ти, Липманъ наконецъ разсердился. Вечеръ дома и у Вьельгорскаго съ Тютчевымъ. Нашелъ, возвратясь, у в(еликаго) к(нязя) герцога Веймарскаго. Adieu, docteur.

17 (29) октября, понедѣльникъ. Обозрѣніе заведеній. Пріютъ для бѣдныхъ. Пѣнье, мѣрный крикъ; счетъ по крашенымъ счетамъ; отвѣты на вопросы: кто ты? Молитва: Отче нашъ. Названія частей тѣла. Прогулка по двору, соединенная съ гимнастикою. Пища въ домѣ. Завтракъ отъ родителей, также и плат(ь)е. Съ трехъ лѣтъ до входа въ школу. Румфордова печь. Опрятность и неопрятность.—Въ лицей. Колонны древнія мраморныя. Прекрасная архитектура. Зала собраній съ барельефами, представляющими черты изъ жизни ученыхъ, въ особенности комскихъ: Піацци [5]), Вольта, Одескальки и другихъ. Изображенія добродѣтелей. Памятникъ Вольтѣ съ прекрасною надписью. Картины сбереженны(я). Михаилъ архангелъ—[6]), Паденіе Люцифера и возмутившихся ангеловъ (безкрылые, рога, хвостъ, крылья, ослиныя уши и монашеская шапка), Снятіе со креста. Физическій кабинетъ. Реликвіи Вольты. Машина, изъясняющая феноменъ Плиніева водопада. Дворъ дома Рускони. Пушки на лѣстницѣ. Книжная лавка.—Пенсіонъ дѣвицъ. Начало мѣсто для непотребныхъ женщинъ; потомъ сиротскій институтъ, наконецъ пенсіонъ для 160 дѣвицъ. Въ новомъ домѣ будетъ ихъ

---

[1]) Chiara di Rosemberg—опера Луиджи Риччи (см. выше, стр. 426, примѣч. 5-е).

[2]) Врбна (о которомъ см. выше, стр. 419, прим. 7-е) ѣздилъ въ Бразилію въ 1817 году съ извѣщеніемъ о бракосочетаніи Австрійской эрцгерцогини Леопольдины съ наслѣднымъ принцемъ португальскимъ Донъ-Педро.

[3]) Знаменитомъ итальянскомъ физикѣ Volta (р. 1745†1827).

[4]) Скульпторъ Pompeo Marchesi (р. 1789†1858).

[5]) Джузеппе Piazzi (р. 1746†1826), астрономъ.

[6]) Для фамиліи живописца оставленъ пробѣлъ.

200. Дортуары обширные. Обѣденная горница подлѣ кухни. Классы и пр. Всѣ мысли Одескальки объ этихъ заведенія(хъ) благоразумны и опытны. Ручной предметъ для бѣдныхъ. Естественная исторія. Увеличеніе любви родительской отъ пріюта и дѣйствіе на нравы. Модели учебныхъ книгъ для учителей въ семействахъ; это излишне, когда есть экзаменъ; послѣднее средство прекрасное. Вечеръ у графини Толстой. Дуэтъ аббатовъ. Пѣніе не слишкомъ замѣчательное. В(еликій) князь въ рукахъ у нашихъ молокососовъ, которые врутъ и насмѣшничаютъ.

18 (30) октября, вторникъ. Цѣлое утро рисовалъ. У меня Одескальки. Чтеніе Каппа [1]).

19 (31) октября, середа. Болѣзнь. У меня ввечеру Тютчевъ.

20 октября (1 ноября), четвергъ. Болѣзнь. Пьявки.

21 октября (2 ноября), пятница. Болѣзнь. Пьявки. У меня ввечеру Тютчевъ. Укладка.

22 октября (3 ноября), суббота. Переѣздъ въ Миланъ. Вечеръ дома. Болѣзнь.

23 октября (4 ноября), воскресенье. Болѣзнь. День дома. Ввечеру въ театръ. Norma [2]).

24 октября (5 ноября), понедѣльникъ. Болѣзнь. Сидѣлъ дома и писалъ описаніе Дома Миланскаго [3]).

25 октября (6 ноября). Не совсѣмъ отдѣлался отъ болѣзни, но сдѣлалъ попытку осмотра. Былъ въ каѳедр(альной) церкви и на кровлѣ; видъ горъ, уже покрытыхъ снѣгомъ. Неопрятность италіанцовъ видн(а) въ ихъ неуваженіи къ великолѣпнымъ памятникамъ. Процентъ поклонщиковъ къ ракѣ св. Борромея. Сравненіе съ маленькими произведеніями Минхена. Амброзіанская библіотека. Лабусъ [4]). Зала съ книгами, принадлежавшими Борромею. Прожектъ воротъ—[5]) и кабинетъ картинъ, имъ подаренный; картины, между коими самое замѣчательное Рафаелевъ картонъ. Брера [6]). Удивительный дворъ съ переходами. Лѣстница. Статуи Беккаріи [8]) и поэта—[7]). Картинная галлерея, которую надобно навѣстить еще разъ.—Взглядъ на Симплонскія ворота и на арену. Проѣздъ черезъ замокъ, гдѣ теперь казармы. У меня Тютчевъ.

---

[1]) Вѣроятно, сочиненіе нѣмецкаго философа Христіана Каппа (Карр, р. 1790†1874) „Italienische Schilderungen“, вышедшее въ свѣтъ въ 1837 году.

[2]) Опера Беллини.

[3]) Т. е. Миланскаго собора.

[4]) Giovanni Labus, извѣстный итальянскій археологъ (р. 1775†1853).

[5]) Для названія въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ.

[6]) Картинная галлерея и библіотека.

[7]) Цезаря Беккаріа (Beccaria, † 1794), автора извѣстнаго сочиненія „О преступленіяхъ и наказаніяхъ“.

[8]) Для имени въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ.

Муниципальный архив Московской обл. библиотеки

ленъ былъ, по просьбѣ своей, отъ завѣдыванія дѣлами Комитета Министровъ; тогда же было постановлено, чтобы меморіи и журналы Комитета подносимы были государю управляющимъ дѣлами Комитета; онъ объявлялъ Комитету высочайшія резолюціи и ему же непосредственно была подчинена канцелярія Комитета. Въ это время обсуждался вопросъ даже о самомъ существованіи Комитета Министровъ.

Во время польскаго мятежа 1831 года особымъ высочайшимъ повелѣніемъ было запрещено уроженцамъ Западнаго края пріѣзжать въ Петербургъ и опредѣляться на службу; по возстановленіи спокойствія графъ Бенкендорфъ возбудилъ вопросъ, нельзя ли отмѣнить это распоряженіе? Комитетъ призналъ, что воспрещеніе это было вызвано исключительными обстоятельствами, которыхъ теперь нѣтъ, и что западное дворянство, оставаясь дома, будетъ только предаваться вредной праздности; почему Комитетъ и полагалъ дозволить имъ пріѣзжать въ Петербургъ, но не иначе, какъ по удостовѣреніи въ ихъ поведеніи и образѣ мыслей. Государь рѣшилъ такъ: «спрашивать всякій разъ моего разрѣшенія, но не препятствовать къ ихъ опредѣленію».

Изъ мѣръ по народному здравію, принятыхъ Комитетомъ Министровъ, на первомъ мѣстѣ стоятъ мѣры противъ эпидемическихъ болѣзней—чумы и холеры. При обсужденіи мѣропріятій для охраны государства отъ эпидемій, Комитетъ всегда имѣлъ въ виду основное положеніе, выработанное государственной практикой, чтобы предлагаемыя мѣры были въ строгой соотвѣтственности съ угрожающею опасностью. Въ этомъ отношеніи дѣйствія Комитета замѣтно отличаются отъ дѣйствій мѣстныхъ властей или лицъ, призванныхъ къ непосредственной борьбѣ съ эпидеміей. Онъ не былъ расположенъ держаться основанія, нѣкогда принятаго, что въ дѣлѣ этомъ лучше допустить больше осторожности и строгости, чѣмъ слѣдуетъ; напротивъ, Комитетъ въ это царствованіе всегда помнилъ, что всякія чрезмѣрно строгія правила вредно отзовутся на торговлѣ и промышленности; что они стѣснятъ общество и что въ то же время польза ихъ еще не доказана.

Въ дѣлѣ просвѣщенія Комитету Министровъ пришлось высказаться по слѣдующему поводу: дворянство нѣкоторыхъ губерніяхъ назначало «складки» на устройство учебныхъ заведеній, почти исключительно—для дѣтей дворянскаго сословія. Напр., пензенское дворянство постановило устроить пансіонъ на 50 бѣдныхъ воспитанниковъ-дворянъ, изъ этого числа 20 человѣкъ предполагалось воспитывать, согласно проекту, безденежно, а 30—за самую умѣренную плату, по 15 коп. въ день съ человѣка; въ собраніи, принявшемъ это постановленіе, было, сравнительно, немного дворянъ, но губернаторъ удостовѣрялъ, что впослѣдствіи ни отъ кого не было получено заявленія о несогласіи съ этимъ постановленіемъ; министръ внутреннихъ дѣлъ раздѣлялъ его взглядъ. Комитетъ посмотрѣлъ на дѣло иначе: неурожай 1834 г. поставилъ дворянство въ тяжелое положеніе; на упомянутомъ собраніи было только 16 дворянъ, не служащихъ по выборамъ; слѣдовательно, по мнѣнію Комитета, правильнѣе, было отложить рѣшеніе дѣла до обыкновеннаго губернскаго собранія.

Относительно благородныхъ пансіоновъ возникъ вопросъ: допускать ли въ нихъ дѣтей другихъ сословій? Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ число дворянъ-воспитанниковъ оказывалось недостаточнымъ для содержанія пансіоновъ, не смотря на поддержку, получаемую пансіонами отъ дворянства. Поэтому возникло ходатайство о дозволеніи принимать въ благородные пансіоны также дѣтей купцовъ 1-й и 2-й гильдій и дѣтей почетныхъ гражданъ. Комитетъ не далъ дозволенія на это въ видѣ общей мѣры, положивъ, чтобы на каждый такой случай испрашивалось мѣстнымъ начальствомъ согласіе высшаго начальства. Государь согласился на это.

Въ 1831 г. Комитетъ слушалъ представленіе гр. Палена, въ которомъ указывалось на усилившіеся побѣги крестьянъ изъ Подольской губерніи въ Херсонскую, вслѣдствіе того, что помѣщики притѣсняли крестьянъ этихъ за то, что они не принимали участія въ бывшемъ мятежѣ; крестьяне,—объяснялъ гр. Паленъ,—остались рѣшительно вѣрны намъ, ловили мятежниковъ, и теперь между ними и ихъ владѣльцами господствуетъ взаимная ненависть, которую можетъ уничтожить только забвеніе самыхъ событій, чего трудно ожидать безъ помощи особыхъ средствъ, но какія могутъ быть употреблены средства? Прежде генералъ-губернаторы могли установлять опеки, но затѣмъ положеніями Комитета Министровъ и Государственнаго Совѣта было постановлено, чтобы генералъ-губернаторы только предлагали дворянству о составленіи приговоровъ объ учрежденіи опекъ. Паленъ предлагалъ возстановить прежнее право генералъ-губернаторовъ. Государь на этомъ представленіи написалъ: «предложить Комитету Министровъ на сужденіе. Я полагаю дать указъ на имя всѣхъ генералъ-губернаторовъ о томъ, что если дознано ими будетъ, что прощенные помѣщики и даже тѣ, кои явно не изобличены, поступать будутъ притѣснительно со своими крестьянами, то имѣнія немедля брать въ опеку; прощенныхъ отдавать военному суду и имѣнія брать въ казну; другихъ же судить обыкновеннымъ порядкомъ. Разсмотрѣть немедля и представить проектъ указа».

Изъ приведеннаго видно, насколько разнообразна была дѣятельность Комитета Министровъ въ царствованіе императора Николая I, и какъ живо государь интересовался всѣми этими дѣлами.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1902 г.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

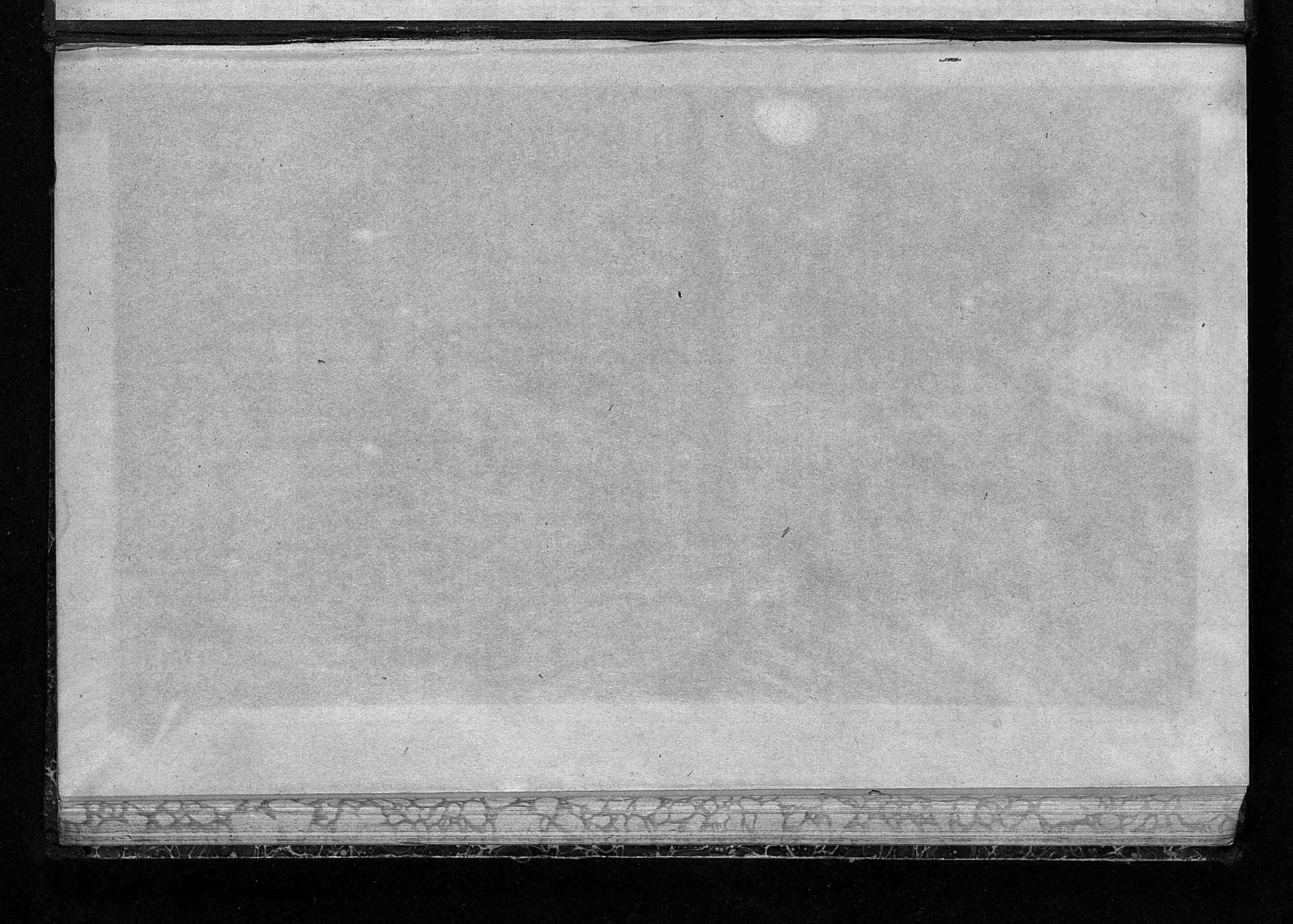
I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1901 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно.**

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.